

Баландинские чтения

2021 Том XVI

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова
Национальный университет архитектуры и строительства Армении
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия Новосибирской области

БАЛАНДИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

сборник статей научных чтений памяти

Сергея Николаевича Баландина

Том XVI

Новосибирск 2021

Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосибирский государственный университет архитектуры дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, 2021. — Т. XVI. — 184 с.

ISBN 978-5-89170-287-5

Ежегодник «Баландинские чтения» учрежден в память об исследователе сибирской архитектуры Сергее Николаевиче Баландине (1930–2004), основателе Музея истории архитектуры Сибири в г. Новосибирске. Издание выходит при партнерстве Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова (НГУАДИ), Института археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ СО РАН), Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Новосибирской области.

В сборнике представлены статьи, посвященные историко-архитектурному наследию Сибири и сопредельных территорий. Авторы затрагивают различные аспекты данной тематики: исторические закономерности развития планировки и застройки поселений, кросс-культурные взаимосвязи в архитектуре и градостроительстве, новые методы в изучении наследия, выявление «забытых» памятников и потенциал их ревалоризации, новые сведения о творческом наследии сибирских архитекторов.

The *Balandin Readings* annals is dedicated to the memory of Sergey Balandin (1930–2004) — a historian of Siberian architecture and a founder of the *Museum of Siberian Architectural History* in the city of Novosibirsk. The issue is published in the partnership of *Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts*, the *Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian branch of Russian Academy of Sciences*, *Novosibirsk Regional Governmental Inspection of Heritage Preservation*.

The annals contain scientific articles concerned with historical and architectural heritage of Siberia and neighboring areas. The authors deal with different aspects of the subject including historical factors of developing of planning structure and architecture of settlement, cross-cultural relations in architecture and urban planning, new methods of studying heritage objects, revealing of forgetmonuments and opportunities for their revalorization, new facts about creative heritage of Siberian architects.

Редакционная коллегия издания:
ответственный редактор А.Е. Гашенко (НГУАДИ)
научные редакторы:
Е.А. Груздева, канд. искусствоведения (НГУАДИ)
Н.П. Журин, канд. архитектуры (НГУАДИ)
А.Ю. Майничева, д-р исторических наук (ИАЭТ СО РАН, НГУАДИ)

ISBN 978-5-89170-287-5

© Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, 2021
© Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2021
© Коллектив авторов, 2021

Содержание

Пути интеграции исторических объектов в пространство населенных пунктов XXI века	4
D. Kertmenjian. Development Priorities of Contemporary Armenian Architecture (A general glance)	4
В.П. Арбатский, В.Ю. Власова. Актуальные аспекты музеефикации фрагментов архитектурной среды Новосибирского Академгородка на примере дома академика М.А. Лаврентьева	9
Г.П. Ведмидь. Охранное зонирование территории святылища Сут Похэль на Сибирских увалах	13
М.А. Гаспарян. Фасади́зм в контексте реконструкции объектов архитектурного наследия	22
И.А. Заварзин, А.В. Наволоцкая. Методы ревитализации исторической застройки	31
L. Kirakosyan. Preservation of Archeological Sites in Armenia	39
История зодчества Сибири и сопредельных территорий с древнейших времён до нового времени	46
Е.П. Загваздин. Пожар: стихийное бедствие в фокусе археологии	46
А.А. Люцидарская. Организация пространства в сибирских городах и близлежащей им округе как знак развития коммуникативной среды. XVII — начало XVIII в.	54
А.Ю. Майничева. Символические аспекты закладки православных церквей	60
И.Р. Соколовский. Колониализм и городская планировка в северном полушарии в XVII века: некоторые наблюдения	66
М.А. Целищева. «Пассаж Фирсова» в Бийске — история крупного общественного здания начала XX века с ярко выраженными элементами модерна	76
М.А. Целищева. «Поликлиника» в Барнауле — история общественного здания переходного периода от конструктивизма к архитектуре советского классицизма	83
Город и деревня на рубеже XIX и XX веков: символические аспекты в историко-архитектурном наследии	91
М.А. Аршакян. Орнаментальное наследие, символизирующее гранат и виноград, в армянской архитектуре и современном прикладном искусстве	91
Е.В. Асалханова. Мотив «бараний рог» и другие стилистические особенности декора деревянной гражданской архитектуры поселка Усть-Ордынский Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области во второй половине XIX — начале XX веков	98
К.Б. Данилова. Трансформация орнамента как средства сохранения идентичности исторической среды города	104
М.А. Рублев. Трансформация крестьянского жилища Кемеровской области в 1900–1930-е годы	111
С.Ю. Слободчиков, Н.Г. Харитонова. Предметный мир сибирского горожанина в 30–50-е годы XX века (на примере Енисейска)	117
Архитектурно-градостроительная практика советского времени	126
И.И. Атапин. Сибирский период деятельности архитектора М.В. Рейшера	126
И.А. Казусь. Неизвестная постройка М.Я. Гинзбурга: здание холодильника Госрыбсиндиката в Нижнем Новгороде (1927–1928)	135
И.С. Келина. История Бердского Дома отдыха ВЦСПС в фотографиях и документах	153
А.Е. Сорокин. Архитектура постконструктивизма в Новокузнецке	159
К.А. Голодяев. Цирковые сооружения и их деятельность в городе Новосибирске с начала XX века до 1970-х годов	169
Сведения об авторах	182

**Пути интеграции исторических объектов
в пространство населенных пунктов XXI века**

Methods of integrating historical objects into the space of settlements of the XXI century

DOI: 10.37909/978-5-89170-287-5-2021-1001

УДК: 72.03

D.G. Kertmenjian
National University of Architecture and Construction of Armenia
V. Teryan Street, 105, Yerevan, Armenia, 374009
dakertmenjian@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9714-3256>

Development Priorities of Contemporary Armenian Architecture (A general glance)

Abstract

The Architecture of Independence period in Armenia is the post-soviet architecture decades which began from 1991 and still continuing until now. The study and the general systematization of the period is not performed yet which is in the role of State-of-the-Art for this study. In the article presented main leading priorities of the period. Briefly described the current conditions and situation in Armenia including: landscape and town-planning alterations, earth quake zone problems of 1988 Spitak disaster happened, church building activities held which were related to 1700 proclamation Christianity as a state religion in Armenia, as well as new architectural activities performed etc. Main problem of the article is the generalization of the carried out Architectural activities in Armenia. Objectives are redefinition of architectural fields revitalized in the country, as well as listing of the buildings and complexes newly constructed. Methodology of the research is qualitative analysis of the complexes and individual buildings under the light of world and local architectural developments.

Keywords: Modern Armenian Architecture, period of independence, town-planning, building types, composition

Д.Г. Кертменджян
Национальный университет архитектуры и строительства Армении
dakertmenjian@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9714-3256>

**Приоритетные направления развития современной армянской архитектуры
(общий обзор)**

Аннотация

Архитектуру периода независимости можно охарактеризовать как архитектуру Армении постсоветского периода, начиная с 1991 года и до наших дней. Изучение и научная систематизация данного направления пока не проводились, что, на данный момент достаточно актуально.

В статье представлены основные приоритеты архитектуры постсоветского периода Армении, современное состояние, включительно: ландшафтные и градостроительные изменения, проблемные сейсмоактивные зоны после землетрясения в Спитаке 1988 года, активизация возведения церковных зданий в рамках программы 1700-летия принятия Арменией Христианства как государственной религии, а также новые архитектурные проекты и решения и т. д.

Цель статьи является систематизация данных и деятельности в сфере архитектуры в Армении. Научные задачи работы включают определение ревитализированных архитектурных направлений, а также составление списка новых зданий и комплексов. Методологией исследования является качественный анализ комплексов и отдельных зданий в контексте локальных и мировых тенденций развития архитектуры.

Ключевые слова: современная армянская архитектура, период независимости, градостроительство, типы зданий, композиция

Introduction. The Armenian Architecture in the years of independence is the building activity held next to the dissolution of Soviet Union. Being a matter of contemporary architecture, however, there are few publications done in academic content [see about the matter for more detail in the references 8 and 9]. The Armenian architecture of the years 1991 and after, has not been updated in a methodical way, that so the research of modern Armenian architecture remains incomplete yet. The last officially published studies about modern period (i.e. Soviet Armenian Architecture) include the books of: A.G. Grigorian's and M.Z. Tovmasyan's "Architecture of the Soviet Armenia" (1985) [5], as well as K. Balyan's "The Modern National Architecture of Armenia" (1987) [2]. After the mentioned books there are many articles about the subject and not more. This means that for almost over 30 years there has not any book published about the matter, today it is urgent to accomplish the studies which include the documentation of new architectural activities done. It is very important to review the existing new activities, as well as observe the situation of the architectural undertakings performed. In the years 2016-2018, the author of the presented article gained a State Scientific Grant about the "Architecture from independence period of Armenia", so published several articles, some of which as an auxiliary matter are reflected in the references of this study. The presented article is the first generalization of the subject in English language. Main question of the study is the systematization of the corresponding buildings, appreciation of them in the light of current regional and international parallels. Objectives of the study are: the scope of historical, theoretical and practical main circumstances, documentation of city-Planning developments, decision making about the effectiveness of newly added infrastructures and preservation of the architectural tradition etc. The adopted research method is the qualitative analysis, including the priorities of the time, their typological listing and stylistic trends. Should be noted also that because of radical changes in health facilities and factories, the listing of them are foreseen for separate studies.

Considering the results and discussion, it should be mentioned that there are too many problems of discussion accumulated within the decades passed. Regarding the limitation allowed by an article, hereby the study will concentrate on 3 most important following topics of the matter only.

1. The leading reasons of the architectural practice in Armenia from the Independence Period. However, the XX century was a dramatic period in World Architecture context. No any historical period created such variety, as well as registered such dynamic

intellectual and pragmatic progress yet. Indeed Architecture achieved highest levels of civilization which include Hi-Tec instances, Post Modern, DEconstructivism, Sustainable and Green architecture, Morphogenetic and other architectural trends [see references 16, pp. 105–116, 139–160, 163–172; 17, 69–105, 172–198, 202–223, 284–301; 18, 146–161; 19 as general]. These were the means which helped to overcome the limitations created by the developments of Modernism from the beginning XX century, International Style and futuristic ideas [7, p. 51]. This situation was true for CIS countries and Armenia too [compare with: 6, pp. 611–643]. In Armenia, actually the main problem of the time was the search for new stylistic trends in architecture. Despite unfavorable conditions, such as the Spitak Earthquake of 1988, the dissolution of Soviet Union, the conflict of Karabakh, the economic blockade and the mass immigration, the development impetus not stopped. Particular development directions declared:

1. the reconstruction of Earthquake Zone and exploration of new seismic design undertakings;
2. church building activities related to the 1700 anniversary of proclamation Christianity as a state religion in Armenia;
3. the development of urbanization programs for the new social conditions;
4. the provision of sustainable architecture principles and keep the step with world architectural progress, such as advanced technologies, preservation of tradition etc.

2. Landscape architecture revisions and new town planning undertakings. The landscape problems were mainly conducted ecology and resupply of green spaces lost within the transitional decade, extending until the year 2000. Such are the rehabilitation of the cascade area, urban parks associated by certain quarters, "Dalma Gardens" area etc. In this category possible to include the peripheral parks and specially the parks associated by the territories of historical monuments and memorial complexes, such as the 1915 Genocide ensemble, the "Yerablur" cemeteries of Karabakh victims etc.

Despite of financial limitations of the period, undertook some important town planning revisions too. Except for the earthquake zone rehabilitation activities, started great projects such as the North-South Highway passing throughout the country, the construction of urban transportation new infrastructures, as well as the construction of individual bridges and communication towers etc. These were in connection to regional planning projects and master plan revisions of different cities including the capital Yerevan. Very urgent were the rezoning of the cities into a decentralized system of quarters. Since the existing green belt of Yerevan intensively converted into a series

of illegally created new zones of entertainment, promoted new amusement centers adjacent to the city's individual quarters and some others located at the vicinity or the skirts of the cities. In this regards, among essential undertakings are the creation of new squares, such as the New Municipality or Myasnikyan Square and the reconstruction of Shahumyan square in Yerevan, the Central Square of Spitak, the rehabilitation of neighboring 2 squares at the center of Gyumri, the Renaissance Square at Stepanakert etc. Beside the squares and according to 1924 Master plan of Yerevan, laid the ground to new promenades at the central area of Yerevan, such as the Northern and Main avenues, the Cascade ensemble, 2800 anniversary park and another safe way beside the Dramatic theatre of the city [for more details see at reference 14]. All the mentioned projects are notable programs in contemporary Armenian architecture [for more details see reference 9, pp. 10–17]. In this concern, it is important to notice that the international parallels of the focused case are usually solved in behalf of sustainable architecture modifications [see reference 3 as general, 4, pp. 134–163]. However such are the instances of Minneapolis Tribunal plaza, Hnagua Solid square, Girona's Plasa del la Constitutions, Plaza Berri in Canada, Cambridge's Tanner Fountain and Plaza de Olite at Navarra etc. Meanwhile the squares and the promenades created in Yerevan, Spitak, Gumri, Goris and Stepanakert are of urban reconstruction mode, in addition being sustainable alterations.

3. The listing and documentation of newly built facilities and complexes. As it is used in the studies of contemporary architecture, that so in the listing of contemporary buildings of Armenian architecture too, beside above mentioned particular interests, included several types of buildings, the most essential of them are the transportation facilities [4, pp. 24, 48, 68, 90 etc.].

a. The Earthquake zone and its building activities. These are the premier projects. Performed in contemporary architecture of Armenia. Most important projects performed are: the newly construction of Spitak city, as well as the rehabilitation of ruined quarters in Gyumri and the addition of 3 neighborhoods named "Mush", "Ani" and "Marmashen". Herby, the regenerated examples of individual buildings and complexes are too much. In addition to the local efforts, there are projects carried out by other countries too, such as 15 rehabilitation centers and hospitals, 10 schools and other education establishments, 5 entire villages etc. [1].

b. Church building activities and memorials. Are mainly paid to enrich the national fond of the places for worship which was stopped in the Soviet years. It was critical the update of the tradition existed once. However

very important was the creation of large capacity churches because of population increase over centuries. Such examples of the case are: the new cathedral of Yerevan, the St. Gregory Illuminator portal of the Holy See and the Open Altar church beside it, the new Baptistery of Holy Ejmiatsin and others. Among many new churches attractive are the new morphologies carried out by architect B. Arzumanyan, such as St. Sargis, Holy Trinity, St Resurrection churches from Yerevan and specially St James Cathedral of Gyumri etc. Important to mention the new stylistic manners created in the context of traditional Armenian Church architecture, such as national expressionism, national romanticism, tempered modernism etc. Due to mention that within the framework of the independence period and by the occasion of the 1700 proclamation of Christianity state religion has been built more than 200 churches of different capacities, revitalized the sculptural activities of Khackar (Cross- stone) performing art and interior wall painting instances etc. [For more details see reference 10].

c. New buildings created as a result of urban sprawl. As it is mentioned transport facilities and their urban planning accommodation are of main priorities for contemporary architecture as general. The case particularly concerns the regeneration of the airports, train and metro stations, network of highways and bridges, squares and promenades etc. In contemporary practice of Armenia the promotion of such buildings was a very sensitive case. The main is the regeneration of Zvartnots Airport by a new terminal built in the year 1998. The new Hi Tech complex not only was to be in harmony with neighboring former 2 airport buildings, one is from 1970-ies of reinforced concrete modernization style, the other from 1950-ies of neo-classical style. But it was also urgent to handle 100.000 tons of cargo annually. All the story is that Armenia entered the World Trade Organization system which required the enlargement of world transport means. Consequently it was urgent to increase the capacities of town planning infrastructures, such as the street width, creation of new squares, reconstruction of the fatigue points of the transportation network, construction of new bridges and other services. Actually this was the background of globalization in minimum requirements adapted in transport infrastructures of Armenia. This was the reason for building a new airport in Stepanakert from the year 2010, as well as the reconstruction of central railway stations in Gyumri and Yerevan etc. Very important are the constructions of subterranean road making projects held at many crossings in Yerevan, at the area of State University, the Youth Palace, and Metro Barekamutyun etc. Another notable project of the considered buildings is the "Tatev" ropeway which is a Guinness World Record holder with a

total stretch of 5752 m, built in the year 2010 [20].

However the world examples of the above studied case are combining different transport facilities with each other in one agglomeration, such as the airport or the stations of different types into the country transportation network [compare with 4, pp. 22–109]. Actually such undertakings are far from accessible in Armenia yet. Hereby the interests are towards enlargement of the existing Metropolitan network which is associated with certain trade centers, malls and other complexes of city indication. In this concern it is possible to mention the association of Metro stations with malls and underground commercial market places in Yerevan, such as the Metropolitan stations of "Russia" and "Barekamutyun".

d. Newly built or regenerated residential, public, industrial and memorial buildings and complexes. It is a fact that the XX century witnessed technically distinguished advanced architectural developments. Such activities are very often in World Architecture of today, as well as they are present in contemporary Armenian architecture too conducting the following building types.

I. Cultural Facilities. The last decades witnessed the flourish of many cultural facilities, the majority of which have become the symbols of tourism attractions. The flow of visitors to museums, cultural centers and art galleries, libraries are common habits today. Such instances in contemporary architecture of Armenia include the following buildings.

a. The Museumsof different types, such as the Gafeschyan Art museum area [in more details see the reference 9, p. 19], the regeneration of Matenadaran and the museum of Great composer Komitas, the museum of Charles Aznavour, the museum of Edward Isabekyan, the Genocide museum, and so many others. They are the highlights of contemporary architecture in Yerevan, either as cultural identities and bearers of modern sustainable concepts of Green architecture.

b. Halls, showrooms and sport facilities, include the regenerations of Sportive and Concert hall in Yerevan, State Opera House, and Academic Theatre named after Gabriel Soundukyan, Cinemas: "Moscow" and "Nairi", the construction of TV stations including many halls, such as "Armenia", "Shant", "Central", "H-2", the reconstruction of Republican Stadium and Velotrek in Yerevan, The Military Academy and its sportive facilities etc. All are performed in a contemporary sense of architectural concepts.

II. Schools and universities with their auxiliary facilities, scientific research centers. Such buildings are: the AUA new expansion, the international school-camp in Dilijan, the senior school called "AYB", the "Virage Logic" American concern in Yerevan, the "Amicus" laboratories,

"Tumo" centers for Graphical Arts, many "technoparks" and the Military Academy complex etc. Actually the examples are too many, hereby listed by few instances.

III. Shopping Malls and other commercial facilities, hotels. Such buildings are: "Tashir" universal magazine, the reconstructions of "Mankakan Ashkharh" and "Ayrarat" universal magazines, the malls of "Yerevan", "Dalma", "Abovyan", "Mega Mall", "Vega Mall", "Rio Mall" etc. Beside there are many commercial networks of following supermarkets: "Terranova", "SAS", "City", "Moskvichka" etc. The amusement centers and attractions are of special interest for the flourishing tourism in the country. Such are the complexes of "Sayat Nova", the "Water Complex", "Shangrilla", "Venition" etc., Attractive are the restaurants including: "Bellagio", "Gandzasar", "Renaissance", "Caucasus", "Pharaoh" complex in Kotayk region etc.[for more details see references 11].

Hotel buildings have their local rich tradition in Armenia. Any case, the period of independence required its special features. Prevailing examples of hotels and resorts were inherited by certain regenerations, but also created new hotel complexes. Among newly built hotels attractive are; The "Caucasus" complex on Yerevan-Ashtarak Highway, the "Ararat" resort complex in Tsakhkadzor, "Hyatt Regency" of Jermuk, from Yerevan are: "Radisson BLU", "Double tree Hilton", "Ibis", "Alexander", "Nord" etc. The new among hotel buildings are the network of "Tufenkyan" ethnographic complexes in different parts of Armenia [for details see reference 12].

IV. Public buildings, institutions and offices, banks, etc. Such buildings are public bodies, public service buildings, governmental buildings and else. In reality the independent Armenia depicted many new embassies which did not exist in Soviet years. Architecturally attractive examples of such buildings are Embassies and consulate buildings of the UK, USA, China, Italy, Thailand, Uruguay, France, India, Brazil and others. Instances of office buildings are on behalf of many institutions, such as the American University Business center in Yerevan, newly built City halls, such as the New Municipality, as well as 3-rd and 4th governmental buildings, courts and city halls in different types. Banks as usual replaced the system of multifunctional compounds. Distinguished examples are the reconstruction of the Central bank, as well as the central headquarter of Ameria bank, and its branch located at the Shahumyan square.

V. Residential Architecture is of fundamental significance, inasmuch as it refers to the evaluation of modern way of life. Hereby preferred residential buildings in Armenia are of following types: multifamily urban homes, multifamily suburban homes, hotels and residences, semidetached and row houses, single

family suburban homes, single family country homes etc. Because of the quantity the buildings are not specified, but should be mentioned that the distinguished new residential Architecture of this period are the individual private houses, such as Vahagnavan neighborhood, as well as high-rise apartments having social services included [for details see references 13 and 15].

VI. Multifunctional and mixed use complexes. This type of buildings is dictated by the contemporary needs of life. Although they are in rare examples yet, but sure are perspectives regarding their suitability for the economic conditions of small countries such as Armenia. Fine enough built examples of the type are: "Renco", "Advanced development", "Unitrans International", "Jermuk" resort and other many buildings etc.

Conclusion. According to the study carried out, there are 5 priorities in Armenian Architecture from the Independence period. They are as follows.

1. Landscape studies and sustainability priority, is on behalf of Shahumyan square rehabilitation performed, as well as the reconstruction of city promenades conceived according to General plan 1924 of Yerevan by Alexander Tamanian.

2. New town-planning attitudes of organization and reconstruction city communication means of infrastructure priorities, such as new bridges located outside and inside the cities, as well as reconstruction of fatigue areas of roadmaking.

3. Reconstruction and revitalization of public squares priorities are in behalf of Yerevan Myasnikyan square, as well as Shahumyan Square, Spitak city's square, the Renaissance Square in Stepanakert, reconstruction and modernization of Gyumri central squares etc.

4. Restudy of the seismic design codex priorities, are in behalf of the Earthquake zone lessons from Shirak area.

5. Problems of image in architecture and discussions of stylistic priorities are in traditionalism concept and new trends of historicism in architecture, either in new residential high rise complexes, constructed public malls instances, corporal and administrative buildings etc.

References

1. Armenpress, "From disaster to development: 30 years passed since Spitak earthquake", 2018. Link: <https://armenpress.am/eng/news/957226.htm>.

2. Бальян К.В. (Balyan K.V.), Современная Национальная Архитектура Армении, Ереван "Айастан" 1987. 186 p. (In Russ.)

3. Cerver F.A., Architectural Promenade, Whitney, 1998. 192p.

4. Cerver F.A., The world of contemporary architecture, h.f.Ullmann, 2005/2007. 999p.

5. Григорян А.Г. и Товмасын М.Л., (Grigorian A.G., Tovmasyan M.L.), Архитектура Советской Армении, Москва, Стройиздат, 1986. 317p. (In Russ.)

6. Иконников А. В. (Ikonnikov A.V.), Архитектура XX века, Издание в двух томах, том II, Прогресс-традиция, 2002. 670p. (In Russ.)

7. Jencks Ch., the New Paradigm in Architecture, Yale University Press, 2002. 279p.

8. Jodidio Ph., Architecture Now 6, Taschen, 2009. 572p.

9. Kertmenjian D., "Armenian Architecture in the years of Independence", "Problems of Armenian Art" periodical, Yerevan, 2010, N3, NASc.R.A. pp. 197–210. (In Armenian).

10. Զերթմենյան (Kertmenjian D.), "The Architecture of Independence", "Architecture & Construction" monthly, Yerevan, 2016 (1), N 9–10 (127–128). Pp. 4–38. (In Armenian).

11. Kertmenjian D., Armenian Church Architecture in 21st century, Review of Armenian Studies, Yerevan 2016 (2), N2, pp. 241–252.

12. Զերթմենյան (Kertmenjian D.), Malls and trade buildings in Yerevan from the period of independence, Annual of Fine Art Academy 2017 (1), pp. 28–46. (In Armenian).

13. Kertmenjian D., Armenian Architecture of Independence period: General glance on hotels and centers for touristic entertainment, Review of Armenian Studies, 2017 (2), N 2, pp. 224–239.

14. Զերթմենյան (Kertmenjian D.), Residential architecture in Armenia from the period of Intendance, Kantegh periodical 4(73), Yerevan, 2017 (3), pp. 272–286 (In Armenian).

15. Kertmenjian D., The promenade in Contemporary Architecture of Yerevan, Proceedings of 11th International Conference Contemporary problems of Architecture & Construction, Yerevan, 2019 (1), pp. 61–69.

16. Զերթմենյան (Kertmenjian D.), Yerevan Walk, "Architecture & Construction" monthly, Yerevan, 2019 (2), N 5–6 (159–161). Pp. 34–51. (In Armenian).

17. Орельская О.В. (Orelskaya O.V.), Современная зарубежная архитектура, Москва, Издательский центр "Академия" 2006. 265p. (In Russ.)

18. Steel J., Architecture today, Phaidon Press, 1997. 512p.

19. Wines J., Green Architecture, Taschen, 2000. 240p.

20. Link: en.wikipedia.org Wings of Tatev .

В.П. Арбатский
В.Ю. Власова
Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова
1647592@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8748-8322>

Актуальные аспекты музеефикации фрагментов архитектурной среды Новосибирского Академгородка на примере дома академика М.А. Лаврентьева

Аннотация

Рассматриваются варианты пространственного развития Новосибирского Академгородка в рамках перспективной программы. Исследуются актуальные аспекты сохранения фрагментов архитектурно-ландшафтной среды верхней зоны научного центра посредством их музеефикации. Формулируются определение средовой музеефикации, ее цели и задачи. На примере концептуального проекта дома-музея академика М.А. Лаврентьева выявляются методические подходы средового дизайна и принципы музеефикации.

Ключевые слова: Пространственное развитие Академгородка, инерционный сценарий, музеефикация фрагментов архитектурно-ландшафтной среды, методы средового дизайн

V. Arbatsky
V. Vlasova
Kryachkov Novosibirsk State University
of Architecture, Design and Arts, NSUADA
Krasniy prospekt, 38, Novosibirsk, Russia, 630004
1647592@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8748-8322>

Actual aspects of museumification fragments of the architectural environment of the Novosibirsk Akademgorodok on the example of the Lavrentiev House

Abstract

Variants of the spatial development of the Novosibirsk Akademgorodok within the framework of the renovation program are considered.

The current aspects of preserving fragments of the architectural and landscape environment in the upper zone of the scientific center through their museumification are investigated.

The definition of environmental museumification, its goals and objectives are formulated.

Methodological approaches to environmental design and the principles of museumification are identified on the example of the conceptual project of the house-museum of academician M.A. Lavrentev.

Keywords: Spatial development of Akademgorodok, inertial scenario, museumification of fragments of architectural and landscape environment, methods of environmental design

Пространственная среда верхней зоны Новосибирского Академгородка, созданная в 1958–1968 гг., представляет собой уникальный социокультурный и архитектурно-ландшафтный феномен и является одним из ключевых ресурсов развития научного центра.

Феноменальность первоначальной академической среды, прежде всего, состоит в присущих ей свойствах полноценности и эффективности с точки зрения обеспечения научно-производственной деятельности, достигнутых относительно минималистскими архитектурно-градостроительными средствами, как результат целенаправленной реализации комплексно обоснованной и четко артикулированной

пространственно-средовой концепции.

В общем виде ключевыми аспектами данной концепции являются: выбор местоформирования среды Академгородка с учетом максимально благоприятных фоновых природно-ландшафтных факторов; обеспечение пространственной изоляции и относительной закрытости внутригородской среды; оптимальные параметры пространственной организации (сбалансированное соотношение застроенных кварталов и лесопарков, ограничения по плотности и этажности застройки, компактность структурных связей); определенный количественный и профессиональный состав населения; доминирование

пешеходных коммуникаций в системе внутрисредовых коммуникаций (при минимизации и изолированности интенсивных транспортных потоков).

Все это позволило на историческом этапе создать актуальную и адекватную архитектурно-ландшафтную среду, обладающую комплексом специфических качественных характеристик, таких, как функциональная эффективность, экологичность, статусная презентативность, стилевая идентификация, комфортность (по стандартам того времени), но, вместе с тем, определенными ограничениями, связанными с её преобразованием и развитием.

Важно подчеркнуть, что созданная в недавнем прошлом академическая среда, по целому ряду присущих ей вышеуказанных и иных параметров и свойств, несомненно, относится к креативному типу пространства. При формировании данной типологической категории среды целевыми приоритетами является обеспечение необходимых условий, стимулирующих генерирование новых фундаментальных и прикладных научных знаний, открытий, изобретений в комплексе с учебно-образовательным процессом.

Прежде всего, это связано с созданием соответствующей полноценной среды для интенсивного сосредоточенного, в том числе единенного интеллектуального труда.

В этом заключается принципиальное отличие научной среды креативного характера, например, от среды преимущественно «менеджерского» типа, ориентированной, в основном, на коммуникации и мобильность.

Касаясь темы пространственно-средового развития Академгородка, следует отметить, что в исторической ретроспективе достаточно отчетливо выделяются два этапа: 1958–2010 г.г. и 2010г.– по настоящее время, существенно различающихся характером процессов преобразования, параметрами и качественным состоянием формируемой среды.

В последнее десятилетие, судя по совокупности наблюдаемых фактов и событий, вектор ее формирования смещается в сторону все более радикальной трансформации.

Это проявляется, в том числе, во всевозрастающем масштабе нового строительства преимущественно высотных объектов и повышении плотности застроенной среды непосредственно в границах верхней зоны, чрезмерной интенсификации автотранспортных потоков, возрастании антропогенной нагрузки на ландшафтную экосистему, а также увеличении количественного состава и изменении социально-профессиональной структуры населения. По-сути, происходящие процессы вступают в противоречие с концепцией стратегического развития Академгородка, реализуемой на первом этапе до 2010 года.

Очевидно, что в результате сохранения существующих тенденций становится вероятным ускоренное инверсионное переформатирование исторически сложившейся типологии академической среды и, как следствие, утрата ее идентичности и особо ценных, присущих ей качественных характеристик.

В складывающейся ситуации характер и темпы происходящих процессов в значительной степени определяются в зависимости от выбора концепции перспективного развития, принятой в качестве основополагающей в рамках реализации региональной программы «Новосибирский Академгородок — 2,0» [1].

Ситуационный анализ позволяет выявить три принципиально возможных варианта сценария развития архитектурно-пространственной среды научного центра в целом и его центрального ядра.

Первый вариант — инерционный, смысл которого заключается в расширении границ существующего пространственного модуля верхней зоны (2,0×2,0 км) в восточном направлении, посредством привязки к нему дополнительных функциональных комплексов с использованием существующей инфраструктуры.

Данный вариант реализуется в настоящее время де-факто, например, в виде размещения объектов технопарка.

Второй вариант — автономный, предусматривающий формирование нового, относительно самостоятельного комплекса НИИ, обслуживающих и жилых объектов на прилегающих территориях, а также создание собственной, отдельно функционирующей транспортной системы с подключением ее к строящемуся Восточному объезду, — в соответствии с положениями действующего Генерального плана развития города Новосибирска [2].

Третий вариант — комбинированный, сочетающий в той или иной степени концептуальные подходы вышеприведенных сценарных планов.

Принимая во внимание неопределенность ситуации, на текущий момент спрогнозировать вариант перспективного пространственного развития научного центра не представляется возможным.

Вместе с тем, с учетом существующих тенденций, по совокупности влияющих факторов, на наш взгляд наиболее вероятным является инерционный сценарий, по крайней мере, на ближайшее будущее.

Важно отметить, что именно в рамках реализации данного сценария неизбежно будут возрастать негативные последствия средовой трансформации и, соответственно,

риски в отношении сохранности среды верхней зоны Академгородка как объекта культурного наследия, имеющего статус достопримечательного места [3].

В случае недостаточной управляемости, а также вследствие отсутствия адекватных защитных мероприятий процессы деградации и инверсии исторически сложившегося контекста могут принять ускоряющийся и необратимый характер.

В связи с этим, актуальной задачей становится защита и сохранение ключевых, наиболее ценных фрагментов пространственной историко-культурной среды научного центра путем их музеефикации.

Под музеефикацией средовых фрагментов понимается комплекс исследовательских и охранно-защитных мероприятий, связанных с фиксацией, регламентацией, реставрацией, рекультивацией средообразующих объектов, а также их соответствующее архитектурно-дизайнерское преобразование с целью создания полноценных условий для осуществления не только презентаций и экспонирования, но, вместе с тем, научной, образовательной и просветительской деятельности.

Следует отметить, что методы средовой музеефикации получили распространение в XX веке в мировой урбанистической культуре, особенно европейских стран и показали свою практическую эффективность и высокий потенциал перспективного развития в сфере сохранения, регенерации, накопления и использования архитектурного наследия. Данные подходы были реализованы преимущественно, применительно к среде центральных частей или старых кварталов исторических городов.

На современном этапе проявляются тенденции расширения сферы музеефикации в отношении разнообразных культурных средовых объектов, включая пространства производственной, образовательной и научной жизнедеятельности человека.

Очевидно, что углубление и целенаправленное осмысление подходов и методов музеефикации архитектурно-пространственной среды выдающихся научных центров, в число которых входит Новосибирский Академгородок, имеет большие исследовательские перспективы и практическое значение.

В качестве первоочередных являются исследования, осуществляемые на кафедре Дизайна архитектурной среды НГУАДИ, ориентированные на идентификацию и создание реестра средовых фрагментов с целью их музеефикации (в состав которых входят, в том числе, комплексы НИИ, НГУ и их окружающая среда, особо значимые объекты общественного, рекреационного и иного назначения), а также концептуальное проектирование на основе методических под-

ходов средового дизайна.

Определенный интерес в данном направлении представляют результаты апробации средовых методов музеефикации в процессе дипломного проектирования на примере дома-музея академика М.А. Лаврентьева (дипломант Власова В.Ю., руководитель Арбатский В.П.).

Цель проекта — разработать альтернативную дизайн-концепцию объекта музеефикации, основываясь на методике пространственно-средового моделирования.

Исходя из поставленной цели и базовой методологии, определены следующие исследовательско-проектные задачи.

1. Провести комплексный анализ рассматриваемого объекта в контексте окружающей среды с установлением состава и границ средообразующих компонентов, включая интерьерные и экстерьерные пространства.

2. В процессе аналитических исследований выявить конфигурацию маршрутно-пешеходной трассы в качестве главной экспозиционной оси, а также зафиксировать местоположение ключевых точек визуального восприятия элементов музеефицируемого пространства.

3. На основе выявленной системы ключевых видовых точек разработать пространственную модель архитектурно-ландшафтной среды музеефицированного типа с последовательным рядом стоп-кадров, фиксирующих сценарий зрительного восприятия экспозиционного пространства.

Специфика проекта состоит в максимизации использования средоформирующих инструментов, направленных на выявление и сохранение характерных особенностей архитектурно-ландшафтной среды, сформировавшейся на протяжении более, чем полувекового исторического периода и воссоздающей атмосферу «духа времени и гения места».

Другим ключевым аспектом проектной модели является формирование целостной системы пешеходных публичных, экспозиционных и рекреационных пространств, функционально и стилистически соответствующих концепции музеефикации средового фрагмента с учетом условий его местоположения.

В данной типологической ситуации функции системообразующих элементов главной композиционной оси музеефицированного фрагмента выполняют открытые пространства, прилегающие к зданию Дома Ученых, пешеходная аллея вдоль улицы Золотодолинской, с местами отдыха и обзорными площадками, входная презентативная зона и далее — пешеходная экскурсионная сеть в структуре участка и интерьеров дома-музея.

В проектно-концептуальных предложениях по формированию интерьерных про-

пространств дома-музея предусматривается наряду с информационно-экспозиционными и репрезентативными холлами и залами создание «зон тишины и сосредоточения» в виде системы специально оборудованных аудиторий и кабинетов для образовательной и научно-творческой деятельности.

Представленная концептуальная проектная модель музеефикации достаточно крупного фрагмента пространственной среды, раскрывающая тематику увековечивания памяти М.А. Лаврентьева в расширенной интерпретации контекста, показывает возможности методов средового дизайна в решении актуальных проблем сохранения образцов культурного наследия Новосибирского Академгородка.

Ретроспективный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. В течение последнего десятилетия, начиная с 2010 года, в структуре исторически сложившейся архитектурно-пространственной среды Новосибирского Академгородка проявились очевидные признаки её типологического преобразования, в том числе в виде нового строительства в границах верхней зоны отдельных объектов жилого, научно-офисного и образовательного назначения, кардинально отличающихся от контекста не только своими параметрами, но, что особенно существенно с точки зрения средообразования — концептуально.

На данной стадии достаточно отчетливо намечились тенденции инверсионного реформирования ранее сложившегося креативного типа академической среды, отражающие иное целеполагание и ныне доминирующие организационно-управленческие подходы в научно-инновационной сфере.

2. На современном этапе с высокой степенью вероятности возможно прогнозировать дальнейшее нарастание вышеобозначенных тенденций, в том числе в процессе реализации принятой целевой программы «Новосибирский Академгородок — 2.0», — вследствие краткосрочных выгод инерционного варианта его развития преимущественно в границах верхней зоны с использованием имеющейся инфраструктуры, по сравнению с относительно затратным и более долгосрочным освоением прилегающих территорий и созданием нового пространственно-средового модуля научного центра.

В связи с этим, крайне важно учитывать вероятные негативные последствия инерционного сценария преобразования среды цен-

трального ядра Академгородка, прежде всего такие, как дальнейшая деградация природно-ландшафтной составляющей и практически полная утрата в ближайшей перспективе её уникальных историко-культурных и архитектурно-средовых качеств.

3. В сложившейся ситуации одним из возможных мероприятий в целях минимизации наиболее крайних последствий радикальной трансформации, на наш взгляд, представляется поэтапная реализация концепции музеефикации особо ценных фрагментов исторически сложившейся научно-производственной и образовательной среды.

Музеефикация достаточно крупных средовых объектов с установлением специальной регламентации использования и преобразования позволит сохранить их в качестве базисных, системообразующих элементов существующего архитектурно-ландшафтного комплекса.

Концептуальный проект формирования дома-музея академика М.А. Лаврентьева в комплексе с прилегающей к нему пространственной средой может стать первоочередным примером развития в данном направлении.

Список литературы

1. Как будет развиваться программа «Академгородок 2.0» в Новосибирске // Российская газета. — 28 июля 2020. — URL: <http://rg.ru/2020/07/28-reg-sibfo>.
2. Новосибирск. Генеральный план развития города 2007–2030 гг. — Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2007. — 320 с.
3. Новосибирский Академгородок включен в реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации // Правительство Новосибирской области. — 30 декабря 2014. — URL: <http://www.nso.ru/2014/12/30/news>

References

1. How will the program «Akademgorodok 2.0» in Novosibirsk develop. // Rossiiskaya Gazeta. — 28 July 2020. — URL: <http://rg.ru/2020/07/28-reg-sibinfo>.
2. Novosibirsk. The general plan for city development 2007-2030. — Novosibirsk: Siberian publishing house, 2007. — p. 320.
3. Novosibirsk Akademgorodok is included in cultural heritage register of Russian Federation. // Government of Novosibirsk oblast. — 30.12.2014. — URL: <http://www.nso.ru/2014/12/30/news>.

Материал передан в редакцию 01.06.2021

DOI: 10.37909/978-5-89170-287-5-2021-1003
УДК: 72.007

Г.П. Ведмидь
АНО «Мультимедийный исторический парк „Моя история“» (г. Сургут)
ул. Мелик-Карамова, 4/4, г. Сургут, Россия, 628403
rmi-snrgut@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3870-5626>

Охранное зонирование территории святилища Сут Похэль на Сибирских увалах

Аннотация

Святилище Сут Похэль — одно из особо почитаемых мест в системе объектов культурного наследия тромаганских хантов. Его сохранение стало актуальным в связи с расширением техногенного ландшафта, вызванным развитием Верхне-Надымского нефтепромысла. Составление проекта зон охраны культового объекта — наиболее действенный способ его сбережения, регламентирующий хозяйственную деятельность и снижающий напряженность во взаимоотношении коренного населения с промышленным субъектом. В публикации представлены этапы изысканий, основные разделы проекта, окончательный вариант планировочного решения зон охраны, а также предложен режим содержания территории.

Ключевые слова: Субарктическая зона, Верхне-Надымское месторождение, ОАО «Сургутнефтегаз», Сибирские Увалы, тромаганские ханты, святилище Сут Похэль, проект зон охраны, архитектурно-планировочное решение

G.P. Vedmid'
Autonomous non-commercial association
"Multimedia Historical Park 'My History'" (Surgut)
Melik-Karamova outside, 4/4, Surgut, Russia, 628403
rmi-snrgut@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3870-5626>

Protection zoning of the Soot Pokhel' sanctuary territory on the Siberian Hills

Abstract

The Soot Pokhel' sanctuary is one of the most revered places in the system of Tromeqan Khanty cultural heritage sites. Its preservation has become topical due to the expansion of the technogenic landscape caused by the development of the Verkhne-Nadym oil field. Protection zones composition for a cult object is the most effective way to save it. Way wich regulates economic activity and reduces tension in the relationship between the aboriginal population and an industrial organization. The publication presents the stages of research, the main sections of the project, the final version of the planning solution of the protection zones, and also a proposed regime for the territory maintaining.

Keywords: Subarctic zone, Verkhne-Nadym oil field, PJSC "Surgutneftegas", Siberian Hills, Tromeqan Khanty, Soot Pokhel' sanctuary, cultural heritage site, project of protection zones, architectural-planning solution

Введение. Статья обращена к мало разработанной теме сохранения культурного наследия — проектно-охранному зонированию этнокультурных территорий. В основу публикации легли результаты изысканий 2005 г., проведенные в Субарктической зоне севера ХМАО — Югры на участке территории, вплотную прилегающей к административной границе ЯНАО.

Целью работ являлось сохранение этнокультурного объекта — святилища Сут Похэль [1] путём составления архитектурно-планировочных ограничений и рекомендаций, обеспечивающих исключение негативного природопреобразующего воздействия как на объект особого почитания, так и на окружающий его ландшафт.

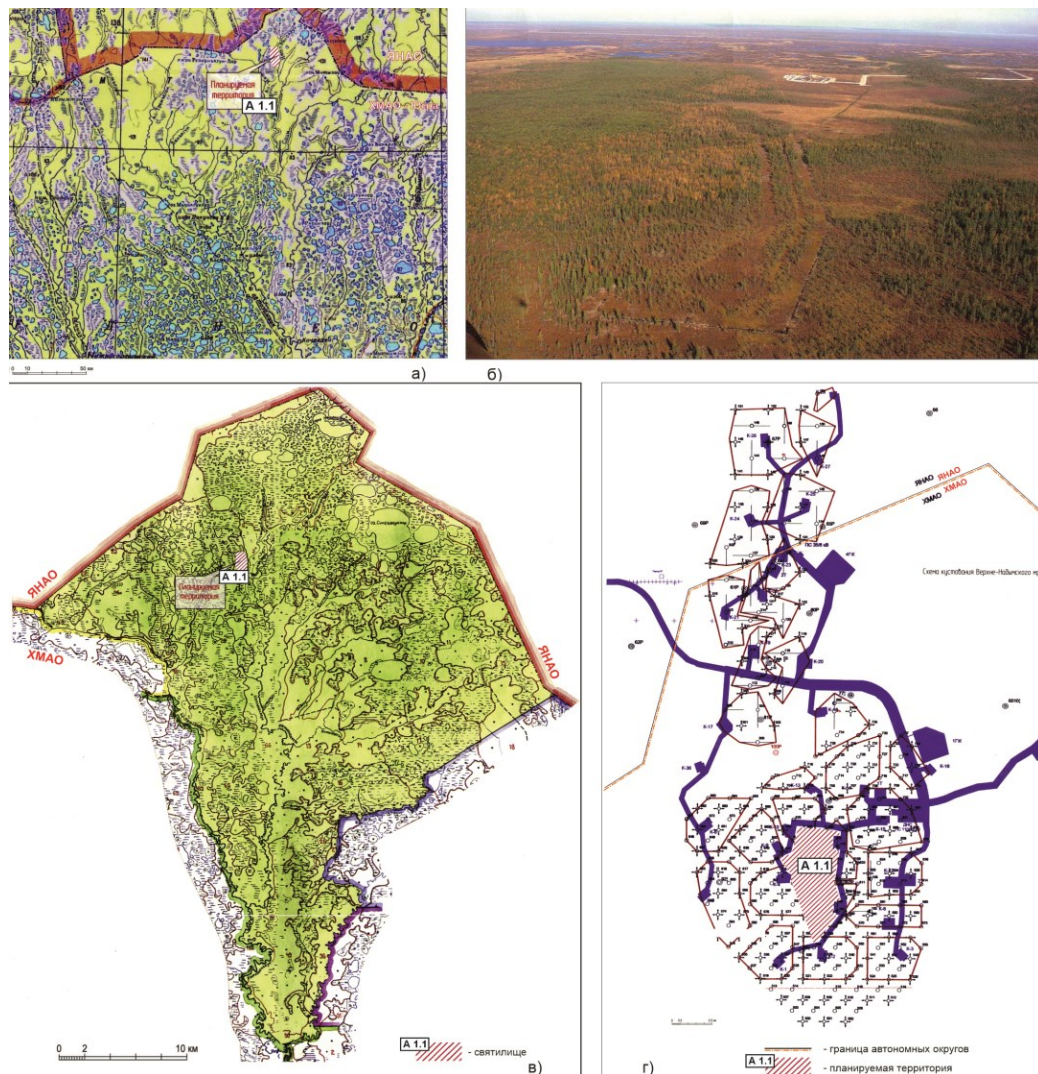
Задачами в рамках заявленной темы выступили камеральные историко-культурные и

натурные исследования территории святилища, а также сбор исходных данных для составления проекта планировки территорий зон охраны. В контексте поставленной цели и решаемого круга задач был выполнен ряд предварительных и проектных работ:

- историко-архивные исследования;
- этнографические полевые изыскания: сбор устной информации, отражающей специфику предмета охраны и условия жизнедеятельности коренного населения;
- осмотр и фотофиксация почитаемой местности, включая строящиеся объекты промышленного обустройства;
- анализ ситуации, сложившейся на планируемом участке в процесс начального этапа освоения месторождения;
- оценка состояния природных комплексов.

Объект и методы. В качестве охраны выступил участок местности, обладающий признаками объекта культурного наследия — святилище Сут Похэль («Точило-камень сопка») с окружающим его ландшафтом. Это священная роща на естественной воз-

вышенности посреди густого лесного массива, представленного древесной растительностью, где доминируют сосново-лиственные (рис. 1б, 2) и кедрово-сосновые лишайниковые леса на подзолисто-иллювиально-гумусовых почвах.

Ил. 1. Святилище Сут Похэль. а) планируемая территория в границах административных округов; б) панорама с юга на обследуемую территорию; в) святилище в границах территории традиционного природопользования № 31; г) планируемая территория в структуре Верхне-Надымского месторождения

Fig. 1. Sut Pohel shrine. а) the planned territory within the boundaries of the administrative districts; б) panorama from the south to the surveyed territory; в) a sanctuary within the boundaries of the territory of traditional nature management No. 31; г) the planned area in the structure of the Verkhne-Nadym field

Месторасположение святилища окружено болотно-озёрным ландшафтом и приурочено к верховью р. Нятлонгаягун левого притока р. Тромаган. По отношению к р. Нятлонгаягун Сут Похэль имеет статус «верхнего» святилища, которое является обителью Кэв лунк — Вонт лунк — «Каменного бога — Таёжного бога».

Площадка, на которой совершаются ритуально-обрядовые действия, находится в северной части святилища (рис. 2а). Здесь зафиксированы приклады-подношения в виде отрезков ткани разной расцветки. Они закреплены на стволах деревьев (рис. 2д, 2д): светлая ткань на берёзах; чёрная — на кедрях и елях; красная — на соснах. Приклады из ткани посвящены, со слов информаторов,

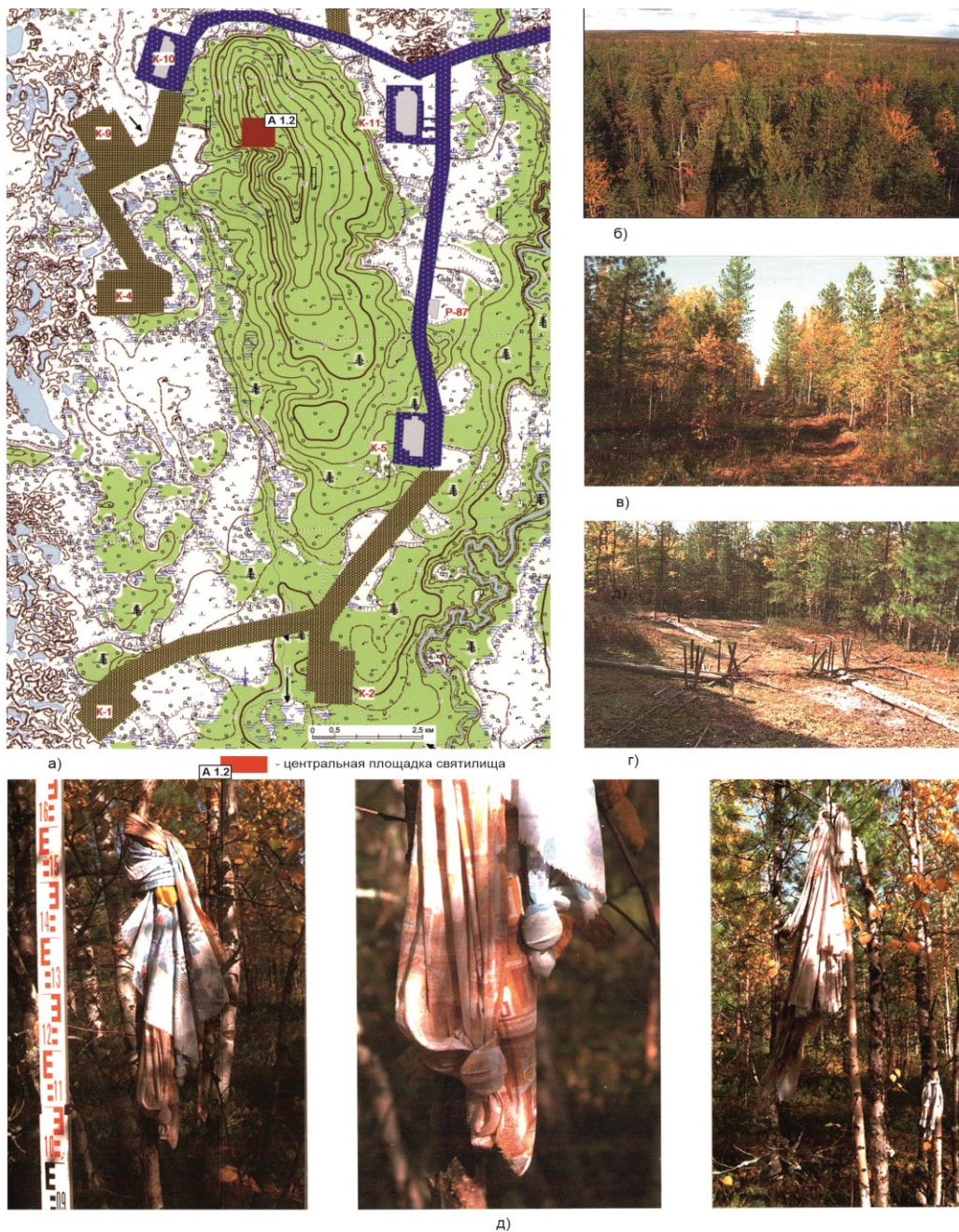
как верховным божествам, так и местным. На вершине одной из берёз видны шкуры и рога жертвенных оленей. Чуть ниже от указанной площадки к юго-западу участка находилось кострище, рядом с которым заготовлена поленица дров. На этом месте, как правило, готовят ритуальную трапезу, и здесь же происходит её принятие.

Святилище Сут Похэль выявлено в северной части Сургутского района (рис. 1а) на территории традиционного природопользования (ТТП) № 31 Русскинской сельской администрации в границах Верхне-Надымского месторождения нефти, освоение которого ведет ОАО «Сургутнефтегаз». Планируемый участок окаймлён на местности естественным

контуром болотно-озёрного массива, акцентируя собой возвышенность, вытянутую в меридиональном направлении. Она раскинулась между рр. Нятлонгаягун левого притока Тромагана и безымянным правым притоком р. Нятлонгаягун на западе.

Северная оконечность угодий семьи Тевлиных, в пределах которых находится святилище, совпадает с административной границей ХМАО — Югры непосредственно примыкая к ЯНАО (рис. 1в, г). Западный отрезок периметра ТТП № 31, начинаясь вблизи устья р. Сойм, проходит по рр. Нятлон-

гаягун, Ай-Нятлонгаягун и его правому безымянному притоку, соприкасаясь в итоге с границей ЯНАО; восточный — от устья р. Сойм следует вдоль этого водотока до среднего его течения, а далее — по направлению к границе с ЯНАО тянется в междуречье рр. Сойм и Онтынгаягун. Наиболее крупные озёра занимают северную часть угодий — это цепь озёр Ай-Нятлонгаягунлор, безымянное озеро на междуречье Ай-нятлонгаягун и Нятлонгаягун, оз. Сингьягунлор и ряд иных многочисленных водоёмов.

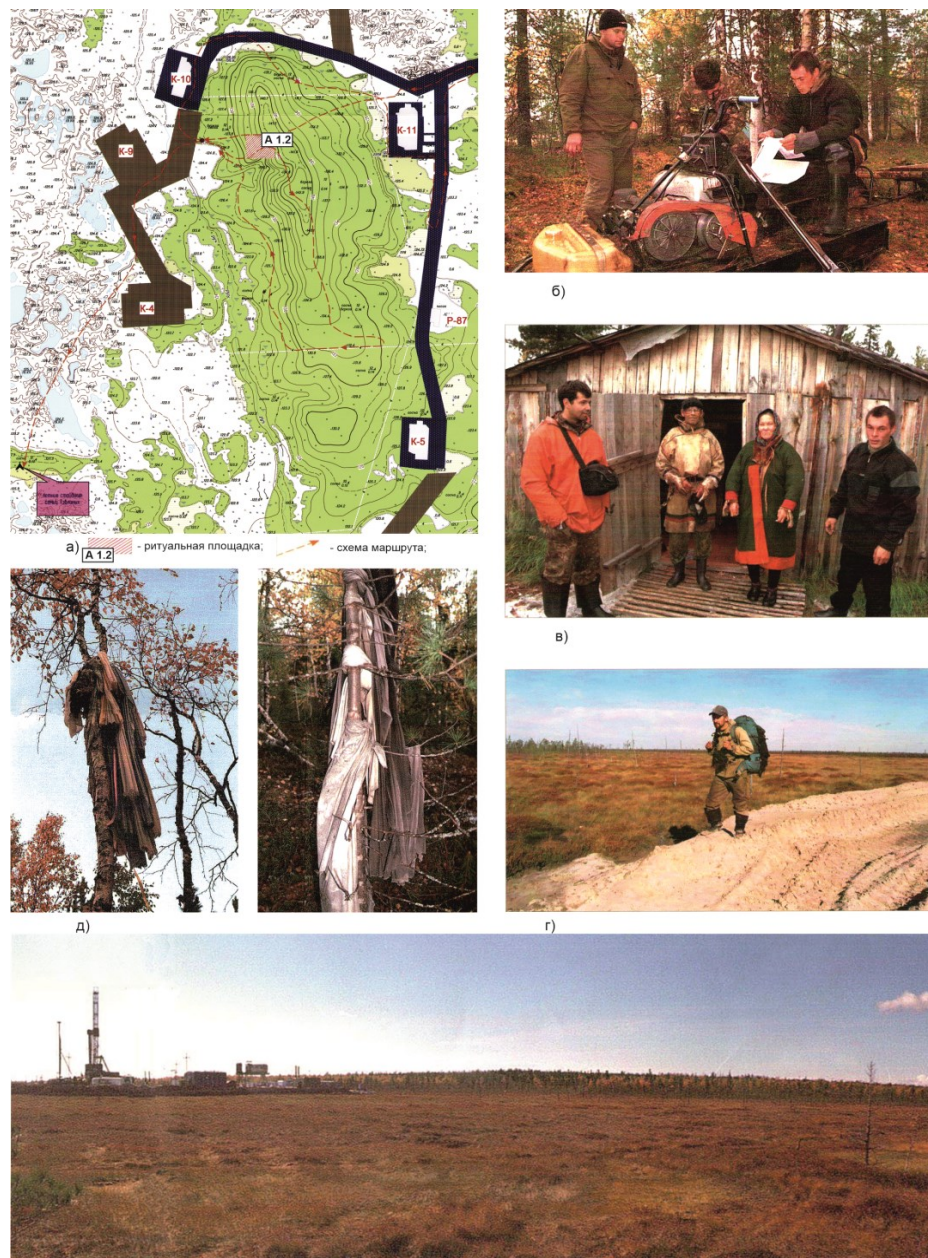
Ил. 2. Святылище Сут Похэль. а) ситуационный план; б) вид с юго-запада на центральную часть святилища; в) сейсмопрофиль на святилище; г) слопцы на боровую дичь в западной части святилища; д) приклады-подношения на ритуальной площадке.

Fig 2. Sut Pohel shrine. а) a situational plan; б) a view from the south-west to the central part of the sanctuary; в) seismic profile at the sanctuary; г) slopes for upland game in the western part of the sanctuary; е) butts-offerings at the ritual site.

В географическом отношении планируемая территория относится к Субарктической зоне Западно-Сибирской равнины южного склона Сибирских Увалов — естественного водораздела бассейнов рек нижнего и среднего течения Оби, а также левобережных притоков рр. Надыма и Пяку-Пура. Согласно физико-географическому районированию участок приурочен к среднетаёжной подзоне, климат которой носит резко-континентальный характер. Рельеф территории равнинный, тип местности — грядово-мочажинный — характеризу-

ется чередованием мерзлотных торфяных гряд и бугров с моховыми покровами. Преобладает высокая заболоченность и заозёрность, распространены обширные массивы торфяников и двухслойные мерзлотные толщи [3].

Методика охранного зонирования предполагает, как минимум, две основные стадии разработки проектно-планировочного решения: первая из них — предварительные изыскания, вторая — подготовка текстового раздела проекта и составление графической его части.

Ил. 3. Святилище Сут Похэль. а) схема натурного обследования территории; б) обследование центральной части святилища; в) на территории родового угодья №31; г) обследование строящихся объектов нефтепромысла; д) приклады-подношения на ритуальной площадке святилища; е) панорама с северо-востока (слева куст-11, в центре на дальнем плане святилища).
Fig 3. Sut Pohel shrine. а) a diagram of a full-scale survey of the territory; б) examination of the central part of the sanctuary; в) on the territory of the ancestral site No. 31; г) inspection of the facilities under construction in the oilfield; д) butts-offerings on the ritual site of the sanctuary; е) panorama from the northeast (bush-11 on the left, in the center in the background of the sanctuary).

Предпроектная стадия касалась решения ряда исследовательских задач: анализа имеющейся проектной документации; натурного обследования территории с прилегающей к ней местностью; этнографических исследований, связанных со сбором информации, отражающей специфику объекта охраны; выполнения топографо-геодезической съемки центральной площадки святилища.

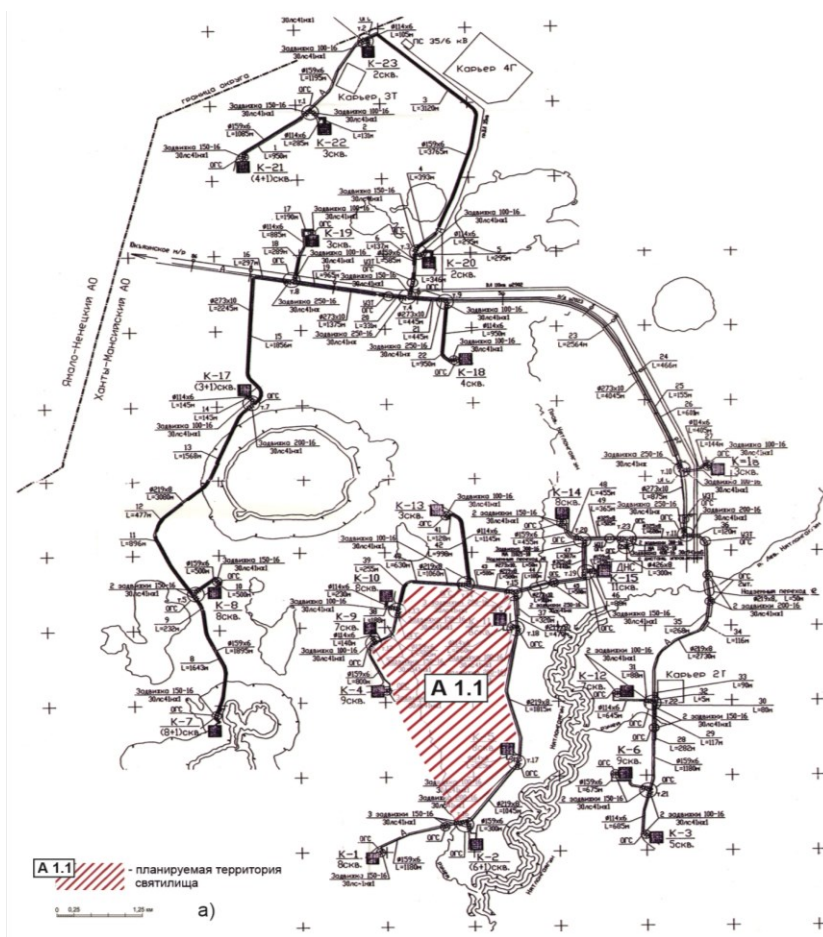
В свою очередь *натурные изыскания* на проектируемом участке местности (рис. 3) проводись также в два этапа:

- 1) маршрутный осмотр культового объекта в ходе выполнения историко-культурной экспертизы участков территории, отводимых под застройку промьбъектов месторождения;
- 2) детальное рекогносцировочное обследование святилища с прилегающими участками местности. Задача последнего этапа состояла в

анализе ситуации, сложившейся в период начального обустройства месторождения, а также в сборе этнографической информации, необходимой для обоснования границ зон охраны.

Работы сопровождалось подробной фотофиксацией, позволившей запечатлеть объект исследования, отобразить его внешний облик и выявленных ритуально-обрядовых атрибутов, отметить фактическое санитарное состояние территории святилища *Сут Похэль*.

Маршрутный осмотр сопредельных участков нефтепромысла касался в частности визуальной оценки кустовой площадки К-11 (рис. 3г, е; 4б; 5б) с подъездными путями к ней. Это был единственный объект, введенный в промышленную эксплуатацию на тот (2005 г.) период времени.

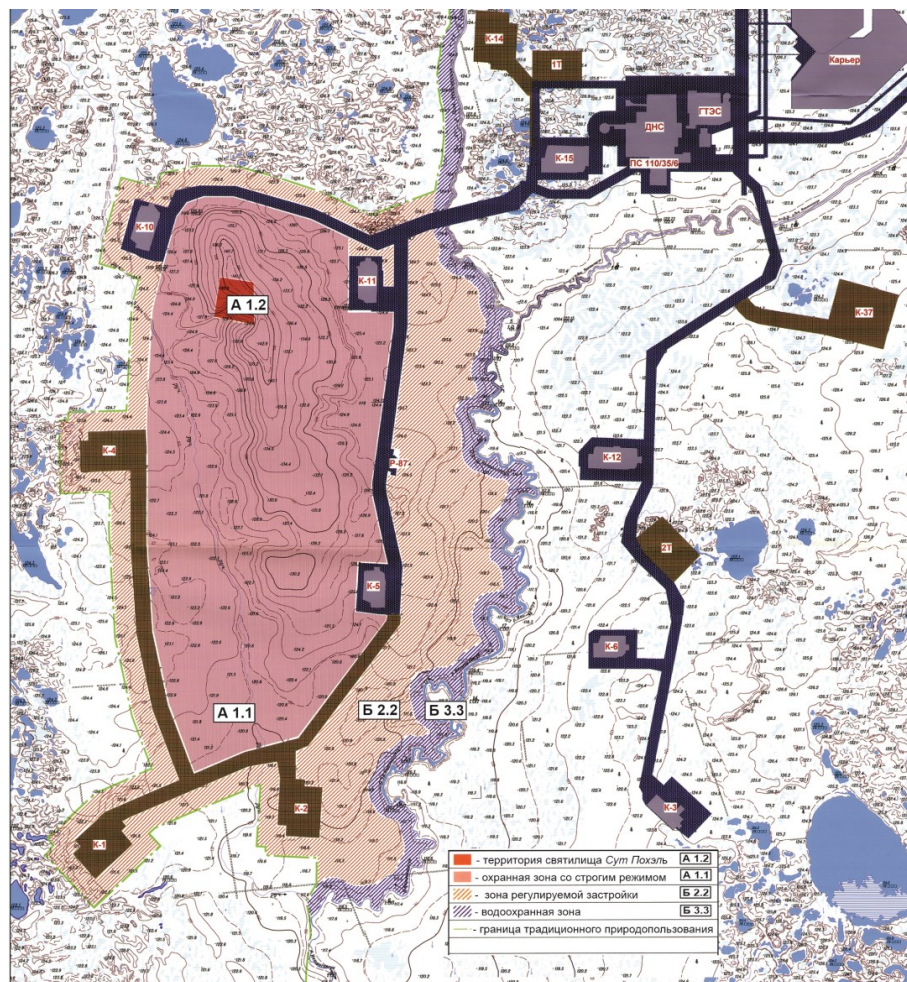

Ил. 4. Святилище Сут Похэль. а) планируемая территория в инфраструктуре Верхне-Надымского месторождения; б) шламовый амбгр кустовой площадки К-11. Вид с юго-востока. Слева на дальнем плане святилище
Fig 4. Sut Pohel shrine. а) the planned territory in the infrastructure of the Verkhne-Nadym field; б) slurry ambergiris of well pad K-11. View from the southeast. On the left in the background is the sanctuary

Раздел видового раскрытия планируемой территории выполнен с учётом разных точек её восприятия: общего вида местности с воздуха; отдельных панорам на уровне земной поверхности; фрагментов детальной фотофиксации ритуально-обрядовых атрибутов; отображение эстетически значимых элементов природного ландшафта. При этом оценка реальной ситуации, сложившейся на участке планируемой территории, составляла главную задачу проводимых работ.

Общее состояние лесного массива, где расположена сакральная часть святилища — среднее. Некоторые из его участков нарушены просеками-сейсмопрофилями. На поверхности видны многочисленные следы тяжелой гусе-

ничной техники, а вдоль северо-западной северной оконечности этнокультурного объекта проложена трасса перетаскивания промышленного оборудования. К северо-западу на удалении 150–200 м от опушки леса расположена кустовая площадка К-11, в сторону которой была отсыпана грунтовая дорога (рис. 5б). Производство работ велось здесь в границах полосы землеотвода под размещение промышленных коммуникаций. Следов от колес техники вне профиля дорожного полотна не зафиксировано. Отмечен лишь факт посещения работающим персоналом территории святилища. В ходе дальнейшей эксплуатации объектов нефтепромысла подобные случаи должны быть исключены.

Ил. 5. Святилище Сут Похэль. а) проектное решение зон охраны святилища; б) вид с северо-востока на кустовую площадку К-11; в) обсуждение проекта с коренным населением (в центре Р.И. Тэвлина)
Fg. 5. Sut Pohel shrine. а) design solution of the sanctuary protection zones; б) view from the north-east to the bush site K-11; в) discussion of the project with the indigenous population (R.I. Tevlina in the center)

Анализ проектной документации. В ходе составления проекта зон охраны святылища, была рассмотрена и проанализирована имеющаяся в наличии проектная документация. С одной стороны, она касалась разделов по обустройству и эксплуатации Верхне-Надымского месторождения [4], а с другой — отражала специфику ведения традиционной хозяйственной деятельности хантов на территории, прилегающей к планируемому участку местности.

В частности, проектная схема нефтегазопроводов, а также схема кустования объектов Верхне-Надымского нефтепромысла (рис. 1г; 4а) наглядно демонстрируют перспективу формирования техногенного ландшафта вокруг месторасположения святылища. Его территория, как видно на проектной схеме, плотно зажата в «клещи» объектов инфраструктуры нефтепромысла. Наряду с этим был рассмотрен комплект проектной документации, касающийся организации оленьих пастбищ на ТТП № 31 [5], где проживает семья Тевлиных. Итоги анализа проектных решений хозяйственного зонирования территории были учтены авторами при разработке охранных мероприятий объекта почитания.

Одна из решаемых задач заключалась в том, чтобы в итоговом планировочном решении зон охраны максимально учесть не только конкретную исследуемую ситуацию на местности, но и по возможности спрогнозировать дальнейшее изменение таковой. Перспектива её предопределена «Проектом обустройства Верхне-Надымского месторождения», а именно введением в эксплуатацию всего комплекса промышленных объектов на их полную мощность.

Сложившаяся техногенная ситуация актуализирует важность сохранения не только сакральной территории, но и мест проживания коренного населения, ведущего традиционное хозяйство. Проблема заключается в том, что условия жизнедеятельности в наши дни кардинально изменились с началом нефтегазового освоения правобережья Оби. Аборигенное население, а это в основном ханты нижнего и среднего течения Тромьегана, вынуждено было уходить из обжитых мест на иные территории, более богатые природными ресурсами и не занятые нефтепромыслами, т. е. в верховья Тромьегана и его притоки. В этих местах свыше 20 лет назад кочевал лишь Покачев Николай Семёнович. Семья же Тевлиных переселилась сюда несколько позже в 1980-х годах со стороны р. Котлунгьягун правого притока р. Энтль-Имиягун. Смена мест обитания коренными жителями обусловлена была тем, что на их исторически сложившиеся угодья, расположенные в окрестностях р. Котлунгьягун, пришла нефтегазодобывающая компания ООО «ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь».

Активное применение технологий добычи углеводородного сырья существенно нарушило основы традиционного хозяйства, годовой цикл которого приурочен к сезон-

ным режимам оленьего стада. При этом рыболовный промысел составляет лишь подсобное значение и производится запорами на р. Няллонгьягун и её притоках, а в летний период ставными сетями на озёрах. Дополнительный рацион питания связан с добычей боровой птицы, охотой на перелётную птицу и лесного зверя, что в совокупности носит сезонный характер. При этом ни один из промыслов не имеет для коренного населения товарного значения.

Таковы основные итоги полевых исследований, нашедшие своё отражение в Проекте сохранения объекта этнокультурного наследия, который составлен с учетом ряда факторов — историко-культурного, природно-ландшафтного, техногенного и градостроительного. Наряду с этим важную методическую особенность планировочной организации территории составил комплексный подход к сохранению культурного наследия. Согласно ему за основную единицу охраны берётся не отдельный объект, в данном случае святылище, а содержащий его ландшафт.

Результаты. Финальной стадией разработки научно-планировочной документации стал «Проект зон охраны территории святылища хантов *Сут Похель* на Верхне-Надымском месторождении нефти в Сургутском районе ХМАО — Югры». Его архитектурно-планировочный замысел зиждется на трех территориально-пространственных компонентах — это *территория святылища* [А 1.2] с зоной охраны [А 1.1], а также *зона регулируемой застройки* со строгим режимом содержания [Б 2.2].

По итогам проведенных проектно-исследовательских работ были составлены следующие текстовые и графические материалы: карта расположения планируемого участка местности в границах ТТП № 31; ситуационный план территории в инфраструктуре Верхне-Надымского мрн (М 1: 25 000); карта-схема натурного обследования территории (М 1: 50 000); схема видового раскрытия планируемой территории и прилегающих участков местности (М 1:50 000); основной чертеж зон охраны святылища Сут Похель (М 1: 10 000); и пояснительная записка к тематическим разделам планировки.

Помимо этого проект был дополнен пакетом учётно-охранной документации, содержащей: учётную карточку на историко-культурный объект — святылище *Сут Похель*; охранное обязательство по недвижимому памятнику культурного наследия; акт технического состояния объекта культуры с определением плана работ по благоустройству его территории; акт об ограничении и запрещении движения транспортных средств. Указанный перечень документов был скомплектован с целью обеспечения сохранности планируемой территории с юридической точки зрения.

Основу режима содержания зон охраны в северной части Верхне-Надымского месторождения составили проектно-планировочные ограничения нефтепромысла

и дополнены рядом технических рекомендаций. Они призваны обеспечить физическую сохранность этнокультурного объекта, а также мест проживания коренного населения. В этой связи, на чертеже архитектурно-планировочного решения (рис. 5а) представлены: территория сакрального места (ритуальная площадка) с охранной зоной вокруг него со строгим режимом содержания; а также зона регулирования застройки. С целью предотвращения несанкционированного посещения работающим персоналом охранной территории, у моста на правом берегу р. Правая Нятлонгаягун предусмотрены установка информационного стенда и шлагбаума.

Зона охраны этнокультурного наследия [А 1.1] — это территория, непосредственно окружающая объект охраны — святилище [А 1.2]. Она предназначена для обеспечения сохранности не только сакрального участка, но и окружающей его природно-ландшафтной среды.

Зона охраны призвана обеспечивать пожарную безопасность, гидрологический режим, чистоту водотоков, а также защищать природно-культурные объекты от техногенных и антропогенных воздействий.

Граница зоны охраны на всем протяжении максимально совмещена с планировочными и природными рубежами: границей лесонасаждений, берегами рек, существующими промышленными объектами и лесными опушками. Почти по всему периметру границы предусмотрена установка ограждений, а также информационных стендов принятого образца с указанием мест их расположения.

Особая роль зоны охраны, помимо обеспечения сохранности территории святилища, состоит в том, что в структуре Верхнее-Надымского месторождения она призвана выполнять дополнительные функции: санитарно-защитную и природоохранную.

На территории зоны охраны объекта [А 1.1] истории и культуры запрещается ведение всех видов хозяйственной деятельности, влекущих за собой природообразующие последствия, то есть причиняющих изменения в исторически сложившемся природном ландшафте. В частности, **запрещается:**

- деятельность, угрожающая снижением или уничтожением экологических и эстетических качеств природным комплексам;
- проезд тяжелой техники, ведение геологоразведочных и поисковых работ;
- устройство трасс перетаскивания промышленного оборудования, как в летний, так и в зимний периоды времени;
- засорение, захламление, загрязнение территории отходами и продуктами хозяйственной деятельности;
- нарушение, изменение ландшафта и почвенного покрова;
- разведение огня, за исключением случаев, касающихся проведения ритуально-обрядовых действий;

– разрушение этнокультурного объекта – святилища как места поклонения коренного населения хантов;

– сбор атрибутов ритуального назначения, исторических ценностей с поверхности, а также проведение несанкционированных раскопок;

– проведение научных исследований без специального разрешения окружного государственного органа охраны памятников истории и культуры;

В пределах зоны охраны **разрешается:**

– ведение традиционных обрядово-культурных действий, исконно практикуемых местным населением;

– проведение научных исследований по специальному разрешению государственного органа охраны памятников истории и культуры.

В охранной зоне по специальным проектам возможно:

– выполнять работы, связанные с сохранением и благоустройством территории, которая должна формировать исторически достоверную среду как важного компонента в окружении святилища;

– устройство дорожек, установка стендов и витрин, относящихся к объекту охраны, а также других форм благоустройства, вызванных требованиями современного использования, но не нарушающих природный ландшафт или исторически ценную среду.

Режим содержания *зоны регулируемой застройки и хозяйственной деятельности* [Б 2.2].

Зона регулирования застройки — это территория, непосредственно окружающая зону охраны (буферная). Она необходима для сохранения наиболее характерного облика, сложившейся природной среды, закрепляя визуально-пространственную структуру всего ландшафтного комплекса, расположенного в непосредственной близости к зоне охраны.

На территории зоны регулирования застройки **разрешается:**

– производство земляных работ, а также иная природообразующая хозяйственная деятельность по согласованию с государственным органом охраны памятников истории и культуры.

В пределах зоны регулирования застройки **запрещается:**

- неупорядоченное движение всех видов транспорта;
- лесовырубка, кроме санитарной;
- устройство полигонов хранения и переработки нефтесодержащих, бытовых, промышленных и других отходов;
- нахождение работников месторождений за пределами производственных площадок;
- ввоз и содержание собак и кошек;
- провоз и хранение огнестрельного оружия;
- посещение и использование территории с целью отдыха;
- охота, лов рыбы, сбор ягод и дикоросов.

Во избежание пожароопасных ситуаций, используемая техника должна быть оснаще-

на искрогасителями. Помимо этого, необходимо соблюдать природоохранные мероприятия в местах прокладки трубопроводов через водотоки с целью сохранения гидрологического режима. А также проводить рекультивационные работы, предохраняя тем самым берега от разрушения и уменьшая загрязнение водоемов.

Обсуждение. В финальной стадии авторами был разработан окончательный вариант проекта организации зон охраны святыни. Детальное его обсуждение (рис. 5в) как с «заказчиком», так с коренным населением, проживающим на территории традиционного природопользования № 31, позволило составить взаимоприемлемое решение планировки. Оно представлено на рис. 5а. По договоренности сторон в «Проект обустройства Верхне-Надымского месторождения» был внесен ряд коррективов, изменивших первоначальную схему производственного расположения кустовых площадок, включая ведущие к ним инженерные коммуникации. Из планировки обустройства нефтепромысла были исключены объекты: К-13 и К-9, а подъездную дорогу к кусту К-4 рекомендовано организовать со стороны куста К-2.

Наряду с этим были согласованы места содержания оленьего стада вне застройки промышленных объектов, а также определены пути сезонных миграций домашних животных.

Заключение. Проект зон охраны направлен был на решение конфликтной ситуации, довольно часто возникающей между коренным населением и хозяйствующим субъектом ОАО «Сургутнефтегаз», осваивающего обширные пространства севера Западной Сибири. Прежде всего, сохранена территория святыни *Сут Похель*. Это важный ландшафтный компонент традиционной культуры тромаганских хантов, средоточие духовной составляющей обско-угорского наследия, отраженное в его пространственном (земном) проявлении.

Проект зон охраны стал одним из способов разрешения социально-хозяйственных противоречий, возникших между региональной «культурой» и техногенной «цивилизацией». Подобный принцип организации сохранения историко-культурных территорий, дал возможность поиска компромиссного решения сосуществования двух хозяйствующих субъектов — инновационного, направленного на добычу углеводородного сырья и традиционного, тесно связанного с природным окружением, при этом, не ущемляя интересов каждого из них.

Список литературы

1. Данный вид этнокультурного наследия регламентируется Законом ХМАО — Югры от 08.11.2005 N 92-оз (ред. от 12.10.2009) «О святынях коренных малочисленных

народов в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре».

2. Ведмидь Г.П., Рудь А.А., Бочкарёв Д.В. Проект зон охраны святыни ханты Сут Похель на Верхне-Надымском месторождении нефти в Сургутском районе ХМАО — Югры. — Сургут, 2006. — БИИКФ Сургутского района. — Ф. Р.4. Оп. 1. Д. 371.

3. Москвина Н.Н., Козин В.В. Ландшафтное районирование Ханты-Мансийского автономного округа. — Ханты-Мансийск, 2001. — С. 15.

4. Обустройство Верхне-Надымского месторождения. Опыт-промышленная эксплуатация. — СургутНИПИнефть. 2004. — Том 5. Книги 1, 2. — Шифр: 2089.

5. Проект организации территории оленьих пастбищ родового угодья № 31 Русской сельской администрации Сургутского р-на ХМАО-Югры. — Росземкадастр. Братск, 2003. — Архив Администрации Сургутского района. Д. 195

References

1. Law of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Ugra from 08.11.2005 N 92-rl (as revised on 12.10.2009) "O sviatilichach korenich malochislennich narodov v Khanty-Mansiyskom autonom okruge — Yugre".

2. Vedmid' G.P., Rud' A.A., Bochkarev D.V. "Project zon ochrani svaitilicha chanti Sut Pochel na Verche-Nadimskom mestorogdenii nefi v Surgutskom raione Khanty-Mansijskom autonom okruge — Yugra". — Surgut, 2006. — БИИКФ Сургутского района. — Ф.Р.4. Оп. 1. Д. 371.

3. Moskvina N.N., Kosin V.V. Landshatnoe raionirovanie Khanty-Mansijskogo autonomnogo okruge — Yugre. — Khanti-Mansijsk, 2001. S. 15.

4. Obustroistvo Verkhne-Nadymnogo mestorogdenia. Oпитno-promischlennja ekspluatazia. — SurgutNIPIneft. 2004. — Vol. 5. Book 1, 2. Code: 2089.

5. Proekt organizazii territorii olenich pastbich rodovogo ugodia № 31 Russkinkoi selskoi administrazii Surgutskogo raiona Khanty-Mansijskogo autonomnogo okruka — Yugra. — Rossemkadastr. Bratsk, 2003. — Archiv Administrazii Surgutskogo raiona. D. 195.

Список сокращений

АНО — Автономная некоммерческая организация

К-12 — кустовая площадка

МАУ СР ИКНПЦ — Муниципальное автономное учреждение Сургутского района Историко-культурный научно-производственный центр

мрн — месторождение нефти

ОАО — открытое акционерное общество

ТТП — территория традиционного природопользования

ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра

ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ

Материал передан в редакцию 03.05.2021

М.А. Гаспарян
Национальный университет архитектуры и строительства
Армении
улица Теряна, 105, г. Ереван, Армения, 374009
marietta04@rambler.ru, mgasparyanarch@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7569-7285>

Фасади́зм в контексте реконструкции объектов архитектурного наследия

Аннотация

В статье, на базе натурного изучения, библиографических и архивных материалов, проанализированы особенности реконструкций исторических зданий Еревана. Предметом исследования является культурное наследие XIX и начала XX в. — сохранившиеся в застройке городских улиц объекты историко-культурной ценности, которые после соответствующей модернизации способны удовлетворять требования современного функционирования. Реконструкции данной группы зданий в связи с повторным адаптированным использованием имеют начало уже в XIX в., продолжают по сей день и каждый период отличается свойственными ему задачами. Среди них слаженной методикой реконструкции, обусловленной архитектурными особенностями зданий, характеризуются реконструкции 1920-х–1930-х гг. В середине XX в., в связи с застройкой отдельных районов города, ведется массовый снос старых домов, долгое время не имеющих официального статуса памятника истории и культуры. К концу 1990-х гг. появилось течение фасади́зма, которое стало причиной разрушения памятника архитектуры с сохранением одного главного фасада, который соответственно дополнялся новыми объемами в том или ином стиле.

Ключевые слова: аутентичность, реконструкция, демонтаж, фасади́зм, историко-эстетическая целостность

М.А. Gasparyan
National University of Architecture and Construction of Armenia
Teryanstreet, 105, Yerevan, Armenia, 374009
marietta04@rambler.ru, mgasparyanarch@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7569-7285>

Facadism in the Context of the Reconstruction of the Objects of Architectural Heritage

Abstract

In the article, on the basis of field studies, bibliographic and archival materials, the features of the reconstruction of historical buildings in Yerevan are analyzed. The subject of this research is the cultural heritage of the 19th and early 20th centuries—objects of historical and cultural value preserved in the development of city streets, which, after appropriate modernization, are able to meet the requirements of modern functioning. Reconstruction of this group of buildings in connection with adapted reuse have begun already in the 19th century, continue to this day, and each period is distinguished by its characteristic tasks. Among them, the reconstructions of the 1920s and 1930s are characterized by a well-coordinated reconstruction technique, due to the architectural features of the buildings. In the middle of the 20th century, in connection with the development of certain districts of the city, there is a massive demolition of old houses, which for a long time did not have the official status of a monument of history and culture. By the end of the 1990s Facadism movement appeared which caused the destruction of the architectural monument with the preservation of one main facade, which was accordingly supplemented with new volumes in one style or another.

Keywords: authenticity, reconstruction, dismantling, facadism, historical and aesthetic integrity

Введение. Актуальность вопроса выбора рациональной методики реконструкции объектов городской застройки остается важной задачей в области сохранения и использования памятников архитектуры Еревана XIX и начала XX в. Данная сфера культурного наследия постоянно находится в зоне риска и, в действительности, более всего нуждается в решительных и безошибочных действиях по организации государственной программы их сохранения, реставрации и адаптации. Это типичная рутинная ситуация для многих экономически уязвимых городов, которую определяет историческое расположение

архитектурного памятника в центральном районе, участок которого выгодно продать и заманчиво приобрести. В ереванской практике это один из главных факторов, непосредственно влияющий на неустойчивое состояние городского архитектурного наследия. Следует одновременно принять во внимание тот факт, что превалирующая часть культурного наследия уже уничтожена, включая целые типологические группы сооружений (театры, кинотеатры, гостиницы, бани, с узорными консольными балконами кирпичные жилые дома в национальном духе), и сегодня на улицах древнего города остались малочисленные свидетели недавней исторической эпохи, что тем более обязывает ответственно относиться к судьбе каждого здания. Возможно, нынешнее кратковременное затишье вселяет надежды, однако актуальной задачей остается шаткость важных позиций, изменить которые, возможно подразумевая также известный опыт ряда европейских городов, в которых сохранение культурного наследия является приоритетной проблемой, выдвинутой на государственный уровень.

Элементарные вопросы, которым необходимо следовать в любых ситуациях с целью создания стабильных условий для сохранения культурного наследия, поддержки жизнеспособности и обязательного функционирования в современных условиях, состоят в следующем:

– Существованию памятника реально ничто не угрожает, его неприкосновенность гарантирована законом и в понятии охраняется государством действует неизменная позиция: преобразование памятника, его перенос или снос запрещены.

– Определенные реконструктивные мероприятия обосновываются конструктивными задачами и адаптацией и проводятся под строгим контролем ориентации на защиту первоначального состояния объекта; таким образом, обеспечивается сохранность аутентичности исторического здания, его архитектурно-объемной и образной характеристики при любой реконструкции, которой надлежит реализовываться в четких рамках допустимых изменений.

Полученные результаты и их осуждение. История. Практика реконструкции зданий, датируемых XIX и началом XX в., известна со времени их возведения, о чем свидетельствуют архивные материалы, документы и проекты из фондов ереванской городской управы и губернского строительного отделения, а также литература того времени. Основные причины новых строительных работ стереотипные: изменение владельца, желание перестройки собственного дома, сдача в аренду, при которой коренная перестройка оказывалась необходи-

мой для адаптации к требованиям новой функции. К примеру, возведенное по типовому проекту в 1842 г. казенное здание уездного училища на Тер-Гукасовской улице, состоящее из трех корпусов, в 1851 г. претерпевает некоторые переделки, преимущественно ремонтного характера. Коренная реконструкция комплекса, для перефункционализации в городской клуб, предпринимается в 1882 г., когда объединяются средний и северо-восточный корпуса и по крайним осям объем расширяется, без юго-западного флигеля, который впоследствии продается. Наконец, в 1905 г., после очередной радикальной реконструкции, в здании открывается театр Джанполадяна, а через несколько лет — кинотеатр Джанибекяна «Иллюзион». Приблизительно аналогичный процесс происходит, когда в 1894 г., по согласованным условиям аренды, губернский инженер М. Фон-дер-Нонне реконструирует и расширяет доходный дом З. Геворкяна на Назаровской улице, откликнувшегося на прошение дирекции гимназии о сдаче в наем здания для Мужской классической гимназии, при этом первый корпус, поставленный по красной линии улицы, уже почти воздвигнутый к тому времени, приспособляется к нуждам школы, тогда как второй корпус, отодвинутый в глубь двора, строится уже по специально составленному для учебного заведения проекту [Гаспарян, 2008, с. 142, 144–145, 153–154].

В следующий исторический период адаптация и перефункционализация зданий XIX и начала XX в. возникли в 1920-х гг., когда в условиях советской действительности реализовывалась национализация материального наследия прошлой эпохи и первые советские учреждения занимали бывшие особняки, школы и др. Первым и, практически, единственным вопросом в начале 1920-х гг. стояла адаптация, что нашло выражение не столько в архитектурных задачах, сколько в организационных мероприятиях освобождения здания от предыдущих владельцев и предоставления его новым учреждениям или жильцам, что, видимо, было стандартной процедурой для всей страны. Однако уже к концу 1920-х гг. необходимость расширения объемов отдельных объектов ввела в обиход понятия надстройки и пристройки.

В контексте ереванских реконструкций интересно проследить архитектурные проекты 1920–1930-х гг., проведенные главным архитектором города Никогаесом Буниятяном, когда на один этаж были надстроены и пристройками увеличены крылья зданий Ергоровета (1928, бывшей Городской думы и управы, ил. 1, 2), Наркомфина (1929, бывшего Государственного банка), Ереванского государственного университета (1930-е гг., бывшей Учительской семинарии). Все рекон-

струкции этого периода носили щадящий для самого сооружения характер, выраженный не только стилистическими архитектурными особенностями новых объемов, но и их объемно-планировочными решениями, при которых аутентичная структура планировки сохранялась, и основная идея сводилась к развитию композиционных решений. В принципе, сложившаяся в этот период методика

реконструкции, обусловленная адаптацией старых зданий к новым функциям, выявила канонизированную систему разработки проекта, составленную из четких установок, конечной целью которых было сохранение композиционной целостности образа и гармоничной организации изменяющейся градостроительной среды.

Ил. 1. Городская дума и Управа на бывшей Соборной (ныне Шаумяна) площади, 1907, 1928

Fg.1. City Duma and Administration on the former Cathedral (now Shahumyan) square, 1907, 1928 National Archives of Armenia

Ил. 2. Фасад Городской думы и управы и Центральный офис Армянского Всеобщего Благотворительного Союза на улице Мелик-Адамяна, 2008–2009

Fg.2. Armenian General Charitable Union Central office on Melik-Adamyan Street, 2008–2009 Photo of the author

Основу идеи архитектурной трактовки составляли:

- стилевое единство новых и старых форм;
- использование традиционных строительных материалов, в которых выполнен объект;
- по фасаду горизонтальное продолжение композиции;
- вертикальное развитие лейтмотива фасада с сохранением осевой системы членений, акцентов и доминирующих частей; при этом используется снижение интенсивности архитектурной пластики стены и декоративного убранства в новых частях надстроенного яруса, что позволяет выявить сигнацию, т.е. образно дифференцировать разновременность строительства.

Справедливости ради имеет смысл добавить, что автор перечисленных проектов реконструкций, выпускник архитектурного отделения Императорской академии художеств (1914), по приезду в Ереван в 1924 г. представлялся сторонником неоклассицизма, того архитектурного стиля, в котором были исполнены три упомянутые здания, а также построенные им в Ереване гостиница «Интурист» и первые жилые дома, хотя разница в том, что буниatianские строения носят оттенок русского неоклассицизма, тогда как ереванские здания начала XX в. склоняются в сторону европейской классической архитектуры и определенных моментов неоренессанса. Тем не менее, фактом остается то, что, составляя дефиницию соотношения новых и старых объемов зданий, похожих на рассмотренные три реконструированные объекта, можно резюмировать две позиции:

– Очевиден пиетет по отношению к сохранению художественного приоритета реконструируемого здания.

– В архитектурной трактовке новых форм, судя по времени строительства, автор ориентируется на использование современного лично ему художественного стиля, и поэтому именно идентичность архитектурно-художественной атрибутики двух следующих друг за другом исторических эпох предопределила гармоничное сочетание старого и нового.

Интересно, что анализ методики реконструкции зданий показывает не соответствие известным в области современного реставрационного дела тезисам, при этом не стоит забывать, что в те годы здания не оценивались в плане «памятник архитектуры», а две рекомендации, которые следует упомянуть, еще не были опубликованы.

Речь идет об утверждении Пьеро Гаццолла¹, который считает, что в сложном процессе реставрации оценка ряда внешних факторов и скрытых явлений требует глубо-

кого знания истории, понимания современности и умения видеть будущее [Гаццолла, 1978, с. 15]. Второй тезис из составленного Ле Корбюзье градостроительного манифеста Афинской хартии² гласит: «Применение стилей прошлого в эстетических целях в новых сооружениях, возводимых в исторических зонах, приводит к пагубным последствиям. Внедрение стилей такого рода не может быть допустимо ни в какой форме... раболопно копировать прошлое — значит обречь себя на ложь...» [Ле Корбюзье, 1970, с. 174]. Как видно, все это естественным порядком вписывается в профессиональную характеристику архитектора, выросшего в недрах академического воспитания, проектировавшего в том же духе и прекрасно знавшего эпоху, которая в архитектурном значении была также его временем, т.е. приверженец стиля начала XX в. Н. Буниatian выполнил проект в современных для него формах. Во всех случаях, результатом являются прекрасные в художественно-эстетическом плане объемы, органично вписанные в архитектурно-градостроительную среду³.

По аналогичной методике сохранения аутентичной структуры и введения современных объемов выполнена реконструкция 1996–2002 гг., с адаптацией и расширением под Армсбербанк доходного дома конца XIX в. на улице Налбандяна (ил. 3, 4). Результат, очевидно, иной, в образе присутствует выражающий дух двух эпох композиционный контраст, но в то же время авторы проекта удержали выше отмеченные доктрины. Интерпретация новых архитектурных форм в современной трактовке позволяет визуально отделить неоклассический исторический фасад и можно прочесть архитектурную идею подчинения прибавленных объемов историческим. Постройка отлично вписалась в городскую среду, где раньше, после очередной реконструкции, к улицам и близлежащей главной площади города открывались рассчитанные на атриумное обозрение дворовые деревянные балконы.

Градостроительное развитие Еревана в середине XX века приняло негативную для сохранения культурного наследия недавнего прошлого форму. В течение 1950-х–1970-х гг., в связи с застройкой отдельных районов города, формированием центральной площади имени Ленина, прокладкой Главного проспекта, под эгидой партийных органов начался массовый снос олицетворяющих царское прошлое старых домов, на фоне чего или параллельно чему, на долгие десятилетия, сложилось негативное отношение к культурному наследию недавнего прошлого, что в практике вело к безответственному уничтожению памятников истории и культуры.

1 Пьеро Гаццолла (1908–1979) свою профессиональную деятельность начал в 1930-х гг. (высшее образование в области гражданского строительства получил в 1932 г. и специализировался на архитектуре в 1934 г.).

2 Манифест Афинской хартии был принят Конгрессом CIAM в 1933 году.

3 Здание Городской думы и управы впоследствии было разрушено, главный фасад демонтирован и фрагментарно собран на другой улице.

Ил. 3. Доходный дом на улице Налбандяна, конец XIX в. Фотография автора
Fg.3. Apartment house on Nalbandyan Street, late 19th century. Photo of the author

Ил. 4. Адаптация, реконструкция и расширение доходного дома на улице Налбандяна под Армсбербанк, 1996-2002. Фотография автора
Fg.4. Adaptation, reconstruction and expansion of the apartment house on Nalbandyan street under Armsberbank, 1996-2002. Photo of the author

Фасади́зм в архитектуре Еревана XX века. Рассматривая фасади́зм с точки зрения архитектурно-эстетического произведения, абстрагируясь от конкретного присутствия исторического фактора, и ориентируясь на известные архитектурные объекты из арсенала мировой практики, следует согласиться с мнением, что собственно архитектурно-художественный метод оригинален.

Все известные объекты, к которым возможно применить термин фасади́зма, каждый по-разному, представляют художественно выразительные идеи и композиции, в целом, достойные внимания, хотя не всегда однозначно воспринимаемые.

Что же касается фасади́зма в контексте сохранения объектов культурного наследия Еревана, здесь он, безусловно, сыграл нега-

тивную роль. Фасадизм в архитектуре Еревана появился к концу XX в. в виде нового агрессивного «течения», нацеленного на архитектурное наследие XIX и начала XX в., и буквально ассоциируется с уничтожением исторического здания. В действительности, подобное мероприятие сопровождается ликвидацией общеизвестных основных понятий архитектуры как материальной среды, памятника архитектуры как архитектурного объекта, в дефиниции которого, как минимум, подразумевается объем, объемно-планировочное решение, интерьеры и их оформление. Новоявленный подход определил содержание архитектурного памятника в ограниченной форме одной стены главного фасада, что в практике означило полное разрушение исторического здания и демонтаж с обмером главного фасада, который после восстановления, во всех случаях, уже утрачивает ценность исторического фактора. Мотивацией действий такого рода часто служат конструктивные обоснования неудовлетворительного технического состояния, хотя ряд конкретных примеров свидетельствует об обратном, и о сложной кладкой мидис туфовой стене гражданский инженер Василий Мирзоян в свое время писал в пояснительной записке к проекту Эриванской мужской гимназии, что подобная масса через год-полтора превращается в монолит и «разобрать такую кладку по швам уже не представляется никакой возможности» [Мирзоян, Семейный архив].

В качестве обоснования, возможно субъективной детерминации фасадизма как негативного явления в современной армянской архитектуре, можно рассмотреть некоторые примеры, в рамках освещения трех пунктов:

1. какого типа здание использовалось и его историко-культурная ценность;
2. утраты в процессе демонтажа и последующего «восстановления» фасада;
3. композиционное взаимодействие старых и новых архитектурно-художественных форм.

1. Квартира и канцелярия Губернатора (1905) на улице Республики — последняя резиденция ереванского губернатора, в 1918–1920 гг. в здании размещался Совет Министров Республики Армения, после установления советской власти здесь долгие годы находились Революционный комитет Армении и Совет Народных комиссаров, позже — Комитет по культурным связям с армянами за рубежом и другие государственные учреждения. Известные государственные деятели трех исторических эпох работали в этом здании, почему памятник имел принципиально важную в общенациональном значении мемориальную ценность. 2. В 1987–1988 гг. была осуществлена реконструкция добавлением к старому объему с севера нового корпуса, архитектурно трактованного в гармоничном сочетании с аутентичными формами. В 2007

г. внутренняя структура и сохранившиеся интерьеры здания (стенные печи, плафоны, архитектурное оформление, тометовые полы, железные перила лестниц и т.д.) разрушены, т.е. снесена вся внутренняя часть по периметру внешних стен. 3. Добавлен новый объем, цветом материала и архитектурными формами вызывающе активный по отношению к историческому зданию, резко выделяющийся в градостроительном пространстве, в том числе, бесцеремонно вклинившийся в архитектурно-исторический образ знаменитого ансамбля площади Республики (бывшей Ленина).

1. Городская дума и Управа (1907) на бывшей Соборной (ныне Шаумяна) площади, судя уже по наименованию, важное административное здание, с залом для заседаний городской думы. Сооружение послужило муниципалитету без малого сто лет — органам городского самоуправления трех политических формаций, до постройки в 1952–1954 гг. нового корпуса Исполкома Ергорсовета на улице Григора Лусаворича, после чего здание занял Спандарянский районный совет. 2. Разрушено в 2000 г. с обмером и демонтажем главного фасада. Собранный на другой улице с очевидными искажениями в 2008–2009 гг. 3. Ранее монолитный фасад расчленен на две части, по центру сделана впадина, визуально усиливающая отделение двух фрагментов друг от друга. Горизонтальная протяженность фасада сокращена, портал старого здания удвоен и размещен по бокам впадины. Место третьего этажа, добавленного в 1920-е годы и композиционно связанного с аутентичными формами, занимает перфорированная квадратными окнами стена из того же черного туфа, что и основная постройка. Западающие вглубь от старого фасада новые объемы сформированы стеклянными плоскостями с частым дроблением (ил. 1, 2).

1. Доходный дом Габриеляна (1910–1914) на улице Абовяна принадлежал известному промышленнику, совладельцу кожевенного завода «Занги» Габриелу Габриеляну. Рядом находились дома его братьев. 2. В 2004 г. здание было вычеркнуто из новосоставленного Государственного списка недвижимых памятников истории и культуры Еревана в процессе его публикации, и после многочисленных массовых выступлений горожан и СМИ высокопоставленные чиновники убедили общественность о восстановлении здания в списке. Приблизительно тогда же дом был разрушен с демонтажем главного фасада. Вскоре на его месте построена многоэтажная гостиница, фасад которой «украшает» не совсем корректно собранный старый фасад, в котором средние витрины двух габриелянских магазинов отодвинуты вглубь объема. 3. В вопросе взаимодействия двух фасадов очевидно совершенное отсутствие их идейно-эстетического сов-

мещения. Само новое здание нагромождено интерпретированными в разном духе архитектурными элементами (ил. 5, 6).

Эти три примера представляют общую картину, характерную для воздвигнутых в последние годы комплексов, которые внедряют в свой объем фрагменты исторических зданий. Негативным исключением надо считать строительство «Америабанка» на площади Шаумяна, при котором пострадали три памятника истории и культуры, записанные в государственном списке, а также использование фрагментов старой застройки на улице Арами, которые «оживляют» новые высотные сооружения, занявшие место жилых домов XIX в., аналогично содержащихся в списке памятников истории и культуры.

Ил. 5. Доходный дом Габриеляна на улице Абовяна, 1910-1914. Фотография автора
Fg.5. Gabrielyan's apartment house on Abovyan Street, 1910-1914. Photo of the author

Обобщенно, исходя из существующей ситуации, архитектурные трактовки можно свести к двум версиям. Если рассматривать подобные здания в ракурсе гармоничного соответствия старого и нового, то они, обычно, не имеют художественной связи с образом, членениями, материалом, цветом, масштабом исторического здания, что, вдобавок к искаженным аутентичным параметрам памятника, создает эстетически не обоснованный образ современного здания и, обычно не выражает какую-либо архитектурную идею. Речь идет именно о выраженной идее, которая не ограничивается вышеперечисленными параметрами, говорящими о художественной связи, как одним из вариантов взаимодействия двух форм. Они не только не являются обязательной аксиомой фасади́зма,

Таким образом, обрисовывая в целом подобные архитектурные решения, можно обобщить их в следующем виде:

- первое, что их объединяет — это разрушение памятника истории и культуры;
- второе, старые фасады «восстанавливаются» с серьезными искажениями, т.е. проблема состоит не только в том, что исторический фактор, но и художественные особенности утрачиваются;
- третье, понятие фасади́зма как стиля или метода в своем мировоззренческом параметре нельзя считать реализованным, поскольку везде отсутствует идея, выражающая интересное, контрастное или гармоничное, но оригинальное сочетание разных по эпохе двух форм.

Ил. 6. Фасад доходного дома Габриеляна и гостиница «Александр» на улице Абовяна, 2000-е гг. Фотография автора
Fg.6. Facade of Gabrielyan's apartment house and hotel "Alexander" on Abovyan Street, 2000s. Photo of the author

но более того, возможно, противоречат его идеологии. Взяв за основу международные образцы близких к фасади́зму известных современных сооружений, очевидно, что в понятии сочетания старого и нового часто присутствует безусловный контраст форм, конструкций, материалов, образов, создающих ясно читаемый конфликт.

Предлагать конкретные рекомендации в данной области, т.е. составить перечень предложений по методическим подходам в подобных проектах, теоретически неосуществимо, даже опираясь на известные в мировой архитектуре произведения, принимая во внимание, по крайней мере, вопросы профессиональной этики. В то же время допустимо систематизировать некоторые позиции, исходя, например, из объективного

отношения к статусу памятника, когда целесообразно ориентироваться на значимость исторических и архитектурных факторов. В этом случае имеем четкую дилемму, состоящую в выборе двух вариантов:

- однозначное композиционное подчинение нового объема старому, с выявлением художественных достоинств последнего;
- равнозначное композиционное сосуществование.

Вопрос о включении в проектное задание пункта о стиле или художественном решении нового объема не исключается, если обратиться к истории и вспомнить обычные указания или предложения использования того или иного исторического стиля, с учетом функции здания, в практике XIX и начала XX в. Это известная позиция для архитектурных конкурсов, объявления о которых можно встретить в издаваемом в конце XIX и начале XX в. в Санкт-Петербурге архитектурном и художественно-техническом журнале «Зодчий». В качестве ординарного примера, в объявлении конкурса «на составление проектов дома для помещения Русского Торгово-промышленного банка в С.-Петербурге» имеется корректная, но вполне конкретная ориентировка на архитектурное оформление, что можно понять из слов: «Здание должно носить характер строгой, спокойной, монументальной постройки с отпечатком изящной простоты» [Зодчий, 1910, No 23, с. 255–257].

Ссылаясь на подобные факты и принимая во внимание современное состояние вопроса, можно заключить, что в архитектурно-планировочном задании для памятника архитектуры отсутствие подобного пункта — одна из главных причин «индивидуального», не обоснованного подхода архитектора к разработке проекта, не говоря об обычном неимении информации об особенностях исторической эпохи, ее архитектуре, конкретных данных о постройке и элементарном понятии пиетета по отношению к историческому зданию или, по крайней мере, понимания его равноправия.

Выводы. Анализ вопросов, связанных с фасадизмом, локальная проблема Еревана по трем причинам:

- малочисленность сохранившихся объектов историко-культурного значения не допускает экспериментирования;
- осуществленные проекты не соответствуют современным критериям сохранения культурного наследия и не удовлетворяют эстетическому восприятию здания.

Выводы, основанные на практике использования метода фасадизма в контексте реконструкции объектов архитектурного наследия Еревана XIX и начала XX века, позволяют систематизировать связанные с ним проблемы в сфере сохранения и адаптации памятников гражданской

архитектуры в городской среде.

1. Метод фасадизма для исторических зданий в городской среде целесообразно использовать, когда требуется обеспечить ранее разрушенное здание структурой, необходимой для удовлетворения функциональных задач, т.е. исходя из физического состояния объекта, когда сохранен единственно один фасад.

2. Недопустимо создавать искусственные условия и впоследствии применять метод фасадизма для целиком сохранившегося исторического здания, при котором разрушается его внутренняя структура с сохранившимися интерьерами. Важно удержать историко-архитектурную ценность объекта.

3. Ереванские метод фасадизма можно представить в следующих видах:

- a. сохранение стены главного фасада;
- b. фрагментарное сохранение стены главного фасада.

4. Целесообразно в образе нового сооружения удерживать визуальный пиетет к историческому зданию.

5. Необходимо отречься от повсеместно применяемой методики демонтажа и восстановления главного фасада объекта и использовать метод консервации, с учетом конструктивного состояния здания (когда существующее техническое состояние это позволяет).

Исследование композиционных особенностей современных зданий Еревана, которые соответствуют архитектурной идее фасадизма, проводилось в рамках и на основе задач сохранения исторических построек XIX и начала XX в. Поэтому в архитектурном анализе новых фасадов присутствует определенная данным контекстом точка зрения.

Список литературы

1. Гаспарян М.А. Архитектура Еревана XIX–начала XX века. — Ереван: Изд-во «Ушардзан», 2008. — 262 с.
2. Гаццола П. Реставрация памятников, исторический обзор. // Консервация и реставрация памятников и исторических зданий. — Москва: Стройиздат, 1978. — с.9–33.
3. Императорское С.-Петербургское Общество Архитекторов, по поручению Правления Русского Торгово-промышленного банка объявляет конкурс на составление проектов дома для помещения Русского Торгово-промышленного банка в С.-Петербурге. // Зодчий. — Санкт-Петербург, 1910. No 23. — с. 255–257.
4. Ле Корбюзье. Афинская хартия. // Архитектура XX века. — Москва: Изд-во «Прогресс», 1970. — с. 155–183.

References

1. Gasparyan M. Arhitektura Erevana 19–nachala 20 veka. [The architecture of Yerevan

of the 19th–early 20th century]. Erevan: “Hushardzan”, 2008. 262 p. (In Russ).

2. Gazzola P. Restavracija pamjatnikov, istoricheskij obzor. Konservacija i restavracija pamjatnikov i istoricheskikh zdanij. [Restoration of monuments, historical review. In: Conservation and restoration of monuments and historical buildings]. Moscow: Strojizdat, 1978. pp. 9–33. (In Russ).

3. Imperatorskoe S.-Peterburgskoe Obshhestvo Arhitektorov, po porucheniju Pravenij Russkogo Torgovo-promyshlennogo banka objavljaet konkurs na sostavlenie proektov doma dlja pomeshhenija Russkogo Torgovo-promyshlennogo banka v S.-Peterburge. [The Imperial St. Petersburg Society of Architects, on

behalf of the Board of the Russian Commercial and Industrial Bank, announces a competition for drafting of a house projects for the premises of the Russian Commercial and Industrial Bank in St. Petersburg]. Zodchij. S.-Peterburg, 1910, No 23. pp. 255–257. (In Russ).

4. Le Corbusier. Afinskaja hartija. In: Arhitektura XX veka. [Athens Charter. In: Architecture of the XX century]. Moscow: “Progress”, 1970. pp. 155–183. (In Russ).

Список источников

1. Мирзоян В.З. Пояснительная записка к проекту Эриванской мужской гимназии. — Семейный архив Мирзоевых (рукопись).

Материал передан в редакцию 23.06.2021

И.А. Заварзин
А.В. Наволоцкая
Новосибирский государственный университет архитекту-
ры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова
Ул. Красный проспект 38, г. Новосибирск, Россия, 630099
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6720-2120>

Методы ревитализации исторической застройки

Аннотация

Раскрывается понятие «ревитализации» и новые подходы к проблеме сохранения и оживления городского пространства в исторической застройке. Анализ отечественного и зарубежного опыта ревитализации позволил сформулировать методы ревитализации: добавление, трансформация, преобразование.

Ключевые слова: ревитализация, историческая застройка, добавление, трансформация, преобразование

I. Zavarzin
A. Navolotskaya
Kryachkov Novosibirsk State University
of Architecture, Design and Arts, NSUADA
Krasniy prospekt, 38, Novosibirsk, Russia, 630099
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6720-2120>

Revitalizing methods of historical buildings

Abstract

The concept of "revitalization" and new approaches to the problem of preserving and revitalizing urban space in historical buildings are revealed. The analysis of domestic and foreign experience of revitalization made it possible to formulate revitalization methods, such as addition, transformation, converting.

Keywords: revitalization, historical buildings, addition, transformation, converting

Введение. Актуальность представленного исследования заключается в том, что архитектор все больше проектирует, уже перерабатывая сложившуюся городскую среду. Город находится в непрерывном развитии. Различные факторы развития — изменение численности населения, размеров и интенсивности использования освоенных территорий вступают в противоречие со стабильной, искусственно созданной материальной средой.

В городе все время возникают точки напряжения, в которых фиксируется потребность в трансформации среды в связи с отмиранием определенных функций. Для того чтобы у нас были какие-либо отношения со зданиями, необходимо постоянно проводить трансформации их имиджа и тотальный ремонт. Это вопрос социальной жизни этих зданий: они ценны только в том случае, если имеют функцию, которая считается значимой в текущую эпоху. Их приспособление для новой, альтернативной

функции становится не только способом возрождения и развития городской территории, но и важнейшим инструментом формирования комфортной городской среды.

Реконструкция городов, сохранивших ценное историческое и культурное наследие, в том числе и целые участки исторически сложившейся среды, осуществляется на основе самостоятельных методик, преследующих разные цели и выполняющих разнохарактерные задачи.

Процесс реконструкции городской среды и её частей в настоящее время может быть классифицирован и описан в современной градостроительной терминологии в зависимости от степени и направления видоизменения объектов: реставрация, регенерация, реабилитация, ревалоризация, благоустройство и новое строительство.

Одной из самых актуальных проблем сегодня является необходимость преобразования индустриальных зданий, и ищется поиск новых решений для практической адаптации суще-

ствующих индустриальных зданий.

Интерес архитекторов и градостроителей к освоению исторической застройки бывших промышленных зон в странах Европы и в Америке возник более 30 лет назад. Одним из наиболее эффективных способов оживления пришедших в упадок индустриальных зданий, сооружений и территорий, кинотеатров, театров, церквей является ревитализация («возвращение жизни», от латинского *re* — возобновление и *vita* — жизнь) [1].

Ревитализация — термин, который используется существенно недавно в научно-практической деятельности для обозначения процессов воссоздания и восстановления городских пространств.

В процессе ревитализации используется комплексный подход с целью сохранения самобытности, аутентичности, идентичности и исторических ресурсов городской среды. Задачей по ревитализации является социализация пространства, разработка элементов инфраструктуры, функциональное развитие промышленности, забота об экологии и, как следствие, — привлечение инвестиций.

В 1850-е годы происходила модернизация крупных европейских городов обновлением города путём расселения трущоб и масштабного строительства новых жилых домов, что неоднократно делалось в Лондоне и во второй половине XIX века. Процесс получил дополнительный импульс благодаря изданному Парламентом в 1875 году закону об общественном здравоохранении, что санкционировало участие властей в этом процессе.

Этот же процесс в XIX веке предполагал изменение облика городов путём улучшения жилищных условий, в первую очередь, для рабочих, число которых возрастало по мере индустриализации. С 1964 года данное явление обозначается термином «джентрификация», а несколько позднее в этом же значении стал употребляться термин «ревитализация». Понятие ревитализации в последнее время несколько видоизменилось в связи с процессом деиндустриализации городов, и теперь это, в первую очередь, преобразование объектов городского пространства, утративших свою первоначальную функцию в силу изменения потребностей общества, но при этом имеющих историческую ценность, не позволяющую их уничтожать [2].

Большой популярностью пользуется ревитализация прекративших работу промыш-

ленных комплексов, находящихся в черте города, что связано с противоречиями между потребностями общества и сложившейся структурой городской среды. В таких случаях ревитализация рассматривается, как реконструкция промышленной архитектуры с изменением её функций. Степень изменения городской среды в процессе ревитализации зависит от степени ценности историко-культурных объектов.

С одной стороны, существуют исторически сложившиеся архитектурные объекты, которые утратили свою функцию в структуре города, с другой стороны, регрессирует архитектурно-эстетический облик основной массы исторической застройки по причине невостребованности исторических зданий.

Следовательно, возникает проблема восстановления и трансформации архитектурно-градостроительного облика исторических зданий для дальнейшего использования в комфортной городской среде.

Цель работы — сформулировать методы архитектурной ревитализации, позволяющие совмещать историческую и новую застройку.

В статье рассматриваются реализованные проекты ревитализации исторических зданий и комплексов, с 2006 по 2009 годы в Германии, Польше, Италии, Австрии, Чехии, Португалии и Америке.

Основной принцип ревитализации заключается в раскрытии новых возможностей старых форм, с учетом их современных функций. В процессе ревитализации используется комплексный подход с целью сохранения самобытности, аутентичности, идентичности и исторических ресурсов городской среды.

Комплексный анализ исторических пространств, проведенный на примере опыта других стран и отечественного опыта проектирования, позволяет выявить ряд исторических, градостроительных, композиционных, функциональных, экологических, социально-культурных и средовых особенностей их образования.

На базе проведенного исследования были сформулированы методы архитектурной ревитализации [1], приёмы формирования исторической застройки [2].

Рассмотрим построенные объекты по проектам зарубежного и отечественного опыта для того, чтобы сформулировать методы ревитализации исторической застройки.

Условное обозначение исследования:

	Зарубежный опыт проектирования и строительства	5 объектов
	Отечественная практика проектирования и строительства	1 объект

Название объекта		
<p>Хай Лайн Парк (Highline) в Нью-Йорке — надземная грузовая железнодорожная линия, проходящая в 10 м от земли, длиной 2,33 км преобразована в общественный парк в Манхэттене [2].</p> <p>Парк расположен на месте бывшей железной дороги, которая в начале прошлого века транспортировала грузы в крупнейший индустриальный район Нью-Йорка и занимает 20 кварталов. Из-за постепенного исчезновения малой мануфактуры в 1980-х годах рельсы начали пустовать и зарастать травой.</p>		
Трансформация и преобразование		
		
Железная дорога	Регрессия индустриальной зоны	Расположение
		
Трансформация железной дороги	Преобразование индустриального объекта	Публичное пространство
<p>Совмещены два метода ревитализации — трансформация и преобразование, — произошло сочетание современного дизайна, грубых индустриальных конструкций из бетона, стали и древесины с зелеными насаждениями. Хай Лайн одно из самых популярных публичных пространств города.</p>		
<p>Крымская набережная — пешеходная набережная в Москве, расположенная в районе Якиманка, протянувшаяся по правому берегу Москвы-реки. Набережная ограничена Крымским Валом и 3-м Голутвинским переулком, продолжает Пушкинскую набережную и переходит в Якиманскую набережную.</p> <p>В 2013 году московские власти провели реконструкцию набережной по проекту архитектурных бюро Wowhaus и «Архитекторы Асс». Перед архитекторами и градостроителями стояла задача: сделать из четырехполосной дороги новую городскую достопримечательность, оживив пустующую часть парка «Музеон» между ЦДХ и Москвой-рекой. Ставшая пешеходной набережная была выполнена в едином архитектурном ансамбле, построенном вокруг темы волны. На набережной были созданы разнообразные рекреационные зоны.</p> <p>Под Крымским мостом, соединяющим Парк культуры с Крымской набережной, на транзите построили сцену и 28 лавочек, светящихся изнутри, из светопрозрачного искусственного камня и металла. Со стороны «Музеона» входная зона открывается деревянным вернисажем общей протяженностью 210 метров с волнообразной крышей (проект бюро «Архитекторы Асс»).</p> <p>По проекту бюро на Крымской набережной построены три павильона с кафе, магазинами, предполагаемым пунктом велопроката.</p>		

Трансформация		
		
Просторная набережная с велодорожкой	Транзитное пространство под мостом	Расположение
		
Павильон рядом с Фонтанной площадью	Фонтанная площадь	Искусственный рельеф
<p>Использован метод трансформации. Крымская набережная становится продолжением 10-километровой пешеходно-велосипедной зоны, берущей начало на Воробьевых горах. На месте шоссе появляется ландшафтный парк с транзитно-спортивным функционалом. Традиционная зона вернисажа художников при этом сохраняется в специально выстроенных павильонах.</p>		
Название объекта		
<p>ТЭЦ на берегу реки Майн в Германии питает энергией Вюрцбург и электро-транспорт Варшавы. Первоначально работающая на угле электростанция, построенная в начале 1950-х годов, с 2003 года была преобразована в электростанцию с комбинированным циклом, работающую на природном газе.</p> <p>В рамках концепции «эко-город» в 2006 году была произведена ревитализация электростанции. Осуществлен переход на зелёную энергетику для достижения комфортной окружающей среды.</p> <p>Фасад выполнен в цветах меди и серебра, пример гармоничного внедрения здания в древний город. После ревитализации электростанции на ее территории разместился кинотеатр под открытым небом и два конференц-зала7.</p> <p>Территория и фасад электростанции полностью перестроены архитекторами Клаусом-Петером Брюкнером и Питером Брюкнером. Проект электростанции получил несколько архитектурных премий за современный дизайн.</p>		
Добавление		
		
Общественное место	Фасад электростанции	Проект

<p>Немецкий опыт ревитализации методом добавления. Электростанция находится вблизи жилой застройки, но это не мешает ни комфортному проживанию жителей, ни производственным процессам электростанции.</p>		
<p>OpenAirLibrary — библиотека с открытым доступом книг, устаревшего со временем здания универмага.</p> <p>Особенность библиотеки — фасад из глубоких вытянутых алюминиевых молдингов, который напоминает своим модернистским орнаментом универмаг.</p> <p>Жители взяли на себя инициативу и открыли рядом с местом жительства неформальную районную библиотеку, которая теперь предлагает более 20 000 книг. Открытое пространство в качестве дополнения было спроектировано совместно с жителями.</p> <p>С 2006 года проект является частью исследовательского проекта федерального правительства, его реализация финансируется в качестве пилотного проекта.</p>		
<p>Трансформация</p>		
		
<p>Уникальная общественная площадка</p>	<p>Молдинговый фасад</p>	<p>Ландшафтная архитектура</p>
		
<p>Разрез конструкции фасада бывшего универмага</p>	<p>Расположение вблизи крупной библиотеки</p>	<p>Расположение в центральной части города</p>
<p>Анализируя трансформацию пространства, можно сделать заключение, что градостроительная часть территории была исследована исходя из сложившейся ситуации в городе. Постиндустриальный городской ландшафт с высокой безработицей и цифрами вакансий до 80% в районе Сальбке. Пространство, которое нетронут в центре города стоит почти полностью пустым. Его образ формируется оклеенными витринами магазинов и залежами земли. Встреченная реальность послужила ресурсом и отправной точкой для урбанистического эксперимента.</p>		
<p>Пунта-делла-Догана (Puntadella Dogana) — художественный музей в одном из старых зданий таможни Венеции (Догана-да-Мар), построенной в 1677 г. и перестроенной для музея по проекту японского архитектора Тадео Андо в 2006 г.</p> <p>Пунта-Делла-Догана пустовал десятилетиями, попытки превратить его в апартаменты или отель были неудачны. Оштукатуренный кирпичный экстерьер здания был восстановлен без изменений и является единственной сохранившейся частью первоначального строения. Тщательно отреставрированы и облицованы мрамором фасады комплекса, полностью заменены 20 ворот, выходящих на воду, через которые только и можно доставлять произведения искусства и другие грузы. Внутри также были отреставрированы кирпичная кладка исторических стен и деревянные перекрытия.</p>		

Трансформация		
		
<p>Выгодное расположение. Пунта-делла-Догана находится между Гранд-каналом и каналом Джудеккана северо-востоке Италии</p>		
		
<p>Крупные художественные коллекции</p>	<p>Макет ревитализации здания</p>	<p>Большие открытые пространства</p>
<p>Историческое итальянское здание таможни лаконично трансформировалось в музей. Это уникальное изменение функции с сохранением здания. Лишившись столетних пристроек, здание было в значительной степени восстановлено в своем первоначальном виде. В центре глубокого чистого бетонного объема формируются большие художественные пространства.</p>		
<p>Технический университет Вильдау (Technische Hochschule Wildau). В 1897 году на месте современного кампуса компанией Berliner Maschinenbau AG был построен локомотивный завод. В 1949 году на базе предприятия была открыта школа подготовки инженеров-машиностроителей AG Wildau. В 1991 году был основан современный Университет прикладных наук «Вильдау». Давняя история вуза определила, как его архитектурный облик, сочетающий тщательно сохраняемые старинные корпуса бывшего завода, с ультрасовременной внутренней планировкой и наполнением лабораторий и аудиторных классов.</p>		
Преобразование		
		
<p>Комплекс учебных и лабораторных корпусов</p>	<p>Большой технический музей с панорамным остеклением</p>	<p>Расположение вблизи градообразующих предприятий</p>

		
Использование контрастной коллористики	Обособленный лекторий внутри здания	Индивидуальный дизайн-код благоустройства
Уникальное сочетание функций преобразования в ревитализации объекта		

В процессе исследования были выявлены следующие методы ревитализации: добавление, трансформация, преобразование.

Методы ревитализации		
Добавление	Трансформация	Преобразование
<p>Цель состоит в том, чтобы модернизировать здание, заняв дополнительную территорию. Новый корпус может быть установлен рядом с существующим зданием.</p> <p>Это проекты, в которых существующее и новые здания объединяются в единый комплекс, и после этого уже трудно представить старое без того, что было добавлено.</p>	<p>Изменение внешнего вида, формы или структуры здания.</p> <p>Изменение охватывает здание в целом, стирается граница между старым и новым.</p> <p>Существующее здание заново интерпретируется.</p>	<p>Главная цель — раскрыть потенциал зданий и дать им вторую жизнь.</p> <p>Устаревшее здание приспособляется для нового использования. Новые перспективы использования часто являются предпосылкой для сохранения старых зданий. Следы прошлого становятся эстетическим фоном для новых видов использования.</p>

Расширение, добавление этажей, интеграция, данные термины применимы для строительных мероприятий, которые можно обобщить как «метод добавления», раскрывается широкий диапазон возможностей в применении дизайна. В этом отношении «добавление» формирует выразительность объектов и акценты исторической застройки [4]. Успешные проекты — это проекты, в которых существующие и новые здания объединяются, чтобы создать единство архитектурного ансамбля, в котором они взаимно дополнены. В таких случаях привлекательное с архитектурной точки зрения старое здание информирует новую добавленную часть, придавая эстетическую зрелость и атмосферу. Сосуществование разных эпох контрастирует с установками и временными слоями, это генерирует неожиданные пространственные последовательности, например, грубые переходы, которые новое здание предложить не может. Старое и новое усиливают друг друга. Новое целое — это больше, чем сумма его частей.

Трансформация исторической застройки является следующим шагом в эволюции архитектуры. Потребность нашего окружения в способности меняться, обусловленная тем, что изменение является постоянным

процессом нашего времени, приводит к появлению возможности архитектуры приобретать способность физически адаптироваться к потребностям человека.

Важнейшая проблема градостроительства на современном этапе — взаимодействие исторической застройки и преобразовательного направления. Осознание непреходящей ценности архитектурно-исторического наследия требует его сохранения, восстановления, включения в современные процессы. Преобразование связано с переосмыслением исторического опыта, совершенствованием и адаптацией традиционных форм. В единстве преемственности и обновления заключен источник эволюции архитектуры, города, культуры.

Заключение. Комплексный анализ исторических пространств, проведенный на примере ряда европейских городов, позволил выявить ряд исторических, градостроительных и композиционных преобразований. На базе проведенного исследования были сформулированы методы ревитализации исторической застройки.

Общественные пространства городской

среды играют важную роль в процессе жизнедеятельности людей. Комфортное, безопасное, креативное пространство с историческим контекстом является привлекательным не только для жителей города, но и для туристов и инвесторов, которые положительно влияют на экономическую составляющую города.

Ревитализация олицетворяет ряд концепций, стремящихся к большой гибкости и экологической чувствительности, что в настоящее время должно включать в себя проектирование и планирование.

Мировой опыт показывает актуальность ревитализации общественных пространств с учетом внедрения современных методов архитектурно-планировочной организации.

Основной принцип ревитализации заключается в раскрытии новых возможностей старых форм с учетом их современных функций. В результате проведенных исследований были выявлены основные методы ревитализации, которые можно применять в исторической застройке города для совмещения старого и нового.

Список литературы

1. Шеншинов Ю.В. Ревитализация промышленных предприятий, как и инновационное направление развития современной экономики // trendclub.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://trendclub.ru/blogs/futurodrom/8327>
2. Кузнецова Светлана. Ревитализация промышленных объектов: создаем из завода

креативный кластер // bbf.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://bbf.ru/magazine/16/4008>

3. Шепелев Н.П. Реконструкция городской застройки: учеб. пособие / Н.П. Шепелев, М.С. Шумилов. — М.: Высшая школа, — 2000. — 271 с.

4. Франк Петер Йегер. Old&New: Руководство по проектированию для оживления существующих зданий // Вальтер де Грюйтер — Швейцария, Базель: — 2012. — 192 с.

References

1. Shenshinov Yu.V. Revitalizatsiya promyshlennykh predpriyatiy, kak i innovatsionnoye napravleniye razvitiya sovremennoy ekonomiki [Revitalization of industrial enterprises, as well as the innovative direction of development of the modern economy] // trendclub.ru. URL: <http://trendclub.ru/blogs/futurodrom/8327>

2. Kuznetsova S. Revitalizatsiya promyshlennykh ob'ektov: sozdayem iz zavoda kreativnyy klaster [Revitalization of industrial facilities: creating a creative cluster from the plant] // bbf.ru. URL: <https://bbf.ru/magazine/16/4008>

3. Shepelev N.P. Rekonstruktsiya gorod-skoy zastroyki: ucheb. posobiye [Reconstruction of urban development: textbook. allowance] / N.P. Shepelev, M.S. Shumilov. — Moscow: Higher school, — 2000. — 271 p.

4. Frank Peter Jaeger. Old&New: Rukovodstvo po proyektirovaniyu dlya ozhivleniya sushchestvuyushchikh zdaniy [Old & New: Design Guide for Revitalizing Existing Buildings] // Walter de Gruyter — Switzerland, Basel: — 2012. — 192 p.

Материал передан в редакцию 05.08.2021

L. Kirakosyan
National University of Architecture and Construction of Armenia
V. Teryan Street, 105, Yerevan, Armenia, 374009
kirakosyanlyuba@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5612-6177>

Preservation of Archeological Sites in Armenia

Abstract

The problems of preservation of complexes and groups of monuments discovered by archeological excavations are always relevant not only in Armenia but all over the world. The issues of restoration of these complexes and preservation of their historical environment are discussed in the article as a result of practical measures and prophylactic implementation. It is worth to mention that the fortification process was considered as a continuation of the scientific research of the monument.

The presented materials and proposals contain novelty and can be useful in the processes of preservation of the archeological excavated monuments and historical-architectural heritage of the Republic of Armenia and Artsakh (Nagorno Karabakh).

The article proposes the strategic directions of conservation of the complexes in question, the methods of restoration, which were developed in accordance with the theory of monument preservation and the principles established by the restoration charts. Concern is expressed that the ancient site of Tigranakert in Artsakh has come under the control of Azerbaijan after the Nagorno-Karabakh war and is considered endangered from the point of view of protection.

Keywords: Republic of Armenia, archeological sites, architectural heritage, preservation, Nagorno-Karabakh

Л.В. Киракосян
Национальный университет архитектуры и строительства Армении
улица Теряна, 105, г. Ереван, Армения, 374009
kirakosyanlyuba@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5612-6177>

Охрана археологических городищ в Армении

Аннотация

Проблемы охраны памятников и их комплексов, обнаруженных археологическими раскопками, постоянно актуальны не только в Армении, но и во всем мире. Вопросы восстановления этих комплексов и сохранения их исторической среды в статье обсуждаются в контексте практических и профилактических мероприятий. Отмечена важность того обстоятельства, что процесс консервации рассматривается как продолжение научного исследования памятника. Представленные материалы и предложения содержат новизну и могут быть полезны в процессах сохранения археологического и историко-архитектурного наследия Республики Армения и Арцаха (Нагорный Карабах). В статье представлены стратегические направления и методы консервации объектов, которые были сформированы в соответствии с принципами, установленными теорией сохранения памятников и по конвенциям восстановления.

Выражена обеспокоенность в связи с тем, что городище Тигранакерта после войны 27-ого сентября 2020-ого года в Нагорном Карабахе оказалось в подчинении Азербайджана и, с точки зрения сохранения, находится под угрозой.

Ключевые слова: Республика Армения, археологические городища, архитектурное наследие, консервация, Нагорный Карабах

Introduction. The history of the start and formation of the ideas and principles concerning preservation and restoration of the Armenian historic — architectural monuments and complexes began at the end of the 19th and at the beginning of the 20th centuries. They have been conducted in Armenia along with the excavations and investigations in the town of Ani and in the medieval Armenian complexes of Zvartnots (since 1903). Originally, they dealt with the repair of some separate buildings and architectural decoration, reinforcement and partly reconstruction. The architect — reconstructor P.E. Knyagnitski conducted preservation in Ani using methods of anastylosis and partly reconstruction. Broken off the line-concrete, coating stones and architectural elements in the lower rows bearing a decorative arcade on a pair of two semi columns in the Saviour Church were put in their places there. This was the first scientific attempt in the history of preservation and reconstruction of Armenian monuments [Restoration of Architectural Monuments, 2003, p. 51].

The process of archaeologically excavated monuments and restoration of settlements and preservation of their historical environment was particularly activated after the World War II. It was then that excavations at Argishtikhinily, Armavir, Erebuni, Teishebaini, Artashat, Garni, Dvin and other sites took place, due to which it became possible to implement measures sustaining

preservation of historic — architectural monuments and their environment. The reinforcement of this kind of monuments is aimed at the prolonging the life span of the monuments in the same condition as they are now. The Venice Charter allows placing the dismembered parts and elements of the monument in their original places, i.e. to use the method of anastylosis. The Venice Charter verifies the main principles of archaeological reconstruction first of all stressing the importance of its reinforcement, the main requirement of which is to stop reconstruction where supposition begins. The diametral remains of the walls as they give information about the plan composition of the monument should be covered with some protective layer (concrete, concrete blocks, tiles of waterproof modern substance) to protect them from the atmospheric influence. Before placing that layer, engineering measures should be implemented to drain the melted snow and rain water from the territory of the monument. Positive examples of reinforcement of already excavated archaeological monuments in Armenia are the ruins of Zvartnots (with a purpose of establishing a museum there), the ancient settlement of Shengavit, the palace of Garni and the ruins of dwelling houses in Teishebaini.

In order to preserve the ancient terma, in the fortress of Garni, it was first reinforced with the coating and now it is taken into the structure (fig.1, 2).

Fig. 1. Ancient terma, in the fortress of Garni. Photo of the author

Fig. 2. The general view of the ancient palace of Garni after reinforcement. Photo of the author

It became possible to save and complete the main plan of the Bronze age settlement of Shengavit by reinforcing the upper parts of the walls. Today it presents round and square planned buildings joint together and uneven narrow streets.

In the Urartian settlement of Erebuni large scale work was done to improve the territory of the citadel especially by constructing roads for pedestrians and transport. The roads were covered with the cobblestones, trees and greenery were planted on the slopes of the heel, a drainage system was built and the territory was electrified. Large scale reinforcement was implemented in the palatial complexes within the citadel, though along with positive solutions there were some negative ones. To complete the missing parts, walls were newly built in many places.

Along with the reinforcement reconstructive work was also done which, in case of archaeological ruins, is not allowed (there are exceptions). As a rule only reinforcement is advised. Not only was reinforcement implemented but also some architectural forms were reconstructed which were stipulated by the necessity to preserve original and peculiar forms and compositions. With the intention to preserve the original view reconstruction was implemented with its original building material and original constructive measures. In this way the portico, part of Haldi temple, peristyle courtyard, the forms of the small hall and some parts of the outer walls were reconstructed. Some fragments of frescos found during the excavations enabled us to restore its original composition, especially that those frescos were similar to those of Haldi temple and the palatial frescos of the small hall [Hovhannisyán, 1978, p. 86].

The remains of the palatial complex of the citadel of the Urartian town of Teishebaini was impossible to preserve in those days as it was built of mud bricks, so in order to preserve it the whole surface was covered with a layer of soil which was an irreparable measure. Today there are examples (Marmashen) where by injecting special mortar the architectural remains of mud brick can be reinforced and so preserved [Sargsyan, 2005, p. 39].

In medieval Armenian examples, early medieval constructional and constructive solutions are recreated in connection with creative restructuring and modern requirements [Tamanyan, 1988, p. 4]:

The international experience of preservation of monuments emphasizes the development of the museums as well [Vedenin, 2009, p. 179].

In Armenia such museums were established in Shengavit settlement, Metsamor, Arin Berd — Erebuni, Karmir Blur — Teishebaini, Dvin. Drawings, models, displayed material complete the whole picture of the archaeological territory. The summed up impression of some partly reconstructed monuments reveals the archaeological territory as a holistic body of the historic-architectural form and supports its further reconstruction as well [Hovhannisyán, 1978, p. 86].

Our participation in excavations of Tigran-ert in Artsakh enables us to conduct preventive preservation measures along with field investigation and to form a methodology to sustain them and to find new utilization for archaeological-architectural heritage as well. We suggest that this experience be used in case of other Armenian archaeological sites (Shengavit, Erebuni, Teishebaini, Artashat, Dvin).

Materials and methods. The settlement of Tigranakert in Artsakh was founded and named after Tigran the Great. The town is located in the Askeran region of Nagorno-Karabakh Republic (Artsakh), to the south of the lower current of the Khachenaget River on one of the comparatively low heights of the slopes of Vankasar Mountain and in the depression nearby the slope in the vicinity of the Royal Springs. The existence of water springs played a crucial role for the selection of this particular location. Due to this resource the issue of water supply of the city was solved. The place of the settlement was defined and archaeological excavations have already been held for 17 years ⁴ [Petrosyan, Kirakosyan

and other, 2011, 228].

The territory of Tigranakert in Artsakh is about 70 hectares. The main construction of the town became visible during excavations: there is a Fortified area with its citadel (1), a Early Christian place (2), Hellenistic Area (3), Hellenistic Area I (9), Early Christian Cemetery (4), Hellenistic Necropolis (5), Cave winepress room (6), Cave Canal (7), Water pull (8). The total excavated area up to 5.0 hectares [Petrosyan, Kirakosyan and other, 2012, p. 223, 224] (fig.3).

excavations have been held by the expedition of the Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Armenia. The expedition is headed by Doctor of Historical Sciences H.Petrosyan.

⁴ The traces of the town were found and archaeological

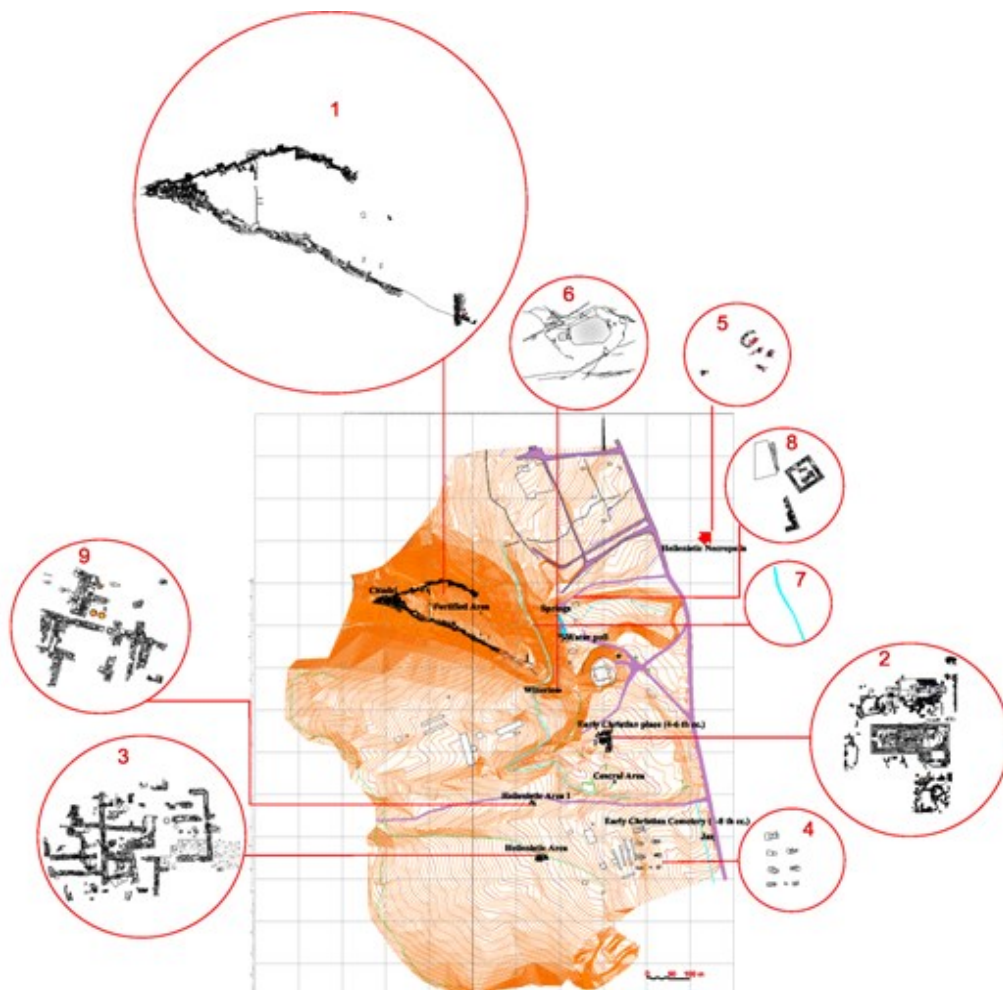

Fig. 3. The general plan of Tigranakert after excavations in 2020. Author's drawing

It should be noted that the issue of preservation of the Tigranakert complex in Artsakh is very important, as it came under the subordination of Azerbaijan after the Karabakh war.

The condition of early Christian monuments especially churches and the grave on the territory of Tigranakert of Artsakh is even worse. Today the Great Church is in the pit of about 800 m² and 4,0 m deep which in its turn has

become a basin for surface waters (especially rain). In fact the building is in an artificial basin where not only atmospheric but also subsoil waters are accumulated. High humidity of the region has brought about salt accumulation the traces of which are noticed on the stylobates of the church, walls (on the inner surface of the southern wall) and on the lime-based mortar. The subsoil waters raised salt compounds which have crystallized on the surface threatening to

eat away the stones. Outer and inner drainage work greatly contributes to the preservation of the monument. The necessary condition to preserve archaeological sites is to obtain all the possible information and fix them.

Approaches and recommendations emphasized at conventions on Protection of European Architectural Heritage and on Preservation of Archaeological Heritage are of great importance for solving many problems concerning preservation of the monuments and historic-architectural environment in the Republic of Armenia and particularly of Nagorno-Kharabakh (Artsakh). It has been stated that the preservation of our heritage without participation of public is impossible and educational measures should be taken to form and develop opinion about values of heritage. The surrounding and the inside of these monuments and complexes should be well organized, investigations should be encouraged with the object to reveal all those factors which cause deterioration and destruction of the historical environment [Dayan 2016, p. 15].

Preservation zones of the Artsakh Tigranakert have been established [Kirakosyan, 2019].

The practice of reconstruction is as varied as the monuments themselves. The choice of their methods depends on a number of factors: the technical condition of the monument the cause and form of destruction, the previous reconstruction, the condition of landscape, the organization of reconstruction and so on.

The architectural reconstruction is a sort of creative work. The choice of methods should correspond to the norma based on thorough investigation. Final conclusion should not be given by one person's opinion but by wider range of professionals. It should be confirmed by state authorities responsible for preservation of monuments based on the opinion of Scientific-methodological Council. Contemporary restoration methods are archaeological which give wider opportunities to preserve both monuments and their environment. Venice Charter extends the principles of reconstruction to a) reinforcement, b) partial or fragmental reconstruction, c) total reconstruction. The implementation of one of them has one objective-to ensure the preservation and long liferspan of the monument. These are which make the differential elements of the composition holistie. In future during reinforcement work it is suggested that the surface of walls be smoothed covering them with waterproof mortar. It is also important that at the end of excavation season ramps should be made to drain the rainwater and preserve the monument.

For reinforcement of mudbrick in sites we suggest preservative technologies and temporal reinforcing measures [Petrosyan, Kirakosyan, 2016, p. 53]. First of all the ability for preservation and implementation should be considered in advance of excavations. Preventive approaches

are especially relevant in archaeological context to reinforce the earthen architecture. This approach has been used since 1980 by specialist who first undertook a thorough investigation and analyzes of the surrounding of the site and the features of its destruction. For those parts which are still being excavated traditional methods of coating are tested and found applicable. The excavations over and reinforced, monuments and sites should be covered with protective roofs or shelters. Preventive preservation on measures (protective coating, drainage, partial reconstruction and so on) which enable to stop destructive processes and sustain the remains is also applicable (fig. 4). The approach which considers temporal character of excavations, preliminary preservation and implementation reflects the goal which intends to better organise work at sites in order to manage the heritage intact from the holistic point of view.

An archaeological museum was opened on the territory of Tigranakert settlement with the object to stimulate investigations and popularize the site [Petrosyan, Kirakosyan, 2016, p. 131]. The suggestion to improve the territory of the museum was presented and partly implemented. Paths leading to the museum were made. In the vicinity of the Royal Springs, without damaging the historic — architectural landscape, a large paved square was built in the form of an amphitheatre where cultural and public events are held. In order to more freely and clearly orientate within the territory of Tigranakert of Artsakh pointers with notices as well as tablets introducing the history of the monuments are placed.

Results. The analysis of the architecture of Tigranakert is to:

– define the environment and landscape preservation zones separating the territory of the town as a historic-architectural preserve;

– conduct complex maintenance to preserve the environment and monuments, improve the territory and make it suitable for general and scientific tourism, build a museum provide drainage and temporary protective system;

– present proposals for the best preserved monuments such as one nave Great Church Tigranakert Church of Vankasar an early Christian graveyard for reinforcement, partial reconstruction, rebuilding and re-erection of the stelas as well as give a virtual picture of Tigranakert of Artsakh [Kirakosyan, 2015, pp. 605-606];

– verify that the processes of public availability of this historic-architectural territory being diverse are regarded as the final goal from the very beginning of investigations. in case the monument proves to possess high artistic values its preservation and implementation processes will be conducted smoothly as the role of the development of the environment heritage is becoming more and more important.

Fig. 4. The inner and outer drainage system of the basilic church of Tigranakert. Photo of the author

Conclusion. To investigate the environment and architectural complexes of Tigranakert of Artsakh a number of strategic measures are suggested. These suggestions can be beneficial in the Armenian context (Erebuni, Karmir Blur, Shengavit, Aratashat, Dvin, Metsamor) as well.

1. The benefit of interdisciplinary cooperation before excavations, reinforcement and implementation: cooperative work of archaeologists, restorers, archaeologist-architects, workers is beneficial to define as early as possible the long-run utilization of the archaeological site taking into consideration interests of the public and all participants. This kind of cooperation may enable to reveal the balance which is necessary while excavations and reinforcement are being carried out at the same time so as not to damage, or at least use methods suitable for the protection of the constructions.

2. Correspondence of the principles of preventive reinforcement and methods: the investigation of deteriorative factors and thorough examination of the environment enables to form effective and least harmful technologies and methods to save the original building material. This is the preferable approach of all international Charters and the case of least interference in the preservation of the heritage.

3. The importance of forming respectful utilization of the monument: the capability to preserve and utilize the site should be considered before any excavation is undertaken. For already excavated remains besides protective

shelters which are already covering some parts other preventive technologies should be used (protective layers, outer and inner drainage systems, partial reconstruction, temporal protective measures) which will enable to stop all destructive processes and preserve the remains.

The implementation of methods and complex work introduced for preservation of the monuments and their environment of Tigranakert of Artsakh are to preserve the landscape intact, to present them to the public at their best, to popularize them and to reanimate this historic-architectural environment. This approach is also acceptable for other historical monuments of the Republic of Armenia.

Concern is expressed that the ancient site of Tigranakert in Artsakh has come under the control of Azerbaijan after the Nagorno-Karabakh war and is considered endangered from the point of view of protection.

References

1. Restoration of Architectural Monuments, Text book, Yerevan, Dar Publishing House, 2003, 280 p. (in Arm).
2. Hovhannisyanyan K., Restoration of Architectural Monuments in Soviet Armenia, Yerevan, Publishing House "Ayastan", 1978, 249 p. (in Arm).
3. Sargsyan G. Fundamentals of Preserving Historical and Cultural Monuments, Yerevan. Mugni Publishing House, 2005. (in Arm).

4. Tamanyan Yu., *Monuments New Life*, Yerevan, Hayastan Publishing House, 1988, 139 p. (in Arm).

5. Vedenin Yu., *The Main Provisions of the Development of Museums – Reserves*. Moscow, RNI, 2009, p. 179 (in Rus).

6. Petrosyan H., Kirakosyan L. and other, *Results Of Archaeological Research Of Tigranakert Of Artsakh, Tigran The Great*, Yerevan, Publishing House of the AS RA, 2011, pp. 227–239 (in Arm).

7. Petrosyan H., Kirakosyan L. and other, *The Discovery and First Results of Archaeological Investigations of Tigranakert in Artsakh: 2005–2009 // Archaeology of Armenia in the Regional Context*. Yerevan: Gitutiun, 2012, pp. 223–235.

8. Dayan N., *Issues of nature protection in international conventions and laws of the Re-*

public of Armenia, Yerevan, Van Aryan publishing house, 2016, 210 p. (in Arm).

9. Kirakosyan 2019, *Issues Archaeological Complex Conservation In Armenia And Nagorno-Karabakh*, Series: Materials Science and Engineering <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/698/3/033049>

10. Petrosyan H., Kirakosyan L., *Adobe Structures of Tigranakert in Artsakh*, Terra, Lyon, XII World Congress on Earthen Architecture, Lyon, 2016, p.53.

11. Petrosyan H., Kirakosyan L., *Archeological Museum of Tigranakert*, Museum, Yerevan, 2010, № 2, pp. 130–132, (Arm).

12. Kirakosyan L., *Project of Reinforcement and Restoration of Tigranakert Basilic church In Artshakh*, Florence, 2015, pp. 605–609.

Материал передан в редакцию 02.06.2021

История зодчества Сибири и сопредельных территорий с древнейших времён до нового времени

The history of architecture in Siberia and adjacent territories from ancient to modern times

DOI: 10.37909/978-5-89170-287-5-2021-1007
УДК: 902.4+69.059

Е.П. Загваздин
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН
Ул. Ак. Ю. Осипова, д.15, г. Тобольск, Россия, 626152
kulay_arx@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8438-3448>

Пожар: стихийное бедствие в фокусе археологии

Аннотация

В статье рассмотрена тема, связанная с процессом огневого разрушения построек, в первую очередь деревянных, и проблемами фиксации и интерпретации следов разрушающего высокотемпературного воздействия. Ответить на ряд вопросов, связанных с археологизацией жилищ, подвергшихся воздействию огня, призван эксперимент. Подобные работы проводились с репликами жилищ разных эпохи, вплоть до классического средневековья. Но как в огне ведет себя традиционная срубная изба с двускатной крышей более позднего времени сказать точно затруднительно, так как подобные исследования не известны. На примере анализа пожара сельского дома 1960 г. постройки изучены некоторые вопросы, связанные с этой проблемой. В результате наблюдений и сопоставлений получены сведения, связанные с характером сохранности при пожаре конструктивных элементов строений и предметов в них. Эти данные, возможно, использовать в археологических исследованиях при решении проблем по реконструкции внешнего облика здания.

Ключевые слова: пожар, экспериментальная археология, реконструкция

Е.П. Zagvazdin
Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the RAS
St. Ac. Yu. Osipov, 15, Tobolsk, Russia, 626152
kulay_arx@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8438-3448>

Fire: disaster in focus of archeology

Abstract

In this article, we examine the topic of destruction of (mainly wooden) buildings by fire and the issue of documenting and interpreting the remaining traces of destructive exposure to high temperatures. We conducted an experiment designed to answer several questions concerning archaeologizing buildings exposed to fire. Similar studies had been carried out using replicas of houses from different periods, down to the High Middle Ages. However, it is hard to say for certain how fire would affect a traditional log house with a gable roof from a later period, since there are no relevant studies. We explore this issue through the analysis a country house fire in 1960. Basing our research on observations and comparisons, we obtained data regarding the preservation of structural components of buildings and items in them when exposed to fire. The data can be used in archaeological research when exploring the issues of building exterior restoration.

Keywords: fire, experimental archeology, reconstruction

Введение. Изучение процессов горения и следов воздействия огня составляет особый интерес в работе исследователя. Несомненно, это связано с тем, что тема огня пронизывает человеческую культуру с глубокой древности и присутствует во многих сферах нашей деятельности. Огонь также является специфическим отражени-

ем широких явлений и процессов в обществе. Большой простор для изучения этих взаимосвязей дает экспериментальная археология. Ценным открытием в эксперименте стало то, что моделирование процесса взаимодействия огня с предметами быта рассматривается не по отдельности, а в некотором замкнутом комплексе, которым зачастую выступает жилище.

Моделирование процесса разрушения реплик жилищ огнем воспроизводилось не единожды. В 1958 г. случайный пожар жилища «неолитической» деревни в Аллерследе (Дания) положил начало целенаправленному изучению следов пожара. В 1962 г. датские экспериментаторы подошли к процессу более творчески и сожгли модель дома эпохи железа размером 14х6 м с жилой частью и отделением для скота. Внутри разместили копии деревянной и глиняной посуды, различные орудия труда. Весь процесс тщательно документировался [Малинова, Малина, 1988, С. 28].

В России интересен опыт И.Г. Глушкова по реконструкции и моделированию жилища неолитического поселения Чилимка V, подвергшегося воздействию огня. Работы проводились летом 1989 г. на р. Тром-Аган (Ханты-Мансийский автономный округ). Цель этого эксперимента — проследить взаиморасположение и перемещение находок после разрушения огнем и с течением времени. В этом опыте на первом этапе использовался уменьшенный макет жилища (1:10), который намеренно разрушался (сжигался) с целью анализа распределения углей и анализа фаз горения и разрушения конструкции на открытом воздухе [Глушков, 1992]. Но наиболее показательным было натурное макетирование, включающее все стадии строительства жилища: от выборки котлована до покрытия кровли дерном. Построенное сооружение также было сожжено, но перед этим был поставлен еще один эксперимент: на крыше раскладывался условный «мусор» — осколки стекла, а на полу жилища — обрезки жестяных крышек от консервных банок [Глушков, 1992, с. 20]. Исследование остатков археологизированного жилища произошло в 1999 году. Вскрытие жилища показало, что планиграфия формирования слоев, планиграфия и стратиграфия среза во многом идентичны [Васильев, 2002, с. 18].

Однако возможно ли провести подобную аппроксимацию и опыт полномасштабного макетирования, применяя сходный алгоритм для изучения процесса огневого

разрушения русской избы? Насколько известно, подобных работ в нашей стране до недавнего времени не проводилось. Летом 2019 г. под г. Хотьково в Московской области состоялся похожий эксперимент по сожжению реплики постройки XI в. хозяйственного назначения, раскопанной в Новгороде [Залунин, 2019; Шуляев, 2019]. Задачи, поставленные в том эксперименте во многом схожи с теми, что определены И.Г. Глушковым. Главная мысль эксперимента в общих чертах заключается в том, чтобы всесторонне проследить процесс археологизации сожженного строения и предметов, находящихся в том.

Главные проблемы подобного эксперимента состоят в том, что построить полноразмерную избу весьма затратно, а кроме этого ее трудно контролируемо сжечь, не опасаясь повлечь за этим неуправляемый пожар. Поэтому все подобные эксперименты достаточно редки и проводятся в достаточном удалении от селитебной зоны. Однако существует другой вариант, способный частично соблюсти этапы эксперимента, а именно наблюдать реальный стихийный пожар на территории поселения и фиксировать его последствия. В этом случае, конечно, трудно провести полный комплекс подготовительных работ, подобных тем, которые проводились в полевых условиях по намеченной заранее программе. Поэтому приходится лишь отмечать процесс горения и следы воздействия пожара. Однако в нашем случае отмечались все этапы огневого разрушения строений, а для сравнения привлекались материалы, связанные с допожарной историей усадьбы.

Материалы и методы. Рассмотрен процесс горения и следы огненного воздействия на конструкции усадьбы в микрорайоне Сумкино (г. Тобольск) по ул. Дачная, 32 с жилой и хозяйственными постройками (ил. 1.). Центральный объект — это построенный в 1960 г. из круглого леса одноэтажный дом с двускатной шиферной крышей, возведенный на мелкозаглубленном бетонном фундаменте (рис. 1–3). С запада к дому примыкало крыльцо и тамбур, в котором находилась летняя кухня, а также чулан с лестницей для доступа на чердак. Внутри дом делился легкими дощатыми перегородками на прихожую, кухню, зал и спальню. Общая площадь дома составляла 35,5 м², а жилая — 21,2 м².

Дом с той же стороны, что и крыльцо имел крытый двор и гараж с общей односкатной крышей, крытой железом. Гараж из шлако-цементного материала с двором построен в одно время, в 1991 г. Крыша

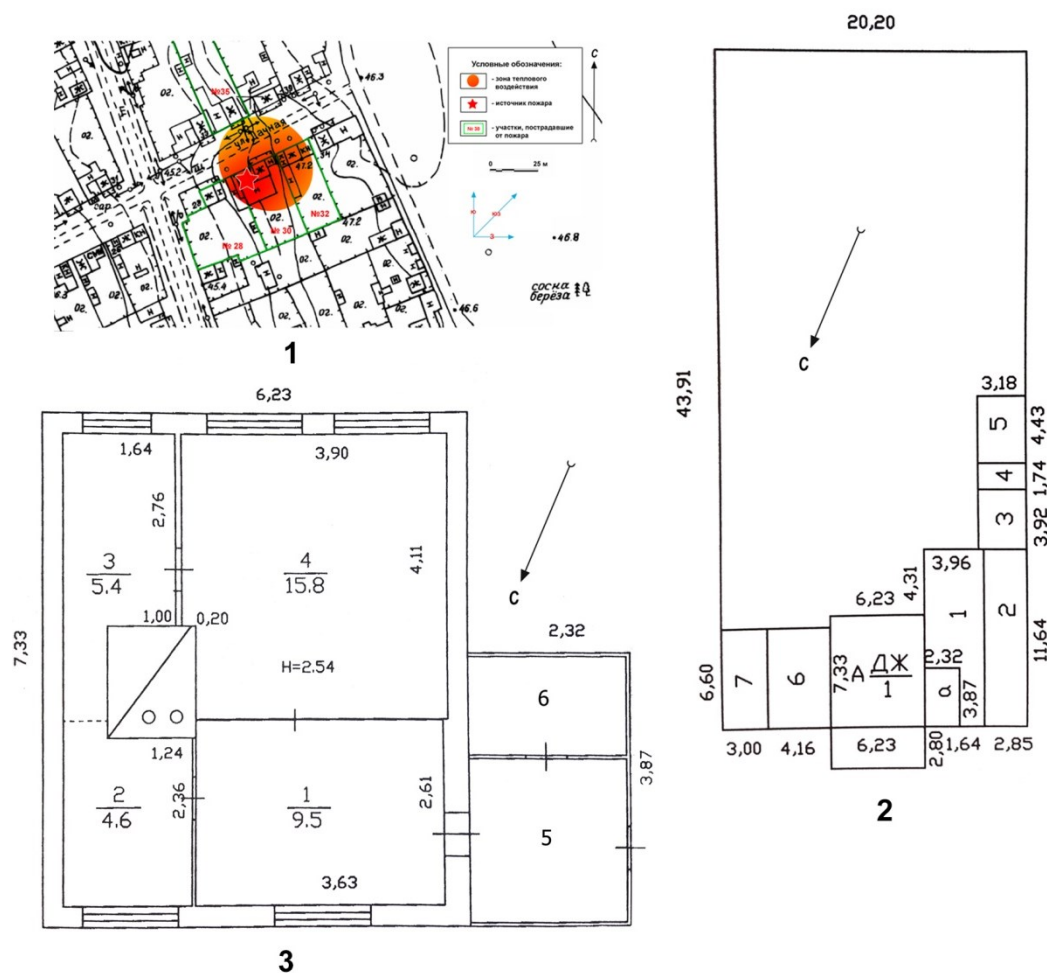
двора своим южным краем опиралась на стены этого гаража.

В крытом дворе также располагались дровяник и теплый туалет, а за пределами этого двора — хлев и баня из бруса под общей двускатной крышей. К бане с востока примыкали дощатый летний туалет и небольшая пристройка для хранения садового инвентаря. К южному торцу бани была пристроена теплица, основу которой составляла рама из шлакоцементного материала. Примерно в 18–20 м от южной стены дома, на огороде, располагалась другая теплица, выполненная в деревянном исполнении.

С востока, вплотную к дому был пристроен второй гараж с односкатной крышей, построенный по той же технологии и примерно в это же время, что и предыду-

щий. Между гаражом и соседским участком находился навес из досок, покрытых рубероидом. Навес располагался на уровне крыши гаража и конструктивно держался на врытых в землю деревянных столбах. В целом, дом за всю свою историю дом не претерпел значительных изменений. В начале 1990-х гг. его закрытый двор был реконструирован, а с северной стороны пристроен гараж.

Во время пожара усадьбы все этапы разрушений регистрировались на фото и видео. Основной же процесс расчистки конструкций с документированием и анализом следов воздействия огня проходил несколькими днями позже, после окончательного остывания всех конструкций и возможности безопасного доступа к ним.

Ил. 1. Архив автора. Микрорайон Сумкино, ул. Дачная, 32. План усадьбы (1 — фрагмент плана мкр. Сумкино с участком возгорания; 2 — план участка с постройками (1А — дом с полисадником, 1 — крытый двор (а — крыльцо с тамбуром), 2 — первый гараж, 3 — хлев, 4 — коридор для подхода к сеновалу и входа в баню, 5 — баня, 6 — второй гараж, 7 — навес); 3 — план дома (1 — гостиная, 2 — кухня, 3 — спальня, 4 — зал, 5 — тамбур с летней кухней, 6 — чулан)).

Fig. 1. Author's archive. Microdistrict Sumkiino, st. Dachnaya, 32. Plan of the estate (1 — fragment of the Sumkiino microdistrict plan with the fire place; 2 — plan with a front garden, 1 — covered courtyard (a — a porch with a vestibule), 2 — the first garage, 3 — 4 — corridor for approaching the hayloft and entrance to the bathhouse, 5 — bathhouse, 6 — second garage, 7 — shed); 3 — house plan (1 — living room, 2 — kitchen, 3 — bedroom, 4 — hall, 5 — vestibule from the summer kitchen, 6 — closet)).

Результаты и обсуждение. Пожар начался 12 мая 2014 г. в 17.35 на соседнем участке по ул. Дачная, 30 (ил. 2–1–2). Возгорание началось в бане из-за неосторожного обращения с огнем при сжигании мусора в печи. Из-за высокой температуры окружающего воздуха (+24 -29°) и ветра, дувшего со скоростью 4–6 м/с по направлению юго-запад — запада-юго-запад пожар быстро охватил постройку и перекинулся на соседние строения. В результате пожара на участке возгорания была полностью уничтожена баня, жилой дом, другие хозяйственные постройки. На соседнем участке №28, примыкающем к очагу пожара с запада, был поврежден металлический гараж: сгорела крыша, под которой хранилось сено. В доме №35, находящемся напротив очага пожара из-за высокой температуры были повреждены стекла в двух

окнах. Из-за сухой и ветряной погоды огонь стал продвигаться севернее от основного очага пожара. По крышам смежных строений он перекинулся на дом №32 и его хозяйственные постройки.

На данном примере остановимся более подробно, так как процесс горения, тушения, разборки завалов нами фиксировался более детально, чем на соседних участках. На доме №32 сначала загорелась крыша, которая после прогорания стропильных конструкций сложилась внутрь чердачного пространства. Чердак для тепла был засыпан угольным шлаком — распространенным и дешевым утеплителем. После «разгерметизации» помещения из-за лопнувших оконных стекол, а также прогорания чердачного перекрытия, огонь начал активно проникать внутрь помещения.

Ил. 2. ПМА. Постройки в процессе горения (1, 2 — центр пожара по ул. Дачная, 30 (А — источник пожара (баня)). Вид с улицы; 3 — дом по ул. Дачная, 32. Вид с улицы; 4 — дом по ул. Дачная, 32. Вид с юга).

Fig.2. Author's field materials. Buildings in the process of burning (1, 2 — fire center at 30 Dachnaya street (A — fire source (bath)). View from the street; 3 — house at 32 Dachnaya street. View from the street; 4 — house at Dachnaya, 32. View from the south).

Деревянные перегородки внутри дома, делившие его на зал, спальню, прихожую и кухню были уничтожены полностью (ил. 3). Упавшие сверху горящие конструкции приве-

ли к прогоранию полового покрытия (крашенные коричневой краской доски толщиной 40 мм). Сквозь прогары в полу просочился шлак, упавший с чердака и затек в погреб,

почти заполнив прямоугольную яму. Следов прокала в подпольном пространстве или деформации поверхности погреба не обнаружено. Все предметы, находившиеся под полом, сильно пострадали. Огонь не сильно повредил русскую печь: была деформирована железная рама плиты, штукатурка и краска по поверхности отстала, оставив лишь красный кирпич. Печь находилась фундаменте — раме из толстых бревен, стоявших на кирпичных столбиках. Рама была тронута огнем, а кирпичные столбики закоптились.

Пожар в доме изменил до неузнаваемости привычную планировку. Ориентироваться в пространстве для поиска вещей пришлось по оконным проемам. В огне уцелели небольшие предметы, находившиеся на полу или не высоко от него, так как оказались в короткое время погребены под слоем шлака и другого мусора. Поэтому *in situ* на полу были обнаружены припрятанные посуда, столовые приборы; документы и ордена, спрятанные в жестяной ящик и т.п.

Ил. 3. ПМА. Ул. Дачная, 32. Следы огня внутри дома (1–3 — на уровне пола, у печи; 4–5 — ниже уровня пола, у печи; 6 — для сравнения: состояние печи до пожара).

Fig. 3. Author's field materials. St. Dachnaya, 32. Traces of fire inside the house (1–3 — at floor level, near the stove; 4–5 — below floor level, near the stove; 6 — for comparison: the place next to the stove before fire).

Осмотр показал, что распространение огня от наружной стороны дома до его внутреннего пространства привело к обугливанию бревен сверху донизу, включая подпол. Следы обугливание стен внутри, по некоторым археологическим данным, интерпретируются в следующем ключе — источник пожара находился внутри строения [Татауров и др., 2016, с. 433]. Однако, как мы убедились, эта часть стены также обугливается, даже если первоначально источник пожара находился снаружи.

Сгоревшее дерево от кровли и перекрытий, в основном, обрушивалось внутрь строений. Предполагалось, что в ходе тушения пожара зола и уголь будут покры-

вать достаточное пространство вокруг дома и двора из-за ветра, а также по причине его интенсивного втаптывания во влажную землю. Оказалось, что угля на земле с внешней стороны стен дома и двора практически нет, а там где он имеется, то не лежит сплошным ковром, а лишь отдельными головешками и мелкими угольками. К примеру, протяженное пятно угля прослеживался лишь у бани, на месте сгоревшей пристройка для хранения садового инвентаря (ил. 4–2). В остальных местах угольный след от места пожара, прослеживается лишь на расстоянии до 1,5–2 м. Его максимальная концентрация — у стен строений.

Несмотря на то, что хозяйственные постройки за пределами крытого двора были уничтожены до основания, все-таки линия застройки после расчистки сгоревших конструкций прослеживалась достаточно уверенно по нижним венцам. Характер воздействия огня на стены постройки находит аналогии в картине разрушения реплики неолитического жилища Чилимка

V [Глушков, 1992, с. 33]. По данным Н.Г. Глушкова, планиграфия расположения углей и обугленных бревен повторяет принципиальные конструктивные детали только основного каркаса строения. Различия заключаются в том, что в реплике жилища Чилимка V его каркас помещался в котлован, а в нашем случае постройка была наземная.

А Б В Г

2

Ил. 4. ПМА. Ул. Дачная, 32. Сопоставление расположения надворных построек до (1) и после (2) пожара (стрелками отмечено: А — теплица, Б — тротуар, В — летний туалет, Г — развал печи бани).
Fig. 4. Author's field materials. St. Dachnaya, 32. Comparison of the location of outbuildings before (1) and after (2) the fire (arrows indicate: A — greenhouse, B — sidewalk, C — summer toilet, D — collapse of the bath stove).

Причина сохранности нижних венцов связана с тем, во-первых, что они частично «заросли» современным культурным слоем, и, следовательно, полностью уничтожить их огнем затруднительно из-за низкой теплопроводности грунта. Во-вторых, пожар шел по крыше, поэтому при ее обрушении и прогорания перекрытия, вниз, с чердака, упала сухая земля. Она послужила некоторым препятствием для полного прогорания нижних венцов. Прямым указанием на теплопроводные свойства грунта служит и тот факт, что пол в хлеву, сделанный из широких досок и уложенный прямо на землю, не пострадал (ил. 5).

Отметим, что после пожара лучше всего сохранились стены у хлева (до 5 вен-

цов), в то время как у бани сохранилось лишь 1–2 венца. И это невзирая на то, что эти два строения конструктивно схожи, так как были построены из бруса и находились под одной двускатной крышей. Кроме этого, огонь наиболее интенсивно шел по смежным соседским дворовым постройкам, а наиболее близкими к ним оказался как раз хлев, а не баня. Противоречивая картина сохранности нижних венцов этих двух построек объясняется тем, что тушение пожара шло от входных ворот в сторону двора. Поэтому наиболее удаленные постройки заливались водой в последнюю очередь. Это, естественно, сказалось на меньшей сохранности конструкций строения.

Ил. 5. ПМА. Ул. Дачная, 32. Хозяйственная постройка (хлев)
(1 — в процессе тушения, 2 — в процессе расчистки).

Fig. 5. Author's field materials. St. Dachnaya, 32. Outbuilding (barn)
(1 — in the process of extinguishing, 2 — in the process of clearing).

На месте бани были прослежены бесформенные остатки кирпичной печи. Ближе к ней найдены поврежденные огнем вещи, находившиеся до пожара у трубы, на чердаке. Расположение этих предметов показало, что при сгорании перекрытия они проваливаются вниз, практически не раскатываясь по сторонам. У восточной стены бани зафиксировано вытянутое по длинной линии участка угольное пятно — след сгоревшей пристройки для хранения садового инвентаря.

У теплицы, расположенной у южной стены бани, выгорели все деревянные рамы и остался только каркас из шлако-цементного материала. Частично была затронута тепловым воздействием другая теплица, но расположенная дальше всех от источника пожара, в центре участка — у нее загорелась торцовая стенка. Таким образом, тепловое воздействие, достаточное для возгорания деревянных конструкций отмечено на всей северной половине участка.

Закключение. Анализ показал, что при интенсивном пожаре, охватывающем все здание целиком, тепловому воздействию

подвергается не только его внешняя, но и внутренняя сторона стены, сверху донизу, не исключая пространства под полом, даже если первоначально источник огня находился снаружи. Влияние огня хорошо прослеживалось по мощным следам угля и копоти на бревнах и бруссе.

Расчистка конструкций сгоревших построек продемонстрировала, что даже при полном уничтожении их абрис уверенно документируется за счет сохранившихся нижних венцов, частично погруженных в грунт. Прослежено, что после сгорания здания уголь от конструкций концентрируется непосредственно внутри зданий, а также там, где ближе всего к стенам находились деревянные пристройки. В других местах по периметру здания его следы незначительны и прослеживаются на расстоянии до 1,5–2 м от стен. Эти данные показывают, что по планиграфическим особенностям распределения угля возможно реконструировать общее положение строения и его примерный размер, даже если нижние венцы не сохранились.

Из-за шлака и земли, упавших в процес-

се прогорания перекрытия, часть предметов, находившихся на уровне пола, сохраняются *in situ*, так как оказываются погребены под ними. Установлено, что предметы, находившиеся на чердаке, после разрушения перекрытия падают вниз, практически не раскатываясь по сторонам. Это, в свою очередь, даёт некоторое понимание картины их расположения на разных уровнях дома: от чердака до подпольного пространства.

В целом, изучения остатков сгоревших деревянных конструкций и сопоставление с обликом строений до пожара важно для понимания процесса огневого разрушения. Помимо этого, с практической точки зрения, эти данные дают возможность глубже подойти к реконструкции облика утраченного архитектурного объекта.

Список литературы

1. Глушков И.Г. Реконструкция и моделирование неолитического жилища (по материалам поселения Чилимка V) // Экспериментальная археология: Известия лаборатории экспериментальной археологии Тобольского пединститута тезисы и материалы. Тобольск: Изд. ТГПИ, 1992. — Вып. 2. — С. 18–33.

2. Васильев В.Г. Экспериментальное моделирование археологических жилищ (по материалам памятников неолита — бронзы таежной зоны Среднего Приобья). Автореферат. — Барнаул, 2000. — 23 с.

3. Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое: Эксперимент раскрывает тайны древних эпох. — М.: Мысль, 1988. — 271 с.

4. Залунин А.О. Сгорел сарай — гори и хата // Proshloe. — 16.06.2019. URL: <https://proshloe.com/sgorel-saraj-gori-i-hata.html> (дата обращения: 01.01.2021).

5. Шуляев С.Г. Огненный эксперимент: три месяца спустя // Proshloe. — 24.09.2019. URL: <https://proshloe.com/ognennyj-eksperiment-3-mesyatsa-spustya.html> (дата обращения 24.09.2019).

6. Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Черная М.П. Итоги раскопок исторического центра

города Тары в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. — Т. 22. С. 432–434.

References

1. Glushkov I.G. Rekonstrukcija i modelirovanie neoliticheskogo zhilishha (po materialam poselenija Chilimka V) [Reconstruction and modeling of a Neolithic dwelling (based on materials from the Chilimka V site)]. In: Jeksperimental'naja arheologija: Izvestija laboratorii jeksperimental'noj arheologii Tobol'skogo pedinstituta tezisj i materialy. Iss. 2. Tobol'sk: Izd. TGPI, 1992. Pp. 18–33. (in Russ.).

2. Vasil'ev V.G. Jeksperimental'noe modelirovanie arheologicheskikh zhilishh (po materialam pamjatnikov neolita — bronzy taezhnoj zony Srednego Priob'ja) [Experimental modeling of archaeological dwellings (based on materials of Neolithic sites and Bronze age sites of taiga zone the Middle Ob region)]. Dissertarion abstract. Barnaul, 2000. P.23. (in Russ.).

3. Malinova R., Malina Ja. Pryzhok v proshloe: Jeksperiment raskryvaet tajny drevnih jepoh [A jump into the Past: experiment reveals secrets of ancient times]. M.: Mysl', 1988. P. 271.

4. Zalunin A.O. Sgorel saraj — gori i hata [A Barn burned down — burn and a hut]. In: Proshloe. June 16, 2019. URL: <https://proshloe.com/sgorel-saraj-gori-i-hata.html> (accessed January 1, 2021). (in Russ.).

5. Shuljaev S.G. Ognennyj jeksperiment: tri mesjaca spustja [Fire experiment: three months later]. In: Proshloe. August 24, 2019. URL: <https://proshloe.com/ognennyj-eksperiment-3-mesyatsa-spustya.html> (accessed January 1, 2021). (in Russ.).

6. Tataurov S.F., Tihonov S.S., Chernaja M.P. Itogi raskopok istoricheskogo centra goroda Tary v 2016 godu [Results excavations of the historical center Tara in 2016] // Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. Novosibirsk, 2016. Vol. 22. Pp. 432–434. (in Russ.).

Материал передан в редакцию 11.05.2021

А.А. Люцидарская
Институт археологии и этнографии СО РАН
пр-т Академика Лаврентьева, 17, г. Новосибирск, Россия, 630090
lucid1@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3131-5350>

Организация пространства в сибирских городах и близлежащей им округе как знак развития коммуникативной среды. XVII — начало XVIII в.

Аннотация

Русское государство и Монголия в XVII — начала XVIII в. старались избежать прямых военных столкновений, прибегая к политическим методам, переговорам на уровне представителей высших властей и личным встречам сибирских воевод монгольских князей. Русское царское правительство преследовало цели оборонительной политики и возможности расширения пределов государства. Фиксации пространства придавалось особое внимание, поскольку территория государства была сакральна и нуждалась в постоянной заботе и контроле со стороны царского правительства. Организация колоссальной сибирской территории началась с возведения форпостов, острогов и городов. В каждом вновь образованном населенном пункте были свои пространственно-временные обстоятельства. На воевод возлагались множество задач как политического направления, связанных с регулированием отношений с соседними государствами и государственными объединениями, так и установления договорных отношений с аборигенами края. Каждая такая встреча заранее готовилась и разведывалась. Пространству, задействованному в организации переговорного процесса, придавалось существенное значение. При этом, понятия времени и пространства переплетались теснейшим образом и определить размеры пространства без учета затраченного на его преодоление времени зачастую для людей XVII в. было невозможно.

Ключевые слова: Сибирь, пространство, время, служилые люди, съезжая изба, территории, Монголия, послы, дипломатия, переговоры, воеводское управление, городские постройки

А.А. Lyutsidarskaya
Institute of Archeology and Ethnography of the SB of the RAS
(Novosibirsk)
Akademika Lavrentieva Avenue, 17, Novosibirsk, Russia, 630090
lucid1@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3131-5350>

The Siberian towns and their neighborhood areas as sign of the communication habitat. 17th and the beginning of the 18th centuries

Abstract

Russia and Mongolia tried to avoid direct military clashes in the 17th — early 18th centuries. They prefer political methods and negotiations, symbolical expressed in personal meetings of the Siberian and Mongol governors. The Russian tsarist government pursued the goals of a defensive policy and the expanding the state boundaries. The mapping of space was given special attention, since the territory of the state was sacred and needed constant care and control from the tsarist government. The organization of the huge Siberian territory began with the construction of outposts, forts and towns. Each newly formed settlement had its own spatio-temporal circumstances. The voivode was entrusted with many tasks of both the political direction, related to the regulation of relations with neighboring states and state associations, and the establishment of contractual relations with the aborigines of the region. Each such meeting was prepared and scouted in advance. Significant importance was attached to the space involved in organizing the negotiation process. At the same time, the concepts of time and space were closely intertwined and determine the space and its symbols.

Keywords: administrative buildings, ambassadors, diplomacy, habitat, Mongolia, negotiations, provincial administration, service people, Siberia, sign, space, symbol, territories, time

Введение. Время и пространство являются основополагающими формами человеческого опыта. В этой картине мира мировидение перестраивается, подразумевая, не один только элемент — пространство, но все входящие в него основные компоненты, в частно-

сти тесно связанные с представлением о пространстве, представления о времени [Гуревич, 1984, с. 43, 348].

Восприятие пространства и времени в разных обществах были далеко не однозначными. Современное восприятие пространственно-временного континуума, казалось бы, не приемлемым, например, русским людям XVII столетия, точно также как нам не всегда удается хронологически правильно выстроить ход событий и правильно сориентироваться в пространстве, опираясь на архивные документы ушедших веков.

Пространственно-временные понятия всегда находятся в контексте того культурного поля, в котором живет человек. Колонизация сибирской территории ставила задачи не только расширения границ государства, но и работу по организации нового пространства, проявляющуюся в утверждении святынь и мест, обладающих повышенным социальным статусом. Без должного благоустройства пространства Сибири не реален был доступ к ее богатейшим ресурсам. Организация колоссальной сибирской территории началась с возведения форпостов, острогов и городов. В каждом вновь образованном населенном пункте были свои пространственно-временные обстоятельства.

В сибирских городах XVII — начала XVIII в. на воевод, проводников государственной политики Центральной власти государства, возлагались множество задач как политического направления, связанных с регулированием отношений с соседними государствами и государственными объединениями, так и установления договорных отношений с аборигенами края. Все эти вопросы решались и рассматривались в крупных городах регионального значения в пространстве, предназначенном для решения такого рода задач.

Центральные и сибирские власти пытались контролировать или, во всяком случае, иметь детальное представление о пространствах, связывающих сибирские населенные пункты с пограничными им землями. В значительной степени это касается восточных территорий, какой являлась территория Монгольского государства. Обе стороны этого процесса: русское государство и Монголия старались избежать прямых военных столкновений, прибегая к политическим методам, переговорам на уровне представителей высших властей и личным встречам сибирских воевод монгольских князей.

Каждая такая встреча заранее готовилась и разведывалась. Пространству, задействованному в организации переговорного процесса, придавалось существенное значение. При этом, понятия времени и пространства переплетались теснейшим образом и

определить размеры пространства без учета затраченного на его преодоление времени зачастую для людей XVII в. было просто невозможно. Об этом наглядно свидетельствуют, многочисленные архивные материалы, в частности приведенный ниже статейный список, датируемый концом XVII в.

Полученные результаты и их обсуждение. Архивы XVII — начала XVIII столетий хранят документы подобных политических мероприятий. В 1681 г. в статейном списке, посланного из Селенгинска сына боярского В. Турского в Монгольское государство достаточно подробно описано пространство, которое ему пришлось преодолевать по пути по пути в пределы монгольского ханства [Сборник., 1960, с. 247–250].

Василий Турсков вышел из Селингиска 2 июля и того ж числа он достиг в урочища речки Тагалцаре. На следующий день он был на речке Бырке и остановился, пересекши речку на лугу по краю реки Чикоя. Интересно, что некоторые водные артерии источник именуется речками, а другие реками это различие кроется в размерах водных преград. Затем отряд Турского вышел к речке Посольская, которая впадала в реку Чикой. Описывая пространство, Турской не забывал отмечать монгольские кочевья, встреченные им по дороге.

Переехав реку Чикой, Турской вышел к речке Букулей. Там была вынужденная остановка из-за сильного дождя, которая продлилась 3 дня. Через эту речку искали брод, но так и не нашли, но через преграду все же переправились. На 8-ой день своего путешествия отряд Турскова пересек реку Ирой и продолжил путь мимо улуса тайши Ирдени Бин.

Источник отмечает, что кочует тайша с принадлежащими ему улусными людьми, расположенными «по край реки Ира, против камени Бурухчи». Все виденное в дороге, отряд Турскова тщательно описывал, не упуская мелочей. Он отмечает, что в монгольском тайша Ирдени Бин располагает 500 улусными людьми. Такое пристальное внимание к пространству и расположенным на нем объектам, объяснялось вероятностью возможных военных действий на этих территориях.

На 9-ый день пути отряд русских казаков перемещался вдоль речки Кейтун и миновав ее вышел к речке Мухора, отмечая встреченные кочевья и количество улусного населения. Десятый день пути был отмечен выходом к реке Шару. Затем, преодолев р. Битег Турсков заметил наличие пашенных монголов, ведущих, судя по всему, оседлый образ жизни. Турсковым были выявлены выявлены 2 небольшие дощаные городка. «А от тех городков едучи из Селенгинского на левой руке» стоял сын тайши со своими улусными людьми, казаки насчитали 30 юрт [РГАДА. Ф. 214. Оп.

5. Ед. хр. 571. Л. Л. 249].

В дороге Турсков расспрашивал встречных монголов о превратности пути и договаривался о возможной остановке и отдыхе. Дальнейший путь пролегал мимо озера Кунцалак к реке Бургатай. Русский отряд продолжал свой путь так же скрупулезно описывая местность и отмечая встречные монгольские кочевья. На лугу, «по краю реки Толы» Турсков отметил 2 деревянных сарая и описал конструкцию этих сооружений. «А против тех сараев за Толою рекою гора высокая, называют ее Кан Ола». Русские путешественники узнали, что на горе рос заповедный лес, в котором обитали «пущены» звери, возможно пушные, ловить же этих зверей запрещалось монгольскими властями.

Спустя 2 недели Турсков послал к местным монгольским правителям толмача Ивана Бодоря в сопровождении двух служилых людей, чтобы поставить монголов в известность о своем приезде в качестве посланника от русских воеводских властей. В дальнейшем последовали политические переговоры. В Селенгинск Турской вернулся 18 июля, пробыв в поездке три почти недели. Расстояние, которое прошел отряд казаков, возглавляемых В. Турсковым, можно определить только исходя из затраченного времени. Такое сопряжение времени и расстояния было обычным для той поры.

Таким образом, если исходить из рассуждений о том, что в среднем отряд казаков преодолевал в день 30 километров, учитывая стоянки и неблагоприятные непредвиденные обстоятельства, то за 14 дней пути преодоленное пространство могло составлять более 400 км, и весь этот путь был проанализирован и описан. Надо иметь в виду, что казачьему отряду пришлось иметь дело с хаотичным, неосвященным и неорганизованным пространством с точки зрения православного представителя царской власти русского государства.

Прибыв на место встречи с монгольскими властями, Турскова с его сопровождением приняли Очирой Саид ган и Кутухта для расспросов об их цели и намерениях. Ведя переговоры, Турсков и его люди продолжали отслеживать и описывать пространство, в котором находились, учитывая близлежащие реки и озера. Таким образом, поездка, преследуемая политические цели, стала разведывательной для подробного описания пространства на всем пути следования. Такая фиксация местности в дальнейшем могла пригодиться в случае возможных военных конфликтов русских казаков с монгольскими правителями.

Монгольские населенные пункты, улусы, имели значительные отличия от сибирских

городов и острогов, главным, определяющим отличием являлся кочевой образ жизни соседствующего с русскими монгольского этноса. Казачий отряд Турскова в поездке знакомился с монгольским миропорядком и образом жизни своих южных соседей. Толмач в казачьем окружении Турскова играл важнейшую необходимую роль на всем пути следования и активно участвовал в переговорах. Описав местность и пространство, расположенное около урочищ монгольских правителей, казаки двинулись в обратную дорогу к Селенгинску. Исходя из текста статейного списка, обратная дорога к Селенгинску заняла гораздо меньше времени. В дальнейшем началась подготовка к встрече «на высшем уровне» в Иркутске представителя царской власти Русского государства с посланцем монгольского правителя.

Пространство вблизи значимых городов приобретало определенный статус принадлежности к системе устройства миропорядка Российского государства. В городской округе обычно обустроивались деревни и села со значительным, по меркам того времени, населением. В случаях необходимости это «сельское» население призывалось в город для создания большей убедительности численности горожан. Такая практика нередко применялась в столичном сибирском городе Тобольске для демонстрации и подкрепления воеводской власти.

В результате длительной и трудоемкой подготовительной работы в Иркутске на посольском дворе состоялась встреча письменного головы Леонтия Кислянского с посланцем монгольского хана Серенчином Зорикту.

Это дипломатическое мероприятие зафиксировано в Государственном архиве древних актов и опубликовано в Сборнике документов по истории Бурятии [Сборник..., 1960, с. 249]. Как правило, к подобным приемам тщательно готовились, чтобы в полной мере показать значимость русского государства, силу сибирских воеводских властей и проявить необходимое уважение к прибывшей делегации.

Из текста описания организации пространства для встречи посланца монгольского царя Очирой Саин хана Серенчин Зорикту в Иркутском остроге в 1684 г. была проведена значительная работа. Как видно из текста архивного документа, к этой встрече долго готовились, не упуская отклонений от положенного в таких случаях дипломатического этикета. Посланца и его свиту встречали уже на подъезде к городу специально выделенные казаки и переводчик. Путь делегации пролегал как по суше, так и по реке Ангаре. Ехали монгольские посланники с Мельничного лугу сначала до двора служилого человека иркутского казака и до Ангары, затем их встретили селен-

гинские служилые люди и толмач.

Путешествовали монголы, как было принято, на своих лошадях. Через Ангару посланец переправлялся в лодке, а далее было предписано «плыть под берегом» до Верхнего Иркутского острогу, затем, выйдя из лодки гости направлялись пешком к посольскому двору, назначенному же приставу Д. Уразову следовало идти с ними по правую сторону в ряд, «куда посланец пойдёт» и стоять по «по обе стороны».

К посольскому двору посла сопровождали казаки, которые шли с гостями, выстраиваясь в ряд с правой стороны. Далее по ходу продвижения посланников служилые, промышленные и гулящие люди должны были стоять, в нарядном цветном платье со знаменами и барабанами. У самого посольского двора располагались праздничные одетые служилые, торговые и посадские люди с оружием. Дворяне и начальствующий состав казаков, а также заслуженные казаки, подьячие и толмачи располагались в пределах самой посольской избы.

Таким образом, перед торжественной встречей послов пространство строго ранжировалось и степень повышения статуса задействованного пространства знаковым подтверждением тому служило вовлечение в мероприятие статусного казачества и воеводской администрации. В подготовке к встрече принимали участие также торговые люди, даже в том числе приезжие, находящиеся на этот момент в городе.

В связи с подготовкой к дипломатическому приему, посольская изба также претерпела изменения качества пространства, что свидетельствовало о неоднократных и уже «наработанных» изменениях. Потолок и стены посольской избы были обиты красными и зелеными сукнами, на столы были покрыты коврами, на лавки положены паласы. Из торговых рядов для этого случая были взяты красные и зелеными сукна для того чтобы покрыть площадь крыльца и пространство перед съезжей избой. По окончании переговоров послов снабдив, подарками и пищей на дорогу торжественно тем же проверенным путем проводили [Сборник..., 1960, с. 281–282].

Из приведенного текста документа следует, что в значимые моменты, связанные с неординарными событиями большое внимание воеводских властей уделялось организации и качеству пространства, задействованному в проводимых мероприятиях. Для этого требовались определенные затраты материальных и людских ресурсов жителей города и расположенных рядом территорий.

В приведенном документе описана встреча послов сопредельного государства, однако крупные сибирские города были и местом встреч аборигенных князев, про-

живающих на территории Сибири, с воеводскими администрациями. Естественно, они проходили в более спокойной обстановке, однако принимались необходимые меры для демонстрации центральной государственной царской власти и воеводского управления Сибири.

Территория, вокруг главного административного центра сибирских городов, съезжей или приказной избы, обладала повышенным статусом. Именно здесь собирался народ в экстренных и неординарных событиях городской жизни. Это касалось всех сторон бытия горожан. Так, в столице Сибири, в Тобольске в 1639 г. назрела конфликтная ситуация между воеводой Темкиным-Ростовским и иноземным по происхождению сыном боярским Савой Французениным. Центром событий стало пространство, прилегающее к съезжей избе, которое заполнили, призванные воеводой русские жители, а также татары и бухарцы, проживающие в близлежащей округе.

Таким образом, вся территория от церкви до воеводского административного центра была заполнена людьми. Стоя на крыльце съезжей избы, воевода объяснял народу сложившуюся ситуацию, которая в дальнейшем при вмешательстве митрополита Нектария была так или иначе разрешена во время церковной службы [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Ед. хр. 571. Л. 411–421].

В православной Сибири административная и духовная власти были тесно связаны не только в плане духовного единения, но и пространственно. В съезжей избе непременно висела икона или был иконостас и игнорирование святынь при входе в пространство административного помещения считалось грубым нарушением установленного миропорядка и определенным образом наказывалось.

В XVII в., особенно в первой половине этого периода, на территории Сибири, населенной многочисленными этносами, не прекращались военные конфликты между отдельными коренными народами. Длительное время существовало сопротивление приходу русских в пределы Сибири со стороны коренного населения, чтобы противостоять этому, правительство, посредством воеводских властей заключало мирные договоры с автохтонным населением края.

Однако прочность этих договоренностей была неустойчивой, и чтобы исключить их нарушения, в Сибири практиковалась такая мера как взятие заложников, аманатов. Причем, заложников-аманатов предпочитали брать из родовитых семей. Специально для содержания аманатов выделялись помещения, так называемые аманатские избы, которые существовали повсеместно почти во всех сибирских городах начиная с XIV в.

Нельзя сказать, что отношение к аманатам везде и всегда были одинаковые, оно зависело от множества факторов, соответственно и содержание их разнилось, кроме того, зависело от статуса заложников. Большинство помещений аманатских изб мало отличались от тюремных помещений. В отдаленных острогах аманаты содержались в тесных избах, тогда как в крупных городах заложникам отводилось больше внимания. Наличие аманатного двора позволяло добиваться каких-то минимальных норм содержания аманатов в остроге. Многие аманаты пытались жаловаться на условия и склонить администрацию к постройке более просторного аманатского двора [Березиков, 2015, с. 44–46].

Из архивных документов известно, что в 1640 г. енисейские аманаты убежали в Красноярск, надеясь на лучшие условия жизни [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 136. С. 133]. Действительно, в 1620 г. в Красноярске была куплена за 6 руб. изба «для закладников, где аманатов держать». Поскольку Красноярск граничил с «немирными земляцами», в этом городе содержанию заложников уделялось значительное внимание. В 1636 г. усилиями воеводской администрации был сооружен «аманатский двор», который включал в себя крытую драницей избу, постройка которой обошлась казне в немалую сумму — 20 руб., — а также особое караульное помещение, стоимостью в 4 рубля. Площадь тюрьмы и аманатского двора бала огорожена общим забором, тыном.

Скорее всего, на аманатском дворе размещались и иные вспомогательные постройки хозяйственного назначения. Постройки, связанные с содержанием заложников, могли иметь и другие варианты, но чем больше и значительнее был город, тем более выгодные условия существования там создавались для временного пребывания аманатов. В редких случаях особых заложников их числа «немирных» аборигенов размещали в казачьем дворе под специально выделенной охраной [Бахрушин, 1955, с. 48–49]. Практика аманатства существовала вплоть до окончательного включения сибирских этносов в систему русской государственной, тогда же прекратилось существование выделенных территорий и построек для этих целей.

К казенным постройкам, требующим усиленного внимания местной администрации, относились все помещения связанные с хранением оружия и пороха. Для этих целей существовали специальные помещения и так называемые «пороховые погреба». Все это находилось в непосредственной близости от административного центра города.

В Томске в 1707 г. было построено первое каменное здание, «4 палаты кладовые мерою в длину 18 сажень», высота это-

го сооружения достигала 5 аршин, а ширина стен равнялась 1,5 аршин. Своды у этого сооружения были кирпичные, а покрыты они были тесом [Люцидарская, 1992, с. 43]. Скорее всего, именно это первое каменное помещение Томска предназначалось для хранения наиболее ценных с точки зрения воеводской администрации запасов, в перечень которых, несомненно, должны были входить оружие и порох.

Выводы. Пространство городской среды играло самую значимую роль в жизни горожан. Самым высоким статусом обладали территории вблизи духовных и административных центров — церквей и воеводской власти. Но, если церквей в крупных городах могло быть несколько, и они продолжали строиться, то административный центр был неизменно один — воеводская или съезжая изба. Нередко постройки воеводского двора были соединены между собой, так что из одного помещения в другое можно было попасть, не выходя на улицу, что являлось весьма существенным для местного климата.

Воеводы и их ближнее окружение обязательно должны были посещать богослужения. В зимнее снежное время перед воеводой шли специально выделенные люди для расчистки пути от снега, улучшая качество пространства. Вероятно, так же поступали и дворовые люди знатных горожан, расчищая дорогу для своих хозяев. Особенно затруднительным для передвижения горожан становилось время весенней и осенней распутицы. Источники упускают моменты, связанные с этими сезонными трудностями, однако нет сомнений, что горожане сибирских населенных мест, справлялись с этими задачами, поскольку храмы и правительственные места не пустовали в любую погоду.

Межсезонье естественным образом накладывало свой отпечаток на преодоление сибирских путей сообщения. Таяние снегов, разливы рек и речушек в условиях отсутствия приемлемых дорог увеличивали расстояния между отправными точками пути и неизбежно изменяли привычное пространство, эти новые изменения затем могло войти в обиход.

Изучая документы XVII в. наглядно видно, какое внимание уделялось описанию пространств как организованных, обжитых, одухотворенных православной верой, так и необжитых, хаотичных, «диких» территорий. При этом русское царское правительство преследовало цели оборонительной политики и возможности расширения пределов государства. Фиксации пространства придавалось особое внимание, поскольку территория государства была сакральна и нуждалась в постоянной заботе и контроле со стороны царского правительства.

Список литературы

1. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 4. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 480 с.
2. Березиков Н.А. Надзор и принуждение: аманатские избы в Сибири XVII в. // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. Новосибирск: Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия, 2015. Т. 10. Ч. 1. С. 44–46.
3. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Наука, 1984. 406 с.
4. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки XVII–начала XVIII в. Новосибирск: Наука. 1992. 240 с.
5. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Выпуск 1. Улан-Удэ: Наука, 1960. 350 с.

References

1. Bahrushin S.V. Nauchnye trudy [Scientific collection]. Vol. 4. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1955. 480 p. (in Russ.)
2. Berezikov N.A. Nadzor i prinuzhdenie: amanatskie izby v Sibiri XVII v. [Discipline and punish: amanats buildings in Siberia in 17-th century]. Balandinskie chtenija: sbornik statej

- nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina. Novosibirsk, Novosibirskaja gosudarstvennaja arhitekturno-hudozhestvennaja akademija, 2015. Vol. 10. Part 1. Pp. 44–46. (in Russ.)
3. Gurevich A. Ja. Kategorii srednevekovoj kul'tury [Categories of Medieval culture]. Moscow, Nauka, 1984. 406 p. (in Russ.)
 4. Ljucidarskaja A.A. Starozhily Sibiri. Istoriko-jetnograficheskie ocherki XVII–nachala XVIII v. [Siberian starozhil: historical and ethnography essays], Novosibirsk, Nauka. 1992. 240 p. (in Russ.)
 5. Sbornik dokumentov po istorii Burjatii. XVII vek [Collection of Byurat history documents. 17-th century]. Is 1. Ulan-Udje: Nauka, 1960. 350 p. (in Russ.)

Список источников

1. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 136.
2. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Ед. хр. 571.

Список сокращений

- Ед. хр. — единица хранения
Оп. — Описание
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
Стлб. — столбец
Ф. — Фонд

Материал передан в редакцию 06.06.2021

DOI: 10.37909/978-5-89170-287-5-2021-1009
УДК 39+726.54

А.Ю. Майничева
Институт археологии и этнографии СО РАН
Пр-т Академика Лаврентьева, 17, г. Новосибирск, Россия,
630090
annmaini@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0784-4252>

Символические аспекты закладки православных церквей

Аннотация

Статья посвящена символике начального этапа возведения православных церквей, актуальность чего связана с необходимостью обоснования традиционности правил строительства и границ их варьирования. Разметке здания на земле придавались значения, связанные с боговдохновенным озарением и основополагающим актом созидания. Закладка основания храма приурочивались к церковным праздникам. Действия закладки церквей сопровождались пророчествами, что подтверждало их неординарность и сакральный характер. Особое значение имела установка краеугольного камня, символизировавшего Христа. Закладка краеугольного камня характерна для строительства храмов многих христианских конфессий, что ярко проявляется при освоении новых территорий. В русской православной культуре утилитарная роль основания храмовых зданий дополняется символической сущностью. Действия закладки церквей и камень в их основании играют роль маркирования священного места, а устойчивость такой традиции связана с христианской символикой самого церковного сооружения.

Ключевые слова: православные церкви, символика, семантика, закладка основания церкви, краеугольный камень

A.Yu. Mainicheva
Institute of Archeology and Ethnography of the SB of the RAS
(Novosibirsk)
Akademika Lavrentieva Avenue, 17, Novosibirsk, Russia,
630090
annmaini@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0784-4252>

Symbolic aspects of the foundation of Orthodox churches

Abstract

The article is devoted to the symbolism of the initial stage of the construction of Orthodox churches, the relevance of which is associated with the need to substantiate the traditionality of the rules of construction and the boundaries of their variation. The markings of the building on the ground were given value associated with divine inspiration and the fundamental act of creation. The foundation of the temple was timed to coincide with church holidays. The church-planting activities were accompanied by prophecies, which confirmed their originality and sacred character. The installation of the cornerstone was of particular importance, cornerstone symbolizes Christ. The laying of the cornerstone is typical for the construction of churches of many Christian denominations, which is clearly manifested in the development of new territories. In Russian Orthodox culture, the utilitarian role of founding temple buildings is complemented by a symbolic essence. The actions of planting churches and the stone at their foundation play the role of marking a sacred place, and the stability of such a tradition is associated with the Christian symbolism of the church structure.

Keywords: Orthodox churches, symbolism, semantics, laying the foundation of the church, cornerstone

Введение. Символичность архитектуры культовых сооружений не подлежит сомнению, различные ее аспекты традиционно рассматриваются в работах многих исследователей. Вместе с тем некоторые аспекты символики православных церквей освещены слабо. Актуальность решения вопросов, посвященных семантике этапов возведения храмов, связана с необходимостью объяснения и обоснования традиционности правил

их строительства, а также возможности их варьирования. Особый интерес представляет начальный этап строительных работ — закладка церковей, с которой начинается строительство. В данной статье предпринята попытка восполнить имеющийся пробел и рассмотреть символические аспекты обрядовых закладки православных церковей, ориентируясь на широкий мировой опыт.

Полученные результаты и их обсуждение. Закладка основания храма. В сибирских документах XVIII–XIX вв. наряду со сведениями о возведении и освящении церковей можно найти скудные сообщения об их закладке, чему посвящен особый чин, приведенный в требниках. Традиционность процедуры начала строительства, закрепленная в каноне, объясняет скудость сведений о том, что как происходил один из важнейших актов возведения храма. А между тем, разметке здания храма на земле издавна придавалось особое значение, так как схемы церковных планов имеют сакральный смысл.

«Размерение» основания нередко связывалось с боговдохновенным озарением. Одна из летописей сообщает о выборе числа престолов собора Василия Блаженного так: мастерам было приказано *«здати церкви камены заветные, 8 престолов, мастера ж... основаша 9 престолов, не якож повелено им, но яко во Бозе разум даровася им в размерении основания»* [Воронин, 1934, с. 62]. В житии Паисия Угличского «размерение» основания храма описано как явление на земле форм в виде лучей [Там же]. Более 900 лет назад в Киево-Печерском монастыре было начато строительство Успенской церкви (1073–1078 гг.), о чем повествуется в Киево-Печерском патерике «О создании церкви Печерская», уникальном документе, позволяющем проследить картину начального этапа строительства церковей на Руси XI в. После очистки территории от сорняка и кустарников с помощью огня, площадка была выровнена и подготовлена для «черчения» основания здания, о чем летописец говорит: *«долину створи»* [Абрамович, 1991]. Наступал самый ответственный этап — разметка очертания здания; о нем составитель патерика лаконично пишет: *«измериша златымъ поясомъ широту и долготу»* («златой пояс» — вероятно, модульная мера).

На Руси закладка основания храма обычно превращалась в церковный праздник, связанный с посвящением храма тому или иному святому или чудесному событию. В самой разметке здания и посвященных ей торжествах участвовали важные особы, князь или епископ [Тиц, 1978, с. 10]. В истории культового зодчества придание выдающейся важности закладке культового здания

не редкость. Армянский историк X в. Товма Арцруни сообщал, что в разметке плана церкви Креста на о. Ахтамар принимал участие царь Гагик I. Он *«вместе с множеством мастеровых, взяв в руки шнур строителей, протянул (его) и все вместе дружно начертили и наметили... места будущих сооружений»* [Халпахчян, 1968, с. 137]. В древности умение строить план здания на местности воспринималось как священный акт, поэтому его выполняли вожди и верховные жрецы, о чем говорят их титулы. Например, буквальный перевод поименования правителей в Шумеро-Аккадском государстве, «энси», означало *«вождь, умеющий измерять основание»*. Заупокойный комплекс фараона Джосера (ок. 2800 г. до н.э.) задумал и выполнил жрец Имхотеп, который занимал ответственные должности *«хранителя большой государственной печати»* и *«начальника всех работ царя»* [Тиц, 1978, с. 10].

Краткие разрозненные сведения о том, как происходило заложение церковей в сибирских городах середине XIX в. можно почерпнуть из прессы. В «Енисейских епархиальных ведомостях» была помещена заметка об освящении в Красноярске в мае 1845 г. места, предназначенного для постройки собора Рождества Пресвятой Богородицы, где *«производятся приуготовительные для начала кладки земляные работы»* [Туманик, 1998, с. 67]. Уточняется, что закладка же храма была сделана годом ранее, 15 июля *«соборне по чиноположению»* епископом Томским и Енисейским Афанасием. В «Томских епархиальных ведомостях» освещалось возведение томского Троицкого кафедрального собора, закладку которого также провел епископ Афанасий 3 июня 1845 г. в день Пресвятой Троицы [Там же, с. 50]. В статье говорится, что на следующий день без промедления началось строительство, которое непрерывно продолжалось в течение всего лета, но затем неоднократно прерывалось по разным причинам. Освящен *«более полувека ожидаемый всеми гражданами»* собор был лишь 25 мая 1900 г. Макарием, епископом Томским и Барнаульским [Там же, с. 63].

«Иркутские епархиальные ведомости» писали [Там же, с. 80], что о начале строительства нового кафедрального собора в Иркутске общественность города была извещена заблаговременно. Церемония закладки храма состоялась 17 апреля 1875 г., строительные работы велись до глубокой осени, но в скором времени их темпы заметно замедлились. Собор был завершён только в 1894 г., освящен 25 января во имя Казанской иконы Божьей Матери.

В 1891 г. начались предварительные ра-

боты по выемке земли и установке фундамента нового собора Омска [Там же, с. 90]. Официальные торжества, связанные с закладкой храма, приурочили к приезду в Омск в июле 1891 г. цесаревича Николая, который возвращался в Россию из кругосветного путешествия и следовал в Петербург по Транссибирской железнодорожной магистрали. На месте предполагаемого строительства для наследника престола, его свиты и представителей местной власти был сооружен временный деревянный павильон. При большом стечении народа состоялись освящение места строительства и торжественная закладка здания «*нового трехпрестольного Соборного храма с главным престолом во имя Вознесения Господня и двумя боковыми: во имя Николая Чудотворца и Св. Равноапостольной Марии Магдалины*» [Там же]. Храм был окончен 9 сентября 1898 г., освящен во имя Успения Божьей Матери и назначен кафедральным собором недавно учрежденной Омской епархии, на церемонии к прихожанам с прочувствованной речью обратился епархиальный архиерей [Там же, с. 96].

К сожалению, пока документа XVIII или XIX в. с детальным описанием заложения в Сибири какой-либо церкви не найдено, но благодаря каноничности этого действия, можно утверждать, что оно было схоже с тем, что известно по данным других регионов. Так, подробно описана закладка Преображенского собора в Екатеринославе (ныне г. Днепр, Украина) с участием императорских особ Екатерины II и Иосифа II. При этом, конечно, надо иметь в виду, что участие двух императоров было несомненным исключением из обычных правил, что, видимо, и обеспечило запись этого факта. Историк Д.И. Яворницкий пишет, что вначале императрица поднялась на расположенное вдоль р. Половицы взгорье, где предполагалось возвести храм, и, оглядевшись вокруг, сказала одобрительно «Место сие имеет вид приятного обиталища» [Яворницкий, 1989, с. 72]. Площадка для строительства собора заранее была выбрана руководителем работ М.Л. Фалеевым, незнатным купцом, в краткий срок ставшим любимцем князя Потемкина. По приказу Фалеева вблизи от площадки были сооружены легкие изящные павильоны для императрицы и ее свиты, где хотели устроить роскошный обед. Рядом поставили императорскую палатку с походной военной церковью. Архиепископ Амвросий встретил «*государыню с крестом и святою водою, отслужил в церкви божественную литургию... В церкви... не было никого, кроме певчих да прибывших с государынею фрейлин двенадцати душ.*

Иосиф II только заглянул в церковь и пошел тотчас... с генералами к тому месту, где расчищали землю под заложение собора... Когда литургия была окончена, преосвященный Амвросий поднес крест императрице; она приложилась к нему, поклонилась на обе стороны и пошла к устраиваемому месту на заложение собора в сопровождении „светлейшего“. Место же для будущего собора показано было только в размерах: где должен быть фундамент, там только сделали дорожки... а рыли рвы уже после проезда царицы» [Там же, с. 73]. Там, где должен быть в соборе престол, выкопали большую яму, «наподобие склепу» или пещеры, глубиной в сажень (около 2,1 м), шириной более двух саженей (более 4,2 м). Для спуска в склеп были сделаны сходни, устланные, как и все углубление, коврами. Далее провели церемониал «*случаю сему приличный: весь собор архиерейский со всем духовенством и со всею процессиею, зашедши сначала от полудня, потом обратясь к востоку, сделали крестный ход по расчищенному месту до места, где должен быть престол. ...Амвросий, идучи с крестом, кропил святою водою по обе стороны. Пришедши к месту склепа, все остановились. Тогда императрица с Иосифом II и светлейшим князем начали „чинно“ сходить по ступенькам в самый склеп, а за ними и некоторые из знатных особ. Там все выслушали „церковное славословие, совершившееся по чиноположению“; по окончании коего преосвященнейший прочитал молитву и окропил место святой водою. Тогда императрица, перекрестившись и поклонившись на обе стороны народу, положила первый камень в основание собора, додав тому восемь разных монет ... на сумму 67 рублей...»* [Там же]. Особо отмечено, что все монеты были разного достоинства от золотого империяла до серебряного пятака. Предание говорит, что как раз пятака не хватало для полного комплекта, так что Екатерина была вынуждена попросить его у присутствовавших. Камень с монетами прикрыли медной позолоченной доской, с выгравированными словами: «Екатерина II, императрица всея России, во основание храма Преображения Спасителя нашего, первый камень положила 1787 года» [Там же, с. 74].

Второй камень положил император Иосиф II, император Священной Римской империи, с чем также связано особое предание о предсказании исторических судеб. Император сказал: «Мы с императрицей Екатериной в один день совершили великое дело: она положила первый камень в основание собора, а я второй и последний». История показала, что

предсказание оправдалось, его империя оказалась на грани распада. Французский посол также пророчески заметил, что в заложенном храме едва ли когда-либо будет совершаться богослужение, и действительно, строительство храма в скором времени было прекращено. Третий камень положил князь Потемкин, четвертый — архиепископ Амвросий, пятый — генерал И.М. Синельников. После закладки собора духовенство провозгласило «многая лета» императорскому имени, прозвучало всенародное «ура» при звуке колоколов и ружейных выстрелов. Окончание церемониала означало, что место освящено. Тогда же город получил свое имя от императрицы, которая назвала его Екатеринославом.

Традиционные действия закладки собора сопровождалось, как показало будущее, исполненными пророчествами, придавая в глазах современников и потомков дополнительную значимость совершенному и подтверждая его неординарность и сакральный характер. Неслучайно, и основание самого города связывали с получением имени в момент освящения храма.

Заложенный собор не был построен. Лишь по прошествии более сорока лет в апреле 1830 г. при собрании почетного дворянства, знатного купечества и представителей прочих сословий возобновили строительство храма: *«...престол назначен совершенно на том же месте, где оному назначили при первом заложении собора; а пространство в стенах сокращено сообразно вновь созданным плану и фасаду... за важнейшее почтено: дойти в старом фундаменте до той глубины, где напечатлены следы августейших рук покойной государыни императрицы, т.е. лежат ... монеты... при первой... закладке положенные, сколько в подражание общему древнему христианскому обычаю при таких случаях, столь наиболее во свидетельство потомству особенных ее (императрицы — А.М.) благотворений и милостей Екатеринославу...»* [Яворницкий, 1989, с. 128]. Нашли медную доску и все монеты. При вторичной закладке храма они снова были положены на фундамент в том же порядке, как они лежали прежде, но к ним было добавлено еще несколько монет, в том числе серебряный рубль 1830 г., года возобновленного строительства. На обороте доски екатерининских времен вырезали: «Николай I храм Преображения Спасителя нашего воздвиг на сем месте повелением своим и щедротами, 1830 г., мая 22 дня» [Там же, с. 129].

Можно утверждать, что в «размерении основания» православного храма виделся важнейший акт созидания, что отмечалось

установкой антиминос, место которого было недвижимо. «Схема Троицы», фиксировавшая его расположение, должна была сохраняться далее в течение столетий. В разметке здания въявь материализовалась идея духовного основания людей, переданная в Первом соборном послании Святого апостола Иоанна, 1:11: «Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос». Здание же церкви также почиталось святым, но преходящим, конечным, как земная жизнь. Подтверждением может служить бестрепетная перестройка храмов, но сохранение мест закладки, возведение часовен на месте ранее существовавшей некогда церкви.

Основной мотив повторной закладки храма — стремление к преемственности во всем, от расположения престола и сохранения положенных монет до использования закладной доски для новой надписи. Обращают на себя внимание еще несколько традиционных моментов: особый смысл заложения камней в основание и устройство углубления «наподобие склепа или пещеры» в алтарной части. В технологическом или практическом смысле эти действия не требовались. Вероятно, особую их значимость следует искать в другом.

Краеугольный камень. Крылатое выражение «краеугольный камень» аллегорически означает основу, главную идею чего-либо. В прямом смысле это камень, что кладется под угол здания. Не вызывает сомнения, что основание, фундамент, очень важны для здания, это та часть сооружения, которая обеспечивает изначальную его устойчивость. Но есть ли неутилитарная, символическая роль камней в основании?

Для ответа необходимо обратиться к священным книгам христианства. В Ветхом Завете мотив значимости для основания краеугольного камня можно найти в речениях пророков: «Я полагаю в основание на Сионе камень — камень испытанный, краеугольный, драгоценный, крепко утверждённый» [Ис 28:16], «На чем утверждены основания ее (земли), или кто положил краеугольный камень ее» [Иов 38:6]. Кроме того, существует и особая символическая роль камней вообще. Так, повествуется, что Иаков «...пришел на одно место, и остался там ночевать, потому что зашло солнце. И взял один из камней того места, и положил себе изголовьем, и лег на том месте. И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот, Господь стоит на ней и говорит: Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака; [не бойся]. Землю, на которой ты ле-

жишь, Я дам тебе и потомству твоему...» [Быт 28: 11-13]. В его сне как бы возвращалась утерянная связь между небесным и земным, древний мотив достижения небесного, восхождения на небо — мотив Вавилонской башни - получал новую трактовку. Сон послужил ему знаменем: «*Иаков пробудился от сна своего и сказал: истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал!*» [Быт 28: 16], «*это не иное что, как дом Божий, это врата небесные*» [Быт 28: 17], поэтому «*...встал Иаков рано утром, и взял камень, который он положил себе изголовьем, и поставил его памятником, и возлил елей на верх его*» [Быт 28: 18].

Такое знаковое восприятие камня как нельзя лучше соответствует бытующему среди русских сибиряков почтительному отношению к огромным камням. Обнаружение камня могло служить поводом для основания поселения. Жители д. Ташара Мошковского р-на Новосибирской обл. до сих пор передают легенду о грандиозном сером камне, заметив который, люди невдалеке выбрали место для поселения, и который дал название самой деревне («ташара» тат. — серый камень) [ПМА2002]. Семантика камня как знака для церковных сооружений приобретает особый смысл образца, маркера священного места, а с закладкой каждой церкви повторяется акт божественного откровения, недаром Верхоленская Воскресенская церковь была перенесена при перестройке к «шаман-камень» [Калинина, 2000, с. 218].

Тексты Нового Завета дополняют семантику камня чертами устойчивости, например, в притче о муже благоразумном, построившем свой дом на камне. В Евангелии от Матфея говорится: «*Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне*» [Мф 7:24-25].

Иисус Христос назван «основанием» в Первом послании коринфянам Святого апостола Павла: «*Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание, а другой стоит на нем; но каждый смотри, как строит, Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос*», «*камнем, ставшим главою угла*» [1 Кор 1:10-11], «*...отцы наши все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море; и все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и тоже духовное питье: ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос*» [Кор, 10:1-4], в Евангелии от Матфея: «Иисус говорит им: неужели вы ни

когда не читали в Писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла?» [Мф 21:42].

В Деяниях святых апостолов: «*Он есть камень, пренебреженный вами зиждущими, но сделавшийся главою угла*» [Деян 4:11].

В Первом соборном послании Святого апостола Петра: «*Приступая к Нему, камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному...*» [1 Пет 2:4].

И далее. «*Ибо сказано в Писании: вот, Я полагаю в Сионе камень краеугольный, избранный, драгоценный; и верующий в него не постыдится. И так Он для вас, верующих, драгоценность, а для неверующих камень, который отвергли строители, но который сделался главою угла, камень претыкания и камень соблазна...*» [1 Пет 2:6-7].

Краеугольный камень Священного писания — это сам Христос. Здание каждой церкви является материальным представлением духовного храма и имеет в своем основании краеугольный камень, ассоциирующийся с образом Христа.

Очевидный антропоморфизм русских православных храмов, которые имеют «главы», «шеи», возможно, прямо связан с положением о том, что каждая церковь — «*тело Господа*» и опосредованно — с евангельским пониманием самих людей как «живых камней»:

«*И сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом*» [1 Пет 2:5].

Люди утверждены «на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе» [Еф, 2:19-22].

«*Итак вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе, на котором и вы устрояетесь в жилище Божие Духом*», на котором они становятся жилищем Духа Божия.

Тело человека понималось как «*телесная храмина*». Во втором соборное послании Святого Апостола Петра говорится: «*Справедливым же почитая, доколе находюсь в этой телесной храмине, возбуждать вас напоминанием, зная, что скоро должен оставить храмину мою...*» [Пет 1:13-14].

Апостол Павел вопрошал: «*Разве вы не*

знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?». И далее утверждал: «Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а это храм — вы» [1 Кор 1:16-17], «Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы?.. Соединяющийся с Господом есть один дух с Господом. 19. Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа, Которого имеете вы от Бога...» [1 Кор 6:15, 17, 19].

Обычай класть камни в основание сохранялся при строительстве и каменных, и деревянных церквей, что известно по многочисленным примерам православных храмов Русского Севера. Так что наряду с понятным практическим соображением рационального устройства продува и обеспечения гидроизоляции здания, установка камней в углах деревянной церкви имела особый сакральный смысл, неразрывно связанный с символикой церковного сооружения, благодаря чему новые поколения строителей храмов повторяли его снова и снова с возведением каждого нового здания.

Закладка краеугольного камня церкви не является характерной лишь для православных церквей, этот обычай наблюдается при строительстве храмов многих христианских конфессий. Особенно ярко он проявляется при освоении незнакомых территорий. Для этносов, находящихся в движении, перемещающихся в новые земли, маркировка места обитания приобретает значение семантически емкого акта. Об этом говорят и сибирские примеры, и практика возведения Преображенского собора в Екатеринославе и церквей в США (г. Адамс Каунти, штат Небраска, г. Николсон Холлоу, штат Вирджиния, ПМА2000), когда действия с закладкой камней остаются в памяти в легендарной канве или въявь выделяются в структуре зданий.

Выводы. Утилитарная роль основания храмовых зданий дополняется его символической сущностью. При строительстве церквей особое значение придавалось выделению из сотен других площадок места, где будет находиться храм. Камень, лежащий в основании здания церкви, играет символическую роль маркера священного места, а устойчивость традиции его установки связана с христианской символикой самого церковного сооружения.

Список литературы

1. Воронин Н.Н. Очерки по истории русского зодчества XVI–XVII вв. М-Л.: Гос. соц.-

эк. изд-во, тип. Печатный двор в Ленинграде, 1934. 129 с.

2. Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии. М.: ГАЛАРТ, 2000. 496 с.

3. Абрамович Д.И. Киево-Печерский патерик. Киев: Час, 1991. 280 с.

4. Тиц А.А. Загадки древнерусского чертежа. М.: Стройиздат, 1978. 151 с.

5. Туманик А.Г. Крупнейшие православные храмы Сибири. Новосибирск: НИПКПРО, 1998. 206 с.

6. Халпахчян О.Х. Архитектурные памятники Ахтамара // АН. 1968. № 18. С. 136–139.

7. Яворницкий Д.И. История города Екатеринослава. Днепрпетровск: Січ, 1996. 277 с.

References

1. Voronin N.N. Ocherki po istorii russkogo zodchestva XVI–XVII vv. [Essays on the history of Russian architecture of the 16th–17th centuries]. Moscow-Leningrad: Gos. sots.-ek. izd-vo, tip. Pechatnyi dvor v Leningrade, 1934. 129 p. (in Russ.)

2. Kalinina I.V. Pravoslavnye khramy Irkutskoi eparkhii [Orthodox churches of the Irkutsk diocese]. Moscow: GALART, 2000. 496 p. (in Russ.)

3. Abramovich D.I. Kievo-Pecherskii paterik [Kiev-Pechersk Patericon]. Kiev: Chas, 1991. 280 p. (in Russ.)

4. Tits A.A. Zagadki drevnerusskogo chertezha [Riddles of the Old Russian drawing]. Moscow: Stroizdat, 1978. 151 p. (in Russ.)

5. Tumanik A.G. Krupneishie pravoslavnye khramy Sibiri [The largest Orthodox churches in Siberia]. Novosibirsk: NIPKIPRO, 1998. 206 p. (in Russ.)

6. Khalpakhch'yan O.Kh. Arkhitekturnye pamyatniki Akhtamara [Architectural monuments of Akhtamar]. AN. 1968. No 18. Pp. 136–139. (in Russ.)

7. Yavornitskii D.I. Istoriya goroda Ekaterinoslava [History of the city of Yekaterinoslav]. Dnepropetrovsk: Sich, 1996. 277 p. (in Russ.)

Источники

ПМА2002 — Материалы Сибирского этнографического отряда, Мошковский р-н Новосибирской обл., 2002 г., нач. отряда д-р ист. наук А.Ю. Майничева

Список сокращений

АН — журнал «Архитектурное наследие»
НИПКПРО — Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

ПМА — полевые материалы автора

Материал передан в редакцию 19.06.2021

Колониализм и городская планировка в северном полушарии в XVII века: некоторые наблюдения

Аннотация

В XVII в. процесс переселения больших масс европейцев на новые территории привел к созданию значительного количества новых городских и сельских поселений, планировка и застройка которых часто не была стихийным явлением. Возникает закономерный вопрос: что влияло на планировку новых поселений в северном полушарии? Был ли это традиционный опыт, или люди исходили из каких-либо рациональных оснований?

В тексте сопоставляются несколько типов планировок (прежде всего свободная или историческая и рациональная или регулярная) и показывается примерная история регулярной планировки, которая развивалась от идей прославленного греками Гипподама, через повсеместное влияние римской системы военных лагерей и идей нового времени, до почти абсолютного господства в период конструктивизма. Приводятся несколько примеров городов со свободной или исторически сложившейся планировкой.

Некоторые примеры из европейского опыта (Фройндштат, Замостье, Ришелье) заставляли нас ожидать повсеместного применения прямоугольной планировочной схемы на всех новых землях в северном полушарии. Однако этого не происходит. Мы видим города со свободной планировкой не только в Сибири XVII в., но и в Северной Америке (Новый Амстердам).

Это заставляет нас осторожно предположить, что даже в условиях колониального движения традиционные приемы и ограничения, налагаемые местностью, часто оказывали решающее воздействие на выбор типа планировки нового поселения.

Ключевые слова: прямоугольная планировка, застройка, новое время, колонизация, Сибирь, XVII в.

Colonialism and urban planning in the Northern Hemisphere in the 17th century: some observations

Abstract

In the XVII century, the process of migration of large masses of Europeans to new territories led to the creation of a significant number of new urban and rural settlements, the planning and construction of which was often not a spontaneous phenomenon. The question arises: what influenced the planning of new settlements in the northern hemisphere? Was it a traditional experience, or did people proceed from any rational grounds?

The text compares several types of planning (free or historical and rational or regular) and shows an approximate history of regular planning, which developed from the ideas of a Greek named Hippodamus, through the widespread influence of the Roman system of military camps and the ideas of early modern period, to almost absolute domination in the period of constructivism. Several examples of cities with a free or historically established street network are given.

Some examples from the European experience (Freundstatt, Zamosc, Richelieu) led us to expect the universal application of the rectangular network of streets in all new lands in the northern hemisphere. However, this does not happen. We see cities with a free street network not only in Siberia of the XVII century, but also in North America (New Amsterdam, today New York).

This leads us to cautiously assume that even in the context of the colonization movement, traditional techniques and restrictions imposed by the terrain often had a decisive influence on the choice of the type of street network of a new settlement.

Keywords: rectangular street network, building, early modern, colonization, Siberia, XVII century

Введение. Городская планировка, прежде всего уличная сеть, является важной характеристикой городских и сельских поселений. Поскольку выступает как первичная форма структурирования территории поселения. Она является ключевым фактором, определяющим, каким образом данное поселение функционирует и как взаимодействует с окружающей средой.

Как пишет один венгерский инженер: «...для пешехода дома являются лишь кулисами. Настоящей сценой городской жизни, где разыгрываются события, являются улица или площадь» [Шебек, 1968, с. 173].

Под колонизацией мы будем понимать всякое расселение и переселение больших групп лиц за пределами обычной, исторически сложившейся, территории их проживания.

Данный процесс в XVII в. становится важнейшим историческим фактором. Очевидно, что во время колонизации на «новых» для данного этноса землях возникают как городские, так и сельские поселения, которые необходимо имеют ту или иную планировку, структуру уличной сети.

Задача публикации на нескольких примерах рассмотреть возможные факторы, влиявшие на выбор колонистами (и колонизаторами) той или иной модели планировки, когда формально они имели ничем не ограниченный спектр возможностей, в отличие от выбора планировки в местах постоянного проживания, где она складывалась исторически.

Методом нашей работы будет «социальная история архитектуры», т.е. утверждение, что структура поселения является проекцией социальной структуры людей, его населяющих. Для наглядности объяснения некоторых наших соображений мы будем использовать двумерные проекции трёхмерных компьютерных моделей, представляющих исторические конструкции поселений. Кроме того, нами будут использоваться двумерные схемы, созданные на основании как исторических, так и современных картографических источников.

Полученные результаты. Для людей, отправлявшихся в XVII в. селиться на новые земли, отправной точкой градостроительного отсчета была традиционная планировка средневековых городов северного полушария.

Поскольку понимание планировочных решений выросло в XX веке из конфликта старого и нового, то для свободной или исторически сложившейся планировочной сети редко находится доброе слово: «Уличная сеть городов не отвечает требованиям современного движения! Как образовались улицы? Ле Корбюзье об этом пишет: „Человек идет вперед прямо, придерживаясь цели. Он берет направление и стремится к этой цели. Осел идет зигзагообразно, пошатываясь от жары. Единственная его цель — обойти крупные камни, найти тень и шагать по линии

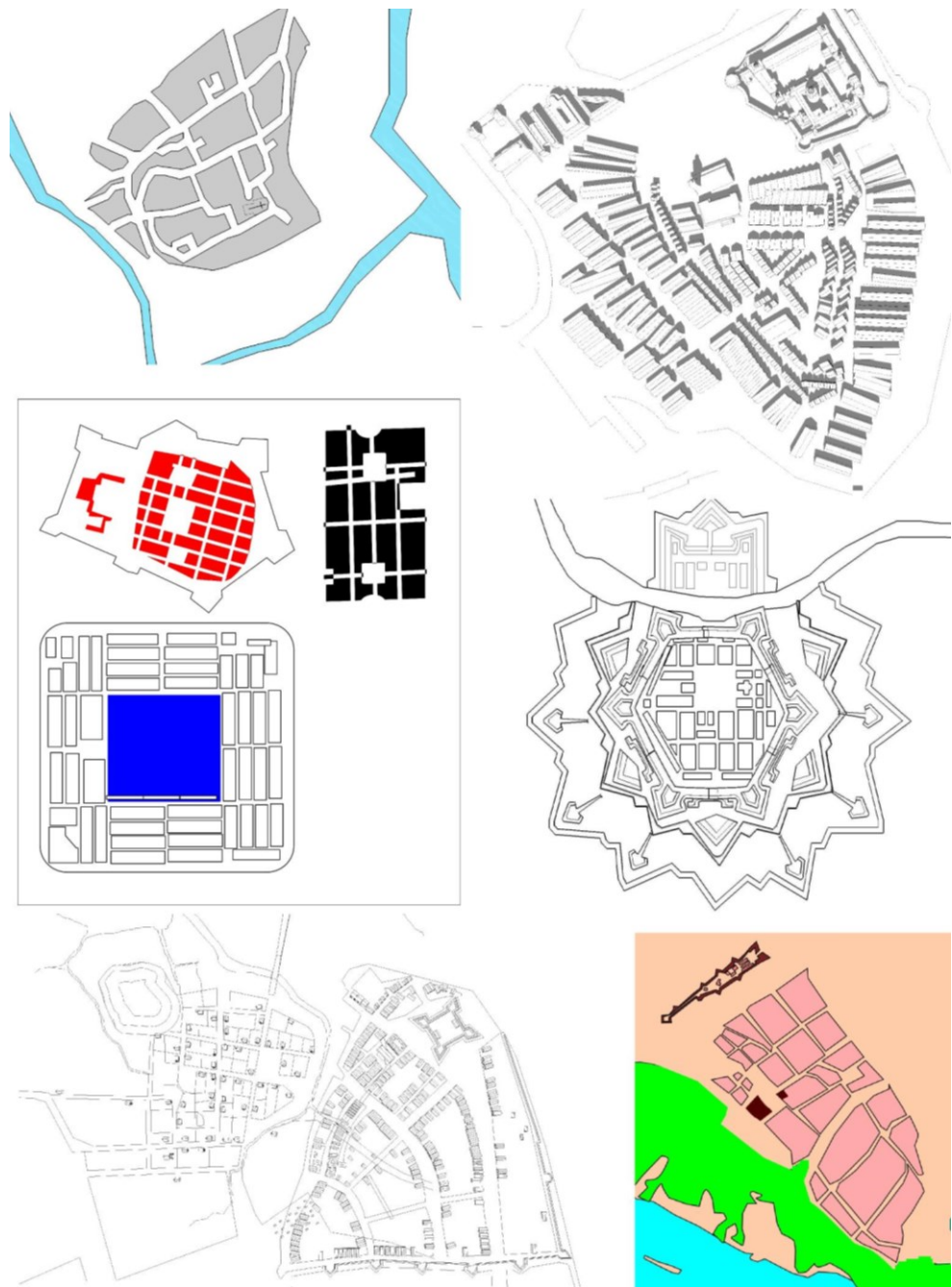
наименьшего подъема. Он стремится как можно меньше затруднять себя. План всех городов континента намечен, к сожалению, ослом...», — и далее, — „чтобы не мешать движению, дома располагаются вдоль дорог. Таким образом, неправильная хаотическая система дорог оказалась заключенной в камень стен. Бесплановость характерна почти для всех стихийно развившихся, так называемых „выросших“ городов. В заложенных по плану городах, наоборот, мы уже видим сознательное стремление расположить уличную сеть по какой-либо системе» [Шебек, 1968, с. 181]. На иллюстрации мы видим планы двух средневековых городов северного полушария. Во-первых, это город Рай (Восточный Суссекс) (англ. Rye), который с XII в. был «пригородом» «Пяти портов». Возможно, что такая структура уличной сети обусловлена природными характеристиками территории (ил. 1). И, во-вторых, «Старый город» в Стокгольме, который расположен на небольшом острове (ил. 2).

Откуда же возникают идеи регулярной, прямоугольной планировки, с точки зрения которой традиционная свободная планировка городов и деревень («путь осла») получает столь уничтожительную критику?

Существует устоявшееся мнение, что первоначально все греческие города-государства имели нерегулярную планировку, которая подчинялась скорее горному рельефу, чем геометрии.

«Однако перестройка греческих городов, разрушавшихся в ходе многолетних греко-персидских войн, начавшаяся в V веке до нашей эры, велась уже на основе регулярных планов. С этой широкомасштабной строительной деятельностью, охватившей фактически всю Грецию, и связывают имя легендарного Гипподама». [Гутнов, Глазычев, 1990, с. 55–56]

Авторы ссылаются на авторитет Аристотеля, утверждая, что «великий Аристотель, ссылаясь на трактат Гипподама, до нас не дошедший, писал: «...можно поступать при постройке города так же, как поступают сельские жители при посадке виноградных лоз, располагая их пересекающимися рядами. Не нужно устраивать город так, чтобы он весь в целом имел правильную планировку; надо, чтобы планировка шла правильно только по отдельным частям и кварталам: так будет лучше и для безопасности города и для его благообразия» [Гутнов, Глазычев, 1990, с. 166]. Нам не удалось обнаружить, из какого русского издания взят этот фрагмент перевода. По нашему мнению, из английских переводов больше всего к этому месту подходит фрагмент из «Политики» (Aristot. Pol. 7.1330b), но примечания переводчика утверждают, что речь в латинском переводе идёт о косом, а не о прямоугольно расположенном построек. Нашего знания древнегреческого явно недостаточно, чтобы сверить этот фрагмент с известным греческим текстом трактата.

Ил. 1. Планировка средневекового города Рай (Rye), Великобритания
Fg. 1. Layout of the medieval city of Rye, UK

Ил. 2. Планировка средневекового города Стокгольм, Швеция
Fg. 2. Layout of the medieval city of Stockholm, Sweden

Ил. 3. Рациональная планировка: А) польского города Замостье (XVII в.); Б) французского города Ришелье (XVII в.); В) идеального города по А. Дюреру (XVI в.)
Fg. 3. Rational planning: A) the Polish city of Zamość (XVII century); B) the French city of Riche-leier (XVII century); C) an ideal city according to A. Dürer (XVI century)

Ил. 4. Рациональная планировка французской крепости Саарлуи (XVII в.)
Fg. 4. Rational layout of the French fortress Saarlouis (XVII century)

Ил. 5. Рациональная (Ньютаун- Кембридж) и свободная (Новый Амстердам — Нью-Йорк) планировка новых городских поселений в Северной Америке (XVII в.)
Fg. 5. Rational (Newtown - Cambridge) and free (New Amsterdam - New York) planning of new urban settlements in North America (17th century)

Ил. 6. Свободная планировка нового города (Кузнецк, XVII в.)
Fg. 6. Free planning of the new city (Kuznetsk, 17th century)

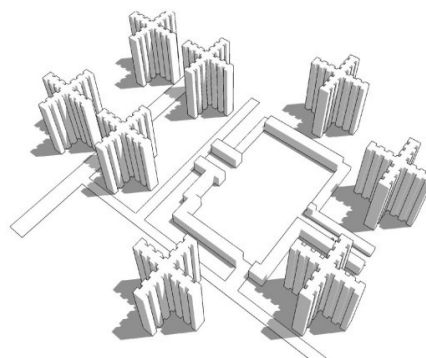
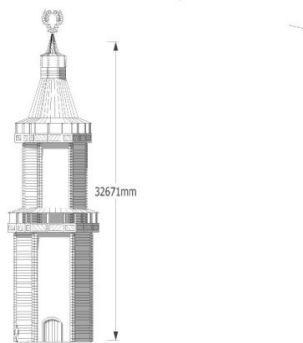
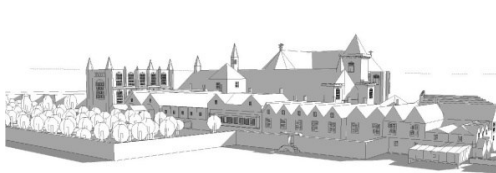
1	2
3A	3B
3B	4
5	6

Однако та или иначе, по вине Гипподама или нет, но «...жилые кварталы нижнего города приобретают форму геометрически правильных, слегка вытянутых прямоугольников или квадратов, разделенных ровной сеткой улиц. ...общественные постройки... просто заполняют одну или несколько ячеек регулярного плана ...группируются чаще всего вдоль одной или двух главных улиц города (в последнем случае они образуют характерный крест), имевших увеличенную ширину и связывающих наиболее важные отсеки города — главные въезды, гавань, акрополь и т. п.» [Гутнов, Глазычев, 1990, с. 55–56].

Другие авторы еще более безапелляционные: «В пятом веке до нашего летоисчисления в малоазиатском городе Милете жил архитектор по имени Гипподам. Он был первым, кто стал рассматривать планы городов глазами ученого. Гипподам. будучи одним из уче-

ников Пифагора, приобрел большой навык в геометрии. Создания его, как например, порт Пирей, строились с прямоугольной сетью улиц» [Шебек, 1968, с. 184].

Популярная литература приписывает именно римской колонизации ответственность за распространение прямоугольной сетки улиц: «Эту „гипподамовскую“ систему, подобную шахматной доске, переняли и римляне. Хотя столица империи Рим был городом, построенным беспорядочно, всюду, где римляне планомерно осваивали завоеванные ими колонии, они строили дороги по прямоугольной системе. Города развивались обычно из военных лагерей, а в лагерях, на случай тревоги, должен был господствовать строгий порядок. Если селение подвергалось вражескому нападению, солдаты, вместо беготни по закоулкам, должны были за несколько минут построиться в означенном месте» [Шебек, 1968, с. 185].

Ил. 7. Фрагмент застройки Лондона в 1640-е гг. (компьютерная модель И.П. Соколовского)

Fg. 7. A fragment of the development of London in the 1640s. (model by I. Sokolovsky)

Ил. 8. Разные типы домов в зависимости от типа застройки: А) плотная средневековая застройка по периметру квартала (Рига, "Три брата"), Б) плотная застройка по периметру квартала в новое время (с картины Я.Вермеера), В) свободная застройка (США, Новая Англия). (компьютерная модель И.П. Соколовского)

Fg. 8. Different types of houses depending on the type of building: A) dense medieval buildings around the perimeter of the quarter (Riga, "Three Brothers"), Б) dense development around the perimeter of the quarter in modern times (from the painting by J. Vermeer), В) free building (USA, New England). (model of I. Sokolovsky)

Ил. 9. Размеры деревянной башни в Тобольске (XVII в.) (компьютерная модель И.П. Соколовского)

Fg. 9. Dimensions of a wooden tower in Tobolsk (17th century) (model by I. Sokolovsky)

Ил. 10. Проект застройки и планировки для Парижа в 1922-25 гг. (компьютерная модель И.П. Соколовского)

Fg. 10. The project of development and planning for Paris in 1922-25. (model of I. Sokolovsky)

7	8 АБВ
9	10

Данный автор находили связь между городами с римским наследием и современными городами, построенными «в чистом поле», в частности, в заокеанских колониях: «И сейчас еще в центре Милана. Флоренции. Болоньи. Турина и многих других итальянских городов улицы расположены, как в древних военных лагерях римлян. Но система Гипподама часто применяется и в наше время: большинство крупных американских городов, например, Филадельфия, Нью-Йорк, Вашингтон, построены с улицами, пересекающимися под прямым углом» [Шебек, 1968, с. 186].

Собственно, такой же точки зрения придерживались и советские авторы: «Планировка многочисленных городов, основанных ими по всей территории гигантской империи, восходит к нехитрому устройству военного лагеря. Прямоугольная сетка кварталов, аккуратно нарезанных взаимно перпендикулярными улицами. Из них выделяются две: «кардо», проложенная с севера на юг, и «декуманус», идущая с запада на восток. Кардо и декуманус образуют характерный крест или Т-образное пересечение. Около перекрестка располагается основное общественное пространство — форум» [Гутнов, Глазычев, 1990, с. 57].

Любопытно, что эти слова, как мантра, повторяются почти дословно в другой части книги: «Когда со II века до нашей эры с подлинно римским размахом начинается строительство городов-колоний, и единство и разнообразие внутри его обретает типовой характер. Две главные улицы, проходя от ворот до ворот, делят прямоугольник города на четыре части — по образцу членения римского военного лагеря. Близ пересечения главных улиц там, где в лагере стояла палатка командующего и штабные палатки с плацем, перед ними возникает общественная площадь — форум. К форуму обращены главный храм города и здание суда. Между жилыми кварталами нет существенных различий» [Гутнов, Глазычев, 1990, с. 122]. Возможно, что это связано с тем, что В.Л. Глазычев дописывал эту книгу после безвременной кончины А.Э. Гутнова.

Как бы то ни было, нам особенно важным кажется их замечание, что: «...самим словом „квартал“ мы обязаны такому древнеримскому городу: кварталом первоначально именовалась четверть, образованная пересечением главных улиц. Так было везде: от Шотландии на севере до Эфиопии на юге. Только сам Рим, из-за своей древности и величины, был устроен гораздо хаотичнее» [Гутнов, Глазычев, 1990, с. 122–123].

Был ли Марко Поло действительно в Китае или нет, а факт прямоугольности планировки китайской столицы дан нам в ощущении: «Совсем иной принцип был по-

ложен в основу перепланировки Пекина, в который была перенесена в 1421 году столица Китайской империи из Нанкина. Над южным, или Китайским, городом, имевшим форму вытянутого по горизонтали прямоугольника, словно навис близкий в плане к квадрату Татарский город (напомним, что Китай в XIII веке был завоеван монгольским войском хана Хубилая). В середине Татарского города находится Императорский город, окруженный своей высокой стеной, в которой устроены Ворота Небесного Мира. Внутри Императорского города, за широким ровом, наполненным водой, поднимаются стены Пурпурного города, выложенные из темно-красного кирпича. В его центре — главный двор, прямоугольник размером 200×600 метров, мощный мраморными плитами и со всех сторон обстроенный галереями. Наконец, посредине центрального двора на мраморном пьедестале стоит тронный зал Высочайшего Согласия. Вся сложная пространственная конструкция напоминает множество вложенных одна в другую коробок и имеет отчетливо выраженный символический смысл» [Гутнов, Глазычев, 1990, с. 198].

Поэтому авторы замечают, что прямоугольная сетка улиц еще и была просто удобной для разбивки, а не только «рациональной» или «сакральной» «Во всяком случае, теоретически жители греческих или римских городов считались равными, и аккуратная решетка улиц, из которых выделялись шириной только две главные, прекрасно выражала этот условный идеал равенства. Однако в древнем Китае или в Индии такая же аккуратная решетка никакой связи с идеей равенства не имела, и иметь не могла, зато высоко ценилась как форма, наилучшим образом обеспечивавшая легкость полицейского надзора за жизнью кварталов. Во многих случаях та же прямоугольная решетка возникала как простое следствие удобства разбивки территории под новый город» [Гутнов, Глазычев, 1990, с. 166].

Поэтому самый древний пример такой организации пространства мы встречаем на Ближнем Востоке в очень далёкую эпоху: «Древнейшая из крупномасштабных реконструкций городского центра, тщательно изученных археологами, — перестройка ядра Вавилона при царе Навуходоносоре II, то есть в начале VI века до нашей эры. Мощенная белыми плитами дорога для процессий повела от ворот богини Иштар в городской стене к прямоугольному священному участку — Эсагиле. Внутри его была огромная квадратная площадь — первая из известных нам центральных площадей, а на ней вздымались в небо ступени Этеменанки, знаменитой Вавилонской башни» [Гутнов, Глазычев, 1990, с. 208].

Несмотря на эти исторические факты, прямоугольная планировка крепко получила ярлык «рациональной» или «регулярной», получив даже освящение со стороны философских авторитетов, о чем пишет историк архитектуры Татьяна Фёдоровна Саваренская «Так, в своем основополагающем труде „Рассуждение о методе“ Декарт прибегает к образному сравнению путаных философских положений схоластики с постепенно сложившимися архитектурными сооружениями и городами, которым он противопоставляет созданный им метод познания, чем-то напоминающий ему рационально спланированный градостроительный образец» [Саваренская, 1987, с. 66].

Получив этот ярлык, прямоугольная планировка почти два века шагала по планете, пытаясь подмять под себя в век просвещения даже традиционно сложившуюся историческую свободную планировку. Вспомним знаменитую историю: «В 1666 году Лондон сгорел почти целиком, но реализовать планы новой упорядоченности, составленные великим архитектором, астрономом и математиком Кристофером Реном, оказалось невозможно. Новые каменные дома выстроились вдоль старых линий домовладений» [Гутнов, Глазычев, 1990, с. 126].

Однако, в России, где собственность на землю была гораздо слабее или отсутствовала, рационализаторам было, где развернуться: «Аналогичным образом перепланировались в XVIII веке и другие старинные города (хотя по большей части речь о простых решетчатых планах, будь то маленький Тихвин или крупная Одесса). Однако за четкостью композиции проступает ее формальный характер... Торжествуя в плане, композиционное решение не получало должного подкрепления в трехмерном строении города» [Гутнов, Глазычев, 1990, с. 256].

Данный подход стал встречать возражения уже со стороны современников. Вот что Т.Ф. Саваренская пишет о взглядах французского архитектора Пьера Патта (Pierre Patte, 1723–1814): «Однако отстаивая рациональное начало в градостроительстве, Патт говорил, что главное в планировочном искусстве заключается не столько в прямолинейности улиц, сколько в том, чтобы все городские кварталы были бы удобно связаны в транспортном отношении с торговыми и центральной площадями» [Саваренская, 1987, с. 102].

Не стоит забывать о том, что мы говорили про римский лагерь как основу для города, а именно о небольших размерах и сравнительной ограниченности городов раннего нового времени. Итальянский теоретик архитектуры Франческо Милиция (Francesco Milizia, 1725–1798) в пересказе

Т.Ф.Саваренской «Для плана города ... советует выбирать „правильную фигуру“, что следует понимать, как явствует из дальнейшего текста, как центрическую конфигурацию, к которой относятся, наряду с кругом и квадратом, различные виды правильных многоугольников. Выделяются три неперменных достоинства подобного плана — „компактность“, „удобство“ (очевидно, для дальнейшего подразделения) и „вместительность“. В качестве исторических примеров называются древнейшие города Двуречья и Египта, такие, как Вавилон, Ниневия, Мемфис, планы, которых „были прямоугольными, или даже квадратными“, а также упоминается один из первоначальных планов Рима, так называемый „квадратный Рим“. Однако тут же следует разъяснение, что для современного города более подходящей является форма округлая или многоугольная, как более вместительная по сравнению с квадратной и более отвечающая современной системе укреплений» [Саваренская, 1987, с. 171].

Таким образом, на сцену выступает ещё один фактор, а, именно, военный: «Прямую связь центральной площади и ворот города Милиция, ссылаясь на инженерную науку Белидора, допускает только для крепостей, где по условиям оборонительной тактики необходимы прямолинейные пути от главной площади к воротам, рампарам, редутам и цитадели». [Саваренская, 1987, с. 172].

Поэтому источником бесконечных прямоугольных планировок становятся города-крепости, которые абсолютистские государства начинают воздвигать на своих границах и на завоеванных территориях. Как пишет также Т.Ф. Саваренская, «Наибольший интерес представляет книга III, посвященная проектированию крепостей, поскольку именно в ней наиболее ясно нашло выражение отношение Вобана (как, впрочем, и других инженеров-градостроителей) к городской планировке.

Рассказывая о последовательности проектирования города-крепости, Вобан в своих рассуждениях полностью придерживался дедуктивного метода Декарта.

Весьма примечательно, что размеры территории города-крепости являлись функцией общих габаритов, и контуры ее определялись отступом от городских укреплений внутрь города на 10 туазов. В зависимости от размеров крепости определялись размеры центральной городской площади, сторона которой должна была быть равной длине «полугоржа» (т.е. внутренней части бастиона). Планировка заканчивалась трассировкой улиц (10–15 туазов каждая), главные из которых были направлены на городские ворота.

Создается впечатление, что на разбивке улиц миссия инженеров-градостроителей оканчивалась и что застройка кварталов, ограниченных красными линиями, не интересовала их вовсе (за исключением, конечно, складов, арсеналов, казарм и т.п., типовые проекты которых, по некоторым сведениям, составлял сам Вобан). Во всяком случае, в трактате Вобана какие-либо архитектурные фасады отсутствуют» [Саваренская, 1987, с. 72]. Примером такой планировки улиц может быть город Саарлуи (основанный в 1680 году), который мы видим на рисунке (ил. 4).

Франческо Милиция в своих трудах предвосхищал некоторые вещи, которые сейчас можно понять только с помощью теории графов, от города требовалось следующее: «1) достаточное число улиц, „чтобы избежать слишком длинных обходов“; 2) необходимая их ширина, „чтобы предупредить всякие заторы“; 3) точность направления, „чтобы укоротить путь“». Что же касается планировки города, то «решительно отвергается радиальная схема расположения улиц, когда все они начинаются от центральной площади „как в военных городах“. По мнению автора, допустима лишь единственная прямая улица, пересекающая город от одних ворот до других и проходящая через главную площадь. Предпочтительнее расположение улиц под прямыми углами друг к другу, т.е. прямоугольный рисунок планировки, с расстоянием между двумя параллельными улицами в 30–40 сажень, что соответствует размеру двух участков для жилых домов по 15–20 сажень. Чрезвычайно интересна идея Милиция возможного расширения размеров участка без нарушения планировочной сети улиц: „В том случае, если (участка) не хватит, возможно, занять соседнее пространство и, не мешая улице, соединиться с ним воздушными арками, богато декорированными, наподобие триумфальных арок, для того, чтобы послужить и общественной красоте, и удобству владельцев, с тем, чтобы переходить из одной части жилища в другую...“». [Саваренская, 1987, с. 172]. То есть в конце XVIII в. прямоугольная сетка улиц заняла господствующее положение в умах градостроителей, разбавляемая только всякими региональными особенностями, вроде мостов, на подобию венецианских, которые предлагает Милиция.

К двадцатому веку это направление рациональной архитектуры рацвало и кристаллизовалось настолько, что польский архитектор и теоретик архитектуры Якуб Вуек смог сформулировать некоторые принципы этого направления: «...ассоциирующихся с культом прямой линии, угла 90 градусов, чистых основных цветов..., отождествляемых с программой

группы „Стиль“. В разных монографиях...авторы придают большее значение... концепции живописи, основанной на кубизме, или ... влияние машинного производства» [Вуек 1990, 155]. Происхождение этого эстетического поворота для Я.Вуека загадочно, ибо он смотрит не только на планировку, но на всю ситуацию в целом. Предполагает, что это может быть японское влияние конца XIX в. [Вуек 1990, 155], но от его внимания не ускользает и культ математики и симметрии [Вуек 1990, 119]. Ехидно комментируя фанатизм этого направления, особенно группы «Стиль», он отмечает, что «введение диагоналей под сорок пять градусов в прямоугольный мир неопластических знаков, осуществленный Тео ван Дусбургом, вызывает резкую реакцию Мондриана» [Вуек 1990, 255].

На пике господства рациональной застройки, под угрозой перепланировки уличной сети оказался даже сам Париж, столица Франции, которой швейцарский архитектор Ле Корбюзье несколько раз предлагал радикальную жилищную и транспортную реформу. В письменные проекты и модели (диорама в сто квадратных метров) были представлены французской публике в 1920, 1922, 1925, 1935, 1937 гг. [Jeannot 1988, pp. 109-110] (ил. 10). Схема римского лагеря применялась к уже гораздо большим пространствам: «Корбюзье и ... уместил свои 3 миллиона в пределах прямоугольника размером примерно 7,5 на 4,5 километра, то есть на площади меньше 40 квадратных километров» («собственно Париж в его административных границах, то есть центральная, наиболее плотно застроенная часть французской столицы вмещает сегодня 2,3 миллиона человек на площади 105 квадратных километров») [Гутнов, Глазычев, 1990, с. 99]. В этот же период (1930-е) тот же автор предлагал радикальную перепланировку Москвы [Гутнов, Глазычев, 1990, с. 33].

В 1948 г. сам мэтр утверждал в своей статье, что «поиск стандартов даст первый эффект запрета деления земли под производным углом: индустриализация и стандартизация могут иметь свое влияние только под прямым углом. Я настаиваю на том, что стандартизация это самый надежный способ добиться эффективности и разнообразия» [Le Corbusier 1948, 426].

Такой подход вызвал энергичную критику. Я. Вуек писал: «будущим потребителям приписывалась роль манекенов в пространствах», про сами эти пространства он говорил, что «они являются организмами, полностью абстрагированными от существующего культурного контекста, все они отдают дань увлеченности элементарной геометрией» [Вуек 1990, 251–252]. Некоторые акценты могут быть даже усилены

критиками: «именно регулярная решетка петербургских проспектов... становится... символом... бюрократической... машины, утверждающей повсеместно насилие и произвол» [Гутнов, Глазычев, 1990, с. 19]. Я. Вуек пишет, что «...очень быстро такой подход приносит свои плоды в виде убийственно монотонных жилых массивов...» [Вуек 1990, 188].

Хотя стоит отметить, что первые критики такой планировочной схемы появились уже в XVIII в. «...Милиция подвергает резкой критике города Голландии, главным недостатком которых он считает однообразие и постоянство планировочной схемы: „...тот, кто видел один из ее городов, видел все, и кто видел одну улицу, видел весь город. Каждая улица вытянута по шнуру с каналом посередине и с деревьями по краям: все отвечает такой холодной правильности, что начинаешь желать беспорядочности наших городов, где не хватает самого необходимого руководящего начала. Тут повсюду видится скучное повторение одних и тех же предметов, которые отличаются один от другого лишь по номерам, и все кварталы так походят один на другой, что невозможно их различить, и ты теряешься...“» [Саваренская, 1987, с. 172].

Справедливости ради, мы должны напомнить, что у Корбюзье были гораздо более радикальные идеи, которые реализовались лишь частично: «Из этого первого расследования был сделан важный вывод:

«смерть улицы», этой улицы, результат двухмерной урбанизации, основанной больше не на отдельных участках, а на расположении и распределении застроенных объемов в пространстве» [Le Corbusier, 1948, p. 431].

Однако влияние прямоугольной планировочной схемы было таково, что даже критически настроенные авторы готовы были видеть её во всем: «Заметим, естественно сформировавшийся радиально-кольцевой план средневекового города тоже представляет собой решетку, только искривленную, которая в отличие от равномерной ортогональной решетки свернута в наиболее компактную форму около одного главного центра» [Гутнов, Глазычев, 1990, с. 61]. Они же отмечают, что планировки имели свойство меняться со временем [Гутнов, Глазычев, 1990, с. 166] И что прямоугольная планировка лучше приспособлена для организации автомобильного движения, чем любая другая [Гутнов, Глазычев, 1990, с. 172].

Рассмотрев, весьма кратко, историю прямоугольной планировки мы могли бы предположить, что на новых, колонизируемых землях мы должны были бы встретить разгул подобных градостроительных решений, как видим их на примере таких городов как Замостье (основан в 1580 г.) (ил. 3А) или Ришелье (строительство начато в 1631 г.), которые мы видим на рисунке (ил. 3Б).

Ил. 11. Рациональная (Ньютаун – Кембридж) и свободная (Новый Амстердам – Нью-Йорк) планировка новых городских поселений в Северной Америке (XVII в.). Перспективный вид (компьютерная модель И.Р. Соколовского)

Fg. 11. Rational (Newtown–Cambridge) and free (New Amsterdam–New York) planning of new urban settlements in North America (17th century). Perspective view (model of I. Sokolovsky)

Ил. 12. Свободная планировка (Новый Амстердам – Нью-Йорк) нового городского поселения в Северной Америке (XVII в.) в связи с условиями участка местности. Перспективный вид. (компьютерная модель И.П. Соколовского).

Fig. 12. Free planning (New Amsterdam–New York) of a new urban settlement in North America (XVII century) in connection with the conditions of the area. Perspective view. (computer model of I. Sokolovsky).

Однако если мы возьмём несколько наугад взятых примеров по Сибири (Томск, Тобольск) или Кузнецк (ил. 6), то мы этого не увидим. Можно выдвинуть предположение, что причиной этого были ограничения, вызываемые строительным материалом, который диктовал принципы застройки.

На рисунке (ил. 8) мы видим, что традиционная средневековая застройка отличалась очень большой плотностью, особенно по красной линии улицы, а квартал застраховался по периметру. Но, во-первых, дерево было довольно гибким строительным материалом (ил. 9), а во-вторых, странную приверженность к свободной застройке мы можем увидеть не только в той области, где разворачивалась русская колонизация.

На рисунке (ил. 5) совмещены планы двух колониальных городов, построенных с нуля и в чистом поле. Один из них, на южной оконечности острова Манхеттен, в момент закладки назывался Новый-Амстердам. Другой, еще проще, Новый город — Ньютаун, но сейчас первый переименован в Нью-Йорк, а другой — в Кембридж.

На перспективе (ил. 11) мы видим, что у обоих городов застройка была малоэтажной. Но англичане выбрали планировку близкую к гипподамовой сетке, а голландцы — ближе к свободной планировке, с тесной застройкой кварталов по периметру. Возможно, это было связано с природными особенностями терри-

тории — южная оконечность базальтового острова. См. рисунок (ил. 12). Возможно, расположение города на трёх террасах влияло и на планировку Кузнецка.

Выводы. В заключении мы можем высказать предположение, что хотя колониальное движение раннего нового времени приходится на расцвет прямоугольной планировки уличной сети, на новых землях она применялась не всегда, причем не только по цивилизационным, но и по вполне рациональным соображениям.

Список литературы

1. Вуек Я. Мифы и утопии архитектуры XX века Пер. с поль. М.: Стройиздат, 1990. — 286 с.
2. Гутнов А. Э., Глазычев В. Л. Мир архитектуры: Лицо города. — М.: Молодая гвардия, 1990. — 352 с.
3. Коннолли, П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории: эволюция военного искусства на протяжении 12 веков. — М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. — 320 с.
4. Саваренская Т. Ф. Западноевропейское градостроительство XVII–XIX веков: Эстетические и теоретические предпосылки М.: Стройиздат, 1987. — 191 с.
5. Шибек Ф. Пирамиды, дворцы, панельные дома. Пер. с венгерск. Будапешт, Корвина: 1968. 210 с.

6. Jeannot Gilles. Le Corbusier et Paris. In: *Vingtieme Siecle, revue d'histoire*, n°17, janvier-mars 1988. pp. 109-110; doi: <https://doi.org/10.3406/xxs.1988.1965>https://www.persee.fr/doc/xxs_0294-1759_1988_num_17_1_1965 Fichier pdf genere le 21/12/2018

7. Le Corbusier. L'habitation moderne. In: *Population*, 3e annee, n°3, 1948. pp. 417-440; doi: 10.2307/1523807 https://www.persee.fr/doc/pop_0032-4663_1948_num_3_3_1950

References

1. Wujek, Jakub Leon. *Mify i utopii arkhitektury XX veka*. Moscow, 1990. 286 p.

2. Gutnov A.E., Glazychev V.L. *Mir arkhitektury: Litso goroda*. Moscow, 1990. 352 p.

3. Konnolli, P. *Gretsiya i Rim. Entsiklopediya voennoi istorii: evolyutsiya voennogo iskusstva na protyazhenii 12 vekov*. Moscow, 2000. 320 p.

4. Savarenskaya T.F. *Zapadnoevropeiskoe gradostroitel'stvo XVII–XIX vekov: Esteticheskie i teoreticheskie predposylki*. Moscow, 1987. — 191 p.

5. Sebek F. *Piramidy, dvortsy, panel'nye doma*. Budapest, 1968. 210 p.

6. Jeannot Gilles. Le Corbusier et Paris. In: *Vingtieme Siecle, revue d'histoire*, n°17, janvier-mars 1988. pp. 109-110; doi: <https://doi.org/10.3406/xxs.1988.1965>https://www.persee.fr/doc/xxs_0294-1759_1988_num_17_1_1965 Fichier pdf genere le 21/12/2018

7. Le Corbusier. L'habitation moderne. In: *Population*, 3e annee, n°3, 1948. pp. 417-440; doi: 10.2307/1523807 https://www.persee.fr/doc/pop_0032-4663_1948_num_3_3_1950

Материал передан в редакцию 14.06.2021

DOI: 10.37909/978-5-89170-287-5-2021-1011
УДК: 72 (571.150)

М.А. Целищева
Алтайская региональная краеведческая общественная организация
«Наследие Алтая» (Барнаул)
ул. 80 Гв. Дивизии, 14, г. Барнаул, Россия, 656037
c.marina64@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>

«Пассаж Фирсова» в Бийске — история крупного общественного здания начала XX века с ярко выраженными элементами модерна

Аннотация

На основании архивных документов в статье представлены сведения об истории и первом владельце торгового здания, а также о дальнейшем использовании данного объекта культурного наследия с начала XX в. и по настоящее время. Двухэтажный кирпичный «Пассаж», расположенный в г. Бийске, был построен в 1907 г. по заказу купца Андрея Петровича Фирсова. Представлял собой крупное общественное здание начала XX века, формирующее, вместе с Пассажем купца Второва, архитектурный облик улицы Торговой (ул. Л. Толстого) и прилегающих улиц. В архитектуре здания ярко выражены элементы модерна. В дальнейшем в здании поочередно размещались военные подразделения, затем располагались казармы кавалерийской дивизии. С середины 1920-х гг. второй этаж занимал Государственный банк, на первом этаже находились магазины и Биржа труда. В годы Великой Отечественной войны часть здания отвели под госпиталь. В 2007 г. в здании на втором этаже, где располагался коммерческий банк, произошел пожар, с этого времени оно практически не эксплуатируется.

Ключевые слова: торговое здание, государственный банк, военный госпиталь, культурное наследие, памятник архитектуры, объекты культурного наследия

M. Tselishcheva
Altai regional local history non-government organization "Altai Heritage" (Barnaul)
ul. 80 Gvardeiskoj divizii, 14, Barnaul, Russia, 656037
c.marina64@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>

"Firsov's passage" in Biysk — the history of a large building for public use of the early 20th century with prominent elements of art nouveau

Abstract

Based on archival documents, the article presents information about the history and the first owner of the commercial building, as well as about the further use of this cultural heritage site from the early 20th century to the present. The two-storey brick "Passage", located in Biysk, was built in 1907 by order of the merchant Andrei Petrovich Firsov. It was a large public building of the early XX century, which, together with the Merchant Vtorov's Passage, formed the architectural appearance of Torgovaya Ulitsa (L. Tolstoy Ulitsa) and the nearest streets. Art Nouveau elements are clearly expressed in the architecture of the building. Later, military units and barracks of the cavalry division were located in the building one by one. Since the mid-1920s, the State Bank occupied the second floor, on the first floor there were shops and the labor exchange. Then a military hospital had been taken a part of the building during the Great Patriotic War. In 2007, a fire broke out on the second floor of the building, where the commercial bank was located. Since that time, practically it has not been used.

Keywords: commercial building, state bank, military hospital, cultural heritage, architectural monument, cultural heritage objects

Здание расположено в исторической части г. Бийска, в границах улиц Л. Толстого, Кирова и переулка Двойных. Составляет единый объем со стоящим рядом Пассажем Второва и формирует застройку квартала по красной линии улицы Л. Толстого.

В конце XIX в. — начале XX в. земельный участок на ул. Торговой (с 1910 г. — ул. Л. Толстого) в г. Бийске, на котором в дальней-

шем будет построен Пассаж, принадлежал купцам Фирсовым. В 1895 г. П.П. Фирсов торговал мануфактурными, бакалейными, скобяными и прочими товарами [Сибирский..., 1895, с 427]. В дальнейшем П.П. Фирсов выбирал купеческое свидетельство 2 гильдии. Так, в 1898 г. в городскую Управу были поданы сведения, что вблизи Базарной площади (на ул. Торговой) находится каменный

магазин купца 2 гильдии П.П. Фирсова, а заведует магазином его сын Андрей — одно каменное помещение, два выхода. Магазин торговал мануфактурными, галантерейными, парфюмерными, скобяными, москательными и бакалейными товарами, обувью и готовым платьем, чаем и сахаром, в нем работало 8 приказчиков. Товар приобретался на Нижегородской и Ирбитской ярмарках. Годовой оборот магазина составлял 20,0 тыс. руб., чистая прибыль — 2,0 тыс. руб. [ГААК, Ф-174. Оп.1. Д.84. Л.21 об.]. В 1900 г. бийские купцы 2 гильдии отец и сын П.П. и А.П. Фирсовы торговали в Бийске, первый — галантерейными и др. товарами, а сын — виноторговлей [Сибирский..., 1900, с. 180]. В дальнейшем семейное дело продолжил сын Андрей Петрович Фирсов. В 1904 г. купец 2 гильдии А.П. Фирсов стал одним из учредителей бийского общества поощрения рысистого коннозаводства [ГААК, Ф-170. Оп.1. Д.512. Л.2 об.]. А.П. Фирсов входил в состав членов — распорядителей товарищества «Стекло», владеющего стекольным, лесопильными заводами и мельницей. В 1906 г. в составленных списках лиц бийского уезда и города, имеющих право избирать, значится и Фирсов Андрей Петрович, проживавший в Бийске на ул. Торговой в своем доме [ГААК, Ф-175. Оп.1. Д.34. Л.4].

Двухэтажный кирпичный «Пассаж», расположенный в г. Бийске, в центре города, был построен в 1907 г. по заказу купца Андрея Петровича Фирсова. Автор проекта неизвестен. Разрешение на строительство кирпичного двухэтажного здания для торговых помещений было получено в строительном отделении Томского губернского управления. Строительство началось в июне 1904 года.

Здание строилось на болотистой местности, поэтому для прочности под фундамент было подведено несколько слоев из лиственниц.

В архитектуре здания ярко выражены элементы модерна. Главные оси фасадной композиции выделены лопатками и завершены фигурными аттиками. Наиболее пышно декорирован срезанный угол объема при пересечении улиц, где помещен главный вход. Двухъярусная композиция среза угла включает четырехколонный заглубленный портик, завершенный над антаблементом пологой аркой на гофрированном поле стены. Угловую часть с фронтоном и крупным аттиком, прорезанным овальным окном, с аттиками над ближайшими осями соседних фасадов, венчает массивный чешуйчатый купол со шпилем. Пышные формы модерна, акцентирующие основную часть главного протяженного фасада и его основные композиционные оси сменяются, в остальных частях фасадной композиции, более сдержанными деталями убранства. Простенки членятся строгими лопатками, образующими, наряду с пояском над окнами второго этажа, своеобразное оформление. Широкая плоскость между окнами первого и второго этажей отмечены строгими филенками. Оси по центру южного фасада и на юго-восточном углу фиксируются теми же декоративными элементами, что и на срезанном углу здания за исключением аттика и купола (ил. 1). В дальнейшем к первоначальному объему здания примыкали поздние пристройки: 3-х этажный объем вдоль пер. Двойных, разновременные 2-х и одноэтажные пристройки — к дворовому фасаду [Архив НПЦ...].

Илл. 1. Пассаж Фирсова. Юго-восточный главный входной узел здания по ул. Торговой (Л. Толстого) в г. Бийске. Фото нач. XX в. [Из архива НПЦ «Наследие»]

Fig.1. Firsov's Passage. The southeastern main entrance of the building on the Torgovaya Ulitsa (L. Tolstoy Ulitsa) in Biysk. Photo of the beginning of the 20th century. [By the Arkhiv NPTs "Nasledie"]

Первоначально в здании располагались торговые залы, часть помещений второго этажа была занята жилыми комнатами приказчиков и складами. Как и до этого времени, купец торговал мануфактурными, галантерейными, парфюмерными и другими товарами [Сибирский..., 1907, с. 56]. В этом же году А.П. Фирсов был избран почетным членом правления Общества попечения о начальном образовании в г. Бийске [ГААК, Ф-170. Оп.1. Д.418. Л. 54]. В 1909 г. Андрею Петровичу Фирсову было 36 лет, русский, читал и говорил, право-славный, имел недвижимого имущества на 9,0 тыс. руб. [ГААК, Ф-174. Оп.1. Д.299. Л.1, 6; Д. 291. Л. 16]. В декабре 1909 г. купец А.П. Фирсов написал заявление в городскую Управу с просьбой выдать ему на следующий год купеческого свидетельства. В заявлении было указано, что вместе с ним проживает его мать — Настасья Николаевна [ГААК, Ф-174. Оп.1. Д.627. Л.11]. Из налоговой ведомости бийской городской Управы на недвижимое имущество, составленной в начале 1911 г. мы можем узнать, что наследники П.П. Фирсова владели на Торговой улице торговым двухэтажным каменным помещением и пакгаузами тесовыми, все имущество было оценено в 35,0 тыс. руб. [ГААК, Ф-174. Оп.1 доп. Д. 26. Л.20 об.]. В июне этого же года А.П. Фирсов имел недвижимого имущества уже на сумму 40,0 тыс. руб. [ГААК, Ф-174. Оп.1. Д.299. Л.50 об., 63]. В это время у купца А.П. Фирсова на ул. Л.Толстого,4/2 было следующее имущество — двухэтажный каменный торговый корпус, одноэтажный деревянный флигель, двухэтажная каменная кладовая, одноэтажная каменная кладовая и одноэтажная деревянная кладовая, облагаемая доходность составляла 7 600 руб., налог на имущество — 456,0 руб. [ГААК, Ф-174. Оп.1. Д.398. Л.87 об.]. В списках лиц и учреждений, пользующихся правом выбора гласных городской Управы на 1912-1916 гг., проходят наследники П.П. Фирсова — Андрей Петрович и Анатолий Петрович Фирсовы с цензом в 35,0 тыс. руб. по раскладной ведомости № 92 во 2 части города, дополнительно А.П. Фирсов указан по раскладной ведомости № 150 (2 ч.) с цензом в 500 руб. [ГААК, Ф-174. Оп.1. Д.312. Л.8]. По сведениям Сибирского торгово-промышленного ежегодника на 1914/1915 гг. купец А.П. Фирсов торговал галантерейными и мануфактурными товарами, обувью, галошами и дорожными вещами, швейными машинами, табаком, чаем и сахаром, а также шорными товарами [Сибирский..., 1914, с.43–77]. В декабре 1915 г. купец А.П. Фирсов возобновил сословное гильдейское свидетельство на 1916 г. В заявлении, поданном в городскую Управу было отмечено, что А.П. Фирсов родился 20 августа 1873 г., постоянное место жительства г. Бийск [ГААК, Ф-174. Оп.1.Д.321. Л.40 об.]. В этом же году А.П. Фирсов пожертвовал 200 руб. на устройство санатория в Белокурихе для раненых воинов

[ГААК, Ф-170. Оп.1. Д.658. Л. 78]. Из общего списка плательщиков губернского земского сбора с недвижимого имущества на 1917–1919 гг. следовало, что А.П. Фирсову был начислен налог в сумме 129 руб. в год за недвижимое имущество, находящееся по ул. Л.Толстого,4 [ГААК, Ф-174. Оп.1. Д.330. Л.100]. В составленных списках лиц, имеющих право участвовать в выборах в бийскую городскую Думу в 1917 г., указан А.П. Фирсов, проживавший по адресу: ул. Пермская,18 [ГААК, Ф-175. Оп.1. Д.39. Л.170].

В дальнейшем здание было занято под воинский постой. Так, в октябре 1917 г. в доме А.П. Фирсова собралась комиссия с целью отвода помещений под казармы 712 пешей Томской дружины. В заключение члены комиссии отметили, что верхний этаж дома, над магазином, где ранее помещалась оптовая мануфактура, под размещение в ней жилых казарм по своей прочности для означенной цели не пригодна, если только не будет приспособлен посредством подведения деревянных колонн для устойчивости пола. Кроме этого, необходимо было организовать два входа, помещение для кухни, отхожие места и помещения для цейггаузов — три внизу у лестницы и три наверху [ГААК, Ф-174. Оп.1. Д.149. Л.174]. В это же время городская Управа составила список домовладельцев с указанием дохода от недвижимого имущества. У А.П. Фирсова по ул. Л. Толстого находилось следующее имущество — двухэтажный каменный магазин, одноэтажный деревянный флигель, деревянный одноэтажная кладовая, одноэтажная и двухэтажная каменные кладовые. Облагаемая доходность с недвижимого имущества составила 8288 руб., налог - 1243,2 руб. [ГААК, Ф-54. Оп.1. Д.3. Л.32 об.]. Из инвентарной описи, составленной бийской городской Управой на недвижимое имущество подлежащее обложению налогом в 1918 г., следует, что у купца Фирсова недвижимое имущество по ул. Л. Толстого,4/пер. Базарный,2 было оценено в сумму 167 760 руб. [ГААК, Ф-174. Оп.1 доп. Д.46. Л.61].

В апреле 1918 г. купец Андрей Петрович Фирсов умер. Его наследниками стали его брат Анатолий, сестра Ольга Фирсова (была замужем за бийским купцом 2 гильдии А.В. Огуровым, имела семь детей, постоянно проживала в Змеиногорске [ГААК, Ф-174. Оп.1. Д.321. Л.65]) и малолетние племянники, дети умершей сестры Антонины — Агния, Анастасия и Георгий Вихаревы. Кроме недвижимого имения по ул. Л. Толстого,4/пер. Базарный,2 — каменный двухэтажный магазин с земельным участком, имелись и другие имения в Бийске, а также у А.П. Фирсова числились имения на арендованных участках, таких как двухэтажная дача возле Бийска, дом, мастерская копильня и надворные постройки при ст. Че-

репаново Алтайской железной дороги, деревянный дом, обложенный кирпичом в с. Алтайском [ГААК, Ф-69. Оп.1. Д.564].

В октябре 1919 г. городская Управа предоставила сведения (№ 5980) в Алтайский губернский распорядительный комитет о расчетах по расквартированию в г. Бийске всех войсковых частей в городских и других зданиях за период с июля 1918 г. по апрель 1919 г. Так, по требованию начальника бийского гарнизона Инженерный дивизион 5 степной Сибирской стрелковой дивизии занимал бывшее торговое помещение Фирсова с 26.10.1918 г. по 23.01.1919 г., затем с января по май 1919 г. помещения занимал бийский кадровый полк переименованный в 52 Сибирский стрелковый полк. Никакой арендной платы не было, т.к. это было торговое здание. Отопление в здании было водяное и печное, кроме торговых помещений воинские подразделения занимали конюшню. Кухня обслуживала 1300 чел., но по расчетам могла обслуживать до 1500 чел. [ГААК, Ф-174. Оп.1. Д.600. Л.14, 67, 74-75]. В 1920-х гг. провели перестройку интерьеров в связи с приспособлением здания под учреждения. В августе 1922 г. постановлением Главного управления коммунального хозяйства г. Бийска (№ 240887) бывшее здание Фирсова, по адресу: ул. Л.Толстого, 120 было муниципализировано [ГА РФ, Р-4041. Оп.4. Д.940]. В 1922-1923 гг. в здании располагались казармы кавалерийской дивизии. С 1926 г. второй этаж занял Государственный банк, а на первом находились Биржа труда и магазин. В годы Великой Отечественной войны часть здания отвели под госпиталь, после войны в здании находился банк и магазины.

В 1989 г. здание поставили на государственную охрану, как памятник архитектуры. На момент постановки на гос. учет оно находилось на балансе ПЖЭТ № 1, в нем располагались Госбанк и магазин. Первоначально на крыше существовало два фигурных купола с круглыми окнами, но в 1990-е гг. при проведении ремонта на крыше один купол был утрачен. В 1995 г. была произведена консервация конструкций купола: стяжка деревянных элементов, перенесение нагрузок на сварные стальные фермы. Купол был покрыт оцинкованной чешуей, главка листами оцинкованной стали. В 1999 г. был выполнен проект реставрации «Пассажа» Фирсова, но из-за отсутствия финансирования данный проект так и не был реализован (ил. 2). В 2003 г. второй этаж в здании занимал банк «Бийск». При обследовании в этом году здания специалистами НПЦ «Наследие» в акте было отмечено, что крыша — 2-х скатная, деревянная, кровля оцинкованная, нарушен водосток (замокание карниза). Богатый лепной декор стен имел незначительные разру-

шения в карнизной части и местах водосточных труб. На втором этаже наблюдались следы протечек в угловой части (под куполом) и диагональные трещины. На первом этаже имелись колонны — кирпичные, круглые витье. Оконное заполнение было первоначальное, в витринных оконных проемах первого этажа имелись механические жалюзи, а также сохранились первоначальные фрагменты двери. Лестница на второй этаж — деревянная первоначальная, ограждение — балясник, окрашена масляной краской. В документе был отмечен лепной декор vestibюля и лестничной клетки, в залах потолочные карнизы тянутой формы. В интерьере деревянные иленчатые перегородки, декор лестничной клетки и входной тамбур были выполнены из тонированного дерева. В заключении специалисты рекомендовали провести реставрацию декоративных деревянных элементов интерьера (тонированной древесины) и восстановить правильность водостока и воссоздание карнизов [Акт., 2003]. С 2005 г. второй этаж арендовало ОАО КБ «Региональный кредит», на первом этаже находился магазин промышленных товаров. В 2007 г. специалисты НПЦ «Наследие» составили акт технического состояния для заключения охранного обязательства (№ 251/2007) с собственником здания — муниципальным учреждением «Комитет по управлению муниципальным имуществом г. Бийска». На момент составления акта было отмечено, что стены по уличным фасадам — кирпичные оштукатуренные, окрашены известковым составом. Наблюдалось массовое отслоение штукатурного и многочисленных красочных слоев. Низ стены был поражен грибом в местах замкания, рядом с неисправными водосточными трубами на всю высоту. По фасадам в местах примыкания пристроек проходили вертикальные сквозные трещины. Пристроенные разновременные объемы были выполнены из современного керамического кирпича с бетонными перемычками, они полностью скрывали первоначальный дворовый фасад. Большинство пристроек высотой в 2 этажа имели небольшой уступчатый карниз, некоторые постройки были оштукатурены и окрашены известковым составом. По пер. Двойных примыкала трехэтажная оштукатуренная пристройка, высотой равная основному объему. Крыша сложная в плане, состояла из нескольких объемов: односкатного со стороны дворового фасада, основного двухскатного, односкатного со стороны пер. Двойных. По деревянным стропилам была уложена разреженная обрешетка. Большая часть элементов стропильной системы и обрешетки были заменены новым пиломатериалом. Покрытие кровли — оцинкованная сталь. Наблюдалось многочисленные протечки, просветы в местах окрытия конькового бруса, отсутствие примыкания

покрытия кровли к стенам. Водосточные трубы из оцинкованной стали были воссозданы по первоначальному образцу, на момент осмотра были частично утрачены. Происходило нарушение водоотвода и намокание фасадов. Чешуйчатый купол сложной конфигурации с главкой и слуховыми окнами-розетами, металлическим шпилем. Купол покрыт оцинкованной чешуей, главка листами оцинкованной стали. Декор купола имел утраты отдельных элементов. Лепные и штукатурные элементы декоративного оформления фасадов (пальмовые листья капителей колонн, карнизы с иониками, лепные кронштейны и розетки в замковых камнях, заполнение филенок лепным растительным орнаментом и арабесками, обрамление проемов и карнизы тянутого профиля, стилизованные полуколонны порталов с волютами и др.) в целом находились в удовлетворительном состоянии, наблюдалось отслоение штукатурного и окрасочного слоев, утрата фрагментов лепнины. Бетонные вазоны на парапетных столбиках, декор карнизов в местах утраченных водосточных труб были в предаварийном состоянии, происходило обрушение конструкций. Металлическое ограждение кровли находилось в удовлетворительном состоянии. Перекрытие в подвале было кирпичное, своды по металлическим балкам без

отделки, межэтажные перекрытия — плоские деревянные по железобетонным и деревянным балкам оштукатуренные по дражке. Перекрытия пристроенных объемов — плоские из железобетонных конструкций. В большинстве помещений устроены подшивные потолки из гипсокартона, декоративной металлической плитки и др. современных материалов. Стены — кирпичные, оштукатуренные, окрашенные масляным и известковым составами, на момент осмотра были поражены грибком в отдельных местах на высоту этажа. В помещениях ценностью представляли гипсовая лепнина и штукатурные элементы декора торговых залов: витые колонны, лепные перегородки, потолочные плафоны с люстрами, находящиеся в основных торговых залах. Оконные блоки деревянные, находились в неудовлетворительном состоянии: наблюдалось разрушение конструкций в местах сопряжения в виде гнили, оконные переплеты были стертые, деформированы. Витринные окна главного фасада имели рольставни. Дверное заполнение в основном было позднее. Первоначальные филенчатые двери сохранились лишь в помещениях второго этажа. Вдоль улицы Двойных расположена ограда с въездными воротами во двор, выполненная по первоначальному образцу.

Ил. 2. Эскизный проект реставрации объекта культурного наследия «Пассаж Фирсова». г. Бийск, ул. Л. Толстого, 146, арх. Н. Позднякова, арх. Е. Шаповаленко. 1999 г. [Из архива НПЦ «Наследие»]

Fg. 2. Draft design for the restoration of the cultural heritage site "Firsov's Passage". Biysk, ul. L. Tolstoy, 146, architect. N. Pozdnyakova, architect. E. Shapovalenko. 1999 [By the Arkhiv NPTs "Nasledie"]

В итоге специалисты рекомендовали выполнить ремонтно-реставрационные работы по крыше с восстановлением водостока, ремонтно-реставрационные работы по восстановлению фасадов, провести реставрацию интерьеров с восстановлением первоначального вида лепного декора, демонтаж металлических перегородок, для использования торгового зала как единого пространства. К акту шло приложение «Опись архитектурно-художественных элементов интерьеров па-

мятника истории и культуры», где было отмечено следующее: торговые залы (первый этаж) — витые колонны круглого сечения со стилизованными капителями с волютами и пальмовыми листьями. Колонны облицованы гипсом и окрашены масляной краской, состояние поверхности колонн (гипса) неудовлетворительное: имеются значительные затертости, сколы, выбоины, отслаивание красочного слоя. Потолки по периметру оформлены штукатурными карнизами и леп-

ными плафонами с меандрами, иониками и растительным орнаментом, в центральной части потолка круглые розетки, семирожковые осветительные приборы из белого металла с рассеивателями белого матового стекла, состояние люстр удовлетворительное, лепные розетки частично затерты, имеют много красочных слоев. Декоративные перегородки (2 шт.) располагаются в торцах зала. Каждая перегородка имеет большой проем в центре, оформленный в виде арки с «гирькой» в вершине. Арка опирается на стилизованные двухколонные портики, колонны которых круглые в сечении, имеют высокий пьедестал, волюты и пальмовые листья в капителях. Фриз портика, внутренняя поверхность арки и некоторые филленки перегородки богато декорированы растительным орнаментом. Состояние декора перегородок неудовлетворительное: имеются сколы декора, выбоины, утрата отдельных фрагментов, заложенные проемы в перегородках, многочисленные красочные слои искажают первоначальный вид [Акт., 2007].

В декабре 2007 г. загорелся офис коммерческого банка «Региональный кредит». Наиболее пострадал второй этаж здания банка. Огонь распространялся быстро, поскольку основные сложности тушения пожара были вызваны тем, что здание старое, перекрытия деревянные, двойные, с пустотами между потолочным перекрытием и чердаком. В качестве причин пожара следователи рассматривали версии о замыкании электропроводки и о замыкании в оргтехнике. В результате пожара обрушилась увенчанная куполом башенка. Из всех организаций, находящихся в здании, в результате

пожара пострадал только банк. В 2011 г. проект реконструкции пострадавшего в результате пожара здания был выполнен Алтайским филиалом Сибирского института «Сибспецпроектреставрация» (ил.3). Первоочередной задачей при подготовке проекта восстановления старинного здания стало сохранение его уникального облика. Проектом было предусмотрено полное восстановление прежнего облика фасада здания. Особую уникальность также составлял интерьер здания: планировалось оставить прежний архитектурный облик лестниц в помещении, восстановить купол. Объемное финансирование восстановления было связано не только с последствиями пожара, но и также с тем, что в течение длительного времени не осуществлялся необходимый уход за этим памятником. В 2015 г. здание было выставлено на аукцион, который выиграл бийский предприниматель. По условиям договора он должен был восстановить здание в течение 7 лет. В 2016 г. начали демонтаж двух пристроек, относящихся к советскому периоду. Предположительно, к зданию пассажа они «присоединились» в 1940-х и 1970-х годах. Когда пристройки стали устаревать и заваливаться набок, то следом «пошло» и все здание пассажа. Трещина в одной из более поздних конструкций перешла на «родную» стену здания. С 2015 г. по 2018 г. бизнесмен провел ряд работ на здании: были разобраны аварийные кровля и перекрытия, разработана проектно-сметная документация. Но в дальнейшем работы были приостановлены. Причина застоя банальна, нужны огромные вложения, чтобы восстановить особняк, которых у нового собственника не нашлось.

"Бывший пассаж Фирсова-Второва"

Ил. 3. Эскизный проект реставрации объекта культурного наследия «Пассаж Фирсова». г. Бийск, ул. Л. Толстого, 146. Алтайский филиал Сибирского института «Сибспецпроектреставрация», арх. А.А. Машонкин. 2011 г. [Из архива НПЦ «Наследие»].

Fig. 3. Draft design for the restoration of the cultural heritage site «Firsov's Passage». Biysk, ul. L. Tolstoy, 146. Altai branch of the Siberian Institute «Sibspetsproektrestavratsiya», architect. A.A. Mashonkin. 2011 [By the Arkhiv NPTs «Nasledie»].

Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 12.09.2016 № 41678-р Объект был включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» с присвоением ему регистрационного номера 221610464270005. В 2018 г. приказом Управления государственной

охраны объектов культурного наследия Алтайского края (Алтайохранкультура) от 15.05.2018 № 61 было утверждено охрannое обязательство собственника или иного законного владельца объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Рос-

сийской Федерации. В 2020 г. приказом Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края (Алтайохранкультура) от 18.11.2020 № 1126 были утверждены зоны охраны и режим использования земель и требований к градостроительным регламентам в границах территорий данных зон. В декабре этого же года приказом Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края (Алтайохранкультура) от 08.12.2020 № 1390 были утверждены границы территории и режим использования территории памятника культуры.

Здание, расположенное по адресу: Алтайский край, г. Бийск, ул. Л. Толстого, 146 является объектом культурного наследия регионального значения «Пассаж Фирсова», 1907 г. согласно решения исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов «Об отнесении недвижимых памятников истории и культуры к категории памятников местного значения» от 24.03.1989 № 108. Здание представляет интерес как образец крупного общественного здания нач. XX в. с ярко выраженными элементами стиля модерн. Ценность здания определяют также сохранившиеся элементы интерьеров: лепные элементы торговых залов 1-го этажа и тамбур, перегородки, лестница из лакового дерева помещений 2-го этажа.

В настоящее время городская администрация готовит документы по возврату здания в городскую казну. Выкупать обратно здание не будут, собственник сам готов его отдать.

Список литературы

1. Архив НПЦ «Наследие»
2. Акт технического состояния от 31.10.2003 // Текущий архив НПЦ «Наследие».
3. Акт технического состояния от 28.09.2007 // Текущий архив НПЦ «Наследие».
4. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1895 год (год второй) / изд. Ф.П. Романова. — Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1895. — IV. С. 427.
5. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1900 год. Год седьмой. — Томск: Издание Ф.П. Романова, 1900: Паровая типо-литография П.И. Макушина. С.180.
6. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1907 год. Год четырнадцатый. — Томск, [1907]. С.56.
7. Сибирский торгово-промышленный ежегодник 1914–1915 гг. // [изд. Д.Р. Юнг]. — Петроград: [Тип. АО «Аргус», Т-ва «Труд»], Томск, Ч.2, отд. IV. 1914. С.73–77.

References

1. Arkhiv NPTs "Nasledie". (In Russ.)
2. Akt tekhnicheskogo sostoyaniya ot 31.10.2003. Arkhiv NPTs "Nasledie". (In Russ.)
3. Akt tekhnicheskogo sostoyaniya ot 28.09.2007. Arkhiv NPTs "Nasledie". (In Russ.)
4. Sibirskii torgovo-promyshlenniy i spravochnyi kalendar' na 1895 god (god vtoroi). izd. F.P. Romanova. Tomsk: Parovaya tipo-litografiya P.I. Makushina, 1895. IV. P. 427. (In Russ.)
5. Sibirskii torgovo-promyshlenniy i spravochnyi kalendar' na 1900 god. God sed'moi. Tomsk: Izdanie F.P. Romanova, 1900. Parovaya tipo-litografiya P.I. Makushina. p. 180. (In Russ.)
6. Sibirskii torgovo-promyshlenniy i spravochnyi kalendar' na 1907 god. God chetyrnadtsati. Tomsk, [1907]. P.57. (In Russ.)
7. Sibirskii torgovo-promyshlenniy ezhegodnik 1914-1915 gg. [izd. D.R. Yung]. [Petrograd]: [Tip. AO "Argus", T-va "Trud"], Tomsk, pt.2, otd.IV.1914. Pp.73–77. (In Russ.)

Список источников

1. ГААК, Ф-174. Оп.1. Д.84. Л.21 об.
2. ГААК, Ф-170. Оп.1. Д.512. Л.2 об.
3. ГААК, Ф-175. Оп.1. Д.34. Л.4.
4. ГААК, Ф-170. Оп.1. Д.418. Л. 54.
5. ГААК, Ф-174. Оп.1. Д.299. Л.1, 6; Д. 291. Л. 16.
6. ГААК, Ф-174. Оп.1. Д.627. Л.11.
7. ГААК, Ф-174. Оп.1 доп. Д.26. Л.20 об.
8. ГААК, Ф-174. Оп.1. Д.299. Л.50 об., 63.
9. ГААК, Ф-174. Оп.1. Д.398. Л.87 об.
10. ГААК, Ф-174. Оп.1. Д.312. Л.8.
11. ГААК, Ф-174. Оп.1. Д.321. Л.40 об.
12. ГААК, Ф-170. Оп.1. Д.658. Л. 78.
13. ГААК, Ф-174. Оп.1. Д.330. Л.100.
14. ГААК, Ф-175. Оп.1. Д.39. Л.170.
15. ГААК, Ф-174. Оп.1. Д.149. Л.174.
16. ГААК, Ф-54. Оп.1. Д.3. Л.32 об.
17. ГААК, Ф-174. Оп.1 доп. Д.46. Л.61.
18. ГААК, Ф-174. Оп.1. Д.321. Л.65.
19. ГААК, Ф-69. Оп.1. Д.564.
20. ГААК, Ф-174. Оп.1. Д.600. Л.14, 67, 74–75.
21. ГА РФ, Р-4041. Оп.4. Д.940.

Список сокращений

- ГААК — Государственный архив Алтайского края
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
НПЦ «Наследие» — Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края

Материал передан в редакцию 29.05.2021

М.А. Целищева
Алтайская региональная краеведческая общественная организация
«Наследие Алтая» (Барнаул)
ул. 80 Гв. дивизии, 14, г. Барнаул, Россия, 656037
c.marina64@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>

«Поликлиника» в Барнауле — история общественного здания переходного периода от конструктивизма к архитектуре советского классицизма

Аннотация

В 2020 г. автор приняла участие в разработке проекта реставрации данного объекта в разделе комплексные научные исследования, в дальнейшем подрядчик должен будет выполнить реставрацию здания с приспособлением его под современное использование. На основе впервые привлекаемых архивных материалов и других источников из Государственных архивов Российской Федерации и Алтайского края, Музея истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина и Алтайского государственного краеведческого музея, автор рассматривает в данной статье историю строительства в г. Барнауле в 1930-х гг. специализированного здания поликлиники барнаульского Меланжевого комбината и рассказывает о дальнейшей судьбе этого объекта культурного наследия. В начале поликлиника обслуживала сотрудников БМК, а с 1950-х гг. ее передали городу для обслуживания населения близлежащих домов. Объект культурного наследия имеет ценность, как пример общественного здания середины XX в. переходного периода от конструктивизма к архитектуре советского классицизма, является элементом застройки так называемого «соц. городка».

Ключевые слова: поликлиника, медицинское учреждение, общественная архитектура, культурное наследие, памятники истории и культуры, объекты культурного наследия

М.А. Tselishcheva
Altai regional local history non-government organization
"Altai Heritage" (Barnaul)
ul. 80 Gvardeiskoj divizii, 14, Barnaul, Russia, 656037
c.marina64@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>

The history of the public building of the barnaul's "polyclinic" during the transition period from constructivism to the architecture of soviet classicism

Abstract

In 2020, the author took part in the development of the project for the restoration of this object in the section of complex scientific research. In the future, the contractor will have to carry out the restoration of the building with its adaptation to modern use. On the basis of first-ever used archival sources and other sources from the State Archives of the Russian Federation and the Altai Krai, the S.N. Balandin Museum of the History of Siberian Architecture, and the Altai State Museum of Local Lore, in the article the author examines the history of the specialized "Polyclinic" building originally belonged to Barnaul Melange Combine in Barnaul in the 1930s and tells about the further fate of this cultural heritage site. At the beginning, the polyclinic served the BMC employees, and since the 1950s, it was transferred to the city to serve the inhabitants of the nearest houses. The cultural heritage site has value as an example of a public building of the middle of the 20th century the transition period from constructivism to the housing of Soviet classicism.

Keywords: polyclinic, healthcare facility, public architecture, cultural heritage, historical and cultural monuments, heritage sites

Здание расположено в центральной части города, в границах проспекта Калинина, улиц Сизова и 9 мая. Занимает угловое положение в квартальной застройке. Главным фасадом выходит на пр. Калинина с отступом от красной линии. Кирпичное, переменной этажности с подвалом, в плане близкое к Т-образной форме, состоит из разновеликих объемов.

Основной объем — трехэтажный, прямоугольный в плане завершен по правому флангу полуцилиндрическим ризалитом в три оси проемов, к которому с южной стороны примыкает двухэтажный Г-образный объем, уходящий одним крылом вглубь двора. По северному флангу к основному примыкает четырехэтажный объем, имеющий три оси проемов по

красной линии, к северному фасаду, которого был пристроен небольшой трехэтажный объем со скошенными углами, вместо одноэтажного полукруглого входа в здание. Крыша основных объемов — вальмовая. Внутренняя планировка здания — коридорного типа. На первом этаже расположение помещений двухстороннее, на втором и третьем — одностороннее. На четвертом этаже помещения располагаются вокруг холла. Объем лестничной клетки — цилиндрической формы, является основным акцентом в формировании объема здания. Используются пластические приемы, характерные для классического стиля: порталобразное оформление входов и оконных проемов, рустованная штукатурка, междуэтажный тянутый пояс, профильный карниз. В интерьерах сохранилась лепнина — гипсовые тяги на потолках. Первоначальное и современное использование — поликлиника [Архив НПЦ...].

В 1934 г. на заседании Президиума барнаульского городского Совета был рассмотрен вопрос об отводе земельного участка под жилищное строительство 2 очереди Меланжевого комбината. Рассмотрели два варианта — вести строительство домов к югу от 1 очереди строительства или к востоку от него. В итоге было признано наиболее целесообразным отвод кварталов под застройку 2 очереди к югу от 1 очереди жилищного строительства [ГААК, Ф.Р-490. Оп.1. Д.1. Л.6]. Одновременно началась разработка генплана, первый проект которого был составлен в Москве в Гипрогорстрое архитектором Овчаренко. В музее истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина (г. Новосибирск) сохранилась Схема планировки жилого массива Текстильного комбината — застройки 1 очереди (1933–1934 гг.) и 2 очереди (1936–1939 гг.) [МИАС им. С.Н. Баландина НГУАДИ. ФГС О.4. К.3. Л.278. Ф.1]. Последующий проект первых двух очередей жилищного строительства был выполнен архитектором Волосевичем в мастерской профессора А.В. Самойлова. Социалистический городок Текстильного комбината был заложен в непосредственной близости от комбината.

В декабре 1934 г. на Пленуме барнаульского городского Совета X созыва заслушали вопрос директора барнаульского Меланжевого комбината (БМК) Гольдберга о ходе строительства и задачах комбината, где было отмечено резкое отставание жилищного строительства. В итоге Пленум горСовета, учитывая еще более сложные задачи, стоящие перед БМК в 1935 г. — проведение строительных работ, монтаж всего производственного оборудования, пуск оборудования в эксплуатацию, производство 6 млн. метров ткани, и др., отметил, что объем капитальных работ по жилищно-бытовому строительству в 1935 г. не обеспечит по-

требностей комбината, поэтому Пленум горСовета поручил Президиуму поставить перед соответствующими организациями вопрос о дополнительных ассигнованиях средств в 1935 г. на строительство двух многоквартирных домов, больницы и школы 1 ступени на 300 учащихся [ГААК, Ф.Р-312. Оп.1а. Д.7. Л.5об-7]. В марте 1935 г. на заседании городской планировочной комиссии (№65) постановили выдать Меланжевому комбинату выкопировку из генерального плана города, запроектированного Сибпроектотом, тех кварталов города, которые отдел городского коммунального хозяйства отводил под жилищное строительство 2-й очереди Меланжевому комбинату и которые отвечали принятому горСоветом решению о направлении жилищного строительства развивающейся вокруг Барнаула промышленности [ГААК, Ф.Р-490. Оп.1. Д.1. Л.42]. Из документа, находящегося в Государственном архиве Российской Федерации (г. Москва) «О финансировании строительства Барнаульского меланжевого комбината» за 1936 г. мы можем узнать, что Текстильстрой просил утвердить произведенное НКЛП (Наркоматом Легпромом) СССР увеличение сметной стоимости строительства барнаульского Текстильного комбината с 190,32 млн руб. до 196,31 млн руб., т.е. на 5,9 млн. руб. Удорожание строительства шло по всем пунктам сметы, в том числе и по жилищно-культурному строительству, на которое была затрачена сумма 52 651,6 тыс. руб. [ГА РФ, Ф. Р-5446. Оп.18. Д.4046].

Здание поликлиники было построено в мае 1936 г. по типовому проекту «Текстильстрой», со второй очередью так называемого «соц. городка», создание которого стало новым этапом формирования жилищного фонда города в период строительства барнаульского Меланжевого комбината. В Государственном архиве Алтайского края сохранилась фотография начала строительства объекта в 1935 г. В мае 1936 г. в газете «Советская Сибирь» была опубликована заметка о новой поликлинике барнаульского Меланжевого комбината, где было отмечено, что построенное новое здание поликлиники БМК прекрасно отделано. В здании 108 комнат, прием будет осуществляться по всем специальностям в 26 кабинетах. Поликлиника имела рентгенкабинет, водолечебницу, электролечебницу, свою лабораторию, специальную операционную, расположенную в трех комнатах. Детской лечебно-профилактической амбулатории было отведено 6 врачебных кабинетов с боксами и две ожидающих комнаты, в которых должны были принимать детей с 4 лет — дошкольников и школьников. Также в поликлинике имелся детский лечебный кабинет для обслуживания детей до 4 лет.

Кроме того, в здании были размещены детская консультация и скорая помощь [Советская Сибирь, 1936, № 116, Л.3]. После открытия в поликлинике вели прием сначала 4 врача, затем 9. Многие из медработников получили квартиры в новых домах Меланжевого комбината. На карте г. Барнаула второй половины 1930-х гг. уже отмечено здание поликлиники БМК [ГААК, Ф.Р-490. Оп.5. Д.5. Л.1_2]. В 1939 г. на жилплощадке БМК рядом с поликлиникой была открыта первая ночная аптека с приемом срочных рецептов с 21-00 ч. до 9-00 ч. утра. В 1942 г. поликлиника перешла на участковый метод работы. В феврале 1946 г. депутаты горСовета провели проверку выдачи больничных листов и продолжительности заболеваний больных в поликлинике № 2 Западно-Сибирского Текстильного комбината (ЗСТК). При проверке оказалось, что анализа заболеваемости больных в поликлинике не велось, не было данных о застрахованных больных. В итоге было предложено вести ежедневный учет больных, в том числе по разбивке диагнозов и подавать эти данные директору поликлиники, уточнить время приема врачей, назначить ответственных врачей за выдачу больничных листов, улучшить работу поликлиники по учету и анализу заболеваемости [ГААК, Ф.Р-312. Оп.1а. Д.117. Л.9–12]. В августе 1947 г. на XXVII сессии барнаульского городского Совета депутатов трудящихся был рассмотрен вопрос о подготовке к зимнему периоду 1947/1948 г. организации города, в т.ч. учреждений здравоохранения. Заместитель председателя горисполкома Е.А. Парфенов в своем докладе отметил, что положение с

ремонтom больниц и поликлиник обстояло катастрофически плохо. Так, из 19 медучреждений было отремонтировано только 5, остальные находились в процессе ремонта. Ежегодно большинство медучреждений подходило к зиме не подготовленными, плохо обстояло дело с подачей электроэнергии в данные учреждения, из-за этого физиотерапевтическая аппаратура в учреждениях использовалась только на 50% [ГААК, Ф.Р-312. Оп.1а. Д.123. Л.97-102]. В 1948 г. на здании отремонтировали кровлю, провели остекление окон на сумму 40,0 тыс. руб. Побелка в поликлинике производилась, как правило, к Новому году в декабре месяце [ГААК, Ф.Р-312. Оп.1а. Д.183 Л.258]. В 1952 г. при поликлинике был организован стационар на 50 коек, и она была переименована в Октябрьскую больницу. Сохранилась фотография 1950-х гг., на которой виден фронтон на крыше здания и одноэтажная полукруглая пристройка со стороны северного торцевого фасада, которые в настоящее время не сохранились [АГКМ, ОФ 1734]. В 1960 г. исполком барнаульского городского Совета депутатов трудящихся принял решение (№ 464 от 09.06.1960) разрешить Октябрьской районной больнице надстройку четвертого этажа и каменную пристройку к существующему зданию поликлиники по пр. Калинина (кв.402) [ГААК, Ф.Р-312. Оп.6. Д.6. Л.249]. В музее истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина сохранилась фотография здания поликлиники за этот год [МИАС им. С.Н. Баландина НГУАДИ. ФГС О.4. К.2. Л.201. Ф.2] (ил. 1).

Ил. 1. Здание городской поликлиники, г. Барнаул, пр. Калинина, 16. Фото 1960 г. [Музей истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина]

Fg.1. The building of the Barnaul Polyclinic, Barnaul, Kalinin prospect, 16. Photo of 1960 [Museum of history of architecture of Siberia. S.N. Balandin]

В 1963 г. была проведена реконструкция северного фасада, к нему был пристроен небольшой трехэтажный объем со скошенными углами. В 1977 г. решением горисполкома (№ 165 от 24.06.1977) клиническую лабораторию с 1 июля перевели на основную базу поликлиники городской больницы № 2 [ГААК, Ф.Р-312. Оп.7. Д.609. Л.11]. Дворовый вход (1 этаж) в 1977-1978 гг. был реконструирован, сегодня используется как лаборатория. Также во дворе в 1980 г. была выполнена одноэтажная пристройка из кирпича, которая используется под регистратуру. В 1987 г. при поликлинике был открыт стационар дневного пребывания больных на 15 коек, велся прием пациентов по 17 специальностям [Дмитриенко, 2000, с. 52–53].

В 1993 г. решением Малого Совета барнаульского городского Совета народных депутатов (от 15.06.1993 № 163) здание было закреплено в муниципальной собственности г. Барнаула. В 1994 г. его поставили на государственную охрану как памятник архитектуры. На момент постановления на гос. учет оно находилось на балансе Крайздава и использовалось под городскую поликлинику № 2. В 1995 г. при составлении технического паспорта БТИ на здание по пр. Калинина, 16 было отмечено, что в фундаменте наблюдались сколы и трещины, на внешних стенах и на потолках в помещениях — места замочания, крыша — железная со следами ржавчины, полы — паркет, местами плитка, в ходовых местах наблюдались следы стертости, окна двойные створчатые, рамы имели перекос коробок, на внутренних стенах наблюдались трещины и отслоение штукатурного слоя. В 1997 г. специалисты НПЦ «Наследие» обследовали здание и составили акт, в котором отметили, что отмоксти находятся в неудовлетворительном состоянии, цоколь отделан рустованной штукатуркой (есть разрушения). Стены имели трещины по карнизу до уровня оконных перемычек третьего этажа. На северо-восточном фасаде была разрушена перемычка, аварийное состояние устранено при помощи металлического каркаса (площадь разрушения фасада составляла около 10 м²). Кровля имела течь, в нескольких местах замочало перекрытие, покрытие и карниз. Водосточные трубы были разрушены, отсутствовали водосточные воронки на юго-восточном фасаде, из-за этого замочало стена. Далее, в акте было отмечено, что крыльцо и портал отделаны мраморной плиткой. Штукатурный слой внешних стен находился в неудовлетворительном состоянии, фасад одноэтажной пристройки не оштукатурен. Перекрытия — по деревянным балкам, штукатурка имела небольшие трещины, в нескольких кабинетах происходило отслоение шпаклевки и покраски на стенах и потолках.

В холле на третьем этаже подшивной потолок был выполнен из ДСП, в этом месте и в нескольких кабинетах наблюдалась течь через перекрытие. Гипсовые тяги на потолках были разрушены в нескольких помещениях на третьем этаже в результате течи по перекрытию в области карниза (защиты листами ДВП). На стенах — обои с фактурой «под мрамор», зеркальная плитка на пилонках, панели из ДСП со шпоном, побелка, покраска, глазурированная плитка, гипсовая плитка. Внутренние оконные переплеты находились в неудовлетворительном состоянии, наружные требовали ремонта, а часть из них замены. Дверные полотна — часть выполнена из нового материала, часть — первоначальные. Сантехническое оборудование заменено частично, требовался ремонт системы отопления и водопровода. Лестницы — марши железобетонные, ступени из мозаичного бетона, ограждение металлическое, клепаное, поручни деревянные. Полы — керамическая и мраморная плитка, паркет. Территория поликлиники не имела ограждения. В итоге специалисты рекомендовали выполнить инженерное обследование, выполнить проект реставрации и провести ремонтно-реставрационные работы [Акт., 1997]. В 1998 г. был произведен косметический ремонт главного и боковых фасадов, ремонт цоколя и отмостки по главному и боковым фасадам. Об этом было отмечено специалистами НПЦ «Наследие» в акт тех. состояния от 26.03.1999 г. На момент осмотра было выявлено, что стены имели трещины по карнизу до уровня оконных перемычек третьего этажа. Кровля находилась в неудовлетворительном состоянии, в результате чего перекрытия верхних этажей замочало. В заключении специалисты вновь рекомендовали выполнить инженерное обследование, с целью выявления причин разрушения стены в лестничной клетке. Провести ремонт кровли с организацией водостока по всему периметру здания и ремонт цоколя и отмостки по дворовым фасадам здания [Акт., 1999]. В 1999 г. была выполнена стяжка со всех сторон двухэтажной пристройки, где располагалась приемная и физиокабинеты.

По данным техпаспорта БТИ за 2000 г. общая площадь здания, занимаемого МУЗ «Городская больница № 2» составляла 3009,2 м², балансовая стоимость здания - 7305,0 тыс. руб. В 2001 г. комитет по управлению имуществом г. Барнаула выдал выписку из реестра объектов муниципальной собственности г. Барнаула по состоянию на 01.01.2001 г. о принадлежности здания по пр. Калинина, 16 к собственности города. В 2003 г. «Земельной Кадастровой палатой» по Алтайскому краю был оформлен кадастровый план земельного участка. В этом же году постановлением администрации города

Барнаула от 15.04.2003 (№ 1171) были утверждены границы территории земельного участка в размере 0,4726 га (кадастровый номер 22:63:020618:0017). В 2005 г. был проведен мониторинг здания-памятника архитектуры. В этом же году провели ремонт главного фасада со стороны пр. Калинина. В 2009 г. провели ремонт крыши, была частично произведена замена стропильной системы, покрытие кровли первоначального объема Литер А — оцинкованная сталь, Литер А1 — листовое железо.

Из составленного филиалом ФГУП «Ростехинвентаризация-Федеральное БТИ» в 2011 г. технического паспорта следовало, что площадь земельного участка поликлиники составляла 4475,7 м², в т.ч. застроенная 1802,6 м². Здание 1936 г. постройки, кирпичное, количество этажей 5(с подвалом). В здании (литер А) — фундаменты ленточные бутовые, в отмостках были трещины. Стены кирпичные, оштукатурены, побелены, в стыках наблюдалось образование щелей. Перекрытия деревянные. Перегородки — чердачные деревянные утепленные, междуэтажные — деревянные по деревянным балкам, подвальные — деревянные по металлическим балкам. На внутренних стенах наблюдались глубокие трещины в штукатурном слое. Процент износа здания составил 49%. В пристройке (литер А1) 1963 г. постройки (северный фасад) было отмечено, что наблюдалось вспучивание цоколя, трещины в отмостках, искривление горизонтальной линии фасада, в чердачных перекрытиях — диагональные трещины, на наружных стенах — трещины на штукатурке. Процент износа составил 44%. В пристройке (литер А2) 1980 г. постройки, в фундаменте наблюдалось выпадение отдельных камней, выколы и следы увлажнения, на чердачных перекрытиях — диагональные трещины, на оштукатуренных наружных стенах — трещины. Процент износа составил 30%. На территории поликлиники находится одноэтажный бетонный гараж (литер Б), построенный в 1968 г. В 2012 г. МУЗ «Городская поликлиника № 2» была переименована в КГБУЗ «Городская поликлиника № 2, г. Барнаул», здание перешло из муниципальной собственности в краевую. В этом же году в здании были заменены деревянные оконные блоки на пластиковые. В 2013 г. был проведен мониторинг памятника архитектуры «Поликлиника» (г. Барнаул, пр. Калинина,16). На момент осмотра состояние здания было неудовлетворительное, наблюдалось массовое отслоение штукатурного и окрасочного слоев цоколя и стен, отсутствие водостока, утраты штукатурных декоративных элементов; разрушения и трещины в уровне карниза, отсутствие и разрушение отмокки по дворовым фасадам. Было предложено выполнить комплексную реставрацию фасадов с воссозда-

нием штукатурных декоративных элементов. С 1 января 2014 г. после реорганизации, поликлиника КГБУЗ «Городская поликлиника № 2, г. Барнаул» вошла в состав КГБУЗ «Городская больница № 5, г. Барнаул». В этом же месяце управлением Федеральной службы государственной регистрации кадастра и картографии по Алтайскому краю были выданы свидетельства о государственной регистрации права, в котором отметили, что согласно Акту приемки-передачи краевой государственной собственности, находящейся в оперативном управлении краевого государственного бюджетного учреждения «Городская поликлиника № 2, г. Барнаул» передается в оперативное управление крайвому государственному бюджетному учреждению здравоохранения «Городская больница № 5, г. Барнаул» здание поликлиники с подвалом, по адресу: г. Барнаул, пр. Калинина,16, общей площадью 2984,3 м² и здание гаража на восемь боксов, общей площадью 160,7 м².

В 2014 г. специалисты НПЦ «Наследие» вновь осмотрели здание и составили акт технического состояния, в котором отметили, что здание находится в пользовании у краевого государственного бюджетного учреждения здравоохранения «Городская больница №5, г. Барнаул». Далее было отмечено, что здание состоит из нескольких объемов. Основной первоначальный объем (Литер А) главным западным фасадом выходит на пр. Калинина. Со стороны ул. Сизова к торцевому северному фасаду первоначального объема примыкает 3-х этажная пристройка (Литер А1). Стены здания выполнены из керамического кирпича, окрашены фасадной краской в колер, первый и второй этажи главного фасада с отделкой под штукатурный руст, наблюдалось значительное отслоение окрасочного и частично штукатурного слоев до оголения кирпичной кладки. По всем фасадам на оштукатуренных участках стен просматривались следы увлажнения на поверхности, по всем фасадам - вертикальные трещины в уровне карниза, по дворовым — от карнизной части до оконных проемов. Со стороны дворового южного фасада были пробиты два оконных проема. Крыша сложной конфигурации. Водосточные трубы отсутствовали по всем фасадам, вследствие чего происходило разрушение карниза. Кирпичные декоративные элементы фасадов (карниз, подоконные ниши с балюстрадой, декор над входом во дворе, пилястры цилиндрического ризалита, руст междуоконных простенков, пилястры) были оштукатурены и окрашены известковым составом. На момент осмотра имелись участки разрушения декора, сколы, трещины и выпадение отдельных кирпичей, отслоение штукатурного и окрасочного слоев. Перекрытия над подвалом объема Литер А, А1 — железобетонное по

балкам, междуэтажное перекрытие плоское деревянное по деревянным балкам, оштукатуренное по дранке. Перекрытия частично были подшиты подвесной конструкцией типа «Армстронг», частично оштукатурены, окрашены известковым составом, в коридорах и лестничных клетках и в части помещений кабинетов сохранились тянутые карнизы, наблюдались трещины, отслоение окрасочного слоя, общее загрязнение поверхности. В остальных помещениях перекрытия окрашены водоэмульсионной краской. В помещениях первоначальные интерьеры сохранены. Стены выполнены из красного керамического кирпича. Внутренняя отделка помещений разнотипная: в коридорах обои и на 1/2 панели ДВП, в кабинетах обои под покраску, в остальных — окраска масляной и водоэмульсионной краской. В основном объеме стены частично зашиты листами гипсокартона с последующей окраской водоэмульсионным составом, либо оклеены обоями, наблюдалось отставание обоев, общее загрязнение поверхности. В помещениях лестничных клеток стены были окрашены масляным составом, наблюдался грибок, отслоение окрасочного слоя, трещины, загрязнение поверхности. Выполнено усиление стен над первым этажом металлическими стяжками. Также в акте было отмечено, что входная дверь со стороны пр. Калинина — современная металлическая, остальные двери с дворовых фасадов — металлические, окрашены масляным составом, либо с полимерным покрытием, межкомнатные двери частично первоначальные деревянные с филенчатыми дверными полотнами и современные деревянные с окраской масляным составом, ламинированные из МДФ. Состояние первоначальных дверей в помещениях подвала неудовлетворительное, имелись отслоения окрасочного слоя. Оконные проемы — современные пластиковые, с Т-образной расстекловкой. Две двухмаршевые лестницы в основном объеме Литер А, одномаршевая лестница в объеме Литер А1 были выполнены по оштукатуренным металлическим балкам и косоурам, площадки — монолитные ж/б, ступени сборные ж/б с отделкой мраморной крошкой, ограждение металлическое, перила деревянные, окрашены масляным составом, имелись незначительные сколы и выбоины элементов ступеней. Лестницы, ведущие в подвальные помещения основного объема устроены в виде однопролетных спусков, ступени сборные ж/б, уложенные по грунту. Профилированный штукатурный карниз был окрашен масляным составом, наблюдались трещины, отслоение окрасочного слоя, общее загрязнение поверхности. Сохранились профилированные штукатурные карнизы в ряде кабинетов и коридорах первого, второго и третьего этажей, имелись трещины воль карнизов в кабинетах третьего этажа, карнизы,

устроенные по периметру лестничных маршей были оштукатурены и окрашены известковым составом, наблюдалось отслоение штукатурного и окрасочного слоев, трещины, общее загрязнение. Полы в подвале — бетонные по грунту, облицованы метлахской и мраморной плиткой, частично в ряде помещений уложен линолеум, имелись провалы бетонного основания пола, участки нарушения целостности поверхности бетона. На первом этаже полы бетонные, покрытие — мраморная и метлахская плитка, в помещениях 2-го, 3-го и 4-го этажей — дощатые, с разнотипным покрытием: паркет, линолеум, метлахская плитка, в санузлах — керамическая плитка, наблюдались стертости, на лестничных площадках покрытие пола — метлахская плитка. Элементов первоначального благоустройства не сохранилось. Двор отделяла кованая ограда с воротами с южной стороны участка. В заключении специалисты НПЦ «Наследие» предложили выполнить инженерное заключение для выявления причин трещин по стенам дворовых фасадов. Выполнить проект реставрации фасадов. Провести мероприятия по результатам инженерного заключения, восстановить водосточные трубы. Выполнить реставрацию фасадов, согласно проектной документации, провести ремонтные работы в помещениях [Акт., 2014].

В 2016 г. приказом Министерства культуры Российской Федерации от 05.02.2016 № 32565-р Объект культурного наследия регионального значения «Поликлиника», 1934 г. (Алтайский край, город Барнаул, проспект Калинина, 16) был зарегистрирован в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением ему регистрационного номера 221610413280005. В мае 2016 г. в одном из кабинетов на втором этаже произошел пожар. К моменту прибытия пожарного расчета из окон второго и третьего этажа шел густой дым, возникла угроза распространения огня на другие этажи. Предварительной причиной пожара назвали нарушение правил пожарной безопасности штатным работником больницы, который вел сварочные работы.

В августе 2019 г. специалисты Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края (Алтайохранкультура) провела внеплановую выездную проверку в рамках государственного надзора в области охраны объектов культурного наследия. В акте было отмечено, что в нарушение ст. 27 Федерального закона 73-ФЗ от 25.06.2002 г. учреждение не провело ремонтно-реставрационные работы на объекте культурного наследия регионального значения. В приложение к акту проверяющие написали, что на момент проверки выявлено от-

слоение окрасочного и штукатурного слоя на фасаде, внутри помещений замечены трещины в штукатурном слое, отслоение окрасочного слоя. Также по итогам проверки было выписано предписание (от 16.08.2019 № 02-17/17) разместить на главном фасаде информационную табличку. В этом же году учреждение по требованию Алтайохранкультуры заказало информационную табличку на здание с текстом, что здание является объектом культурного наследия и охраняется государ-

ством. Приказом Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края (Алтайохранкультура) от 25.11.2019 № 565 было утверждено охранное обязательство собственника или иного законного владельца объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Ил. 2. Общий вид. Главный западный фасад. г. Барнаул пр. Калинина 16. Фото автора, 2019
Fg.2. General view. The main west facade. Barnaul, Kalinin prospect, 16. Photo of 2019 by Tselishcheva

Ил. 3. Эскизный проект реставрации объекта культурного наследия «Поликлиника», расположенный по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, пр. Калинина, 16. ЗАО «Классика», архитектор А. Ф. Деринг, 2020 г.
Fg. 3. Draft design for the restoration of the cultural heritage site "Polyclinic" located at Altai Krai, Barnaul, Kalinin prospect, 16. ZAO "Classica", architect A.F. Dering, 2020

Список литературы

1. Архив НПЦ «Наследие».
2. Акт тех. состояния от 18.03.1997 г. // Архив НПЦ «Наследие».
3. Акт тех. состояния от 26.03.1999 г. // Архив НПЦ «Наследие».

4. Акт тех. состояния от 27.10.2014 г. // Архив НПЦ «Наследие».
5. Дмитриенко И.М. Больницы городские // Барнаул: Энциклопедия. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. С.52–53.
6. Советская Сибирь. — Новосибирск, 1936. — 22 мая (№ 116).

References

1. Arkhiv NPTs "Nasledie". (In Russ.)
2. Akt tekhnicheskogo sostoyaniya ot 18.03.1997. Arkhiv NPTs "Nasledie". (In Russ.)
3. Akt tekhnicheskogo sostoyaniya ot 26.03.1999. Arkhiv NPTs "Nasledie". (In Russ.)
4. Akt tekhnicheskogo sostoyaniya ot 27.10.2014. Arkhiv NPTs "Nasledie". (In Russ.)
5. Dmitrienko I.M. Bol'nitsy gorodskie. Barnaul: Entsiklopediya. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2000. pp. 52–53. (In Russ.)
6. Sovetskaya Sibir'. Novosibirsk, 1936. 22 maya (No 116). (In Russ.)

Список источников

1. АГКМ, ОФ 1734.
2. ГААК, Ф.Р-490. Оп.1. Д.1. Л.6.
3. ГААК, Ф.Р-312. Оп.1а. Д.7. Л.5об-7.
4. ГААК, Ф.Р-490. Оп.1. Д.1. Л.42.
5. ГААК, Ф.Р-490. Оп.5. Д.5. Л.1_2.
6. ГААК, Ф.Р-312. Оп.1а. Д.117. Л.9-12.
7. ГААК, Ф.Р-312. Оп.1а. Д.123. Л.97-102.

8. ГААК, Ф.Р-312. Оп.1а. Д.183 Л.258.
9. ГААК, Ф.Р-312. Оп.6. Д.6. Л.249.
10. ГААК, Ф.Р-312. Оп.7. Д.609. Л.11.
11. ГА РФ, Ф.Р-5446. Оп.18. Д.4046.
12. МИАС им. С.Н. Баландина НГУАДИ, ФГС О.4. К.3. Л.278. Ф.1.
13. МИАС им. С.Н. Баландина НГУАДИ, ФГС О.4. К.2. Л.201. Ф.2

Список сокращений

- АГКМ — Алтайский государственный краеведческий музей
ГААК — Государственный архив Алтайского края
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
МИАС им. С.Н. Баландина НГУАДИ — Музей истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина
НПЦ «Наследие» — Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края

Материал передан в редакцию 28.05.2021

**Город и деревня на рубеже XIX и XX веков:
символические аспекты в историко-архитектурном наследии**

Town and village at the turn of the 19th and 20th centuries: symbolic aspects in historical and architectural heritage

DOI: 10.37909/978-5-89170-287-5-2021-1013
УДК: 72 394+316.444

М.А. Аршакян
Национальный Университет Архитектуры и Строительства Армении
mashito@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3965-2909>
Научный руководитель: доктор архитектуры Д.Г. Кертменджян

**Орнаментальное наследие, символизирующее гранат и виноград, в армянской
архитектуре и современном прикладном искусстве**

Аннотация

Рассматривается использование символов винограда и граната, как наиболее широко распространенных средств художественного выражения в национальной армянской архитектуре, а также в современном прикладном искусстве. Представлены раннесредневековые, средневековые и советские образцы армянской архитектуры, в которых заметна тема развития декоративного орнамента с элементами винограда и граната, и их применение в современном прикладном искусстве.

Ключевые слова: Армянская архитектура, национальный символ, орнаментальное искусство, орнамент, декоративно-прикладное искусство, архитектурная композиция

М.А. Arshakyan
National University of Architecture and Construction of Armenia
Teryan 105 str, Yerevan, Republic of Armenia, 0009
mashito@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3965-2909>
Scientific adviser: Dr. habil. in Architecture D.G. Kertmenjian

**Ornamental heritage symbolizing pomegranate and grape in Armenian architecture
and contemporary arts**

Abstract

The article discusses the consumption of the symbols of grapes and pomegranates as the most widespread ornamental expressions in Armenian national architecture, as well as their use in modern applied arts. Early medieval, medieval and Soviet examples of Armenian architecture are presented within the development of decorative arts of each period with the above-mentioned elements.

Keywords: Armenian architecture, national symbol, ornamental art, ornament, decorative-applied arts, architectural composition

Materials and methods: A number of medieval religious buildings were selected as the object of research, such as Ptghnavank, Katoghike Church complex in the Talin region, Zvartnots Cathedral, Cathedral of the Holy Cross of the Akhtamar Island, as well as Rafayel Israyelian's decorated facades of the cellars of Ararat wine factory and monument fountains of the soviet period. The aim of the research is the critical and chronological description and analysis of the ornamental decoration of monuments using a qualitative method.

Введение. История орнамента с элементами, символизирующими виноград и гранат в армянском орнаментальном искусстве, восходит к древним временам. Связано это с природными традициями исторического Армянского нагорья и их воздействием на архитектуру и искусство в целом [Оганесян и другие, 1917, с. 19]. На протяжении веков широкое использование культур винограда и граната в Армении стало мотивирующим фактором трансформации символов через их художественное признание, особенно в виде орнаментов, которые до сих пор используются

в различных областях искусства, таких как изобразительное искусство, скульптура, архитектура, во всех ее проявлениях. Тема методологически обоснована, поскольку современная интерпретация декора — «декоративное искусство», требует идеологических уточнений. Цель статьи — проанализировать исторические примеры применения символов граната и винограда, рассмотреть их новые применения в творчестве советских и современных мастеров. Будут рассмотрены некоторые средневековые классические образцы орнаментов с исследовательскими комментариями, представлено творчество одного из советских армянских мастеров, архитектора Рафаэля Израеляна, а также образцы применения орнаментов с элементами винограда и граната в современном прикладном искусстве.

Полученные результаты и их обсуждение. 1. Художественное изображение граната и винограда претерпели различные обработки в орнаментальном убранстве армянских средневековых памятников. Они в самых разных проявлениях присутствуют в различных памятниках средневековья, таких как Птгнаванк, церковь Св. Креста в Ахтамаре, построенного архитектором Манвелом, в знаменитом храме Звартноц. В художественно-пространственном убранстве Птгнаванка и храма Звартноц символы винограда и граната занимают особое место.

а. Птгнаванк (VI в.) Птгнаванк (известен также как Птгнийский храм) является одним

из самых ярких памятников средневекового армянского зодчества. Храм-массивен, имеет 15,7 метров в ширину и 30,4 метров в длину, а молитвенный зал имеет 10,3 метра в ширину и 23,8 метра в длину.

Парадный арочный вход расположен на северном фасаде. По обе стороны главного входа расположены три однообразных окна. Несмотря на то, что в настоящее время храм находится в полуразрушенном состоянии, на той же северной стене можно разглядеть разнообразные мотивы декоративного убранства, такие как геометрические и растительные рельефы, рельефы, содержащие изображения людей, птиц и животных. Сохранившиеся южносторонние окна покрыты рельефами изображающие Богоматерь, Христа и апостолов. Помимо вышеупомянутых, храм также украшен рельефами светских содержания, например всадник, поражающий стрелой раненного зверя.

Комплекс Птгнаванк можно считать ярким примером использования орнаментов с символикой граната и винограда. Храм был построен в VI–VII веках и лишь частично сохранились северная стена полуразрушенного храма и восточно-купольная арочная часть южной стены. Благодаря этим сохранившимся участкам на сводах сохранившихся проемов и в верхних арочных обрамлениях входов можно увидеть отдельные и групповые композиции с элементами винограда и граната. Язык их художественного выражения суров и лаконичен (ил. 1, 2).

Ил. 1, 2. Орнаменты Птгнаванка. Снимок из личного архива Д.Г. Кертменджяна
Fg.1, 2. Ornaments of Ptghnavank. Photo from D. Kertmenjyan's personal archive

б. Церковный комплекс Катогики в Талине (VII в.) В Арагацотнском районе есть еще один раннесредневековый памятник — церковный комплекс Катогики в Талине, исторических сведений о котором почти не сохранились. Предположительно, церковь была построена князьями из рода Камсаракан. Это трехнефная, купольная трехпрестольная базилика, построенная из красного и черного туфа. Ее внешние своды, соединяющие колонны храма, так же укра-

шены элементами граната и его ветвей (ил. 3). Интерьер храма когда-то был украшен фресками, малая часть которых сохранилась до наших дней. В 1840-ом году церковь сильно пострадала от землетрясения — были разрушены купол и юго-западная часть сооружения. А в середине 20-ого века церковь была частично восстановлена — барабан купола и крыша были отремонтированы.

Во время реставрационных работ к северу от церкви были обнаружены развалины сред-

невековой однефной сводчатой часовни. Под его полом также были найдена усыпальница, а рядом были обнаружены четырехгранные тематические горельефы и скульптуры.

в. Звартноцкий собор (VII в.) Изображение граната и винограда, в качестве орнаментального украшения были использованы в художественно-архитектурных решениях другого замечательного памятника седьмого века, знаменитого храма Звартноц. На стенах

храма можно заметить тот же подход к исследуемой символике, что и на фасадах церкви Святого Креста на острове Ахтамар, где представлена связь природы и человека, важность и необратимость этого явления, как проявления христианского завета (ил. 4).

Собор расположен недалеко от города Еревана, по дороге в город Вагаршапат (г. Эчмиадзин).

Ил. 3. Орнаменты Птгнаванка. Снимок из личного архива Д.Г. Кертменджяна
Fg. 3. Ornaments of Ptghnavank. Photo from D. Kertmenjyan's personal archive

Ил. 4. Орнаменты Звартноца, VII в., Кюркчян А., Хачерян Г., Армянское искусство орнамента
Fg. 4. Ornaments of Zvartnots, VII c., Kyurkchyan A., Khacheryan H., Armenian ornamental art

По словам армянского историка Себеоса, Звартноц был построен в 640–650 годах при католикосе Нерсесе III Строителе, который намеревался перенести свою резиденцию из города Двина в город Вагаршапат. Примечательно то, что на церемонии освящения колоссального храма присутствовал также император Византии Константин II, который пожелал построить похожий храм в Константинополе.

Храм простоял 3 века, пока в 10-ом веке не был разрушен сильнейшим землетрясе-

нием. Причиной тому стали слабые узлы опор второго яруса постройки. Руины собора Звартноц были обнаружены в результате раскопок в 1901–1907 годах. По реконструкции архитектора Тороса Тороманяна, приглашенного на раскопки в 1904 году, храм представлял собой круглое трехъярусное купольное сооружение, диаметр нижнего яруса которого был 35,75 м.

Основание представляет собой круг, в который вписан крест, три крыла которого образованы по полукругу 6 колоннами, а восточ-

ное крыло — апсида — вероятно, была глухой стеной, покрытой мозаиками и фресками. У алтарной апсиды — высокое возвышение, с одной стороны — амвон, впереди — крестильная купель. Сзади к апсиде примыкало квадратное помещение, видимо, ризница, из которой поднимались по лестнице в коридор, шедший по верху первого яруса.

Совершенно удивительные по своему художественному замыслу фасады храма были украшены арками, художественной резьбой, рельефными плитами, украшенными орнаментами, изображающими гроздь винограда и гранат. Колонны Звартноца увенчаны массивными капителями с изображениями крестов и орлов. На юго-западе от храма — развалины патриаршего дворца, жилых помещений, винодавильни.

г. Храм Св. Креста в Ахтамаре (915–921 гг.) Храм Св. Креста в Ахтамаре открыл новую страницу в истории армянской архитектуры и скульптуры. Храм был возведен в 10-ом веке Гагиком Арцруни, в городе Васпуракан, на острове Ахтамар на озере Ван. Он был окружен башнями и каменным забором, но, к сожалению, мало что уцелело из вышеупомянутых структур. Храм славился и по сей день славится оригинальным

архитектурными декоративными деталями, с чем и связана его уникальность.

Однако особенно уникальна роль виноградных декоративных убранств в храме Св. Креста в Ахтамаре. Мотивы винограда также навеяны светскими событиями, что отличает интерпретацию художественного убранства храма в реальности X века. В художественно-композиционных украшениях Ахтамарского храма человек, стоящий рядом с сплетенными вместе гранатово-виноградными деревьями, кажется, овеян долголетием, которое символизировано последними, наслаждается разнообразием земных и небесных благ. Однако на стенах монастыря можно увидеть не только сцены, но и художественные элементы, ставшие историческими символами, такие как птица и грозди винограда. Последние выполнены в виде изящных композиций, смягчающих величественную каменную композицию храма Ахтамар (ил.5, 6, 7) [Кюркчян, Хачерян, 2010, с. 73, 80, 90]. Однако, как барельефы животных, так и виноградов потерпели немало на себе временных и погодных последствий из-за своей выпуклости.

Ил. 5, 6, 7. Орнаменты Ахтамара, X в. Кюркчян А., Хачерян Г., Армянское искусство орнамента
Fig. 5, 6, 7. Ornaments of Akhtamar, X c. Kyurkchyan A., Khacheryan H., Armenian Ornamental Art

2. Художественное применение композиции граната и винограда как выражение национального символа. Изображение элементов граната и винограда использовалось в работах Р. Израеляна как национальный символ. Его архитектурные произведения и сооружения, имеющие на первый взгляд простые геометрические композиции, украшают созданные мастером непревзойденные орнаменты. Их можно увидеть практически во всех произведениях Р. Израеляна, таких как погребы Араратского винного треста, г. Ереван, мемориал Сардарapat, село Армавир, портал входа в Парк Побе-

ды в Ереване, а также архитектурные малые формы, мемориалы, родники-памятники и т. д. Примечательно, что на одном из фасадов здания винных погребов Араратского треста барельеф с гроздьями винограда, созданный в соавторстве с А. Коджояном, похоже, представляет культуру исторического виноделия через средневековые армянские архитектурные выражения и фольклор. В разных частях сооружения арки обрамлены многочисленными барельефами, одна из которых — сцена из басен средневекового поэта Айгекци, где лиса пытается украсть виноград (ил. 8,9) [Аршакян, 2019, с. 24].

Ил. 8, 9. Орнаменты погребов Араратского винного треста, Р. Израелян. Из архива автора
Fg. 8, 9. Ornaments of the cellars of the Ararat wine trust, R. Israyelyan. From the author's archive

Один из замечательных архитектурных творений Израеляна — памятник-родник, расположенный в одном из парков Кольцевого бульвара, так же украшен элементами гроздей винограда. Памятник представляет собой вертикальную композицию, в нижней части которой симметрично с обеих сторон родника размещены овны, своими рогами, как бы, удерживающие композицию родника. По всей длине памятника тянется орнамент с гроздьями винограда, который в нижней части резюмируется с самим источником. Именно сцена пользования овнов живой водой этого источника символизирует плодородие и долголетие. Источник отражает сдержанную, в то же время красноречивую художественную сущность

памятника, а также высокое профессиональное мастерство автора. Геометрически четкие формы однократно определяют идею автора композиции, показать современную интерпретацию средневековой армянской архитектуры (ил. 10).

Еще один родник из туфа Израеляна находится в Карраре, в Италии, в память о дружбе городов-побратимов Ереван и Каррара. В концепции памятник похож на родник в Кольцевом парке, но здесь виноградные грозди расположены более систематично и симметрично, а овны, кажется, охраняют памятник (ил. 11). Принцип композиции последнего памятника Рафаэля Израеляна аналогичен парадному убранству церкви Ахтамарского монастыря.

Ил. 10. Памятник-родник в Кольцевом бульваре Еревана. Интернет-ресурс <https://ieinternships.blogspot.com/2014/02/normal-0-14-false-false-false.html>
Fg. 10. Memorial fountain in the Circular park in Yerevan. Internet source <https://ieinternships.blogspot.com/2014/02/normal-0-14-false-false-false.html>

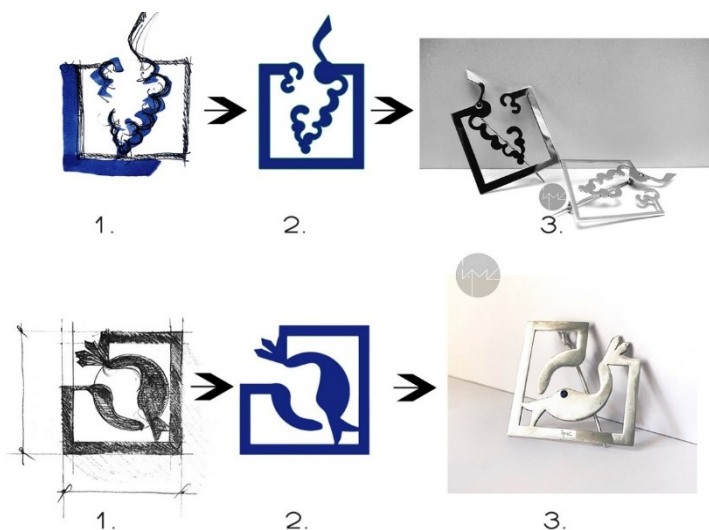
Ил. 11. Памятник-родник в память о дружбе Еревана и Каррары, Италия, Каррара. Интернет-ресурс <https://ieinternships.blogspot.com/2014/02/normal-0-14-false-false-false.html>

Fg. 11. Memorial fountain of Friendship between Yerevan and Carrara, Italy, Carrara. Internet source <https://ieinternships.blogspot.com/2014/02/normal-0-14-false-false-false.html>

3. Композиционное отражение символов граната и винограда в армянском современном прикладном искусстве. Приведенные выше примеры показывают, что на разных этапах истории армянское искусство, особенно архитектура, сотни лет, оставалась верной средствам художественного выражения, передавая дыхание каждого исторического периода последующему поколению. Таким образом, были сохранены армянские художественные традиции, как в архитектуре, так и в прикладном искусстве. Об этом свидетельствует большой интерес

к использованию традиционных элементов в современном искусстве.

Это фактический пример, когда, вдохновленные традиционными армянскими художественными средствами выражения, создаются произведения прикладного искусства, используя в данном случае орнаменты, которые своей концепцией (сущности) символизируют армянское историческое художественное орнаментальное искусство, представлены как современное армянское художественно-прикладное орнаментальное искусство (ил. 12, 13).

Ил. 12, 13. Поэтапное описание орнаментов, символизирующих виноград и гранат в современном армянском прикладном искусстве. Графическая реконструкция автора

Fg. 12, 13. A step-by-step description of ornaments symbolizing grapes and pomegranates in modern Armenian applied art. Author's graphic reconstruction

Заключение. Виноград и гранат, являясь широко распространенным в Армении видом фруктов, вместе с листьями и ветвями, часто использовались в архитектуре и изобразительном искусстве в качестве национальных символов.

В исторических памятниках они часто оживляли композицию плоскости, в основном гибкими богословскими и художественными решениями, подчеркивая утилитарные элементы архитектуры.

В современной армянской архитектуре самые различные орнаментальные композиции из винограда и граната призваны ревалоризировать и возродить национальные символы, которые на протяжении веков характеризовали художественные особенности национальной архитектуры.

В современном искусстве мотивы граната и винограда — образные элементы национальной культуры, подвергшиеся богословской проработке, выраженные в самих элементах изобразительного искусства, стали символами культурного искусства и артологии.

Список литературы

1. Արշակյան Մ., Արշակյան Ա., Ռ. Խրաշէյյանի ստեղծագործության ճարտարապետական հարդարանքի առանձնահատկությունները, ԵՃՅԱՅ տեղեկագիր No2, Երևան, 2019, էջ. 24 [Аршакян М.А., Аршакян А.А., Особенности декоративного убранства в творчестве архитектора Р. Исраеляна, Вестник НУАСА, Ереван, No2, с. 24]
2. Զյուրքյան Ա., Խաչերյան Յ. Բ., Հայկական գարդարվեստ — Երևան 2010, էջ

192 [Кюркчян А., Хачерян Г.Б., Армянское искусство орнамента. — Ереван: Кюркчян, 2010, с. 192]

3. Հովհաննիսյան Ն.Ա., Եսայան Ա.Յ., Բրբրիսյան Ա.Ա., Դավթաբյան Մ.Վ., Հրբոսյան Ս.Գ., Փասաբյան Բ.Զ., Հայկական խաղող և գինի — Երևան 2017, էջ 440 [Оганесян Н.А., Есаян А.Г., Бобохян А.А., Даллакян М.В., Хобосян С.Г., Гаспарян Б.З., Армянский виноград и вино. — Ереван: ГИЗ, 2017, с. 440]

References

1. Bahrushin S.V. Nauchnye trudy [Scientific collection]. Vol. 4. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1955. 480 p. (in Russ.)
2. Berezikov N.A. Nadzor i prinuzhdenie: amanatskie izby v Sibiri XVII v. [Discipline and punish: amanats buildings in Siberia in 17-th century]. Balandinskie chtenija: sbornik statej nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina. Novosibirsk, Novosibirskaja gosudarstvennaja arhitekturno-hudozhestvennaja akademija, 2015. Vol. 10. Part 1. Pp. 44–46. (in Russ.)
3. Gurevich A.Ja. Kategorii srednevekovoj kul'tury [Categories of Medieval culture]. Moscow, Nauka, 1984. 406 p. (in Russ.)
4. Ljucidarskaja A.A. Starozhily Sibiri. Istoriko-jetnograficheskie ocherki XVII–nachala XVIII v. [Siberian starozhil: historical and ethnography essays], Novosibirsk, Nauka. 1992. 240 p. (in Russ.)
5. Sbornik dokumentov po istorii Burjatii. XVII vek [Collection of Byurat history documents. 17-th century]. Is 1. Ulan-Udje: Nauka, 1960. 350 p. (in Russ.)

Материал передан в редакцию 12.06.21

Е.В. Асалханова
МУДО «Усть-Ордынская детская школа искусств»
Ул. Будённого, 10, п. Усть-Ордынский, Иркутская область 665001
asalhane@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5330-4054?lang=en>

Мотив «бараний рог» и другие стилистические особенности декора деревянной гражданской архитектуры поселка Усть-Ордынский Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области во второй половине XIX — начале XX веков

Аннотация

В статье впервые исследуется наружный декор деревянной гражданской архитектуры поселка Усть-Ордынский Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области, в частности, наличники, которые всегда являлись главным украшением деревянного дома. Иркутская область является одним из самых интересных регионов, где в силу удаленности хорошо сохранились многие архаичные черты древнерусской архитектуры. Во всех населенных пунктах Иркутской области, основанных в XVIII–XIX веках, еще можно встретить старинные деревянные дома, имеющие архаичные конструктивные элементы, заслуживающие особого внимания специалистов. Рассмотренные в статье оконные наличники по стилистике эклектичны (хотя встречаются и наличники «чистого стиля»), включают элементы мотивов барокко и классицизма, древнерусского языческого стиля, а также выявленного нами впервые в декоре наличников архаичного орнамента кочевых и полукочевых народов Средней Азии и Южной Сибири «бараний рог». К сожалению, в XXI веке старинная деревянная архитектура стремительно теряет свою идентичность, многие наличники уже безвозвратно утрачены. Между тем, старинные деревянные дома являются памятниками культуры, а их наличники представляют собой высокохудожественные образцы декоративно-прикладного искусства.

Ключевые слова: деревянное зодчество, резной наличник, архитектурный стиль, декор, орнамент

E.V. Asalkhanova
Ust-Orda Children's Art School
Budennogo street, 10 Ust-Ordynsky settlement Russia, Irkutsk
Oblast 665001
asalhane@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5330-4054?lang=en>

Motif "rums horn" and other stylistic features in the decor of the wooden civil architecture of Ust-Ordinsky, Ust-Orda Buryat district of the Irkutsk region in the second half of the 19 – early 20 centuries

Abstract

The article for the first time explores the external decor of wooden civil architecture of Ust-Orda in the Ust-Orda Buryat district of the Irkutsk region, in particular, platbands, which have always been the main decoration of a wooden house. Irkutsk region is one of the most interesting regions, where, due to its remoteness, many archaic features of ancient Russian architecture are well preserved. In all settlements of the Irkutsk region, founded in the 18–19th centuries, you can still find old wooden houses with archaic structural elements that deserve special attention. The window platbands considered in the article are eclectic in style (although "pure style" platbands are also found), include elements of the motifs of Baroque and classicism, the Old Russian pagan style, and the "rums horn" revealed by us for the first time in the decor of platbands. Unfortunately, in the 21st century, ancient wooden architecture is rapidly losing its identity, many platbands have already been irretrievably lost. Meanwhile, ancient wooden houses are cultural monuments, and their platbands are highly artistic examples of decorative and applied art.

Keywords: wooden architecture, carved platter, architectural style, decor, ornament

В нашей статье мы хотим рассмотреть наружный декор деревянной гражданской архитектуры п. Усть-Ордынский Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области. Главным украшением деревянно-го дома являются наличники. В каждом регионе России деревянные наличники отличаются своеобразием и являются собой феномен региональной культуры. Для исследователей деревянного зодчества Ир-

кутская область является одним из самых интересных регионов, где в силу удаленности хорошо сохранились многие архаичные черты древнерусской архитектуры.

Поселок Усть-Ордынский (бурятское название — Харгана) — центр Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области, был основан в начале XIX в. Существует несколько версий происхождения поселка. По одной, здесь селились смешанные русско-бурятские семьи, которым не позволялось жить в родовых бурятских улусах: «В XVII — начале XX века установились тесные связи между русскими и бурятами, стали распространенным явлением смешанные браки, появилась особая группа населения — карымы (ясачные) — потомки от смешанных семей и крещенных бурят, перешедших из улусно-родовых общин в специальные выселки, которые постепенно превращались в русские или русско-бурятские селения: Усть-Орда, Баяндай, Хогот, Тальяны, Русские Янгуты и др. [Михайлов, 1996, с. 23]. Известный ученый-топонимист М.Н. Мельхеев в своем труде «Географические названия Восточной Сибири» отмечал, что до 1837 года это было бурятское село Хужир (в переводе — «солончак», «солонец»). Рядом с Хужиром еще в начале XIX века была расположена Усть-Ордынская почтовая станция в один двор. В глубокой древности, в VI–IX веках здесь находились стоянки курыкан, в улусе Бартурки (сейчас на территории поселка) было обнаружено одно из наиболее сложных оросительных сооружений этого тюркоязычного народа [Гатапов, 2008, с. 177].

Во всех населенных пунктах Иркутской области, основанных в XVII–XIX веках, еще можно встретить старинные деревянные дома, имеющие архаичные конструктивные элементы, заслуживающие особого внимания специалистов. Несомненно, главными образцами в декоре деревенских домов были близлежащие города (в первую очередь, Иркутск). Во многом хорошая сохранность деревянных сооружений обусловлена использованием мелко-слоистого строевого леса, повсеместно растущего в регионе. Первые наличники появились в декоре крестьянских домов европейской части России в конце XVIII в., а на Урале и в Сибири только в середине XIX в.

Наличник имеет прямоугольную форму, по своей конструкции состоит из верхней лобовой доски (лобань), карниза (сандрика), подоконной доски и двух боковых стоек или боковин, на которые крепятся ставни. В начальном периоде развития ставни были одностворчатые, затем двустворчатые дощатые и филенчатые. Оконные наличники по стилистике эклектичны, включают элементы мотивов барокко и классицизма, древнерусского языческого стиля. Верхняя часть наличников представлена как в виде короны, так и в виде простого карниза. Большинство окон имеют ставни. Рассмотр-

им наличник дома по ул. Ватутина, 2 (ил. 1). Окно выполнено из стекла с переплетом, разделяющим его на шесть частей. Оконный проем с арочным сводом (такие оконные проемы начинают входить в моду в конце XIX в.). Наличник окна дома представляет собой высокую лобань, составленную из нескольких рядов разного профиля и увенчанную зубчатой короной. Такие наличники еще можно достаточно часто встретить в поселке, их декоративное убранство простое и очень выразительное, динамичное, акцент сделан только на карнизе. Подоконная доска криволинейного профиля, ставни двустворчатые дощатые. Наличник окна окрашен в голубой цвет.

Ил. 1. Усть-Ордынский. Наличник дома по ул. Ватутина, 2. Снимок автора.

Fig. 1. Ust-Ordynsky settlement. The window plat-band of the house on Vatutin Street, 2. Photo of the author

Наличник дома по ул. Октябрьская, 2 (ил. 2) имеет прямоугольную форму, декор представляет собой характерный образец древнерусского языческого стиля. Верхняя часть наличника символизирует небо, средняя часть — землю и нижняя часть — подземный мир. В верхней части, на карнизе, в технике пропиленной резьбы изображены: в центре полукруг солнца, символизирующий полдень и по краям две четверти круга (знаки восходящего и заходящего солнца). Под знаками солнца изображены прямоугольные знаки капель дождя, направленные вниз. Идущие ниже знаки округлой формы именуется «грудями», округлая форма «присуща как каплям росы, так и женской груди». На лобовой доске симметрично расположены два горизонтальных прямоугольных знака поля и в центре вертикальный ромбовидный

знак семени. По бокам лобани размещены завиткообразные знаки растений. Подоконная доска криволинейного профиля со знаком солнца, боковины со знаками подземных вод. Ставни двустворчатые филенчатые. Декор представляет собой пример бережного заговора, воплощенного в дереве. С помощью этого декора просили о хорошем урожае, благосклонности природы. «Деревянный декор данного стиля — это универсальное идеографическое письмо» [Меерович, 2014, с. 166].

Дом по ул. Октябрьская, 4 (ил. 3) имеет оконный проем с арочным сводом. В верхней части, на карнизе расположен так называемый «гребешок»: «Под влиянием стиля ба-

рокко, классические наличники с высокой лобовой доской трансформируются в эклектику. Над карнизом появляется резной гребешок в виде завитков и волют» [Скрябина, 2016, с. 74]. Под карнизом изображены знаки округлой формы «груды», символ плодородия. На высокой лобовой доске в центре расположен знак солнца и по сторонам от него — две цветочные розетки. Боковые стороны лобани имеют плавный силуэт. Подоконная доска криволинейного профиля с обозначенным в центре знаком солнца, боковины со знаками подземных вод. Ставни двустворчатые филенчатые (две филенки на каждой ставне). Наличник окрашен в сиреневый с белым цвета.

Ил. 2. Усть-Ордынский. Наличник дома по ул. Октябрьская, 2. Снимок автора.
Fg. 2. Ust-Ordynsky settlement. The window platband of the house on Oktybrskaya Street, 2. Photo of the author.

Ил. 3. Усть-Ордынский. Наличник дома по ул. Октябрьская, 4. Снимок автора.
Fg. 3. Ust-Ordynsky settlement. The window platband of the house on Oktybrskaya Street, 4. Photo of the author

В конце XIX в. появляются наличники с треугольным выступом на лобовой доске, что было заимствовано из архитектуры классицизма. На окне дома по ул. Ватутина, 57 мы видим характерный наличник, лобань которого украшена симметричными накладными знаками поля и в центре — знаком семени квадратной формы, ведущими свое происхождение из древнерусского языческого стиля. По сторонам лобани размещены симметричные завиткообразные элементы — знаки растений. На треугольном выступе симметрично размещены две ромбовидные фигуры. Подоконная доска прямолинейного профиля, ставни двустворчатые филенчатые (две филенки на каждой ставне) с прямоугольными знаками поля. Цветовая гамма наличника строится на гармоничном сочетании белого и голубого цветов. Таким образом, в этом наличнике

присутствует смешение элементов классического и древнерусского языческого стилей.

В это же время распространяются наличники с элементами стиля барокко, который проявился в оформлении карниза в виде двух встречных волют. Необарокко, пережившее в столице расцвет в середине XIX в., с некоторым запозданием добралось до Сибири. В деревянном зодчестве из арсенала декоративных форм барокко были заимствованы лишь некоторые мотивы украшения окон. Особенной популярностью в последней четверти XIX в. пользовалось оформление сандриков объемными встречно-направленными волютами с акротериями между ними. Разнообразные варианты таких наличников можно встретить как в Иркутске, так и в селах и деревнях Иркутской области.

Рассмотрим оконный наличник с элементами мотивов барокко (ил. 4): оконный проём сделан в пяти брёвнах, окно выполнено из стекла с переплётом, разделяющим его на восемь частей. Наличник окна дома представляет собой высокую гладкую лобань из трех гладких досок, завершённую плавно изогнутыми профилированными встречными волютами, являющимися сандриком. В центральной части они объединены акротерием. По обеим сторонам лобани расположены плоские завиткообразные элементы, завершающие и мягко сливающиеся с ее боковыми сторонами. На вершине в центре лобовой доски расположена цветочная розетка (возможно, символ солнца), выполненная в технике пропиленной резьбы. Наличник окна окрашен в голубой цвет. Ставни окна двустворчатые филенчатые (три филенки на каждой ставне). Подоконная доска прямолинейного профиля.

Подоконные доски также являются полноправными элементами создания общей композиции оконного проёма. Различают подоконные доски прямолинейного профиля, криволинейного профиля с накладными завитками, криволинейного профиля с накладной объемной резьбой.

В последней четверти XIX в. приходит мода на ажурную пропиленную резьбу, которая отвечала «русскому» направлению в эклектике. В большинстве построек резные доски заполняли карнизы и подзоры под кровлей, а также наличники.

Нами обнаружены наличники эклектичного стиля с включением традиционного элемента

орнамента кочевых народов (в том числе предбайкальских бурят) «бараний рог» (бурят. *хусын эбэр хээ*) — символом плодородия, изобилия, богатства, благополучия и процветания. Эти мотивы расположены на двух наличниках, украшающих дома в п. Усть-Ордынский (ул. Хангалова, 2 и ул. Ворошилова, 1). Орнамент «бараний рог» встречается в образцах народного декоративно-прикладного искусства кочевых и полукочевых народов Средней Азии и Южной Сибири: в вышивке, в ковроделии, росписи по дереву. По своей функциональной нагрузке «бараньи рога», скорее, связаны с древними верованиями человека, когда изображения животных играли роль оберегов и воплощали в себе добрые и злые космические силы, наполнявшие мир и так или иначе влиявшие на судьбу человека, как при жизни, так и в загробном мире [Бананова, 2016, с. 11]. Данный наличник (ил. 5) представляет собой образец эклектичного стиля (классицизма, древнерусского языческого) с включением орнамента «бараний рог». Наличник с классицистическим треугольным выступом на лобовой доске, с пилястрами и накладными завиткообразными растительными элементами по бокам лобани. Под треугольным выступом белым кружевом в технике ажурной пропиленной резьбы выполнен древнерусский языческий мотив «груды». В центре в технике накладной резьбы — орнамент «бараний рог». По бокам от него — знаки поля. Подоконная доска криволинейного профиля, ставни двустворчатые филенчатые (три филенки на каждой ставне). Цветовая гамма наличника строится на гармоничном сочетании белого и голубого цветов.

Ил. 4. Усть-Ордынский. Наличник дома по ул. Балтахинова, 10. Снимок автора.

Fg. 4. Ust-Ordynsky settlement. The window platband of the house on Baltakhinov street, 10. Photo of the author.

Ил. 5. Усть-Ордынский. Наличник дома по ул. Ворошилова, 1. Снимок автора.

Fg. 5. Ust-Ordynsky settlement. The window platband of the house on Vorochilov Street, 1. Photo of the author.

Еще один очень интересный эклектичный наличник с элементом «бараний рог» обнаружен нами на доме по ул. Хангалова, 2 (ил. 6). Наличник также с классицистическим треугольным выступом на лобовой доске, на пиллястрах расположена накладная резьба с растительными мотивами, по бокам лобовой доски – завиткообразные растительные элементы в технике пропиленной резьбы. Под тре-

угольным выступом выполнен древнерусский языческий мотив «дождь». В центре лобани – орнамент «бараний рог». По бокам от него – знаки поля. Подоконная доска криволинейного профиля, ставни двусторчатые филенчатые (три филенки на каждой ставне). Цветовая гамма наличника также строится на гармоничном сочетании белого и голубого цветов.

Ил. 6. Усть-Ордынский. Наличник дома по ул. Хангалова, 2. Снимок автора.
Fig. 6. Ust-Ordynsky settlement. The window platband of the house on Khangalov street, 2. Photo of the author.

Таким образом, рассмотренные нами оконные наличники по стилистике эклектичны (хотя встречаются наличники «чистого стиля»), включают элементы мотивов барокко и классицизма, древнерусского языческого стиля, а также выявленных нами элементов орнамента кочевых и полукочевых народов Средней Азии и Южной Сибири. При окрашивании наличников предпочтение отдается небесно-голубому цвету и сочетанию белого с голубым цветом.

К сожалению, в XXI веке появились новые представления о красоте и комфорте в гражданском строительстве. В результате

старинные деревянные срубы прячут под сайдинг, окна меняют на пластиковые без переплетов, наличники снимаются и уничтожаются. Деревянный дом теряет свою идентичность. Многие наличники уже безвозвратно утеряны. Между тем, старинные деревянные дома являются памятниками культуры, а их наличники представляют собой высокохудожественные образцы декоративно-прикладного искусства, которые нужно сохранить для потомков. Рядовая деревянная застройка является ценнейшим материалом, позволяющим сохранить уникальный облик исторической среды города, поселка, деревни.

Список литературы

1. Банаева В.А. Орнаментальное искусство Предбайкальских бурят. — Усть-Ордынский, 2016. — 22 с.

2. Гатапов А.С. Монгольский исторический словарь. Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2008. — 365 с.

3. Зарубина Н.А., Меерович М.Г. «Сибирское барокко» в ансамблях с классицистическим декором деревянных гражданских домостроений г. Иркутска. // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина, 18–20 апреля 2013 г. / сост. Д.Д. Бушма. — Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2014. — С. 142–149.

4. Михайлов Т.М. Земля Гэсэра. Фотоальбом. Вступ. ст. — Иркутск: Изд-во «Свят», 1995. — С. 17–32.

5. Меерович М.Г. Древнерусский языческий стиль в декоре деревянной гражданской архитектуры г. Иркутска. // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина, 18–20 апреля 2013 г. / сост. Д.Д. Бушма. — Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2014. — С. 161–166.

6. Скрябина Л.А. Типология и хронология деревянных наличников Кемеровской области. // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». № 3. 2016. — с. 70–82.

References

1. Banaeva V.A. Ornamental'noe iskusstvo Predbajkal'skih burjat. — Ust'-Ordynskij: Izd-vo "Vremja stranstvij", 2016. — 22 p. (in Russ.).

2. Gatapov A.S. Mongol'skij istoricheskiy slovar'. Ulan-Ude: OAO "Respublikanskaja tipografija", 2008. — 365 p. (in Russ.).

3. Zarubina N.A., Meerovich M.G. "Sibirskoe barokko" v ansambljah s klassicisticheskim dekorom derevjannyh grazhdanskih domostroenij g. Irkutsk. In Balandinskie chtenija: sbornik statej nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina. — Novosibirsk: NGAHA, 2014. — Pp. 142–149. (in Russ.).

4. Mihajlov T.M. Zemlja Gjesjera. Fotoal'bom. Vstup. st. — Irkutsk: Izd-vo "Svjat", 1995. — Pp. 17–32. (in Russ.).

5. Meerovich M.G. Drevnerusskij jazycheskij stil' v dekore derevjannoj grazhdanskoj arhitektury g. Irkutsk. In Balandinskie chtenija: sbornik statej nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina. — Novosibirsk: NGAHA, 2014. — P. 161–166. (in Russ.).

6. Skrjabina L.A. Tipologija i hronologija derevjannyh nalichnikov Kemerovskoj oblasti. In Uchenye zapiski muzeja-zapovednika "Tomskaja pisanica". — 2016. — No 3. — Pp. 70–82. (in Russ.).

7. Zarubina N.A., Meerovich M.G. "Sibirskoe barokko" v ansambljah s klassicisticheskim dekorom derevjannyh grazhdanskih domostroenij g. Irkutsk. In Balandinskie chtenija: sbornik statej nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina. — Novosibirsk: NGAHA, 2014. — Pp. 142–149. (in Russ.).

Материал передан в редакцию 01.06.2021

DOI: 10.37909/978-5-89170-287-5-2021-1015
УДК: 72.035.5

К.Б. Данилова
Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова
Красный пр-т, д. 38, г. Новосибирск, Россия, 630099
st19.k.danilova@nsuada.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8979-231X>
Научный руководитель: кандидат архитектуры Е.А. Груздева

Трансформация орнамента как средства сохранения идентичности исторической среды города

Аннотация

В данной статье, чтобы оценить возможности применения трансформации орнамента были определены три позиции, соответствующие различным сферам жизни города. Применение трансформация орнамента было рассмотрено со стороны экологии визуальной среды города, а также со стороны маркетингового подхода к уникальности и туристической привлекательности города для его экономической выгоды. Рассмотрена социальная значимость применения трансформации орнамента и его взаимосвязь с идентичностью города. Выявлена цепочка взаимосвязей между идентичностями применимыми к городу, историей и орнаментом. Сделан вывод об обоснованности использования трансформации орнамента для концепций проектов реновации, реставрации и обновления исторической среды города и гармоничного включения в неё объектов нового строительства.

Ключевые слова: орнамент, идентичность, уникальность, историческая среда, сторителлинг, трансформация, декор

K.B. Danilova
Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts
Krasnyi Avenue, 38, Novosibirsk, Russia, 630099
st19.k.danilova@nsuada.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8979-231X>
Scientific advisor — E. Gruzdeva, Associate Professor

Transformation of ornament as a means of preserving the identity of city historical environment

Abstract

In this article, in order to assess the possibilities of applying the transformation of the ornament, three positions have been identified, corresponding to various spheres of city life. The application of the transformation of the ornament was considered according to the ecology of the visual environment of the city, as well as the marketing approach to the uniqueness and tourist attractiveness of the city for its economic benefit, the social significance of the application of the transformation of the ornament and its connection with the city identity were considered. Revealed the connection between identities applicable to the city, history and ornament. The conclusion is made about the validity of using the transformation of the ornament for the concepts of renovation projects, restoration and renewal of the historical environment of the city and the auspicious inclusion of new construction objects in it.

Keywords: ornament, identity, uniqueness, historical environment, storytelling, transformation, decor

Введение. Приоритетной задачей, в настоящее время, для современного города стал поиск способов сохранения его идентичности и уникальности. Уникальность может брать свое начало в истории и культуре, с которыми орнамент неразрывно связан, поэтому изучение роли орнамента и его трансформации для использования в архитектуре является актуальной темой. Особенно для исторических городов России, таких как: Иркутск, Томск, Кинешма, Ростов, Ковров и др. Вопрос гармоничного включения объектов нового строительства в историческую среду, представленную

объектами деревянного зодчества, для которых характерны фасады, украшенные пропиленной резьбой и орнаментальным декором, стоит довольно остро. Город не может сфокусировать свое внимание только на сохранении архитектурного наследия, так как он также должен соответствовать потребностям современного жителя, в результате чего в исторической среде неизбежно будут появляться объекты нового строительства, это естественный процесс жизни и развития города. Отсюда следует, что изучение трансформации орнамента как средства сохранения идентичности города и его исторической среды является актуальной темой, так как трансформация орнамента может быть применена в концепциях проектов реставрации реновации исторической среды, гармоничного включения объектов нового строительства в историческую среду.

Орнамент для исторических городов России — это визуализация его истории. Поэтому целью работы является раскрытие применения трансформации орнамента в архитектуре для поддержания и сохранения уникальности и идентичности города и использования в проектах реставрации и реновации исторической среды города.

Чтобы оценить возможности применения трансформации орнамента были поставлены следующие задачи, чтобы рассмотреть трансформацию орнамента с трех позиций, соответствующих различным сферам жизни города:

1. изучить применимость трансформации орнамента для формирования здоровой визуальной среды города;

2. изучить социальную значимость применения трансформации орнамента как способа сохранения уникальности и идентичности города, представляющей ценность для его жителей;

3. изучить экономическую выгоду для города при применении трансформации орнамента как способа привлечения туристов, основываясь на маркетинговом подходе использования уникальности города.

Полученные результаты и их об- суждение. Визуальная среда города. Человек активно преобразует среду вокруг себя. Однако, заложенные в нем природой естественные механизмы не исчезают. Они работают как прежде, но в новых условиях. Человек оказался под влиянием среды и условий, которые создал вокруг себя сам. «Сначала мы создаем свои дома, а потом они создают нас», — сказал Уинстон Черчилль в 1943 году, рассматривая план реставрации Палаты общин, разрушенной немецкими бомбами».

Любая созданная человеком форма — это упрощенная природная форма, которую про-

ще воспроизвести искусственно. Гуляя по лесу, вы не увидите идеально ровных линии или круга, строго прямых углов. Перед вами будет постоянно изменяющаяся картина, изобилующая сложными неповторимыми формами. Под эти условия приспособлен глаз человека. Та среда, которую создал человек для себя, существенно отличается от той, к которой он был приспособлен изначально.

Человеческий мозг, а конкретно его часть (группа клеток гиппокампа) отвечает за запоминание и кодирование окружающего пространства [Eichenbaum H., 1999] Согласно специалистам калифорнийской Академии нейробиологии для архитектуры (ANFA) будущее архитектуры заключается в связи исследований в области нейробиологии и реакции человека на искусственную среду, созданную им.

Как наиболее показательный пример влияния искусственной среды на центральную нервную систему человека рассмотрим, такую особенность человеческого зрения как саккадические движения глаз или саккады. Саккады — это непроизвольные мелкие естественные скачкообразные движения наших глаз во время рассмотрения объекта. Они совершаются несколько раз в секунду в определенном ритме и строго согласованны. Характер следования саккад обусловлен деятельностью центральной нервной системы. Саккады играют существенную роль в целенаправленном поведении, зрительном восприятии, исследовании окружающего мира [Филин, 2002].

Ситуация, наблюдаемая в современных городах далека от идеальной. Результатом распространения индустриальных методов строительства и типового проектирования стала монотонная визуальная среда, являющаяся агрессивным видимым полем. Агрессивное видимое поле (Агрессивная визуальная среда) — это поле, на котором расположено большое кол-во одинаковых, равномерно распределенных, повторяющихся элементов [Филин, 2006].

В агрессивной и гомогенной среде (видимая среда, в которой разнообразных зрительных элементов недостаточно, либо они вообще отсутствуют [Филин, 2006]) не могут полноценно работать фундаментальные механизмы зрения, такие как автоматия саккад, бинокулярный аппарат, зрительные центры. В частности, в гомогенной среде нарушается обратная связь между сенсорным и двигательным аппаратами, так как после очередной саккады перепад освещенности на фоторецепторах глаза недостаточный. Соответственно и в мозг после саккады идет минимальный импульс, недостаточный для надежного срабатывания обратной связи, в результате чего зрительные центры и нервная система в целом оказываются в заблуж-

дении. Это в свою очередь вызывает ощущение дискомфорта. Длительное пребывание человека в такой среде ведет к нарушению автоматии саккад [Филин, 2006].

Здоровая работа человеческого организма сопровождается определенными ритмами его систем, сердечный ритм, ритм сна и др. Сбой этих ритмов говорит о проблеме и может быть показателем развивающихся заболеваний. Точно также сбой работы автоматии саккад, незаконченность цикла говорит о негативном воздействии на центральную нервную систему человека. Таким образом, можно говорить о том, что в настоящее время современный городской житель ощущает на себе негативное влияние нарушенной экологии визуальной среды, которая является результатом применения типового проектирования со второй половины XX века и до наших дней. Полученная однородная среда стала одной из причин разрушения уникальности и самобытности многих городских ансамблей и природных ландшафтов, а также оказывает негативное воздействие на здоровье человека.

Трансформация орнамента и применение его на фасадах зданий позволит разнообразить и однородную визуальную среду и за счет повышения количества различных зри-

тельных элементов, которые будет считывать человеческий глаз. Изобилие различных элементов обеспечит нормальную работу саккадических движений глаз, бинокулярного аппарата. Изобилие различных зрительных элементов может быть показателями качества визуальной среды, в которой живет человек.

Трансформация орнамента и идентичности применимые к городу. Применение орнамента и его трансформации — это не только способ художественной выразительности. Трансформация орнамента в архитектуре позволит разнообразить сложившуюся монотонность облика современных городов, а также использование орнаментальных мотивов укрепит связь с историей города, его прошлым, подчеркнет его уникальность. У этой связи есть значимое качество. Орнамент отлично работает как инструмент сохранения идентичности города, которая в свою очередь влияет на общество, поддерживая глубокую эмоциональную связь и чувство принадлежности данному месту и сообществу. Такой вывод можно сделать из определенных категорий идентичности применимых к городу: идентичность города, городская идентичность и идентичность с городом (ил. 1) [Скалкин, 2018].

Ил.1. Схема категорий идентичности применимые к городу [Скалкин, 2018, С. 89]

Fig. 1. Diagram of identity categories applicable to the city [Skalkin, 2018, P. 89]

Идентичность города и орнамент связаны неразрывно. Орнамент является важнейшим ее носителем. Ресурс источников орнамента для России кажется неисчерпаем. Огромная многонациональная страна, в которой каждый субъект может внести свой драгоценный и уникальный вклад. Народный орнамент обладает большой устойчивостью: традиции в орнаментальном искусстве живут столетиями и даже тысячелетиями; они синтезируют опыт десятков поколений и многих этнических групп. С другой стороны, орнамент тесно связан с бытом народа, с его обрядами и обычаями, его природой. К тому же, все национальные образы, мотивы, и традиции являются абсолютно естественными для жителей этого региона и в результате удачной актуализации создают

положительный и привлекательный современный имидж города [Донгузов, 2017].

Орнамент имеет большое репрезентативное значение и в связи с ним идеологическую нагрузку, поэтому есть основание утверждать, что использование трансформации орнамента обладает потенциалом для создания городской идентичности.

Условно источники орнамента можно разделить на три группы. Внутренне убранство: домашний текстиль, роспись посуды, резные узоры и тд. Внешнее убранство: пропильная резьба, роспись фасада, витраж окон, кованные элементы, точеные элементы. Элементы одежды: кружевные платки, салфетки, вышивка (ил. 2).

Ил. 2. источников орнамента. Типология орнамента (Составлена авторами статьи)
Fig. 2. Diagram of the sources of the ornament. Ornament typology (Compiled by the authors)

Орнамент объединяет в себе два начала. В большинстве вариантов эти два начала — природное и человеческое — обуславливают внутреннюю динамику и особенности орнаментальных композиций, образуя целую серию их бинарных трактовок, связанных с попытками осмысления таких понятий, как свет и тьма, жизнь и смерть, добро и зло, день и ночь и т. д. [Болат, 2017].

Широкий диапазон выбора орнамента и его значений дает возможность выбирать орнамент для трансформации, который предоставляет возможность транслировать на новые объекты архитектуры те смыслы, которые уместны для конкретной концепции. С помощью элементов исходного орнамента можно передать смысловое и функциональное назначение включаемого объекта, культурную принадлежность или настроение и впечатление, которое должен будет производить новый объект.

Однако единственным ограничивающим фактором может быть целесообразность переноса орнамента на объекты архитектуры в неизменном виде. Вероятнее всего результат такого подхода будет смотреться чужеродно, негармонично и неуверительно, так как появится элемент театральности или фольклорной стилизации.

Для того чтобы избежать подобных решений, орнамент должен быть трансформирован в соответствии с актуальной эстетикой и смысловой нагрузкой. Можно выделить общую последовательность трансформации орнамента:

- 1) выбор источника орнамента;
- 2) анализ семантики;
- 3) анализ стилистики графики;

4) выделение структурной единицы орнамента и модуля симметрии;

5) модификация структурных элементов орнамента согласно концепции, упрощение или обогащение формы;

6) создание модульной сетки на основе вариантов смещения и отражения по заданным осям или применение существующих сеток, в основе которых лежат простые формы: треугольник, квадрат, шестиугольник и т.д.);

7) преобразование полученной симметричной композиции в новую путем масштабирования, исключения, упрощения, инверсии и т.д.;

8) интерпретация или графическая замена в соответствии с концепцией и стилем проектируемого объекта.

Трансформации орнамента может включать все перечисленные шаги или только часть в зависимости от желаемой степени преобразования.

Трансформация орнамента позволяют увидеть креативный потенциал его применения в современной архитектуре. Использование трансформации орнамента позволит создать узнаваемый образ города раскрыть его уникальность подчеркнуть локальные особенности быта и ремесла населения.

Применение трансформации орнамента можно рассмотреть на примере проекта «Waterstad Goese Schans» от коллектива авторов бюро West 8, расположен на окраине средневекового города Гоес, Нидерланды состоит из 34 жилищ и завершает первый этап в крупномасштабном процессе городского преобразования бывшей портовой зоны города (ил. 3).

Ил. 3. Фасады домов проекта Waterstad Goese Schans в Голландии (<https://paselkuenzel.com>)
Fig. 3. Facades of houses of the Waterstad Goese Schans project in the Netherlands (<https://paselkuenzel.com>)

Особенностью квартала является малоэтажная, плотная застройка, ортогональная квартальная решетка, а также сохранение типологической подлинности и традиционного контекста. Архитекторы попытались переосмыслить местные строительные технологии путём добавления в образ элементов современной архитектуры и обеспечения максимальной связи между историческими отсылками и современной реальностью. В данном проекте, не смотря на простое решение упростить исходную традиционную для Голландии форму брандмауэрной застройки и выдержав тот же материал и массопустотное соотношение, решающим элементом фасада стал декор подоконной решетки. Узор был трансформирован из национального текстиля, исходным материалом стало кружево головного платка. Узор был трансформирован согласно всем пунктам последовательности трансформации. В результате авторам удалось поддержать идентичность средневекового города, а также подчеркнуть функциональное назначение архитектуры, так как узор источником которого является текстиль, ассоциируется с домом комфортом и уютом. Эта, казалось бы, незначительная деталь дает проекту глубину и индивидуальность.

Реализовав такой проект, город дает понять, что он заинтересован в сохранении наследия, бережном отношении к исторической среде, обращает внимание на особенности быта и ремесла населения, и таким образом демонстрирует для гостей города свою уникальность.

Туристическая привлекательность и уникальность города. XX век — это век, когда человек отказался от декора и ушел к более минималистичным и простым формам, что привело к появлению больших массивов

однотипной застройки. Фасады зданий стали невыразительны и однообразны. Такая застройка обезличивает города, делает их похожими один на другой.

Если сравнивать города нашей страны с городами стран Европы нельзя отрицать тот факт, что в нашей стране элемент самобытности и уникальности не используется так активно, как это делается зарубежом. Иностраный опыт показывает, что любое событие в истории города, ремесленное мастерство или промысел может стать визитной карточкой города и причиной для посещения туристами. То есть перед городом заинтересованном в привлечении туристов встает задача — как правильно преподнести свою уникальность. Для этого существует маркетинговый прием, использующий медиапотенциал с целью передачи информации и транслирование смыслов посредством рассказывания историй — сторителлинг или скэпительство, если не использовать англицизм.

Орнамент изначально несет в себе определенную семантику, зашифрованную в художественном образе. Визуализация этих смыслов и раскрытие их перед аудиторией — это задача, которую можно решить с помощью трансформации орнамента и стерлинга, так как с помощью этого маркетингового приема можно популяризировать смыслы, создать понятную взаимосвязь между прошлым, настоящим и будущим.

Сторителлинг позволяет:

1. обосновать существующие правила;
2. сохранить, систематизировать и донести информацию об основных достижениях;
3. обосновать право считаться лучшим, важным и заслуживающим внимания;
4. вызвать стремление к продолжению общения;
5. сформировать лояльность субъекта (зрителя, жителя или туриста).

Трансформация орнамента необходима, так как использование орнамента, в неизменном или традиционном виде невозможно в современной реальности. Смена эстетических предпочтений различных поколений вынуждает орнамент претерпеть изменения, чтобы гармонично вписаться в контекст современного города. Таким образом, смыслы, заложенные в орнамент, будут сохранены, а образ будет понятен и современен.

«Сегодня выбор декора не может быть простым. Либо нетрадиционным должно быть обращение с материалом или орнаментом, либо декор соотносен с местом, где стоит здание. Когда архитектура развивалась по принципу школ, было очевидно, что в том или ином случае использовать. Можно было использовать элементы традиционного орнамента, не задаваясь вопросом почему. Теперь обращение к тому или иному орнаменту нужно чем-то оправдать, сделать понятным всем, начиная с заказчика. Контекст здесь играет первостепенную роль. Чем он тоньше и неожиданнее, тем предпочтительнее». Такой комментарий дает Сергей Чобан в интервью Анны Пальчевой для журнала *Интерьер+Дизайн* [Пальчева, 2008]. Данный подход применим во многих сферах. Разработка концепций разного рода, требует определенной глубины, недостаточно предложить очевидное, либо ничем необоснованное решение. Нужно определенное вовлечение потребителя, элемент, призывающий к размышлению почему решение стало именно таким. Такое вынуждение к взаимодействию пробуждает интерес к истории и формирует то представление, об объекте которое нужно городу, чтобы быть привлекательным для туриста.

Орнамент является уникальным явлением художественной выразительности. Трансформация орнамента — это пластичный многофункциональный инструмент, используя который можно сохранить историческую среду города и его идентичность за счёт того, что орнамент является важным элементом любой культуры и отвечает как за эстетическую составляющую, так за и природную. А также он несет в себе смыслы и знаки, которые проходят через поколения. Орнамент является частью культуры, обращение к которой может дать определенную смысловую глубину объекту, где применен орнамент. Подход, основанный на наполнении смыслами или историями объектов нового строительства, применяя трансформацию орнамента, позволит не только сохранить культурное и историческое наследие, идентичность города и подчеркнуть его уникальность, но и извлечь экономическую выгоду, так как город, популяризирующий и демонстрирующий свою уникальность, представляет интерес для посещения туристами.

Выводы. Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. На основе материалов статей и монографий на тему видеоэкологии города, подтверждающих негативное влияние гомогенной визуальной среды на здоровье человека, конкретно его ЦНС, можно обоснованно утверждать, что существует необходимость поддержания разнообразия визуальной среды, а трансформация орнамента в архитектуре может стать решением, которое решит проблему монотонности фасадов зданий.

2. Орнамент изначально несет в себе определенную семантику, которую можно использовать с помощью сторителлинга для формирования интереса к городу. Использование трансформации орнамента принесет экономическую выгоду для города, так как может выступать элементом маркетингового подхода к передаче информации и транслированию смыслов посредством рассказывания историй.

3. Социальная значимость трансформации орнамента, кроется в идентичности города. «Идентичность города» — представления человека о городе, которые включают в себя описания его сущности, особенностей и отличий от других городов. Идентичности города, влияет на общество, поддерживая глубокую эмоциональную связь и чувство принадлежности данному месту и сообществу. Трансформация орнамента позволяет жителям города ощущать свою принадлежность месту и социуму, находясь в среде с выраженной идентичностью.

4. Все три рассмотренных стороны подчеркивают эффективность применения трансформации орнамента как средства сохранения идентичности города, оздоровления визуальной среды города, извлечения экономической выгоды. Использование трансформации орнамента возможно в проектах реставрации, реновации и обновления исторической среды города.

Список литературы

1. Болат А.А., Сапаков Д.Б. Орнамент как средство архитектурно-художественной выразительности // Молодой ученый. — 2017. — №8. — С. 401–404.
2. Гайсина А. Визуальная экология. Аспекты влияния внешней визуальной среды // УГНТУ АСИ. — 2017. — №1. — С. 1–3.
3. Донгузов К., Донгузова Е., Кунафина Д. Трансформации Уфимского орнамента // АрхИорт. — 2017. — №1. — С. 1–14.
4. Пальчева А., Михайлова М. Похвала орнаменту // *Интерьер+Дизайн* № 12 — 10.12.2008 — URL: archi.ru/press/world/11763/sergei-choban (дата обращения: 27.04.2020)

5. Скалкин А.А. Архитектурная идентичность города: понятие и методология исследования // АМІТ. — 2018. — Т. 2, № 43. — С. 87–97.

6. Филин В.А. Визуальная среда города // Вестник международной академии наук. — 2006. — №2. — С. 1–8.

7. Эйхенбаум Х. [и др.] Гиппокамп, клетки памяти и места: пространственная память или пространство памяти? // Нейрон. — 1999. — № 23. — С. 209–226. (In Eng).

References

1. Bolat A.A., Sapakov D.B. Ornament kak sredstvo arhitekturno-hudozhestvennoj vyrazitel'nosti [Ornament as a means of architectural and artistic expression]. // Molodoj uchenyj. — 2017. — No 8. — Pp. 401–404. (In Russ)

2. Gajsina A. Vizual'naya ekologiya. Aspekty vliyaniya vneshnej vizual'noj sredy [Visual ecology. Aspects of the influence of the external visual environment]. // ugntu asi. — 2017. — No 1. — Pp. 1–3. (In Russ)

3. Donguzov K., Donguzova E., Kunafina D. Transformacii Ufinskogo ornamenta [Transformations of the Ufa ornament]. // Arhjord. — 2017. — No 1. — Pp. 1–14. (In Russ)

4. Pal'cheva A., Mihajlova M. Pohvala ornamentu [Praise ornament] // Inter'er+Dizajn No 12 — 10.12.2008 — URL: archi.ru/press/world/11763/sergei-choban (accessed April 4. 2020).

5. Skalkin A.A. Arhitekturnaya identichnost' goroda: ponyatie i metodologiya issledovaniya [Architecture and Modern Information Technologies] // АМІТ. — 2018. — Т. 2, No 43. — Pp. 87–97.

6. Filin V.A. Vizual'naya sreda goroda // Vestnik mezhdunarodnoj akademii nauk [Visual environment of the city]. — 2006. — No 2. — Pp. 1–8.

7. Eichenbaum H. The Hippocampus, Memory and Place Cells: Is It Spatial Memory or a Memory Space? // Neuron. — 1999. — No 23. — Pp. 209–226. (In Eng).

Список сокращений

УГНТУ АСИ — Уфимский государственный нефтяной технический университет. Архитектурно-строительный институт

АМІТ — Architecture and modern information technologies (Архитектура и современные информационные технологии)

Материал передан в редакцию 22.05.2021

DOI: 10.37909/978-5-89170-287-5-2021-1016
УДК: 728.03

М.А. Рублев
Новосибирский государственный архитектурно-
строительный университет (Сибстрин)
Ул. Ленинградская 113, г.Новосибирск, Россия, 630008
teodrub@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8389-0699>
Научный руководитель — Р.В. Булгач, кандидат архитектуры

Трансформация крестьянского жилища Кемеровской области в 1900–1930-е годы

Аннотация

В данной статье рассматривается вопрос трансформации крестьянского жилища Кемеровской области в период 1900–1930-х годов. Проанализирована система факторов, оказывающая влияние на трансформацию и включающая в себя группу социально-экономических и природно-климатических факторов. Определен характер трансформации, выраженный в активных взаимных культурных контактах, одновременной трансформации архитектурно-строительных традиций старожильческого населения и переселенцев. Основным выводом данного исследования является вывод об унификации архитектурно-строительных традиций славянского населения Кемеровской области. Основными причинами унификации послужили: активный экономический рост в 1900–1920-е гг. с одной стороны и начало экономического кризиса 1920-х годов с другой. В работе выдвигается гипотеза о начале формирования общей архитектурно-строительной традиции крестьянского жилища на территории Кемеровской области в период 1900–1930 гг.

Ключевые слова: архитектура крестьянского жилища Притомья, крестьянское жилище Кемеровской области, трансформация крестьянского жилища

М.А. Rublev
Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin)
113 Leningradsкая str., Novosibirsk, Russia, 630008
teodrub@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8389-0699>
Scientific advisor — R. Bulgach, Ph.D.

Transformation of peasant housing in the Kemerovo region in the 1900s and 1930s

Abstract

This article deals with the transformation of peasant housing in the Kemerovo region in the period of 1900–1930-ies. The system of factors influencing the transformation and including a group of socio-economic and natural-climatic factors is analyzed. The nature of the transformation is determined, expressed in active mutual cultural contacts, the simultaneous transformation of the architectural and construction traditions of the old-resident population and immigrants. The main conclusion of this study is the conclusion about the unification of the architectural and construction traditions of the Slavic population of the Kemerovo region. The main reasons for unification were: active economic growth in the 1900s and 1920s, on the one hand, and the beginning of the economic crisis of the 1920s, on the other. The paper proposes a hypothesis about the beginning of the formation of the general architectural and construction tradition of peasant housing in the Kemerovo region in the period 1900–1930.

Keywords: the architecture of the peasant dwelling of the Pritomye, the peasant dwelling of the Kemerovo region, the transformation of the peasant dwelling

Введение. Весьма важным аспектом эволюции архитектурно-строительных традиций является вопрос сохранения основных принципов типологической трансформации сельского жилища. **Актуальность** темы исследования трансформации крестьянского жилища заключается в недостаточной изу-

ченности данного вопроса. Вопрос трансформации крестьянского жилища Кемеровской области в 1900–1930-е годы кратко был освещен в статье Л.А. Скрыбиной «Традиционная деревянная архитектура Кузбасса: крестьянский двор в исторической ретроспективе» [Скрыбина, 2019, с. 64–81], однако

в рамках данного исследования взаимосвязь факторов трансформации и изменений в архитектуре рассмотрена не была. **Новизна** данного исследования заключается в определении факторов трансформации в период 1900-1930-е годы на исследуемой территории Притомья. Данное исследование выявляет степень влияния различных факторов на крестьянскую архитектуру территории Притомья в исследуемый период. **Целью** исследования является анализ процессов трансформации жилища в период 1900-1930-х годов. В ходе исследования применялись методы системного анализа при анализе факторов воздействия на сельскую архитектуру в указанный период, **методы** интервьюирования и фотофиксации при проведении этнографических и архитектурных полевых исследований. Хронологические границы исследования обусловлены увеличением миграционного потока в период 1897–1914 гг. с одной стороны [Морозов, 2018, с. 128], и 1930-ми годами с другой стороны, как периодом начала коллективизации [Ильиных, 2012, с. 625].

Полученные результаты и их об- суждение. Первой задачей, при исследовании трансформации архитектуры сельского жилища, является анализ факторов трансформации. Так как архитектура является частью материальной культуры, то перечень факторов и их ранжирование по значимости. Согласно С.А. Арутюнову [Арутюнов, 1989, 169–170], принципиально систему факторов, влияющих на формирование культуры, следует по степени значимости на три группы:

- 1) уровень социально-экономического развития;
- 2) конкретная историческая обстановка;

3) природно-климатические условия.

Для определения конкретных факторов необходимо проанализировать основные изменения по всем трем группам факторов. Т.к. факторы, как правило, воздействуют в совокупности, при этом, природно-климатический фактор для старожильческого населения на исследуемый период стал малозначимым, в первую очередь необходимо проанализировать комплекс социально-экономических изменений.

Период 1900–1930-х годов на территории Западной Сибири характеризовался рядом значимых социально-экономических изменений, к которым относится продолжающаяся переселенческая реформа. Результаты активного переселения на социально-экономическое состояние сибирского села сказались следующим образом.

Из-за увеличения численности трудоспособного населения произошел активный экономический рост [Ильиных, 1999, с. 37], следовательно, появились возможности активного развития строительных технологий, т.е. появлению культурной инновации (вернее ее попытках). Данный тезис подтверждается применением достаточно сложных технологических решений в архитектуре крестьянского жилища того периода. Примером сложности таких решений является использование «прототипов» фундаментов для домов на окладном венце, выполненных из сланцевого камня и глины, выполненная в жилом доме братьев Зарубиных в с. Зарубино Топкинского района Кемеровской области (рис. 1, 2).

Ил. 1. Жилой дом в с.Зарубино Топкинского района Кемеровской области, ПМА.
Fig. 1. Residential building in the village of Zarubino, Topkinsky district, Kemerovo region.

Ил.2. «Прототип» фундамента из сланцевого камня с глиной в доме с. Зарубино Топкинского района Кемеровской области, ПМА.

Fig. 2. "Prototype" of the foundation made of slate stone with clay in the house of the village of Zarubino, Topkinsky district, Kemerovo region.

Данная строительная традиция ранее исследователями крестьянской архитектуры Притомья (Л.А. Скрыбина, Ащепков и пр.) не отмечалась, на момент обследования жилых домов местными жителями указывалось, что данные дома возведены в период 1900–1920-х годов. Однако следует отметить, что экономическое развитие продолжалось до начала 1920-х годов и было остановлено введением продналогов и продразверсток [Ильиных, 2012, с. 625], что вполне могло сказаться на дальнейшем развитии крестьянского жилища.

По причине краткосрочного по длительности переселения интенсивно стали происходить культурные контакты между переселенцами и старожильческим населением, что в свою очередь приводило к взаимобмену архитектурно-строительных традиций. Данный взаимобмен заключался в попытках переселенцев сохранять традиции исходных мест проживания на начальном этапе, с последующим перенятием местных традиций. Примером таких традиций является использование потолочных перекрытий из соломы и жердей в ломе с. Воскресенка, что было характерно для переселенцев из Украины [Скрыбина, 2015, с. 120]. Также, по информации Л.А. Скрыбиной «...некоторые переселенцы из южных и западных губерний России первое время сооружали соломенные крыши, но быстро перенимали местную традицию

и перекрывали крыши жилищ тесом. На других постройках соломенное покрытие бытовало гораздо дольше. По сообщению жительницы д. Мохово Екатерины Гавриловны Лигачёвой (1909 г.р.), украинцы даже строили мазанки...». Данный тезис характеризует совместное воздействие природно-климатического и социально-экономического фактора. Так как пик переселения приходится на 1906–1910 гг., следовательно воздействие данного фактора необходимо учитывать с указанного периода. Следует отметить, что примененные собственные технологии и строительных приемов переселенцами могла также присутствовать из-за низкого уровня доходов в первые годы после переселения. Это подтверждается снижением среднедушевого показателя посевных площадей в 1907–1908 гг, так же в 1911–1912 [Ильиных, 1999, 39].

Следующим фактором, оказывающим влияние на формирование архитектурно-строительных традиций, стало формирование единой формы аграрного строя, т.е. унифицирование хозяйств. При наличии разницы в размерах, с точки зрения функциональной организации между ними не было [Ильиных, 2012, С.624]. Т.е., несмотря на экономический рост, принципиальная схема ведения хозяйства, а следовательно, и предпосылки к организации усадьбы были едиными.

Резюмируя вышеизложенное, группой факторов, определяющих трансформацию архитектурно-строительных традиций Притомья можно назвать:

- 1) увеличение численности населения в значительно короткий период, обеспечивающее экономический рост на начальных этапах;
- 2) начало контактов между старожилами и переселенцами, обеспечивающее систему контактов этнокультурных групп на разных уровнях;
- 3) установление единой формы аграрного строя на территории Западной Сибири в виде семейного крестьянского хозяйства.

Для определения основных результатов трансформации необходимо провести сравнение архитектурно-строительных традиций Притомья на период конца XIX начала XX века (до 1910-х годов) и сравнить с тенденциями в архитектуре и строительстве в период 1920–1930-х годов.

Типологически на период конца XIX начала XX века традиционная архитектура крестьянского жилища Притомья состояла из следующих типов домов:

- 1) одноэтажный на высоком подклете с сенями и без сеней (4-х стенные);
- 2) пятистенник;
- 3) крестовик;
- 4) изба-связь;
- 5) двойной дом;
- 6) крестовая связь;
- 7) двухэтажные дома [Скрябина, 2019, С.77] (двухэтажные крестовые связи, двухэтажные связи).

8) глаголевые (г-образные в плане дома, характерные для переселенцев с Восточной Украины) [Скрябина, 2019, С.80].

9) следует отметить, что процентное соотношение жилых домов на период 1894 года, т.е. до переселения составляло следующие соотношения (на основании исследований В.А. Зверева [Зверев, 1999, С. 19]):

- 10) одноэтажные дома – 43,6% у старожилов, 51,1 — у переселенцев;
- 11) пятистенные — 29% у старожилов, 29,2% — у переселенцев;
- 12) избы-связи — 6,3% у старожилов и 4% у переселенцев;
- 13) крестовые дома, двухэтажные — 21,1% у старожилов и 18,8% у переселенцев.

В период с 1920-х годов в ходе активного взаимодействия сформировалась следующая система архитектурно-строительных традиций. Для переселенческих деревень стало характерным использование простых по форме и планировке пятистенков и крестовиков. Данную информацию приводят респонденты В.С. Бахарева, 1927 г.р., жительница с. Кирсановка, П.Д. Каблучко, 1935 г.р., житель с. Белгородка, Исаев А.С., 1939 г.р., житель с. Николаевка. Данные респондентов подтверждаются статистическими исследованиями. Согласно данным В.А. Зверева [Зверев, 1999, С. 19] на период 1925–1927 гг. на территории Томско-Кузнецкого края процентное соотношение жилых домов по типу планировки было следующим:

- 1) одноэтажные дома — 49%;
- 2) пятистенные — 44%;
- 3) избы-связи — 1,3%;
- 4) крестовые и двухэтажные — 5,7%.

Ил. 3. Жилой дом по ул. Центральная с. Петровка Мариинского района Кемеровской области.
Fig. 3. Residential building on the Central street of the village of Petrovka, Mariinsky district, Kemerovo region.

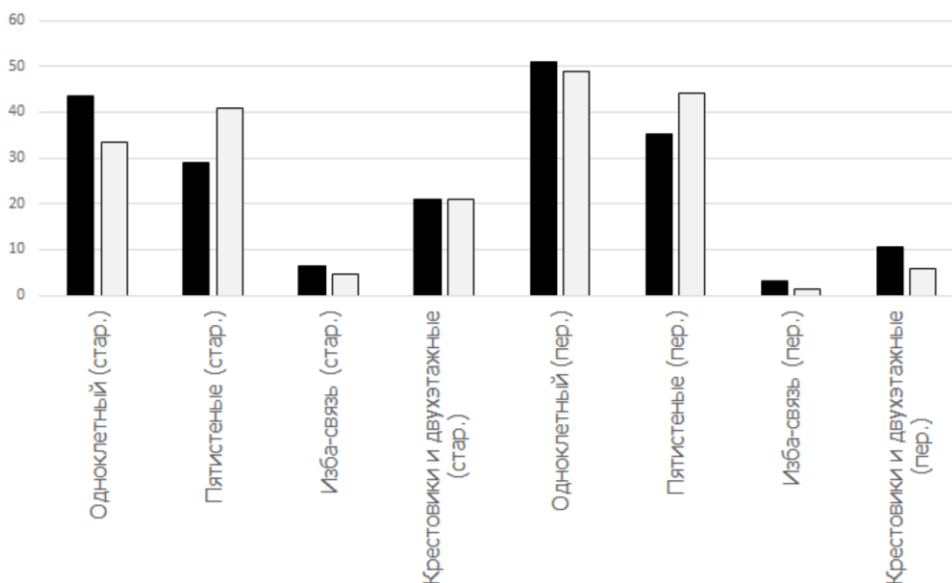
Следует отметить, что процентное соотношение крестовых домов за весь анализируемый период для старожилов остается неизменным. При этом, учитывая, что в группу включены и дома крестовики и двухэтажные, то, основываясь на данных респондентов, следует предположить о снижении процента последних. В целом система изменений планировочных решений в процентном соотношении выглядит следующим образом (рис.4): в целом за указанный период происходило увеличение процентного числа пятистенков как для старожилов, так и для переселенцев. Одновременно с этим шло снижение одноэтажных домов, причем для старожилов данная тенденция имела более выраженный характер. Доля крестовых домов, более затратных в строительстве также начала снижаться, но для старожилов имело незначительное снижение. Данные тенденции напрямую указывают на экономическую группу факторов. Следовательно, можно сделать ряд выводов о характере трансформации крестьянского жилища Кемеровской области и об их связи с факторами трансформации:

1) Основной чертой трансформации архитектуры сельского жилища старожильского населения Притомья является постепенная утрата многообразия планировочных решений, что напрямую связано с началом экономического кризиса 1920-х годов. Сокращение числа одноэтажных домов связана с интенсивным экономическим развитием в период 1900–1920-х годов и улучшением уровня жизни, сохранение числа крестовых

домов связано и изначально более устойчивым экономическим базисом по отношению к переселенцам и наличию устоявшихся архитектурно-строительных традиций, приспособленных к природно-климатическим условиям. Попытки создания новых технологий свидетельствуют о финансовых возможностях и готовности к культурной инновации в период 1900–1920-х годов.

2) Трансформация архитектуры сельского жилища переселенцев характеризуется незначительным снижением процента одноэтажных домов ввиду более низкого экономического базиса по отношению к старожилам и небольших сроков экономического благополучия. Интенсивное сокращение более сложных в планировке домов (крестовые и двухэтажные) напрямую связаны с началом экономического кризиса 1920-х годов также ввиду низкого уровня экономических возможностей. При этом интенсивное увеличение пятистенных домов свидетельствует об интенсивном, но коротком по времени экономическом развитии. Безуспешные попытки в сохранении ряда планировочных и технологических решений свидетельствуют о попытках адаптации к существующим природно-климатическим условиям.

3) В указанный период пятистенный тип жилого дома выдвигается как наиболее оптимальный с позиции экономических и природно-климатических условий, т.е. налицо тенденция к унификации и формированию единого оптимального типа жилища на территории Кемеровской области.

Ил. 4. Диаграмма изменений процентного соотношения жилых домов по типам планировки среди старожильского и переселенческого населения Томско-Кузнецкого округа за 1894 г. и за 1925–1927 гг.

Fig. 4. Diagram of changes in the percentage of residential buildings by type of layout among the old-resident and displaced population of the Tomsk-Kuznetsk District for 1894 and for 1925–1927.

Выводы. Период 1900–1930-х годов оказался значительным при формировании архитектурно-строительных традиций крестьян Кемеровской области на период XX века. В ходе интенсивного экономического развития, вызванного экономическими реформами П.А. Столыпина было положено начало на определение основных типов жилища и строительных технологий, однако начало экономического кризиса 1920-х годов фактически вынудило сформировать единый унифицированный тип жилища, удовлетворяющий изменившимся социально-экономическим условиям. Таким типом жилища стал пятистенный дом. При этом в процессе перехода к данному типу жилища традиции старожилов начали утрачивать свое планировочное разнообразие ввиду экономических причин, а старожильское закреплять позиции за пятистенным домом и технологиям его выполнения ввиду частичного перенятия местных традиций и существования в едином экономическом поле со старожилами. Данный вывод является рабочей гипотезой для дальнейших исследований, однако, для подтверждения этой гипотезы необходимо дополнительное исследование с позиции трансформации технологических решений и художественно-эстетического оформления жилища крестьян Кемеровской области.

Список литературы

1. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. — М.: Наука. 1989 — 274 с.
2. Зверев В.А. Семейное крестьянское жилище в его культурно-санитарном измерении (по материалам обследований в Томско-Кузнецком крае конца XIX – первой трети XXвв.) // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке. — 1999. — С. 13–32.
3. Ильиных В.А. Аграрный строй Сибири в XX веке: этапы трансформации // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. — 2012. — № 1. — С. 620–630
4. Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х — начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке. — 1999. — С. 33–75.
5. Морозов Н.М. Развитие демографических процессов на Кузбассе на рубеже XIX–XX вв. / Известия Алтайского государственного университета. — 2018. — № 2 (100) — С. 125–129.
6. Скрябина Л.А., Стоянов А.М. Традиционная деревянная архитектура Кузбасса: крестьянское жилище в исторической ретроспективе // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». — 2019. — № 10. — С. 64–81.
7. Скрябина Л.А. Научный отчет экспедиции этнографического отдела музея-заповедника «Томская писаница» 1991 // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». — 2015. — № 2. — С. 119–135.

References

1. Arutjunov S.A. Narody i kul'tury: razvitie i vzaimodejstvie [Peoples and cultures: development and interaction]. Moscow: Nauka.1989 — 274 p.
2. Il'inyh V.A. Agrarnyj stroj Sibiri v XX veke: jetapy transformacii [The agrarian system of Siberia in the XX century: stages of transformation]. Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy. 2012. No 1. Pp. 620–630
3. Il'inyh V.A. Krest'janskoe hozjajstvo v Sibiri (konec 1890-h–nachalo 1940-h godov): tendencii i jetapy razvitija [Peasant economy in Siberia (late 1890s-early 1940s): trends and stages of development]. Krest'janskaja sem'ja i dvor v Sibiri v XX veke. 1999. Pp. 33–75.
4. Morozov N.M. Razvitie demograficheskikh processov na Kuzbasse na rubezhe XIX–XX vv [Development of demographic processes in Kuzbass at the turn of the XIX–XX centuries]. Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. No 2 (100). Pp. 125–129.
5. Skrjabina L.A., Stojanov A.M. Tradicionnaja derevjannaja arhitektura Kuzbassa: krest'janskoe zhilishhe v istoricheskoj retrospektive [Traditional wooden architecture of Kuzbass: peasant housing in historical retrospect]. Uchenye zapiski muzeja-zapovednika "Tomskaja pisanica". 2019. No 10. Pp. 64–81.
6. Skrjabina L.A. Nauchnyj otchet jekspedicii jetnograficheskogo otdela muzeja-zapovednika "Tomskaja pisanica" 1991 [Scientific report of the expedition of the ethnographic department of the museum-reserve "Tomskaya Pisanitsa" 1991]. Uchenye zapiski muzeja-zapovednika "Tomskaja pisanica". 2015. No 2. Pp. 119–135.
7. Zverev V.A. Semejnoe krest'janskoe zhilishhe v ego kul'turno-sanitarnom izmerenii (po materialam obsledovanij v Tomsko-Kuzneckom krae konca XIX–pervoj treti XXvv.) [Family peasant housing in its cultural and sanitary dimension (based on the materials of surveys in the Tomsk-Kuznetsk Region of the late XIX-first third of the XX century.)]. Krest'janskaja sem'ja i dvor v Sibiri v XX veke. 1999. Pp. 13–32.

Материал передан в редакцию 01.06.2021

DOI: 10.37909/978-5-89170-287-5-2021-1017
УДК: 16.343.34:39(571.5)1930/1950

С.Ю. Слободчиков
ООО «Гражданское проектирование» (Красноярск)
Высотная, 2, оф.15, г. Красноярск, Россия, 660062
sergsloboda@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6379-4184>
Н.Г. Харитонов
Лесосибирский педагогический институт — филиал СФУ
(Лесосибирск)
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Россия, 662543
haritonovang@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5669-5855>

Предметный мир сибирского горожанина в 30–50-е годы XX века (на примере Енисейска)

Аннотация

В статье делается попытка показать мир вещей, окружающий городского жителя сибирской провинции и его изменение. Хронологические рамки охватывают 1930–50 гг. — начало советского периода промышленного освоения Приенисейской Сибири. В качестве примера взято пространство городского дома и двора жителей г. Енисейска Красноярского края — семьи Бурдаковых. Исследование основано на документальных, визуальных и эго-источниках. Делается вывод о трансформации традиционного уклада горожанина, изменении ценностных установок, что нашло отражение в его предметном мире.

Ключевые слова: горожанин, деревянная архитектура, домовая книга, индустриализация, предметный мир, Енисейск

S.Yu. Slobodchikov
LTD «Grazhdanskoe proektirovanie» (Krasnoyarsk)
Vysotnaya Street, 2, of. 15, Krasnoyarsk, Russia, 660062
sergsloboda@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6379-4184>
N.G. Kharitonova
Lesosibirsk's Pedagogical Institution — branch of SFU (Lesosibirsk)
Pobedy Street, 42, Lesosibirsk, Russia, 662544
haritonovang@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5669-5855>

The subject world of a Siberian city dweller in the 30–50s 20th century (on the example of Yeniseisk)

Abstract

The article attempts to show the world of things that surrounds a citizen of the Siberian province and its change. The chronological framework covers the 1930–50s the beginning of the Soviet period of industrial development of the Yenisei Siberia. As an example, we took the space of a city house and a yard of citizens of Yeniseisk, Krasnoyarsk Territory — the Burdakov family. The research is based on documentary, visual and ego sources. The conclusion is made about the transformation of the traditional way of life of the citizen, the change in value attitudes, which is reflected in his objective world.

Keywords: citizen, wooden architecture, housing book, industrialization, the subject world, Yeniseisk

Введение. Данная работа продолжает исследование, представленное на Баландинских чтениях в 2020 году и опубликованное под названием «История одного дома: микроисторическое исследование (на примере жилого дома рубежа XVIII и XIX вв. в городе Енисейске Красноярского края) [Слободчиков, Харитонов, 2020].

Интерес гуманитариев к вещественным источникам активно проявился в последние де-

сятилетия, в том числе как попытка комплексного осмысления исторической эпохи через обращение к истории повседневности [Яхно, 2008; Мазур, 2020; Роль вещественных., 2020]. Значимость предметного мира для исследователя объясняется следующим. Вещь является природно-материальным и культурным объектом, она не только удовлетворяет потребности человека, но становится носителем социальной информации, т.к. на ее потребительскую стоимость наслаиваются цен-

ностные смыслы. Вещные комплексы менее подвержены идеологизации и цензуре [Яхно, 2008, с. 342–343].

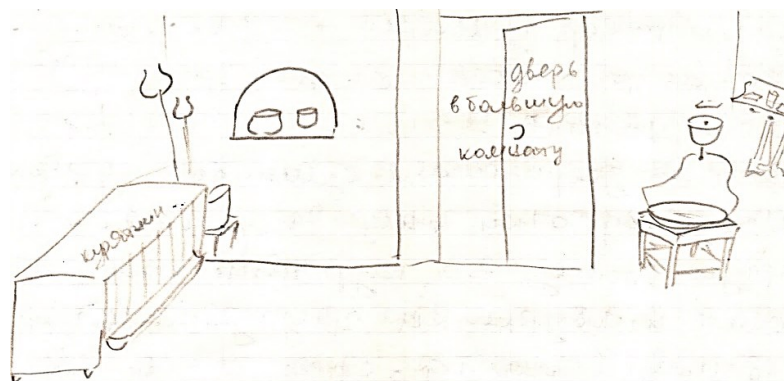
Помимо научной ценности предметы, окружающие человека, являются важным средством сохранения семейной памяти, служат поводом для семейной коммуникации. Это замечание особо актуально в связи с замалчиванием в родовых коллективах «трудных» вопросов советского прошлого [Нарский, 2014, с. 922–923].

Предметный мир отражает самоидентификацию человека. Директор Лондонского музея дизайна Деян Суджич отмечал в своей работе: «Вещи — это способ измерения уходящего времени нашей жизни. С их помощью мы определяем себя, даем понять, кем мы являемся, а кем — нет» [Суджич, 2015, с. 26].

1930–50-е гг. — период, включающий в себя масштабные советские преобразования, Великую Отечественную войну, идеологические кампании, насильственные переселения. Енисейск, Красноярского края стал в это время городом, которому пророчили статус мирового индустриального центра. В перспективных планах индустриализации с территорией района было связано развитие золото- и лесопромышленности, гидроэнергетики, транспортных коммуникаций. Даже в послевоенных

планах с внесенными коррективами, ресурсы района сохраняли свою значимость. Потребность в комплектовании новых кадров для промышленности привлекла в город большое количество крестьян из окрестных деревень и районов края. В течение 1930–50-х гг. Енисейск, как и многие сибирские города, стал местом «кулацкой», конфессиональной, политической ссылки, а также принимал эвакуированных в период Великой Отечественной войны. Таким образом, город пополнился людьми с новым социальным статусом, разным образовательным и культурным уровнем. Все эти события не могли не отразиться на материальной культуре жителей города. Реконструировать предметный мир и показать процесс его трансформации на примере одной енисейской семьи является целью исследования.

Источниками послужили документы и семейные реликвии из архивов Бурдаковых, Слободчиковых, Тумбо, Харитоновых. Важная информация была представлена в фотодокументах, домовой книге семьи Бурдаковых (1936–63 гг.), материалах устных опросов жителей дома, а также уникальном источнике личного происхождения — неопубликованных записанных воспоминаниях Н.Е. Бурдаковой (Тумбо) с иллюстрациями автора (ил. 1).

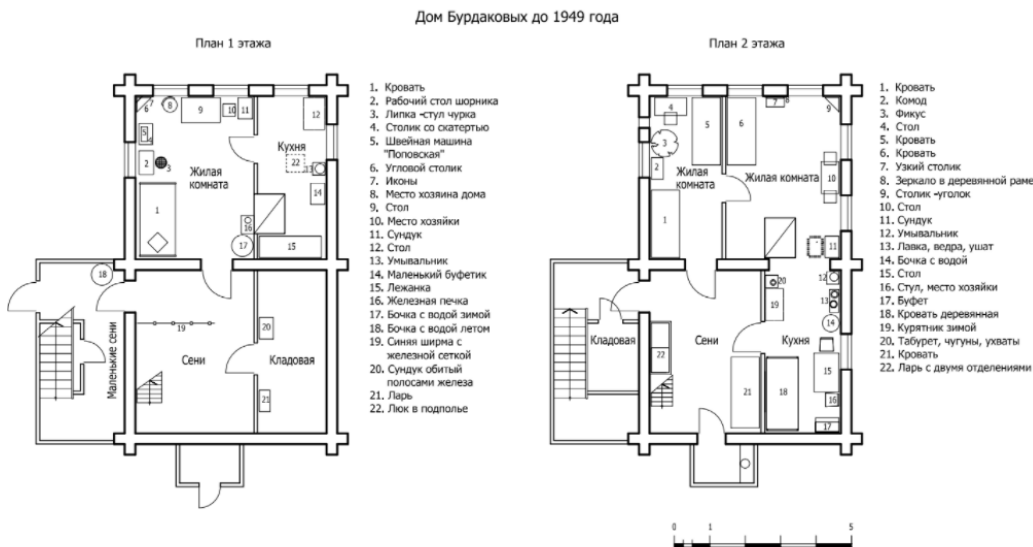
Чаиротив входной двери стояла облепленный стол. В углу, направо от стола буфет. Между буфетом и столом стояла скамья. Это — на место места свой ящик в буфете была наша.

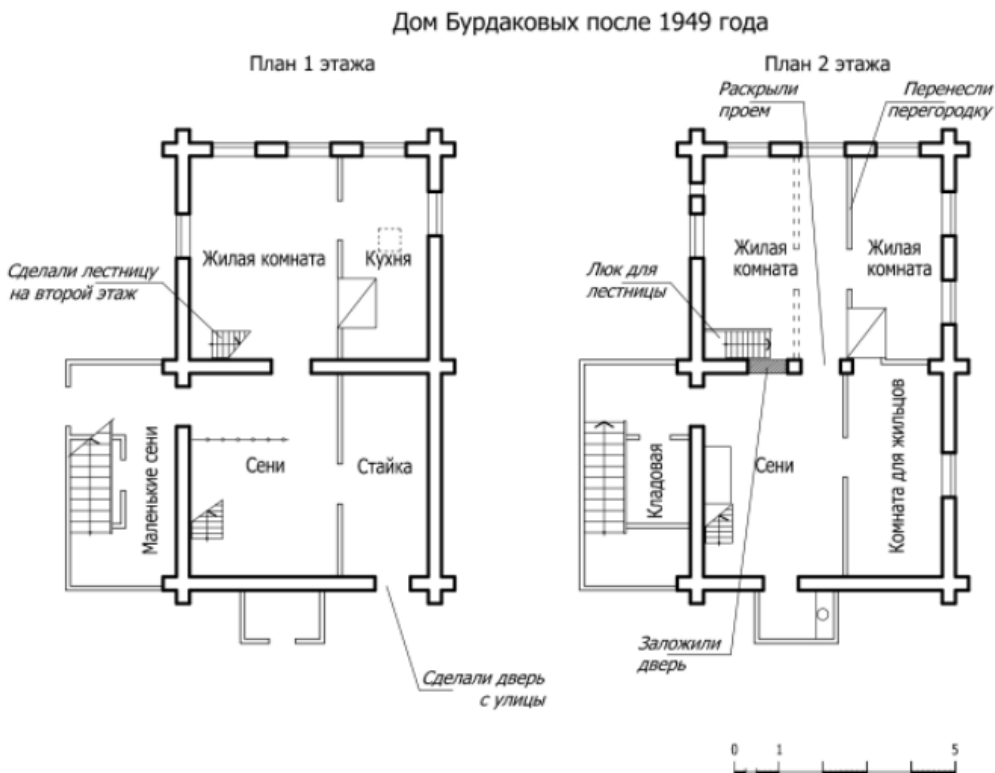
Ил. 1. Фрагмент воспоминаний Н.Е. Бурдаковой (Тумбо) с иллюстрациями автора. Личный архив автора
Fig. 1. Part of the memoirs of N.E. Burdakova (Tumbo) with illustrations by the author. Personal author's archive

Полученные результаты и их об- суждение. Развитие внутреннего про- странства усадьбы и дома. На основании изученных источников были реконструи-

рованы план усадьбы [Слободчиков, Хари- тонова, 2020, с. 257]., план дома до и по- сле перестройки в 1949 г., а также его интерьер (ил. 2, 3).

Ил. 2. План дома Бурдаковых до 1949 г. Схема автора
Fig. 2. The plan of Burdakovs' house before 1949. The author's scheme

Ил. 3. План дома Бурдаковых после 1949 г. Схема автора
Fig. 3. The plan of Burdakovs' house after 1949. The author's scheme

Дом номер 162 по улице Рабоче-Крестьянская (ранее ул. Успенская) в Енисейске, на протяжении 80 лет, с 1899 года до конца 1970-х, принадлежал семье Бурдаковых. Постройку, по документам и по дому-аналогу, с которым объединяла общность

строительных и архитектурно-планировочных решений, на ул. Тамарова, 13 в Енисейске, можно приблизительно датировать последним десятилетием XVIII — первым десятилетием XIX века [Слободчиков, Харитоновна, 2020, с. 256].

Усадьба, площадью около 0,1 га, на момент начала 1920-х годов состояла из мощенного досками крытого двора, с восточной стороны дома. Со стороны улицы во двор вели ворота с калиткой и неременной скамейкой, сохранившейся до 70-х годов. На стороне двора, противоположной дому, располагался дощатый амбар с навесом, под амбаром обширный погреб с ледником. С западной стороны находились отдельные ворота — въезд на хозяйственный двор. Таким образом, можно было попасть к конюшням, летним и зимним стайкам для скота, обширному сеновалу. Оставшуюся часть земельного участка занимал огород; на границе территории стояла баня.

Начало 1920-х гг. можно назвать расцветом усадьбы, дальнейший период — это постепенная деградация. Особенно это проявилось в военный период и первые послевоенные годы с их тотальным дефицитом материальных средств. Деревянные постройки постепенно ветшали. В 40-х годах уже не осталось навеса над двором и деревянного мощения. За ненадобностью, на дрова и стройматериалы были разобраны часть стоек и конюшня, т.к. «коня Кольку забрали на фронт, взамен дали кобыленку, всю в коростах» [Воспоминания]. После 1949 года осталась только одна корова, до этого каждое поколение семьи имело свой скот. Освободившееся от построек место занял огород.

В воспоминаниях членов семьи и, судя по фотографии дома, отмечалась основательность и добротность усадьбы. Например, двойное перекрытие 1 этажа из толстых плах, вскрывшееся при устройстве люка для лестницы после 1949 года [Интервью с Т.Е. Бурдаковой (Слободчиковой)]. Все постройки были из дерева. Сам дом — двухэтажный, срубленный «в обло» из круглого леса. Конструктивно дом был выполнен как прямоугольный сруб — пятистенник, разделенный пополам перерубом на жилую, обращенную к улице Успенской, и хозяйственную, обращенную во двор, части. Первый этаж представлял собой подклет, заглубленный в землю до подоконников; подклет низкий, чтобы пройти в дверь, нужно было пригнуться. Чердак холодный; тесовая кровля вальмовая, была выполнена по стропилам. С восточной стороны была сделана дощатая закрытая пристройка с автономной лестницей на второй этаж. В сенях верхнего этажа находилась лестница, ведущая на чердак. Габариты здания составляли в плане приблизительно 8х12 аршин (5,5х8,5м) по центрам стен. Площадь за-

стройки около 47 м².

Дом Бурдаковых — характерный представитель регионального жилища, отображение внутреннего мира и образа жизни сибиряков. На протяжении всего рассматриваемого периода занимала его коренная сибирская семья, традиционно состоящая из нескольких поколений. В 1930–50-е гг. в доме жили Бурдаков Григорий Антонович с женой Ксенией Евгеньевной, их приемный сын Бурдаков Ефим Григорьевич с женой Зоей Акимовной, их дети: Галина, Федор, Зинаида, Александр, Нина, Тамара. В младенчестве умерли Виктор и Елизавета. В доме гостили многочисленные внуки: Светлана, Галина, Аля, Нина, Александр. В конце 1950-х гг. хозяином становится Бурдаков Александр Ефимович с женой Лидией Васильевной.

Дом был вовлечен в общественную жизнь города — жилая часть трехколонным фасадом обращена на улицу, хотя это и не самая благоприятная северная ориентация жилища. Детали фасада: карниз, наличники окон — достаточно просты и строги, по общему строю ближе к классицизму. Расцвет деревянной резьбы, пришедшийся на последнюю треть XIX века, его (фасада) почти не коснулся.

Дом участвовал в жизни своих хозяев. В.Д. Лелеко, анализируя дом как материальную структуру повседневности, подчеркивал, что «разделение этого пространства на зоны, его структурирование отражает не только «логику» удовлетворения телесных и духовных потребностей обитателей дома, но и их социально-ролевую дифференциацию: половую, возрастную, социально-групповую (классовую). Структура внутреннего пространства дома исторически развивается, и это развитие также имеет свою логику и определенные закономерности» [Лелеко, 2002, с. 208].

Традиционно, с момента покупки, нижнюю часть дома занимало старшее поколение семьи. Верхний этаж с отдельным входом с улицы был отдан либо молодым семьям, либо, мог полностью или частично сдаваться внаем. Так, в начале 30-х годов Ефим Григорьевич уезжал работать в поселок Соврудник «на заработки» и забирал с собой семью. Освободившееся место отдали жильцам. Сдача внаем с одной стороны была возможностью заработка, с другой стороны — необходимостью, обусловленная политикой властей. Абсолютно законной мерой с 1921 г. становилось изъятие у частных владельцев 10 % жилой площади в виде натурального жилищного налога [Меерович, 2008, с. 68].

Демографические изменения в семье —

рождение детей и внуков, образование новых семей, уход «стариков» — приводили к трансформации домовых пространств: прорубались новые дверные проемы и закладывались старые, появлялись и исчезали перегородки. После 1949 года, когда не стало Ксении Евгеньевны, оба этажа стала занимать семья Ефима Григорьевича. В связи с изменившимися потребностями произвели перепланировку (ил. 3). На втором этаже передвинули перегородку ближе к печи, маленькая комната предназначалась для молодой семьи. Прорубив люк в перекрытии, сделали лестницу в большой комнате отапливаемой части дома. Раскрыли новый дверной проем из сеней, заложив старый. Летом ночи были теплые и молодежь, уже затемно возвратившись с гуляний, спала в сенях и на чердаке.

В жилой части нижнего этажа располагалось старшее поколение семьи. Обстановка по-прежнему состояла из большой кровати, стола деда для шорничества (изготавливал упряжь для лошадей, шлеи, уздечки и пр.) У окна стоял большой стол, за которым собиралась вся семья. Существование под одной крышей нескольких поколений консервировало патриархальный уклад. За столом существовал сложившийся годами порядок рассадки: у окна было место дедушки Григория, справа бабушка Ксения, упоминается «папин ящичек» в буфете, где хранились документы, очки, бумага для самокруток и пр. [Воспоминания]. Интересный факт в связи с взаимоотношениями поколений вспоминает внучка Ефима Григорьевича — С.И. Карпухина. «В большой комнате, функционирующей как спальня дедушки и бабушки и столовая, на балке висела плетка. Никто не может вспомнить этот предмет в действии, но один вид его наводил ужас на многочисленных внуков. Однажды плетка была ими украдена, аккуратно завернута в лопух и похоронена на огороде с установлением на могиле креста. Каково же было удивление детей, когда плетка вновь воцарилась на своем месте! Как выяснилось спустя много лет, бабушка, глядя в окно, заинтересовалась странным оживлением во дворе и увидела суд, свершившийся над плеткой» [Интервью с Карпухиной С.И.]. Хотя чаще всего вспоминались детям и внукам семьи Бурдаковых привезенные дедом Григорием Антоновичем красный и синий сатины в горошек на сарафаны, качели, которые устанавливал им на Пасху. Он же (позже и Ефим Григорьевич) заботился о санках, коньках, лыжах [Родословная].

После 1949 года перегородку, отделявшую кухню, разобрали и переложили печь. Сделали плиту «горновое дутье» —

дрова горели под кирпичным сводом, огонь огибал свод и нагревал плиту. После того, как прогорали дрова, и разогревался свод, можно было готовить пищу как в русской печи.

Чтобы не ходить через улицу, сделали лестницу наверх из жилой части первого этажа. В кладовке прорезали дверь с улицы и в сильные морозы там жила корова, т.к. старые стайки совсем обветшали, а доить ее ходили через оставшийся проход из сеней. Корову держали до 1955 года.

К концу 1950-х подклет в силу возраста и из-за отсутствия каменного цоколя обветшал так, что уже наклонились полы. Было принято решение первый этаж разобрать, что и было сделано в 1959 году. Дом полностью перебрали, сделав одноэтажным и заменив кровлю, для чего в банке была взята ссуда.

Неизменным оставалась привязанность человека к пространству, которое он считал частью самого себя. Недаром в своих воспоминаниях Н.Е. Бурдакова (Тумбо) о доме пишет как о живом, обращается к нему, благодарит его и рассказывает свою жизнь через историю дома.

Предметный мир дома Результаты систематизации вещного комплекса дома представлены на схеме дома до 1949 г. (ил. 2) и в таблице [табл.1].

Таблица составлена по воспоминаниям Н.Е. Бурдаковой (Тумбо) и результатам опросов жителей дома Бурдаковых. Часто сведения фрагментарны в силу возраста респондентов.

На протяжении всего исследуемого периода источниками денежных доходов хозяев были:

- шорничество (изготовление шлей, уздечек с красным сукном и бляхами из меди);
- сапожное дело (пошив бродней, чирков, ремонт сапог и валенок);
- работа по найму на золотых приисках, скотобойне, покосе, заготовке дров;
- сдача жилья внаем;
- продажа (обмен) продукции домашнего хозяйства: молоко, кружевные салфетки, рукавицы, носки;
- пенсия по инвалидности.

О низком уровне доходов говорит и тот факт, что сыновья Ефима Григорьевича рано начали трудовой путь. Так, Федор (1923 г.р.) после 4 класса устроился рабочим в Сбербанк, а позже — в геологическую партию в Богучанском районе. Александр (1929 г.р.) после 5 класса — сапожником. Дочери получали среднее образование в училищах и техникумах. Только младшая дочь Тамара (1938 г.р.) окончила среднюю школу.

Таблица 1

	1930-е годы	1940-е годы	1950-е годы
Ручной хозяйственный инвентарь	Инструмент шорника. Прялка.	Инструмент сапожника.	
	Станок для тканья половиков.		
	Косы. Вилы стальные/деревянные. Грабли стальные/деревянные. Ведра стальные/деревянные. Коромысла. Деревянные корыта. Топоры, колун, двуручная пила. Весы. Чугунные утюги		
	Полный набор столярных инструментов.		
Промысловый инвентарь, оружие	Кистень		Рыболовные снасти. Ружье.
Транспорт	Сани, телега.	Санки, ручная тележка.	
Продовольственные товары	Нет сведений	По карточкам: хлеб, чай, сахар (до 1947 г.) Пшеничная крупа за деньги. Табак-самосад. Хвосты и горла баранов (на суп) со скотобойни Ведро яиц как зарплата	Нет сведений
Промышленные товары	Покупка сатина в магазине на приисках Баракан (плотная шерстяная ткань вместо ковра)	Мыло хозяйственное. Сухие чернила, перья, карандаши, газеты. Керосин.	Мыло туалетное.
Предметы домашнего обихода	Две швейных машины, одна из них — «Поповская с портретами». Кухонная утварь: чугуны, сковороды, ухваты, деревянная лопата, скородник; керогаз. Столовая посуда. Самовары — желтый латунный и белый «серебряный». Корзины для белья. Репродуктор — тарелка.		
	Глиняная посуда. Остатки дореволюционной посуды.	Ложки саморезанные. Стаканы из обрезанных бутылок.	
	Керосиновые лампы		Электричество с 1954 г. Лампочки в жилых комнатах; настольная лампа
	Голик, метлы, дресва		
	Коньки, качели, санки и лыжи самодельные		Самодельные куклы
	Одежда, обувь перешивалась из старых вещей. Валенки. Шали. Пальто.		
Музыкальные инструменты	Балалайка		Гитара
Книги, печатная продукция	Газеты: «Енисейская правда», «Пионерская правда», Журналы «Пионер», «Костер», «Крокодил», «Огонек» Сборники русских сказок, произведения А. Гайдара Старые школьные тетради детей Бурдаковых	Подшивки довоенных журналов и газет хранились на чердаке Произведения И. В. Сталина	Польские журналы «Кино», «Мода»
Предметы религиозного культа	Иконы Красочные картинки из жизни Христа	Икона Казанской Божьей матери (венчальная икона Бурдаковой К.Е.) с вложенным восковым венком	
Скот	Лошадь. Две коровы. Овцы. Куры.	Две коровы. Овцы. Куры.	Одна корова. Куры.

На основе анализа представленных данных были выделены следующие особенности вещного мира сибирского горожанина.

1. Обусловленное низким доходом и бережным отношением длительное использование традиционных предметов быта и ремесла: глиняная посуда, сундуки, коромысла, деревянные корыта, чугушки, прялки.

2. Совмещение предметов городского и сельскохозяйственного быта.

Значительная часть города Енисейска была представлена деревянной застройкой, население само обеспечивало себя сельскохозяйственной продукцией. Огородничество, покос, заготовка дров были важной частью мужских обязанностей. На кухне в доме в холодное время года стояла клетка для кур (ил. 2). В морозы в сени дома заводили корову.

Чистка некрашеных полов дрсевой (камни клали в печь, после обжига, они рассыпались в гальку).

3. Влияние ссыльных, проживающих в доме и городе, на быт горожан. Домовая книга фиксировала всех жильцов дома на Рабоче-Крестьянской. Благодаря ей мы можем представить, кто и зачем приезжал в Енисейск и был расселен в частных домах. В доме Бурдаковых жила балерина И.И. Мухина-Ладирдо, поляки М.Н. Квас-Буклис и Ч.С. Павловски-Малиновски, которые выписывали из Польши журналы «Мода» и «Кино». Снимки появились в доме благодаря фотоаппарату известного музыканта Ф.О. Швейника, у которого Нина Бурдакова (Тумбо) в течение четырех лет училась игре на фортепиано.

Материальное положение семьи Бурдаковых не позволяло приобрести ковры для украшения интерьера, но около кроватей всегда была какая-нибудь «цветная тряпка». В 1950-е гг. «ковры» все-таки появились. Изготавливала их одна из дочерей — Нина Ефимовна Бурдакова (Тумбо). Она посещала частные уроки ссыльного художника И.П. Петрова, у нее был мольберт и краски. Коврами становились загрунтованные и расписанные ею простыни. Полотно натягивалось на каркас, делилось на квадраты, и на него переносилась картинка с какой-нибудь любимой почтовой открытки [Интервью с Бурдаковой (Слободчиковой) Т.Е.].

4. Изменение отношения к предметам религиозного культа.

В 1930-е гг. у бабушки Ксении в красном углу висела икона с изображением Христа, стоял на угловом столике бронзовый крест-распятие, на пасхальные дни на стену развешивались красочные картинки из жизни Христа. На столик ставился кулич, украшенный мелкими конфетками, выкладывали крашенные яйца. Позже упоминание об иконах уже связано с чердаком, куда дети забирались и любовались их позолотой и блеском. Впоследствии иконы сдали в церковь. Но до сих пор как семейная реликвия хранится в семье восковой веночек (конец 1880-х гг.) Ксении Евгеньевны Бурдаковой с иконой Казанской Богородицы (ил. 4). Известно, что свадебный венец помещался на божницу к венчальной иконе, где потом и хранился. Его утрата считалась дурной приметой.

Ил. 4. Свадебный венок из воска (конец XIX в.) К.Е. Бурдаковой // Личный архив Тумбо А.Р.

Fig. 4. K. Burdakova's wedding wreath made of wax (late 19th century) // Personal archive of A.Tumbo.

5. Потеря утилитарной функции многих бытовых вещей, превращение их в семейные реликвии. Например, кистень, который сопровождал деятельность первого хозяина дома — ямщика Антона Васильевича. Остатки дореволюционной посуды с клеймом товарищества М.С. Кузнецова, банка из-под кондитерских изделий фабрики Абрикосова — память о прошлых поколениях семьи [Интервью с Л.В. Бурдаковой].

6. Отсутствие предметов роскоши.

В то же время в сундуке Ксении Евгеньевны, которая в девичестве работала прислугой в семье купца Кытманова, хранилась поношенная беличья шуба и старые роскошные платья. Они были подарены хозяйкой за трудолюбие и приветливость. В 1930-е гг. дочерям Ефима Григорьевича из старых нарядов шили одежду.

7. Использование бытовых вещей, продукции личного хозяйства для решения важных жизненных проблем.

Продажа самовара для отправки одной из дочерей на учебу. Оплата занятий по музыке и рисованию молоком.

Выводы. Исследование предметного мира горожанина сибирской провинции, несомненно, требует комплексного изучения. В то же время был показан ресурс семейных архивов, фотодокументов, источников личного происхождения, устной истории. Несмотря на фрагментарность сведений, они позволяют историку увидеть те тенденции, которые прослеживаются в данный хронологический период в Сибири. Индустриальное развитие в 1930–50-е гг. сопровождается наличием значительного пласта традиционного вещного комплекса, значительной ролью личного подсобного хозяйства, домашних промыслов, приобретение товаров первой необходимости. Параллельно идет процесс трансформации ценностных установок (изменение отношения к предметам религиозного культа, осмысление важности образования, эстетики интерьера и пр.)

Список литературы

1. Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб. : СПб. гос. ун-т культуры и искусств, 2002. — 320 с.

2. Мазур Л.Н. Вещи в материальной культуре советского крестьянства Среднего Урала 1920-х–1960-х гг.: опыт реконструкции пространства повседневности // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Д.М. Бондаренко, Д.Н. Маслюженко. — М.: Нестор-История, 2020. — С. 421–441.

3. Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство

управления людьми (1917–1937 гг.). М.: РОССПЭН, 2008. — 303 с.

4. Нарский И.В. Работа над прошлым в семейном интерьере: коммеморативные практики в советских семьях в позднем СССР // Наука ЮУрГУ Материалы 66-й научной конференции. 2014 — С. 922–926.

5. Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки. М.: Нестор-История, 2020. — 702 с.

6. Слободчиков С. Ю., Харитоновна Н.Г. История одного дома: микроисторическое исследование (на примере жилого дома рубежа XVIII и XIX вв. в г. Енисейске Красноярского края) // Баландинские чтения. 2020. Т. 15. С. 253–260.

7. Суджич Д. Язык вещей. М.: Strelka Press, 2015 — 232 с.

8. Яхно О.Н. Вещный мир как источник изучения повседневной жизни // Россия и мир: панорама исторического развития: сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. — Екатеринбург: [НПМП «Волот»], 2008. — С. 342–345.

References

1. Jahno O.N. Veshnyj mir kak istochnik izuchenija povsednevnoj zhizni. In: Rossiya i mir: panorama istoricheskogo razvitiya: sbornik nauchnyh statej, posvjashhennyj 70-letiju istoricheskogo fakul'teta Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta im. A.M. Gor'kogo. Yekaterinburg, [NPMP "Volot"], 2008. Pp. 342–345. (in Russ.)

2. Leleko V.D. Prostranstvo povsednevnosti v evropejskoj kul'ture. St.Peterburg, SPb. gos. un-t kul'tury i iskusstv, 2002. 320 p. (in Russ.)

3. Mazur L.N. Veshni v material'noj kul'ture sovetskogo krest'janstva Srednego Urala 1920-h–1960-h gg.: opyt rekonstrukcii prostranstva povsednevnosti. In: Rol' veshhestvennyh istochnikov v informacionnom obespechenii istoricheskoi nauki : sbornik statej / avt.-sost. E.A. Voroncova; отв. red. D.M. Bondarenko, D.N. Masljuzhenko. Moscow, Nestor-Istorija, 2020. Pp. 421–441. (in Russ.)

4. Meerovich M. G. Nakazanie zhilishhem: zhilishhnaja politikav SSSR kak sredstvo upravlenija ljud'mi (1917–1937 gg.). Moscow, ROSSPJeN, 2008. 303 p. (in Russ.)

5. Narskij I.V. Rabota nad proshlym v semejnem inter'ere: kommemorativnye praktiki v sovetskih sem'jah v pozdnem SSSR. In: Nauka JuURGU Materialy 66-j nauchnoj konferencii. 2014. Pp. 922–926 (in Russ.)

6. Rol' veshhestvennyh istochnikov v informacionnom obespechenii istoricheskoi nauki. Moscow, Nestor-Istorija, 2020. 702 p. (in Russ.)

7. Slobodchikov S.Ju., Haritonova N.G. Istorija odnogo doma: mikroistoricheskoe issledovanie (na primere zhilogo doma rubezha XVIII i

XIX vv. v g. Enisejske Krasnojarskogo kraja). In: Balandinskie chtenija. 2020. Vol. 15. Pp. 253–260. (in Russ.)

8. Sudjic D. Jazyk veshhej [The language of things]. Moscow, Strelka Press, 2015. 232 p. (in Russ.)

Список источников

1. Воспоминания Н.Е. Бурдаковой (Тумбо) с иллюстрациями автора // Личный архив Харитоновой Н.Г.

2. Домовая книга (ул. Р.-Крестьянская, 162)// Личный архив Харитоновой Н.Г.

3. Интервью с Т.Е. Бурдаковой (Слободчиковой), декабрь, 2019 //Полевые материалы автора (ПМА) Слободчикова С.Ю.

4. Интервью с Л.В. Бурдаковой, апрель, 2021 // Полевые материалы автора (ПМА) Слободчикова С.Ю.

5. Интервью с С.И. Карпухиной, апрель, 2021 // Личный архив Харитоновой Н.Г.

6. Родословная книга Бурдаковых // Личный архив Харитоновой Н.Г.

Материал передан в редакцию 19.06.2021

Архитектурно-градостроительная практика советского времени

Architectural and urban planning practice of the Soviet epoch

DOI: 10.37909/978-5-89170-287-5-2021-1018

УДК: 72.03

И.И. Атапин

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории
Пр. Менделеевская линия, 5, г. Санкт-Петербург, Россия, 199034
ivatapin@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5078-411X>

А.В. Шабатовская

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
пр. Ленина, 51, г. Екатеринбург, Россия, 620083
akorzni@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3729-7966>

Сибирский период деятельности архитектора М.В. Рейшера

Аннотация

Статья посвящена самому раннему, сибирскому периоду (1921–1927 гг.) деятельности архитектора М.В. Рейшера. Этот период его жизни и творчества до недавнего времени был мало освещен в научной литературе. На основе обширного круга источников авторами подробно рассматриваются и анализируются такие сюжеты, как учеба молодого архитектора на инженерно-строительном факультете Томского (Сибирского) технологического института, участие в выставках архитектурно-художественного кружка под руководством акварелиста В.М. Мизерова, студенческие строительные практики в Новосибирске. Специальное внимание уделено дипломному проекту М.В. Рейшера «Народный дом просвещения», научным руководителем которого выступил известный архитектор К.К. Лыгин. В рамках исследования архитектурное творчество Рейшера впервые рассматривается во взаимосвязи с его художественным и литературным наследием. Изучение сибирского периода деятельности архитектора позволяет взглянуть по-новому как на историю архитектуры Урало-Сибирского региона, так и на историю сибирской художественной жизни.

Ключевые слова: М.В. Рейшер, ТТИ, СТИ, Томск, Новосибирск, история советской архитектуры, художественная жизнь Сибири

I.I. Atapin

St. Petersburg State University, Institute of History
5 Mendeleev Line, St. Petersburg, Russia, 199034
ivatapin@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5078-411X>

A.V. Shabatovskaya

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
51 Lenina Ave., Yekaterinburg, Russia, 620083
akorzni@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3729-7966>

The Siberian period of the architect M.V. Reisher's career

Abstract

The paper examines the earliest, Siberian period (1921–1927) of the architect M.V. Reisher's career. Until recently, this period of his life and work was little covered in the scientific literature. Using a wide range of sources, authors examine and analyze in detail such topics as the young architect's education at the engineering and construction faculty of Tomsk (Siberian) Technological Institute, participation in exhibitions of the architecture and art group led by the aquarellist V.M. Mizero, and student's construction practices in Novosibirsk. Special attention is paid to V.M. Reisher's diploma project "People's House of Education", the scientific adviser of which was the well-known architect K.K. Lygin. Within the framework of the study, Reisher's architectural work

is examined for the first time in connection with his artistic and literary heritage. The study of the Siberian period of this architect's career allows us to take a fresh look at both the history of architecture of the Ural-Siberian region and the history of Siberian artistic life.

Keywords: M.V. Reisher, ТТИ, СТИ, Tomsk, Novosibirsk, history of Soviet architecture, Siberian artistic life

Введение. Моисей Вениаминович Рейшер (1902–1980) — один из выдающихся уральских архитекторов XX в., представитель конструктивизма, постконструктивизма и «сталинского неоклассицизма». В числе его работ — знаменитая «Белая башня» в Екатеринбурге, ставшая одним из символов этого города. Биография и архитектурное творчество М.В. Рейшера рассматривались в публикациях ряда авторов [Деминцев, 1977; Токменинова, 2000; Елагин, 2001; Смирнов, 2018], однако в них совсем не был затронут начальный период его деятельности, связанный с учебой и работой в сибирских городах Томске и Новосибирске. Между тем именно в Сибири в 1920-е гг. происходило становление Рейшера как архитектора, что, безусловно, заслуживает должного внимания.

Основу данного исследования составили материалы из личных архивов семьи Казачинских и А.В. Шабатовской, документы из фондов государственных архивов Свердловской (ГАСО) и Новосибирской (ГАНО) областей, а также периодическая печать. Часть источников впервые вводится в научный оборот. Эти материалы позволяют существенно дополнить описание жизни и творческой карьеры М.В. Рейшера.

Ранние годы, переезд в Томск и кружок Мизерова. Моисей Рейшер родился 1 (14) января 1902 г. в Троицке Оренбургской губернии в семье мещанина еврейского происхождения Вениамина Рейшера сына Нисона, занимавшегося торговлей. У Моисея были четыре брата — Абрам, Амадеус, Нисон и Рафаил¹. Семья жила в двухэтажном деревянном доме с голубятней во дворе. Любопытно, что голубеводство стало юношеской страстью М.В. Рейшера и его первым серьезным увлечением, которому он даже посвятил автобиографический очерк «Голуби». По собственному признанию архитектора, до 14 лет эти птицы всецело занимали его помыслы и внимание: «Лишь добравшись до пятого класса гимназии, я сумел заставить себя поступать по известной народной поговорке — „Делу время, а потехе час“, что резко отразилось в первую очередь на учебе» [Рейшер, 1978].

Среднее образование М.В. Рейшер получил в Троицкой мужской гимназии. С 1920 г. он работал заведующим книжным складом агентства «Центропечать» [ГАСО. Ф. Р-2682. Оп. 2. Д. 72. Л. 349], но оставаться в Троиц-

ке не был намерен и осенью 1921 г. уехал в Томск поступать в университет. По воспоминаниям сына архитектора — Бориса Моисеевича, М.В. Рейшер сначала поступил на медицинский факультет, однако вскоре понял, что это не его специальность и со следующего семестра перевелся на инженерно-строительный факультет Томского (с 1925 г. — Сибирского) технологического института (ТТИ–СТИ)². Этот вуз, как известно, долгое время являлся ведущим центром архитектурного образования в Урало-Сибирском регионе. В числе преподавателей Рейшера были выдающиеся сибирские архитекторы К.К. Лыгин и А.Д. Крячков.

В институте Рейшер познакомился с будущими друзьями и коллегами — В.И. Смирновым³, П.А. Осиповым⁴, В.Н. Мурычевым⁵. Студенты скооперировались и самостоятельно снимали жилье в деревянном доме на берегу р. Ушайки близ её впадения в Томь. Там же жила семья будущей невесты архитектора — Зои Григорьевны.

Авторам удалось выяснить, что в годы учебы на инженерно-строительном факультете СТИ М.В. Рейшер занимался в архитектурно-художественном кружке, который, в свою очередь, входил в структуру научно-технического кружка (НТК) студентов технологического института. Руководителем кружка был Вадим Матвеевич Мизеров (1889–1954) — ключевая фигура художественной жизни Томска 1920-х гг. Он окончил живописное и архитектурное отделения Казанской художественной школы, где учился у знаменитого художника Н.И. Фешина. С 1920 г. Мизеров живет и работает в Томске, участвует в организации художественных кружков, преподает

² Интервью с Борисом Моисеевичем Рейшером (1927–2020) проведены А.В. Шабатовской в 2017–2020 гг.

³ Смирнов Владимир Иванович (1904–1982) — выпускник СТИ (1926 г.), член УралОСА (с 1928 г.) и Союза советских архитекторов (с 1936 г.). Главный архитектор Свердловска в 1953–1961 гг., декан строительного факультета Уральского политехнического института в 1962–1967 гг. [Архитекторы Екатеринбург..., с. 302–303].

⁴ Осипов Петр Алексеевич (1898–1951) — выпускник СТИ (1926 г.), член УралОСА (с 1928 г.). Работал в Управлении окружного инженера при Свердловском окрисполкоме, Горкомхозе, «Уралжилстрое» [Архитекторы Екатеринбург..., с. 250].

⁵ Мурычев Вениамин Николаевич (1903–1937) — выпускник СТИ (1928 г.), председатель УралОСА в 1928–1930 гг. Работал в свердловском Горкомхозе и проектной организации «Магнитострой». Репрессирован [Архитекторы Екатеринбург..., 2003, с. 230; Смирнов, 2018, с. 109].

¹ Рейшер Нисон Вениаминович (1899–1942) — участник Великой Отечественной войны; Рафаил Вениаминович (1916–1991) стал, как и его брат Моисей, архитектором.

в различных учебных заведениях и в собственной студии. В 1923 г. он по представлению профессора К.К. Лыгина был избран на должность преподавателя рисования на инженерно-строительном факультете ТТИ и по совместительству — заведующим рисовальным музеем института [Дейнеженко, 2018, с. 69; Хроника художественной..., 2019, с. 189].

В.М. Мизеров специализировался как акварелист, поэтому участники архитектурно-художественного кружка углубляли свое мастерство прежде всего в акварельном рисунке и графике. Среди выпускников кружка и частной студии Мизерова можно назвать известных архитекторов Е.А. Ащепкова, С.Е. Захарова и Н.А. Луппова, живописца А.Н. Либерова, а также будущего главного архитектора Москвы М.В. Посохина [Гладкова, 1984, с. 181–184]. Мизеров оказывал своим ученикам большую поддержку и неоднократно устраивал выставки, которые играли важную роль в его методике обучения изобразительному искусству.

Занимаясь в архитектурно-художественном кружке, М.В. Рейшер экспонировал свои работы на выставках, организованных Мизеровым. В личном архиве семьи Казачинских сохранилась фотодокументация совместной выставки архитектурно-художественного кружка при ТТИ и учеников мизеровской студии. Она открылась 27 апреля 1924 г. в главном корпусе института и стала заметным событием художественной жизни Томска. Газета «Красное знамя» писала: «По обилию и разнообразию материалов (от первоначальных набросков до архитектурных проектов) выставка обещает быть очень интересной и по своему ха-

рактеру, как учебно-показательная, заслуживает большого внимания» [Искусство, 1924]. К выставке был приурочен доклад А.Д. Крячкова о представленных работах; сам Мизеров выступил с докладом на тему «Краткий очерк по истории русской живописи: академизм, реализм, футуризм и новейшие течения» [Искусство, 1924; Известия, 1924].

Реконструировать экспозицию выставки можно по двум фотографиям. На одной из них мы видим просторный зал с большими окнами и выкрашенными в светлый цвет стенами (ил. 1). В зале присутствуют преподаватели и студенты ТТИ, а также подростки из студии Мизерова. Среди позирующих — Рейшер (на переднем плане, в широкополом пальто) и Мизеров (в глубине зала). Стены плотно увешаны графическими и живописными работами, размещенными в пять-шесть рядов по вертикали. Часть работ экспонирована на деревянных щитах. Представлены пейзажи, портреты, натюрморты, бытовой жанр. Работ очень много, в общей сложности более 150. В «Красном знамени» сообщалось, что выставка открылась в рисовальном музее ТТИ, который располагался на третьем этаже главного корпуса [Искусство, 1924]. Фотография свидетельствует, что она занимала и дополнительное помещение — вероятно, одну из чертежных по соседству с музеем. На обороте подпись: «Художественная выставка архитектурно-художественной секции НТК и учеников студии художника В. Мизерова в ТТИ. 4–V–24 г.»

Ил. 1. Выставка архитектурно-художественного кружка при ТТИ и учеников студии В.М. Мизерова. Томск, главный корпус ТТИ, 4 мая 1924 г. Личный архив семьи Казачинских

Fg 1. The exhibition of TTI architecture and art group and V.M. Mizerov's students. Tomsk, TTI main building, May 4, 1924. Kazachinsky family archive

Ил. 2. Участники выставки архитектурно-художественного кружка при ТТИ и ученики студии В.М. Мизерова. Томск, главный корпус ТТИ, 4 мая 1924 г. В верхнем ряду пятый слева — Мизеров, второй справа — Рейшер. Личный архив семьи Казачинских

Fig 2. Participants of the exhibition of TTI architecture and art group and V.M. Mizerov's students. Tomsk, TTI main building, May 4, 1924. In the top row, the fifth from the left is Mizerov, the second from the right is Reisher. Kazachinsky family archive

На другой фотографии, сделанной в тот же день — 4 мая 1924 г. — запечатлены В.М. Мизеров и 17 участников выставки, включая М.В. Рейшера (ил. 2). Группа художников снята на фоне работ и гипсовых учебных пособий, что подчеркивает её профессиональную принадлежность¹.

Еще две фотографии из архива Казачинских показывают архитектурно-художественный кружок и других студентов ТТИ за работой в помещении рисовального музея. На одном снимке, датированном 29 ноября 1924 г. — рисование с одетой натуры, среди присутствующих — Мизеров; на другом студенты рисуют с гипсовых моделей. Рейшер присутствует на обоих снимках. Наконец, на пятой фотографии В.М. Мизеров, М.В. Рейшер и еще четыре студента рассматривают рисунок или этюд. Приведенные фотодокументы представляют несомненный интерес, поскольку проливают свет на малоизученные страницы сибирской художественной жизни 1920-х гг. и, в частности, на педагогическую и выставочную деятельность В.М. Мизерова.

Первые шаги в архитектурно-строительной практике. Как и другие студенты инженерно-строительного факультета, М.В. Рейшер в период своего обучения проходил производственные практики. С июня по октябрь 1924 г. он работал техникостроителем на Качканарских золотых приис-

ках (ныне г. Качканар Свердловской области) [ГАСО. Ф. Р-2682. Оп. 2. Д. 72. Л. 349]. В дальнейшем Рейшер участвовал в возведении двух крупных объектов в административном центре Сибирского края — Новосибирске: в 1925 г. он работает десятником по каменным и железобетонным работам на строительстве конторы Текстильсиндиката (ул. Ленина, 6), в 1925–1926 гг. — помощником прораба на постройке здания Сибкрайсоюза (Красный пр., 29) [ГАСО. Ф. Р-2682. Оп. 2. Д. 70. Л. 407]. Оба сооружения были спроектированы А.Д. Крячковым в формах рационалистического модерна. Восторженные отзывы о новых зданиях публиковались на страницах региональной прессы, а газета «Советская Сибирь» даже отметила, что они «могут быть украшением любого западноевропейского города с вековой историей строительства» [Новосибирск строится, 1926].

По воспоминаниям Бориса Моисеевича Рейшера, его отец также принимал участие в сооружении Сибревкомовского моста через р. Каменку в Новосибирске (1925–1926 гг.). Проект железобетонного моста составил декан инженерно-строительного факультета СТИ профессор Г.В. Ульяновский. На новосибирских постройках Рейшер приобрел ценный опыт, использованный им в дипломном проектировании.

Об этом периоде жизни М.В. Рейшера мы знаем не только из делопроизводственных документов и воспоминаний сына, но также из неопубликованного литературного опыта зодчего — автобиографического «курортного» рассказа «Три рубля». Герой рассказа, молодой советский архитектор, в середине 1930-х гг. едет отдыхать в Гагры, где случай-

¹ Копии двух упомянутых выше снимков с выставки сохранились в фотоальбоме другой ученицы Мизерова — В.М. Кудрявцевой [ЦДНИ ТО. Ф. 6184. Оп. 2. Д. 34. Л. 4 об., 5 об.].

но встречает жену студенческого друга — инженера-строителя А.И. Боброва¹. В этом коротком тексте непрофессиональному литератору удалось связать точные документальные свидетельства эпохи и личные чувственные переживания героя, что придало повествованию эмоциональную насыщенность и острый колорит. Приведем фрагмент (орфография, пунктуация и стилистические особенности источника сохранены):

«Новосибирск с [19] 23-го года бурно застраивался. Туда в небольшой уездный город Новониколаевск были переведены все правительственные учреждения из Омска. Проектных организаций не было, не было в городе и архитекторов. Все ведущие строительные объекты: здания Госбанка, Главпочтамта, Текстильсиндиката, Сибкрайсоюза, Сибкрайисполкома, а позже и Железнодорожного вокзала проектировались архитектором профессором А.Д. Крячковым, а мы студенты архитектурного отделения Строительного факультета Т.Т.И. зимой вечерами в Томске работали у него над этими проектами, а летом в Новосибирске, отбывая практику на строительстве этих объектов в должности десятников, в вечернее время продолжали прорабатывать у Крячкова, в его летней резиденции, чертежи различных деталей, которые утром уже шли в дело»² [Рейшер, б.д.].

¹ Бобров Алексей Иннокентьевич (1902–1964) — выпускник СТИ (1927 г.), работал в городах Западной Сибири. Автор ряда конструктивистских зданий в центральной части Новосибирска [Невзгодин, 2013, с. 302].

² Рейшер упоминает известные работы А.Д. Крячкова — здания Главпочтамта (1914–1916 гг.), Текстильсиндиката (1925–1926 гг.), Сибкрайсоюза (1925–1926 гг.) и Сибревкома – Сибкрайисполкома (1925–1926 гг.). Краевая контора Госбанка некоторое время размещалась в другой постройке этого архитектора — Доме Госучреждений (1923–1925 гг.). В те же годы Крячков работал над проектом новосибирского же-

Эта любопытная характеристика, дополняющая сухие архивные сведения, является одним из немногих личных свидетельств о новосибирской архитектурной жизни 1920-х гг.

Дипломный проект и дальнейшая деятельность. В июне 1926 г. М.В. Рейшер окончил инженерно-строительный факультет Сибирского технологического института по архитектурной специальности, защитив дипломную работу «Народный дом просвещения» [ГАНУ. Ф. Р-999. Оп. 1. Д. 13. Л. 100–100 об.]. В личном архиве семьи Казачинских сохранились фотокопии перспективы здания, главного и восточного фасадов, а также планов первого и второго этажей. Они датированы 28 апреля 1926 г. и подписаны научным руководителем М.В. Рейшера — профессором К.К. Лыгиным³.

Народный дом просвещения — это многофункциональное здание, сочетающее в себе, как следует из названия, элементы учебного заведения и дореволюционного народного дома. Проектирование велось по сложной программе, которая включала помещения для музея и «народного университета». Поэтому в состав здания вошли актовый зал, несколько аудиторий, библиотека, научно-учебные лаборатории, кружковые комнаты (в т.ч. для кружка «нового быта»), кабинеты для занятий, гимнастический зал и т. д.

Железнодорожного вокзала, который в итоге был возведен в 1930-е гг. по другому проекту и с привлечением обширного авторского коллектива (Крячков являлся консультантом).

³ В Музее архитектуры и дизайна УрГАХУ хранится снимок, сделанный в день 25-летия научно-педагогической и 40-летия инженерной деятельности К.К. Лыгина (5 декабря 1925 г.). Участники торжества — студенты — собрались в рисовальном музее технологического института. М.В. Рейшер сидит позади профессора [МАИД УрГАХУ. Ф. 3. Оп. 1. № 17/48].

Ил. 3. М.В. Рейшер. Вид фонтана «Четыре сфинкса» в Пулковке. Бумага, акварель. 1938 г. Личный архив семьи Казачинских

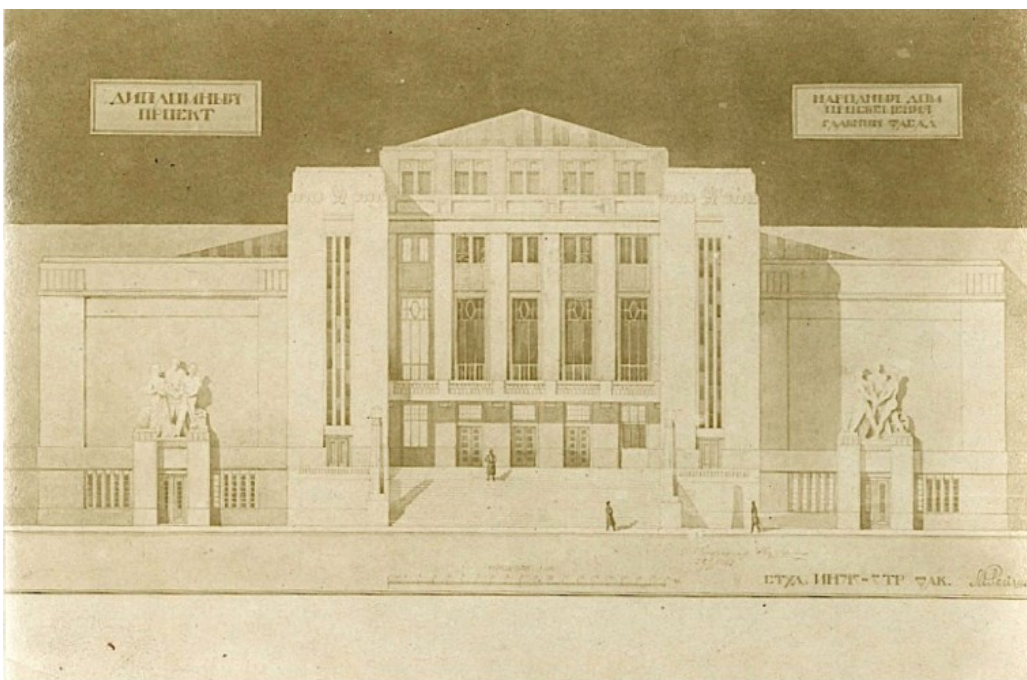
Fg 3. M.V. Reisher. View of the Four Sphinxes fountain in Pulkovo. Watercolor on paper. 1938. Kazachinsky family archive

Большое трехэтажное здание, поставленное на высокий цоколь, имеет в плане форму каре с внутренним двором. Фасады выдержаны в духе рационалистического модерна (ил. 4). Центральная часть главного, западного фасада акцентирована протяженным балконом и ритмом витражных окон, разделенных лопатками. Подход к зданию решен в виде широкой лестницы, оформленной парными обелисками-светильниками. Дополни-

тельные входы в боковых крыльях выделены пилонами и многофигурными скульптурными группами. Совсем иную композицию имеет восточный фасад: он фланкирован двумя скругленными угловыми объемами, увенчанными ступенчатыми завершениями с куполами. В этих объемах расположены входы в музей и народный университет (ил. 5). Боковые (северный и южный) фасады решены в более простых формах.

1

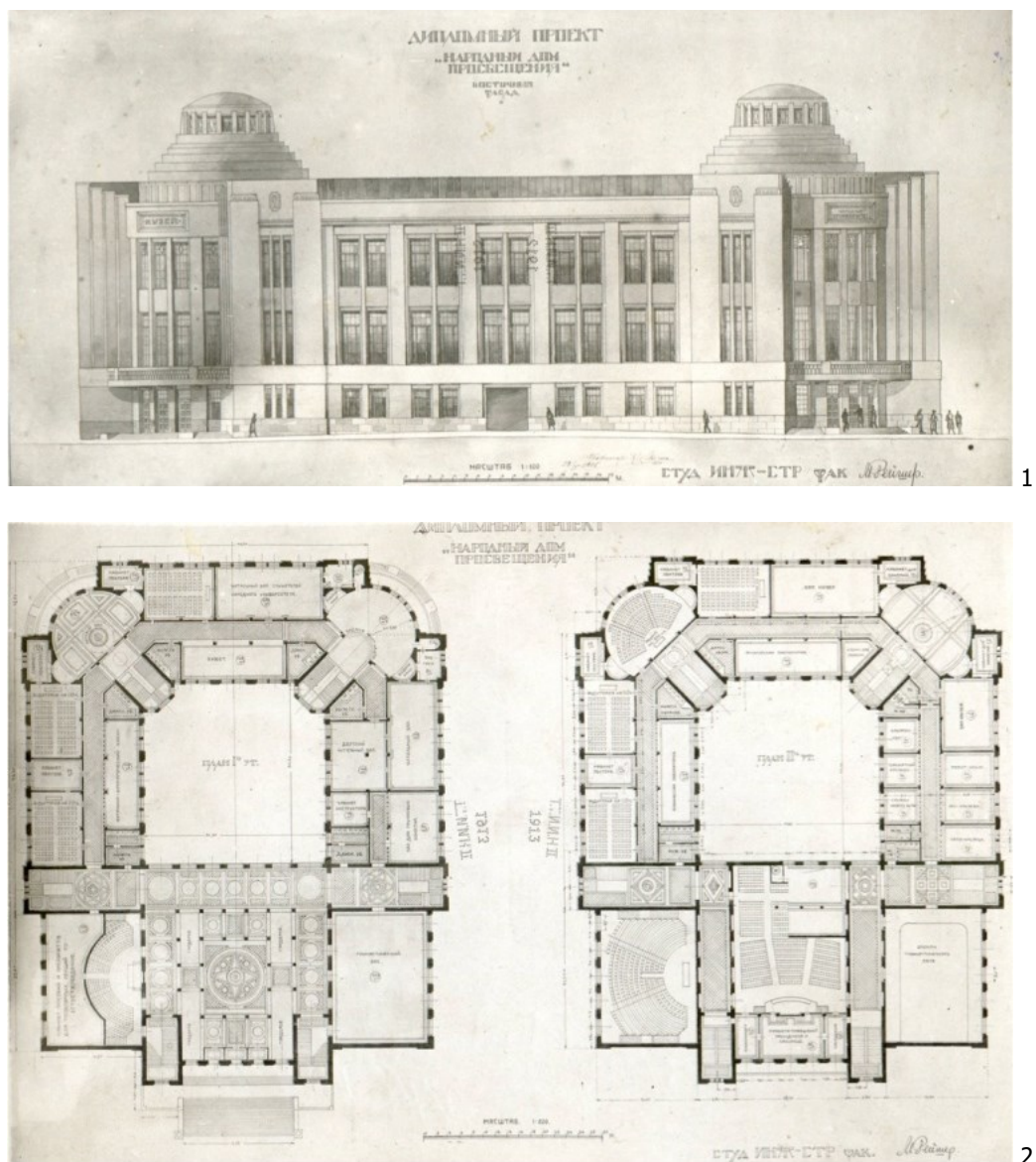
2

Ил. 4. М.В. Рейшер. Дипломный проект «Народный дом просвещения». 1926 г. 1 — перспектива; 2 — главный (западный) фасад. Фотокопия. Личный архив семьи Казачинских
Fg 4. M.V. Reisher. "People's House of Education" diploma project. 1926. 1 — perspective; 2 — the main (west) facade. Photocopy. Kazachinsky family archive

Влияние научного руководителя Рейшера — К.К. Лыгина — заметно в рациональном плане здания, тщательной прорисовке деталей и высококачественном графическом исполнении дипломной работы. В архитектурном же отношении проект Народного дома просвещения созвучен постройкам А.Д. Крячкова в Новосибирске — Сибревкому, а также зданиям Текстильсиндиката и Сибкрайсоюза, в строительстве которых Рейшер принимал непосредственное участие. К этим работам отсылают композиция главного фасада, элементы декора, оформление парадного крыльца обелисками (излюбленный прием Крячкова). Проект Рейшера свидетельствует о том, что пожилой мастер (в 1926 г. Лыгину исполнилось 72 года) внимательно следил за творчеством своих

коллег и тенденциями сибирской архитектуры. И всё же на проекте Рейшера лежит печать консервативной академической школы, особенно если сравнить его с дипломными работами 1926 г. ведущих советских архитектурных вузов — ВХУТЕМАСа и ВХУТЕИНа (Академии художеств).

Надо сказать, что к настоящему времени выявлено очень мало курсовых и дипломных работ студентов инженерно-строительного факультета ТТИ-СТИ. Сохранившееся изобразительное наследие, рассеянное по музейным и частным собраниям, не всегда доступно для исследователей. Поэтому проект Народного дома просвещения является ценным источником для изучения творческой направленности сибирского архитектурного образования в 1920-е гг.

Ил. 5. М.В. Рейшер. Дипломный проект «Народный дом просвещения». 1926 г. 1 — восточный фасад; 2 — планы первого и второго этажей. Фотокопия. Личный архив семьи Казачинских
Fig. 5. M.V. Reisher. "People's House of Education" diploma project. 1926. 1 — east facade; 2 — first and second floor plans. Photocopy. Kazachinsky family archive.

Вскоре после окончания СТИ М.В. Рейшер женился, однако в составе своего факультетского выпуска был призван в армию. В 1926–1927 гг. он служил сначала в строительном батальоне в Красноярске, затем сапером в Иркутске. Несмотря на свое отсутствие, Рейшер не порывал связей с Томском и архитектурно-художественным кружком. Когда в конце 1926 г. в Новосибирске велась подготовка к Первой Всесибирской выставке живописи, скульптуры, графики и архитектуры, Рейшер вошел в число её участников от Томска. Газета «Советская Сибирь» сообщила, что в составе группы томских художников и скульпторов были И.А. Беляев, А.Г. Гамулин, С.Е. Захаров, Аф.И. Иванов, Е.Г. Мако-Тюменцева, В.М. Мизеров, М.В. Рейшер¹, А.С. Сальвин и Чарухин [У сибирских..., 1926]. Выставка открылась в январе 1927 г., но, судя по всему, работы Рейшера на ней представлены не были. В текстовом каталоге выставки [Каталог..., 1927], как и в газетных рецензиях, Рейшер не упоминается.

Завершив военную службу в 1927 г., молодой инженер-строитель М.В. Рейшер забрал жену с годовалым сыном из Омска, куда они временно перебрались по семейным обстоятельствам, и уехал в бурно развивающийся Свердловск вслед за студенческими друзьями. Здесь начался новый этап деятельности Рейшера. Он стал активным участником уральской группы Объединения современных архитекторов (УралОСА) — творческой организации последователей конструктивизма. Среди инициаторов создания этой группы были уже упомянутые выше С.Е. Захаров, В.Н. Мурычев, П.А. Осипов и В.И. Смирнов — однокурсники Рейшера и коллеги по архитектурно-художественному кружку в Томске; сам Рейшер занял должность секретаря группы. Всего же из 12 человек первоначального состава УралОСА 10 являлись выпускниками или студентами-дипломниками СТИ [Атапин, 2018, с. 540].

Выводы. Рассмотренные материалы позволяют заключить, что сибирский период (1921–1927 гг.) деятельности архитектора М.В. Рейшера был весьма многогранным и плодотворным. Во время учебы в Томском (Сибирском) технологическом институте Рейшер взаимодействовал с известным художником В.М. Мизеровым и ведущими сибирскими архитекторами К.К. Лыгиным и А.Д. Крячковым. Занятия в институтском архитектурно-художественном кружке помогли Рейшеру включиться в культурную жизнь Томска и экспонироваться на выставках, а в конечном счете сформироваться не только как архитектору, но и как художнику-акварелисту. В Новосибирске Рейшер принял участие в строительстве трех значимых объектов: конторы Тек-

стильсиндиката, здания Сибкрайсоюза, моста через р. Каменку. В целом этот сюжет имеет важное значение как для истории архитектуры Урало-Сибирского региона, так и для истории сибирской художественной жизни. Вне всякого сомнения, в Томске и Новосибирске М.В. Рейшер приобрел практический опыт и уверенность в своих силах, что пригодилось ему впоследствии при работе на Урале.

Благодарности. Авторы глубоко признательны П.А. Ивановой (проект «Белая башня», Екатеринбург), предоставившей ряд ценных материалов.

Список литературы

1. Архитекторы Екатеринбурга и Свердловской области / под ред. А.П. Бандровской, Н.А. Вилесовой. — Екатеринбург: Урал. рабочий, 2003. — 430 с.
2. Атапин И.И. Сибирские инженеры-строители на Урале: к истории свердловской группы Объединения современных архитекторов // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2018. — Т. XIII. — С. 539–544.
3. Гладкова В.М. Художник В.М. Мизеров. Воспоминания о педагогической деятельности // Художественная культура и интеллигенция Сибири (1917–1945 гг.). — Новосибирск: Наука, 1984. — С. 181–191.
4. Дейнеженко А.Л. Вадим Матвеевич Мизеров. Судьба художника (к 130-летию со дня рождения) // Наука, образование и культура. — 2018. — № 9 (33). — С. 65–77.
5. Деминцев П.Д. Зодчий // Вечерний Свердловск. — 1977. — 5 янв.
6. Елагин Г.Н. М.В. Рейшер. Жизнь, посвященная городу // Стройкомплекс Среднего Урала. — 2001. — № 12. — С. 58–59.
7. Каталог 1-й Всесибирской выставки живописи, скульптуры, графики и архитектуры. — Новосибирск: Сибирское о-во художников «Новая Сибирь», 1927. — 24 с.
8. Невзгодин И.В. Конструктивизм в архитектуре Новосибирска. — Новосибирск: НГАХА, 2013. — 319 с.
9. Смирнов Л.Н. Авангардная архитектура Екатеринбурга и городов Урала в творчестве западносибирских зодчих. — Екатеринбург: Архитектон, 2018. — 190 с.
10. Токменинова Л.И. Рейшер Моисей Вениаминович // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд. — Екатеринбург: Академкнига; УрО РАН, 2000. — С. 455.
11. Хроника художественной жизни Томска. 1920–1926 / авт.-сост. Т.А. Бычкова, И.П. Тюрина, Л.Ю. Исаева. — Томск, 2019. — 224 с.

¹ В тексте газетной заметки ошибочно: «Райшер».

References

1. Arkhitektory Ekaterinburga i Sverdlovskoi oblasti [Architects of Yekaterinburg and Yekaterinburg Region]. Ed. by A.P. Bandrovskaya, N.A. Vilesova. Yekaterinburg: Ural. rabochii, 2003. 430 p. (in Russ.)
2. Atapin I.I. Sibirskie inzhenery-stroiteli na Urale: k istorii sverdlovskoi grupy Ob'edineniya sovremennykh arkhitektorov [Siberian Building Engineers in the Urals: To the History of the Sverdlovsk Group of OSA]. In: Balandinskie chteniya: sbornik statei nauchnykh chtenii pamyati S.N. Balandina. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t arkhitektury, dizaina i iskusstv, 2018. Vol. XIII. Pp. 539–544. (in Russ.)
3. Gladkova V.M. Khudozhnik V.M. Mizerov. Vospominaniya o pedagogicheskoi deyatelnosti [Artist V.M. Mizerov. Memories of teaching activities]. In: Khudozhestvennaya kul'tura i intelligentsiya Sibiri (1917–1945 gg.). Novosibirsk: Nauka, 1984. Pp. 181–191. (in Russ.)
4. Deinezhenko A.L. Vadim Matveevich Mizerov. Sud'ba khudozhnika (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya) [Vadim Matveevich Mizerov. The fate of the artist (to the 130th anniversary of his birth)]. In: Nauka, obrazovanie i kul'tura. 2018. No. 9 (33). Pp. 65–77. (in Russ.)
5. Demintsev P.D. Zodchii [The Architect]. In: Vechernii Sverdlovsk. 1977. 5 yanv. (in Russ.)
6. Elagin G.N. M.V. Reisher. Zhizn', posvyashchennaya gorodu [M.V. Reisher. A life dedicated to the city]. In: Stroikompleks Srednego Urala. 2001. No. 12. Pp. 58–59. (in Russ.)
7. Katalog 1-i Vsesibirskoi vystavki zhivopisi, skulptury, grafiki i arkhitektury [Catalogue of the First All-Siberian Exhibition of Painting, Sculpture, Graphics and Architecture]. Novosibirsk: Sibirskoe o-vo khudozhnikov "Novaya Sibir", 1927. 24 p. (in Russ.)
8. Khronika khudozhestvennoi zhizni Tomsk. 1920–1926 [The chronicle of Tomsk artistic life. 1920–1926]. Comp. by T.A. Bychkova, I.P. Tyurina, L.Yu. Isaeva. Tomsk, 2019. 224 p. (in Russ.)
9. Nevzgodin I.V. Konstruktivizm v arkhitekture Novosibirska [Constructivism in the architecture of Novosibirsk]. Novosibirsk, NGANA, 2013. 319 p. (in Russ.)

10. Smirnov L.N. Avangardnaya arkhitektura Ekaterinburga i gorodov Urala v tvorchestve zapadnosibirskikh zodchikh [Avant-garde architecture of Yekaterinburg and the Urals cities in the work of Western Siberian architects]. Yekaterinburg: Arkhitekton, 2018. 190 p. (in Russ.)

11. Tokmeninova L.I. Reisher Moisei Veniaminovich. In: Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya. 2nd ed. Yekaterinburg: Akademkniga; UrO RAN, 2000. P. 455. (in Russ.)

Список источников

1. ГАНО. Ф. Р-999. Оп. 1. Д. 13.
2. ГАСО. Ф. Р-2682. Оп. 2. Д. 70.
3. ГАСО. Ф. Р-2682. Оп. 2. Д. 72.
4. Извещения // Красное знамя. — 1924. — 7 мая.
5. Искусство // Красное знамя. — 1924. — 26 апр.
6. Музей архитектуры и дизайна УрГАХУ. Ф. 3. Оп. 1. № 17/48.
7. Новосибирск строится // Советская Сибирь. — 1926. — 15 сент.
8. Рейшер М.В. Голуби. 1978 [рукопись] // Личный архив А.В. Шабатовской.
9. Рейшер М.В. Три рубля. Б.д. [машинописная копия с рукописи] // Личный архив А.В. Шабатовской.
10. У сибирских художников // Советская Сибирь. — 1926. — 12 дек.
11. ЦДНИ ТО. Ф. 6184. Оп. 2. Д. 34.

Список сокращений

ГАНО — Государственный архив Новосибирской области.

ГАСО — Государственный архив Свердловской области.

УрГАХУ — Уральский государственный архитектурно-художественный университет.

ЦДНИ ТО — Центр документации новейшей истории Томской области

Материал передан в редакцию 21.05.2021

DOI: 10.37909/978-5-89170-287-5-2021-1019
УДК: 72.092

И.А. Казусь
НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства
ул. Душинская, 9, г. Москва, Россия, 111024
igorkazus@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8071-7113>

**Неизвестная постройка М.Я. Гинзбурга:
здание холодильника Госрыбсиндиката в Нижнем Новгороде (1927–1928)**

Аннотация

Рассматривается история проектирования и строительства уникального здания холодильника в Нижнем Новгороде, до сих пор не изученного и не введенного в историю архитектуры 1920-х гг. Показано, что его проект стал начальным в творческом взаимодействии лидера конструктивизма М.Я. Гинзбурга и инженера С.Л. Прохорова, создателя товарищества «Техбетон», внедрявшего в архитектуру советского авангарда новые строительные технологии. Проанализировано конструктивное решение здания, обусловленное специфической производственной функцией и сложными гидрогеологическими условиями участка строительства на береговом откосе Волги, и связанная с этим его архитектурно-пространственная композиция. Констатируется, что проект холодильника стал первым реализованным проектом М.Я. Гинзбурга, в котором удалось применить ленточные оконные проемы как стилистический признак архитектуры конструктивизма. Высказана и обоснована гипотеза о непосредственной связи опыта строительства этого промышленного сооружения с подготовкой к строительству дома Наркомфина в Москве.

Ключевые слова: здание холодильника, Нижний Новгород, М.Я. Гинзбург, С.Л. Прохоров, Н.А. Кашкаров, С.Д. Шапошников, конструктивизм, дом Наркомфина, «Техбетон»

I.A. Kazus'
Scientific Research Institute of Theory and History of
Architecture and Urban Planning (Moscow)
Dushinskaya st., 9, Moscow, Russia, 111024
igorkazus@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8071-7113>

**Unknown building M.Ya. Ginzburg:
the building of the Gosrybsynikat Refrigerator in Nizhny Novgorod (1927–1928)**

Abstract

The history of the design and construction of a unique refrigerator building in Nizhny Novgorod, which has not yet been studied and entered into the history of architecture of the 1920s, is considered. It is shown that his project became the initial one in the creative interaction of the leader of constructivism M.Ya. Ginzburg and engineer S.L. Prokhorov, the founder of the «Tehbeton» partnership, who introduced new construction technologies into the architecture of the Soviet avant-garde. The constructive solution of the building, due to the specific production function and complex hydrogeological conditions of the construction site on the coastal slope of the Volga, and its associated architectural and spatial composition are analyzed. It was announced that the project of the refrigerator was the first implemented project of M.Ya. Ginzburg, in which it was possible to use tape window openings as a stylistic sign of constructivism architecture. The hypothesis about the direct connection of the experience of building this industrial structure with the preparation for the construction of the building of the Narcomfin in Moscow is stated and substantiated.

Keywords: refrigerator building, Nizhny Novgorod, M.Ya. Ginzburg, S.L. Prokhorov, N.A. Kashkarov, S.D. Shaposhnikov, constructivism, Narkomfin house, «Tehbeton»

Введение. История строительства здания холодильника Госрыбсиндиката в Нижнем Новгороде, как и ряда других производственных объектов, построенных в 1927–1928 гг. по проектам лидера и теоретика конструктивизма М.Я. Гинзбурга, не изучена. Этих сооружений нет даже в перечне произведений Гинзбурга в моногра-

фиях С.О. Хан-Магомедова о нем [Хан-Магомедов, 1972; Хан-Магомедов, 2007]. Между тем, проект холодильника стал начальным в творческом взаимодействии М.Я. Гинзбурга и инженера С.Л. Прохорова, создателя архитектурно-проектного товарищества «Техбетон», внедрявшего в архитектуру советского авангарда 1920-х гг.

новые строительные технологии.

Проектная активность Гинзбурга в сфере промышленного строительства возникла сразу после «Товарищеского соревнования ОСА на эскизный проект жилого дома трудящихся», приуроченного к Первой выставке современной архитектуры в июне–августе 1927 г. [Товарищеское..., 1926]. Поиски социально-новых типов жилища и их конструктивных решений, ориентированных на индустриальные методы строительства, Гинзбург продолжил в созданной по его инициативе в 1928 г. Секции типизации Стройкома РСФСР [Казусь, 2020, с. 21], одним из результатов работы которой стал известный дом Наркомфина (архитекторы М.Я. Гинзбург, И.Ф. Милинис, инженер С.Л. Прохоров). Предшествовавшее ему проектирование и строительство нижегородского холодильника с использованием конструктивной системы железобетонного каркаса и стен из пустотелых бетонитовых камней, примененной затем в доме Наркомфина, может быть трактовано творческой и технической подготовкой к его постройке, что придает рассматриваемому промышленному сооружению дополнительную архитектурную значимость.

Полученные результаты и их обсуждение. Важность подобного единения была всказана Гинзбургом в 1924 г. в книге «Стиль и эпоха», где, размышляя о проблемах современной архитектуры, он констатировал: «В промышленных сооружениях последнего десятилетия крупнейших городов Европы и Америки мы видим уже осуществленными не только основы современной эстетики, но уже и отдельные элементы архитектуры, <...> проблески композиционных схем и отдельные фрагменты новой формы, которые могут перейти уже в архитектуру жилую, послужить уже тем конкретным и глубоко реальным материалом, который может помочь архитектору отыскать истинный путь творчества» [Гинзбург, 1924, с. 133]. В качестве заставок тех глав книги, в которых анализируются «конструкция и форма в архитектуре», строение «промышленных и инженерных организаций», «характерные черты нового стиля», метод конструктивизма, Гинзбург использовал фотографии элеваторов американского Буффало [Там же, с. 111, 131, 137, 143, 153].

Еще ранее архитектура элеваторов впечатлила Э. Мендельсона во время его поездки в Америку, затем Ле Корбюзье, который назвал их «первенцами нового времени», а вскоре и В. Гропиуса [Мосиенко, 2020, с. 211–213]. Гинзбурга, как и представителей западного современного движения, привлекли выразительные монументальные объемы элеваторов, конструкции их железобетонных каркасов, чистота

форм и лишенные декора стены. Значимые примеры элеваторов имелись и в России, среди них «гигантский железобетонный элеватор» комплекса Невской мельницы на Обводном канале в Петербурге (1911–1912) по проекту инженера И.Н. Квиля, который тогда же на Черниговской улице построил «огромное здание» холодильника «Акционерного общества товарных складов» [Кириков, Штиглиц, 2019, с. 166, 169]. Здания холодильников, имевшие подобно элеваторам складское назначение и по масштабам им подчас не уступавшие (что подтверждает на тот момент самый высокий в мире 16-этажный холодильник в Нью-Йорке [Павлов, 1927, с. 25]), воплощая свойственные им инженерно-архитектурные новации, также не прошли мимо Гинзбурга. Фотография построенного в 1924–1926 гг. по проекту А.А. Оля и инженера М.Я. Штаермана холодильника Ленинградского торгового порта, конструктивистские формы которого отразили функционально-технологическое назначение здания, в том же 1926 г. также явилась заставкой к статье преподавателя ЛИГИ В.П. Малиновского в журнале «Современная архитектура» [Малиновский, 1926, с. 138], одним из ответственных редакторов которого был Гинзбург.

Строительство зданий холодильников ускорил принятый в апреле 1925 г. курс на индустриализацию страны, обусловивший рост потребления в городах, включая существенное увеличение «товарооборота по скоропортящимся продуктам» [Панкратов, 1928, с. 2]. Разработанный Комитетом по холодильному делу Наркомторга РСФСР в сентябре 1925 г. пятилетний план строительства холодильников на период до 1930 г., в который вошли «222 холодильных устройства» для организаций ВСНХ, НКПС и Наркомторга (строительство портовых, заготовительных и распределительных холодильников), явил собой «первую попытку охватить многообразную и сложную перспективу холодильного дела» [Воронцов, 1927, с. 1, 7].

Внимание архитекторов к этому направлению строительства привлекло акционерное общество «Хладозэкспорт», в июне 1926 г. объявившее конкурс на проект холодильника в Новороссийском торговом порту [Известия, 1926, № 129]. Хотя в жюри вошли только специалисты холодильного дела, предпочтение было отдано проектам, выполненным инженерами с участием молодых архитекторов, недавних студентов Гинзбурга [Хан-Магомедов, 1997, с. 72, 81]: А.Я. Васильева (выпускник МИГИ 1924 г.), В.В. Кратюка (выпускник МВТУ 1926 г.), Н.П. Ильинского (студент ВХУТЕМАСа) и др., проект же инженера М.Я. Штаермана получил лишь третью премию [Известия,

1926, № 262]. Наряду с Новороссийским и затем Одесским холодильниками в 1927 г. «Хладэкспорт» построил Севастопольский портовый холодильник, проект которого разработали инженеры и архитекторы первой величины — инженеры К.П. Тихоцкий (руководитель строительства), А.Ф. Лолейт и А.Д. Глуховский (расчет железобетонных конструкций), архитектор И.А. Иванов-Шиц («архитектурная обработка фасадов») [Тихоцкий, 1929, с. 15]. С участием «Хладэкспорта», строившего одновременно в 16 городах страны [Рулев, 1928, с. 12], к 1929 г. планировалось увеличить «довоенное холодильное хозяйство» более чем вдвое.

Первоначально это строительство было ориентировано на холодильники универсального назначения, однако в июле 1926 г. при рассмотрении вопроса «О регулировании рыбного рынка и задачах госрыбпромышленности» в Совете Съездов государственной промышленно-сти и торговли СССР была констатирована потребность в «завозных складах-холодильниках» (т.е., распределительных) для обеспечения рыбными продуктами предприятий торговли и общественного питания [Рубинштейн, 1928, с. 5]. Признав целесообразным «интенсивный переход» рыбной промышленности от консервирования продуктов солением к замораживанию, обеспечивающему резкое снижение их себестоимости [Фишзон, 1928, с. 3, 5], и исходя из ожидаемого роста добычи государственной рыбной промышленности с 310 тыс. т в 1926 г. до 666 тыс. т в 1930 г., имевшуюся емкость холодильников для рыбы (1,5 тыс. т) планировалось увеличить до 28,4 тыс. т [Воронцов, 1927, с. 4, 5]. Первым уже в 1927 г. был построен заготовительный холодильник Азовско-Черноморского Госрыбтреста на Азовском побережье в станице Ахтари-Приморской [Петров, 1928, с. 12] и запланированы аналогичные в Донском округе — в Азове и Ейске [Штиллер, 1928, с. 16].

Учитывая растущие объемы поставок, Госрыбсиндикат в отличие от Госрыбтреста, строившего в местах улова, ставил задачей формирование распределительных складов-холодильников «в узловых пунктах» страны — помимо Москвы и Ленинграда, в «Сталинграде, Саратове, Казани, Н.-Новгороде, Перми, Козлове, Смоленске, Воронеже, Киве, Харькове, Ростов-на-Дону, Иркутске и Омске» [Рубинштейн, 1928, с. 7]. Но прежде всего, ориентируясь на развитие Волго-Каспийского рыбопромыслового района (который мог обеспечить до 50% предполагаемой для замораживания рыбы [Воронцов, 1927, с. 4]), программировал создать обеспеченные водным транспортом «мощные базисные склады» в «3–4 приволжских и прикамских городах» — Сталинграде, Нижнем Новгороде, Саратове и Перми [Багаев, 1928, с. 5].

Первый в стране распределительный рыбный холодильник Госрыбсиндикат наметил построить в Нижнем Новгороде, вследствие чего он приобрел статус показательного. Вопрос о степени готовности его проекта был поставлен в письме заместителя нижегородского губернского инженера А.Д. Гурьева, направленном 29 июня 1927 г. в местную контору Госрыбсиндиката [ЦАНО, Ф. Р-1679. Оп. 1 (1927 г.). Д. 420. Л. 1 и об.]. Управляющий конторой Я.Л. Басевич сообщил, что проект разрабатывается почти два месяца [Там же, Л. 2], и пояснил, что он согласован «как в смысле расположения плана, так и выбранных конструкций» с московским специалистом холодильного дела инженером С.Д. Шапошниковым [Там же, Л. 4]. Этим инженером, по свидетельству ихтиолога В.В. Чернавина (который в 1926–1928 гг. был заместителем директора Севгосрыбтреста), тогда были «спроектированы и построены почти все холодильники для рыбных товаров, строившиеся в СССР» [Чернавин, 1999, с. 89]. Действительно, в докладе в январе 1929 г. на I-м Всесоюзном съезде государственной рыбной промышленности Шапошников, проявив детальную осведомленность, информировал, что в СССР «за все время существования государственной рыбной промышленности» построено 5 холодильников — «3 заготовительных: 2 на Азовском море (в Ахтари-Приморской и Азове), 1 в Астрахани (на Оранжевом промысле) и 2 потребительских: в Н.-Новгороде и Харькове» [Г.К., 1929, с. 10]. Тот факт, что статья о построенном Госрыбтрестом холодильнике в Азове, как сообщил ее автор, «дополнена инж. С.Д. Шапошниковым, который снабдил ее также чертежами», указывает на возможное участие Шапошникова и в его проектировании [Гурьянов, 1929, с. 11].

«Под предполагаемую постройку, — следует из пояснительной записки к проекту холодильника в Нижнем Новгороде, подписанной кроме Басевича инженером Н.Г. Дыньковым, который, видимо, являлся автором проекта, — был выбран участок на окраине торговой части Нижнего базара города <...> С одной стороны он почти выходит на Волгу, если не считать проходного двора, а с другой имеет хороший выход в переулок, сообщающийся с центральной улицей <...> Перегрузка товаров с пароходов или барж в холодильник и обратные их движения может быть в будущем механизирована вагонетками без особенных затруднений проводки путей». Согласно проекту (часть чертежей которого сохранилась [ЦАНО, Ф. Р-1679. Оп. 1 (1927 г.). Д. 420. Л. 63–72]), здание холодильника, предназначенного для хранения 70000 пудов рыбной продукции, получило почти квадратный план («основные размеры по фасадам»

31,76 x 31,50 м) и было «основано на 56 опорных точках» — железобетонных колоннах сечением 0,55 x 0,55 м на отдельных фундаментах, необходимость укрепления которых ростверком предопределили «слабый насыпной грунт» и наличие грунтовых вод. Здание было «спроектировано в два этажа с чердачным помещением», при этом на Живоносновскую ул. (ныне Кожевенная) в связи с выраженным уклоном участка выходил его одноэтажный фасад, а в сторону Волги — двухэтажный. Наружные стены верхнего этажа предусматривались «пустотелые двойные железобетонные с засыпкой плохо проводящим тепло материалом», нижние — в 2½ кирпича. Машинное отделение холодильника предполагалось разместить в примыкающем старом двухэтажном здании, но проект его приспособления разработан не был. Поскольку строить холодильник предполагалось местными силами, «из-за «отсутствия спец<и>ализированных» рабочих по безбалочным перекрытиям, требующим знания, большого внимания к работе и аккуратности выполнения», как отмечено в пояснительной записке, междуэтажное перекрытие холодильника было «спроектировано ребристым», т.е. балочным. Выемки между «ребрами», образующие в охлаждаемых помещениях нежелательное «пространство для скопления газов», предусматривалось заполнить деревянными конструкциями и заштукатурить [ЦАНО, Ф. Р-410. Оп. 1 (1928 г.). Д. 203. Л. 113; ЦАНО, Ф. Р-1679. Оп. 1 (1927 г.). Д. 420. Л. 4-8, 77 и об.], что, как и «железобетонные стены» и массивные колонны, удорожало строительство. Аналогичное решение было предусмотрено и в названном выше холодильнике в Азове, основу конструкции которого составил «железобетонный каркас, имеющий два железобетонных ребристых перекрытия на железобетонных колоннах» [Гурьянов, 1929, с. 12].

Обследование земельного участка на берегу Волги, отведенного Госрыбсиндикату для строительства холодильника, было выполнено под руководством профессора кафедры геоло-гии Нижегородского университета Н.М. Романова, «без персонального заключения» которого о геологических условиях местности не начиналась тогда «почти ни одна промышленная, транспортная или крупная коммунальная стройка в крае» [Николай..., 2016]. После того, как необходимые «Поперечные гидро<гео>логические разрезы через скважины №№ 1 и 4, №№ 2 и 3» были выполнены [ЦАНО, Ф. Р-1679. Оп. 1 (1927 г.). Д. 420. Л. 168], Бюро планировки Отдела коммунального хозяйства Нижегородского горсовета 18 июля 1927 г. направило проект в Управление губернского инженера (УГИ), сообщив, что «возражений против расположения зданий на предоставленном <Гос>рыбсиндикату

участке не встречается» [Там же, Л. 3].

В рассмотрении представленного проекта на техсовещании в УГИ 26 июля 1927 г. в присутствии Я.Л. Басевича и инженера Н.Г. Дынькова участвовали наиболее авторитетные специалисты Нижнего Новгорода: от УГИ — инженер А.Д. Гурьев, гражданские инженеры Е.М. Мичурин (докладчик) и Ф.Н. Ломунов, от Отдела коммунального хозяйства — инженер-строитель Г.В. Грейбер и технический инспектор Троицкий, от Саннадзора губздора — санитарный врач А.Ф. Рудольфи и санинспектор Алоев, от губернской Пожарной охраны — инспектор Стрелков. Совещание постановило «осуществление постройки по представленному проекту разрешить» [Там же, Л. 76]. Далее, учитывая сложные гидрогеологические условия участка, комиссия в составе инженеров Г.В. Грейбера, П.А. Домбровского, Н.С. Нестерова, Н.Г. Дынькова и намеченного прорабом техника А.Е. Егорова 3 августа 1927 г., признав «наиболее целесообразным устройство фундаментов на опускных колодцах под каждую колонну с устройством под всем зданием ростверка и железобетонных перекрестных балок», решила в случае «затруднительности опустить колодец <...> произвести пробную набивку свай в местах с глубоким залеганием мергеля и с неглубоким его залеганием с целью выяснения упругих и прочих свойств» [Там же, Л. 77 и об.]. С учетом этого губернский инженер С.А. Новиков препроводил чертежи проекта члену комиссии инженеру Нестерову с просьбой «проверить прилагаемый при проекте технический расчет» [Там же, Л. 83]. В заключении от 8 августа Нестеров, отметив, что «расчет в целом составлен правильно», рекомендовал все же «пересоставить чертежи, лучше увязав их с расчетом» [Там же, Л. 84].

Тем временем по предложению А.А. Веснина и М.Я. Гинзбурга в преддверии строительства холодильника в помещении «Техбетона» в Москве 21 сентября 1927 г. состоялось «организационное заседание» редколлегии журнала «Современная архитектура» «совместно с представителями Конструкторского бюро «Техбетона» [ГАРФ, Ф. А-421. Оп. 1. Д. 124. Л. 1–2]. В итоге обсуждения вопроса «о расширении в журнале отдела конструкций, расчетов и новейших материалов» Гинзбург в его октябрьском номере декларировал: «Должна быть усилена наша деятельность по разработке и популяризации наиболее совершенных методов конструирования и строительных материалов в связи с нашими экономическими и техническими возможностями, должна быть усилена борьба за право строить новую архитектуру новыми строительными материалами и новыми конструктивными методами» [Гинзбург (Ито-

ги...), 1927, с. 118]. Развивая эту направленность, в следующих номерах журнала были опубликованы статьи члена правления «Техбетона» Б.И. Журина и самого Прохорова о последних достижениях в бетонитовом строительстве, обеспечивающих снижение стоимости построек относительно кирпичных на 40–50% [Журин, 1927; Прохоров, 1928].

Центральной темой заседания, несомненно, стал доклад Прохорова «о программе работы на ближайшее будущее». Его содержание неизвестно, но участие в заседании Журина, имевшего разностороннюю подготовку (окончил коммерческое училище и юридический факультет Московского университета) и значительный практический опыт, в том числе военный, «чело-века с масштабными социальными амбициями» [Майофис, 2016, с. 45], специализированного в «Техбетоне» на «организации строительных, технических и проектно-конструкторских работ», симптоматично, поскольку именно в его компетенции находилось заключение договоров на эти работы. В итоговом списке наиболее крупных построек «Техбетона», осуществленных при организационном участии Журина, Прохоров перечислил 21 объект, включая холодильник в Нижнем Новгороде и дом Наркомфина [ГАРФ, Ф. А-421. Оп. 1. Д. 427. Л. 30–31]. Масштаб развернутой «Техбетон» работы показывает один из подписанных Журиным договоров того времени, а именно, договор 1930 г. между Управлением Уралмашиностроя и «Техбетоном» об инспекторско-инструкторском надзоре при строительстве «Москобетоном» производственных и жилых зданий промышленного гиганта первой пятилетки Уралмаша в Свердловске [ГАСО, Ф. Р-262. Оп. 2. Д. 105. Л. 68–73 об.].

По проектам Гинзбурга, разработанным совместно с «Техбетоном» вскоре после этой встречи, помимо нижегородского холодильника было предпринято строительство и других конструктивистских промышленных объектов — Валяно-войлочной фабрики Таттекстильком-бината в Кукморе (архитекторы М.Я. Гинзбург, Б.Я. Мительман, инженер С.Л. Прохоров), включившей одно-трехэтажные функционально-обусловленные объемы [Журин, 1929, с. 1], ленточно-остекленной пятиэтажной Обувной фабрики Уральского Кожтреста в Сарапуле (архитекторы М.Я. Гинзбург, С.М. Муромцев, инженеры Н.А. Кашкаров и А.А. Поляков) и двух-этажной лаборатории (архитекторы М.Я. Гинзбург, Б.Я. Мительман, инженер С.Л. Прохоров) в составе строившегося по проекту «Техбетона» Химического завода треста «Мосхимоснова» в Щелково под Москвой [Казусь (Инженер...), 2015, с. 250; Казусь (Товарищество...), 2015, с. 289]. Фабрика в Сарапуле с «ее большими,

светлыми цехами», «жемчужина обувной промышленности Урала» как, ссылаясь на периодическую тех лет, охарактеризовал ее историк Удмуртии В.Ю. Войтович, вошла в строй действующих в сентябре 1929 г. [Войтович, 2018, с. 92].

Земляные работы на выделенном для строительства холодильника участке, не дожидаясь утверждения проекта, были развернуты 27 сентября 1927 г. [ЦАНО, Ф. Р-410. Оп. 1 (1928 г.). Д. 203. Л. 113]. Видимо, в связи с этим заместитель губернского инженера А.Д. Гурьев письмом от 29 сентября 1927 г. напомнил Подотделу благоустройства Отдела коммунального хозяйства, что проект «может быть выдан по исправлению вами всех замечаний и представлении дополнительных материалов, упомянутых инженером Нестеровым в его заключении» [ЦАНО, Ф. Р-1679. Оп. 1 (1927 г.). Д. 420. Л. 87]. Работы велись согласно договору подряда, заключенному, как показано далее, нижегородским отделением Госрыбсиндиката со строительным кооперативным товариществом «Москобетон», которое, как и «Техбетон», возглавлял инженер Прохоров. Одновременно уже 1 октября 1927 г. «Техбетон» приступил к переработке весьма детально продуманного, как показано выше, проекта Госрыбсиндиката [ГАРФ, Ф. А-421. Оп. 1. Д. 412. Л. 3], фактически приняв схему его плана за основу, но обеспечив необходимое новое архитектурное и конструктивное решение. Спешное строительство, начатое еще до готовности нового проекта, в практике Прохорова отнюдь не единичное, вызывалось, прежде всего, стремлением использовать истекавшие сроки строительного сезона. Таким прецедентом было строительство по проекту «Техбетона» Рабочего клуба лесопильного завода «Электролес» объединения «Волго-Каспий-Лес» в Сталинграде, где комиссия во главе с губернским инженером 7 октября 1925 г. также фиксировала, что «земляные работы для фундамента здания уже закончены», кладка фундаментов клуба завершается, ведется подготовка к кладке стен из бетонитовых камней, но «ни проекта, ни пояснительной записки с расчетами и другой документацией в УГИ представлено не было» [Олейников, 2012, с. 44].

В отличие от Сталинграда, где «Техбетон» только начинал свою деятельность, в Нижнем Новгороде оба товарищества были известны. В самом городе ими были сооружены «Резервуар для чистой воды на 40000 ведер для городского водопровода» и электростанция [ГАРФ, Ф. А-421. Оп. 1. Д. 412. Л. 1 об.], а близ него — крупная Паросиловая станция Окуловских писчебумажных фабрик Центробумтреста ВСНХ РСФСР (1926), стоимость строительства которой по сравнению с изначальным проектом треста была снижена «Техбетоном» более чем на

20% [Прохоров, 1927, с. 77]. 8 октября 1927 г. Прохоров представил губернскому инженеру заверенную круглой печатью «Москобетона» расписку в том, что постройку здания холодильника для нижегородского отделения Госрыбсиндиката он обязуется «исполнить на основании всех существующих норм и положений Строительного устава» [ЦАНО, Ф. Р-1679. Оп. 1 (1927 г.). Д. 420. Л. 89]. К расписке была приложена копия диплома Императорского Московского инженерного училища ведомства путей сообщения от 1 июня 1905 г., свидетельствующего о его «звании инженера-строителя с правом производства всякого рода строительных работ и составления проектов всяких зданий и сооружений» [Там же, Л. 90]. Тогда же одним из руководителей «Москобетона» стал выпускник Московского промышленно-экономического института 1927 г. С.А. Щенков, заявивший о себе аналитической статьей в журнале «Социалистическое хозяйство» о хозяйственных итогах в деревообрабатывающей промышленности, специалит в области бухгалтерского учета и анализа хозяйственно-финансовой деятельности предприятий промышленности, в последующем крупный ученый [Щенков, 2021, с. 6], что, несомненно, сказалось на ожидаемой эффективности работы строительного товарищества.

Уже 24 октября 1927 г. управляющий Басевич направил губернскому инженеру «измененный проект холодильника <...> с пояснительной запиской и расчетами, составленными Строительным комитетом» [ЦАНО, Ф. Р-1679. Оп. 1 (1927 г.). Д. 420. Л. 88]. Материалы нового проекта (восемь чертежей, три пояснительных записки, акт об осмотре котлована, расчет конструкции и результаты бурения на месте проектируемого холодильника) заместитель губернского инженера Гурьев 25 октября снова передал инженеру Нестерову с просьбой «дать заключение и произвести проверку расчета» [Там же, Л. 176]. В заключении от 4 ноября Нестеров признал расчет безбалочных перекрытий, составленный консультантом «Техбетона» инженером Н.А. Кашкаровым, «вполне точным», одобрил расчет теплопроводности, но выразил желание ознакомиться с полным комплектом проекта, поскольку «при частичном представлении чертежей и расчетов всегда возможно упустить из вида введенные изменения» [Там же, Л. 177]. Вслед за этим, осмотрев 14 ноября «котлован под фундаменты корпуса холодильника», нижегородский архитектор Л.Д. Агафонов, инженер Н.Г. Дыньков и завхоз А.И. Трусов (от Госрыбсиндиката), инженер А.А. Поляков (от «Техбетона»), производитель работ

К.В. Лийва, техник В.Г. Карякин, десятник Рожков и завхоз И.Н. Потольский (от «Москобетона»), постановили «работы по выкапыванию котлована <...> считать вполне удовлетворительными и основание здания признать надежным», оформив это актом № 1 [ЦАНО, Ф. Р-410. Оп. 1 (1928 г.). Д. 203. Л. 113–114].

Суть основных изменений изложена в пояснительной записке к проекту: «Ввиду того, что участок земли, отведенный для постройки склада на Живоносной улице, расположен на насыпном грунте, достигающем на одном конце участка толщины в 8 м, а на другом около 2 м, устройство фундаментов под наружные стены, зависящих от их веса, представляет значительную долю потребных расходов на постройку здания. Поэтому в качестве материала для стен выбраны пустотелые бетонные камни, дающие, кроме того, значительную экономию в стоимости самих стен по сравнению с красным кирпичом и возможность более быстрого их возведения» [ЦАНО, Ф. Р-1679. Оп. 1 (1927 г.). Д. 420., Л. 126]. Этот факт С.Г. Шапошников привел также в докладе на I-м Всесоюзном съезде государственной рыбной промышленности, отметив, подтверждая свое участие в предварительном проекте Госрыбсиндиката, что «замена железобетона и кирпича в стенах холодильников бетонитовым камнем при устройстве кирпичного или железобетонного каркаса здания применена впервые на опыте нижегородского холодильника и дала сокращение расхода на строительные работы против норм Холодильного комитета примерно на 25%» [Г.К., 1929, с. 10].

Поясняя решение каркаса здания, Кашкаров, как и составители предыдущего проекта, подчеркнул, что «грунт в месте расположения холодильника ненадежный и ввиду этого непосредственно на грунт передается только нагрузка от пола I-го этажа, нагрузка же от веса здания и полезная нагрузка вышележащих этажей передается через железобетонные колонны на надежный грунт, лежащий (в среднем) на глубине около 6,00 м от уровня пола I-го этажа; под колонны подведены бетонные фундаментные подушки». Междуэтажные перекрытия здания, писал Кашкаров, запроектированы «в виде железобетонных безбалочных конструкций» (с тепловой изоляцией в два слоя камышита по 6,5 см), которые на первом этаже (и ниже его, до фундаментной подушки) опираются на квадратные в плане колонны сечением 0,50×0,50 м, на втором — сечением 0,40×0,40 м и на третьем — сечением 0,25×0,25 м с расстоянием между их центрами 5,24 м в продольном направлении и 4,37 м в поперечном.

Новую конструкцию стен холодильника

Кашкаров раскрыл кратко: по периметру здания «плита покрытия» (т.е., перекрытия) «в каждом этаже окаймлена балкой, обращенной квер-ху, на которую опирается внутренняя изоляционная стенка из пустотелых бетонных камней толщиной в 10 см». Далее «к этой стенке прилегает слой камышита (двойной в 13 см толщины)» и, наконец, «оболочку здания составляет стенка из бетонных пустотелых камней толщиной в 20 см, опирающаяся на обвязки, которые передают нагрузку на <...> наружные колонны покрытия через посредство консолей» [ЦАНО, Ф. Р-1679. Оп. 1 (1927 г.). Д. 420. Л. 92–93]. Эта внешняя кладка была запроектирована из камней 20х20х50 см с тремя воздушными прослойками системы «Крестьянин» [Там же, Л. 126].

Своими книгами по расчету железобетонных конструкций, Н.А. Кашкаров был известен уже в дореволюционной России. По окончании в 1908 г. Петербургского института инженеров путей сообщения он с 1911 г. преподавал в Томском технологическом институте: являясь профессором Инженерно-строительного отделения института, вел курс по железобетону, руководил дипломным проектированием по городскому хозяйству, статике сооружений, технологии строительства и санитарной технике. Научную и педагогическую работу в 1915–1916 гг. Кашкаров совмещал в качестве инженера службы пути Сибирской ж.д. с проектированием путепроводов и надзором за строительством железобетонных мостов на магистрали и кроме того по заданию Акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей руководил расчетом и проектированием железобетонных сооружений Кемеровского коксохимического завода [Гагарин, 2000, с. 110–112].

Получив столь богатую сибирскую практику, профессор Кашкаров в 1921 г. перешел в МВТУ, а с 1925 г. включился одновременно и в работу «Техбетона». Подчеркивая его роль в деятельности товарищества, Прохоров вынес на обложку одной из своих книг перечень основных построек, осуществленных с участием Кашкарова: в Москве — зерносушилка акционерного общества «Хлебопродукт» при I-ой Госмельнице, надстройки зданий правлений Промбанка СССР, «Совкино», «Хлебопродукта», «Экспортхлеба», «Совпольшторга», жилые дома ЖСК Московско-Белорусско-Балтийской ж.д. и Управления домами ГЖД, в Сталинграде — рабочий клуб лесопильного завода «Электролес» и др. [Прохоров, 1926, с. 4 обл.]. В годы сотрудничества с «Техбетоном», продолжая издание собственных трудов [Кашкаров, 1926], Кашкаров совместно с инженером Н.К. Лахтиным опубликовал одну из первых отечественных книг по расчету и проектированию железобетонных конструкций

[Лахтин, Кашкаров, 1926]. Тогда же под его редакцией вышли переводы монографий по этим вопросам крупных европейских инженеров А. Клейнлогеля, Д. Лева, Б. Лозера, К. Фрика и К. Кнолля, «Энциклопедии железобетонного строительства» Ф. Эмпергера и др.

Хотя размеры плана холодильника в проекте Гинзбурга относительно предварительного проекта были скорректированы незначительно («по центру наружных колонн» 30,78х32,15 м), его объемное решение изменилось: чердачное помещение стало полноценным третьим этажом, поскольку требуемая емкость холодильника, соответствуя, видимо, новому заданию Госрыбсиндиката возросла до 122000 пудов (около 2000 т). Первый и второй этажи, включавшие охлаждаемые камеры, окон не предусматривали, но третий этаж, предназначенный для хранения «сухой рыбы» (т.е., вялено-сушеной), получил обусловленные технологией этого процесса ленточные проемы с жалюзи, обеспечивающие регулируемое проветривание помещений. Примечательно, что запроектированный Гинзбургом холодильник весьма точно описывает формулировка, которую он использовал в книге «Жилище», говоря о доме Наркомфина, подчеркнув тем самым их связь: «Каркасная система конструкции <...> и наружная стена, трактованная как термоизоляционный щит, позволила нам запроектировать здесь непрерывную ленту горизонтального окна между опорами каркаса» [Гинзбург, 1934, с. 86]. Для приема поступающих по реке грузов со стороны Волги был предусмотрен выступающий из плоскости фасада, возвышающийся над объемом здания «тамбур» с вертикальной лентой остекления, включающий «приемную, контору, лестничную клетку и грузовой лифт». Со стороны Живоносной ул. также был размещен «тамбур» с лестничной клеткой и лифтом [ЦАНО, Ф. Р-1679. Оп. 1 (1927 г.). Д. 420. Л. 128]. Оба фасада завершены гладким прямоугольным аттиком, не только скрывшим двускатную крышу, но, что более важно, укрупнившим масштаб здания. В варианте проекта на фасадах холодильника, кроме того, был выявлен его «железобетонный каркас, состоящий из ряда параллельных колонн», внутренних и наружных, «по архитектурным соображениям обделываемых снаружи пустотелой кладкой в виде пилястр размером 9/70 см» [Там же, Л. 126].

Излагая в последнем номере журнала «Современная архитектура» за 1927 г. материал курса теории архитектуры, который Гинзбург читал во ВХУТЕМАСе и МВТУ, он уверенно писал, что технические и строительные предпосылки осуществления «целевой установки» в современной архитектуре состоят: «в переходе на наиболее

совершенные современные материалы, по возможности минимальные по массе и весу, легкие и динамичные»; «в изучении наиболее рациональных методов конструирования и тех возможностей пространственного оформления, которые они открывают»; «в максимальном переходе на индустриализированное производство, в переходе от «постройки» к «сборке» здания» [Гинзбург (Конструктивизм...), 1927, с. 162]. Это высказывание отчетливо демонстрирует, что в процессе проектировании холодильника и других производственных зданий, моделировавших конструктивные схемы корпусов будущего дома Наркомфина, Гинзбург, планируя его возведение, реально овладел внедрявшейся «Техбетоном» строительной технологией. Столь радикальные тезисы, опубликованные за год до того, как они были высказаны им в ноябре 1928 г. на расширенном пленуме Стройкома РСФСР, рекомендовавшем осуществить «в порядке опытно-показательного строительства» результаты работы Секции типизации [Слушали..., 1929, с. 6, 34], дают основание предположить, что на «организационном заседании» в сентябре 1927 г. уже в самом общем виде обсуждалась концепция строительства будущего дома Наркомфина, в качестве прототипа которого на том этапе мог выступить конкурсный проект шестиэтажного «Коммунального дома А1» Гинзбурга, экспонированный на Первой выставке современной архитектуры.

Одновременно для его возведения мог быть «выбран, — как пишет Н.Н. Броневицкая, предполагая этой формулировкой, видимо, инициативу Гинзбурга, — обширный озелененный участок, так называемый Шаляпинский парк», который «полого спускался к долине реки Пресни, забранной к этому времени в трубу» [Броневицкая, 2012, с. 261–262]. Е.Г. Никулина, рассматривая проект дома Наркомфина как градостроительный и роль Гинзбурга в организации уникальной для центра Москвы обширной территории, называя «два усадебных сада, объединяемых автором в парк», подчеркивает, что «участок, отведенный Гинзбургу для реализации новых идей расселения, можно считать идеальным» [Никулина, 2011, с. 152]. Несомненно, однако, что «идеальный» участок мог «выбрать» только сам Гинзбург, возможно, солидарно с Н.А. Милютиним. Во всяком случае, содержание письма от 2 апреля 1929 г., информирующего наркома финансов РСФСР Милютина о распоряжении заместителя председателя Моссовета передать «под постройку дома коммуны для сотрудников НКФ РСФСР и Росгосстраха» именно «согласованный ранее участок» [Волчок, 2019, с. 25], этому не противоречит. Несмотря на согласование, «в июне 1929 года, — как установила Никулина, — у автора и заказчика начались

проблемы с окончательным утверждением границ участка и продолжения строительных работ». «Понимая, что возникает серьезная угроза реализации задуманной композиции», автор и заказчик, продолжает Никулина, провели «строительные работы без соответствующих согласований» [Никулина, 2011, с. 154]. Благодаря этому ускорению, столь типичному для Прохорова, «к тому времени, — заключил Ю.П. Волчок, — когда разрешительные документы были готовы, дом-коммуна был практически возведен» [Волчок, 2019, с. 27]. Предпринятый очередной строительный риск Прохорова подкрепляет убеждение, что выбор «идеального» участка для воплощения творческой идеи Гинзбурга, которым он так настойчиво дорожил, мог быть сделан только самим автором.

Однако, учитывая расположение выбранного места строительства дома Наркомфина на склоне к долинам Москвы-реки и реки Пресни (в трубе, но с сохранившимся тогда Пресненским прудом), соавторы будущего здания не могли не считаться с возможным проявлением присклонной суффозии грунтов [Хоменко, 2019, с. 7–10]. Реальность такой опасности подтверждает обнаруженный при реставрации дома Наркомфина в 2016–2020 гг. «небольшой крен» южной стороны здания (на уровне 6-го этажа порядка 10 см), который авторы реставрации связали с проявлением суффозии вследствие протечки коммуникаций, прокладки городского коллектора и др. [Гинзбург и др., 2020, с. 270–271], не рассматривая среди провоцирующих моментов гидрогеологические особенности участка. Но в 1927 г. соавторы будущего дома Наркомфина знали, что именно вследствие действия природного фактора такая ситуация возникла в Москве на постройке здания Электробанка в Неглинном проезде (ныне — Неглинная ул.). Это здание первоначально строилось как жилой дом кооператива «Электро» по премированному в 1925 г. на конкурсе МАО проекту И.А. Голосова [Конкурсы..., 1927, с. 49–50]. По заданию заказчика проект в ходе постройки был переработан автором под конторское здание Электробанка с использованием фундамента, уже заложенного для жилого дома. Проект Электробанка экспонировался тогда не только на Первой выставке современной архитектуры в Москве [Аранович, 1927, с. 451], но и на открывшейся в июле 1927 г. выставке Немецкого Веркбунда «Жилище» в поселке Вайсенхоф в Штутгарте (Германия) [Равдин, 1927, с. 755]. В ходе строительства обнаружилось, как следует из публикации в «Вечерней Москве» от 26 августа 1927 г., «оседание почвы под сваями», обусловленное особенностями участка, ранее являвшегося низким правым берегом реки Неглинки. Газета сообщила, что в

данном месте «дом кирпичной кладки» построить нельзя и завершение строительства возможно лишь «при условии заполнения каркаса легкими бетонными камнями», сохранив тем самым «готовый фундамент» и сэкономив свыше 100 тыс. руб. [Успехи..., 1927]. Прохоров мог иметь информацию об этом инциденте непосредственно от Голосова, вместе с которым в 1926 г. им была запроектирована и построена в г. Вязники Владимирской обл. ткацкая фабрика 2-го Лыноправления ВСНХ СССР (архитекторы И.А. Голосов, Б.Я. Мительман, инженер С.Л. Прохоров). Приведенные газетой формулировки, несомненно, обозначили экспертную причастность «Техбетона» к разрешению возникшей проблемы, тем более что вырезка из газеты оказалась сохраненной в материале личного архива Журина [ГАРФ, Ф. А-421. Оп. 1. Д. 494. Л. 14].

Случай Электробанка служит объяснением спешного подряда «Москобетона» на постройку холодильника в Нижнем Новгороде, поскольку и Гинзбург, и Прохоров могли рассматривать ожидаемый опыт проектирования и строительства здания холодильника на волжском склоне необходимым для исключения геотехнической проблемы при возведении дома Наркомфина. Косвенным подтверждением такой трактовки этого события является изданный в 1928 г. буклет «Техбетона», в котором проект нижегородского холодильника представлен только его «конструктивным разрезом» с разновысотными колоннами, часть из которых, учитывая специфику участка, установлена «в колодцах» [Там же, Д. 412. Л. 3]. Буклет издан, несомненно, не без участия Гинзбурга, поскольку его макет «сделал», как отмечено в выходных данных, художник-конструктивист А.М. Ган, оформлявший журнал «Современная архитектура». Столь очевидное выделение этого чертежа корреспондируется с информацией авторов реставрации дома Наркомфина, указавших, чуть ли не цитируя изложенное выше пояснение Кашкарова в отношении холодильника, что его (дома Наркомфина) «ленточные монолитные фундаменты были рассчитаны проектировщиками как с учетом слабых, так и для более прочных грунтов основания», подчеркнув, имея в виду колонны, их «различные сечения, армирование и различную глубину заложения» [Гинзбург и др., 2020, с. 269].

Чертежи (синьки) из фондов ЦАНО дают возможность не только выявить состав авторов проекта холодильника, выполненного «Техбетоном», но ориентировочно установить и последовательность его выполнения. Наиболее ранняя дата — 7 октября 1927 г. — проставлена на чертеже планов этажей холодильника и генплана, подписанном архитектором-художником С.М. Муромцевым и Прохоровым, и на чертеже «Распо-

ложение фундаментов № 1 и 2», подписанном Прохоровым. На выполненном Прохоровым чертеже «Фундаменты № 2 наружные (26 шт.)» стоит дата 10 октября 1927 г. С этими датами, корреспондированными с развернутыми земляными работами, можно, видимо, соотнести чертеж фасадов со стороны Волги, по Живо-носновской ул. и Казарменному пер., который подписан Гинзбургом, а также вариант фасадов с выявляющими конструкцию холодильника «пилястрами» и шрифтовыми маркерами «Холодильник» и «Госрыбсиндикат», подписанный Гинзбургом, Муромцевым и Прохоровым, поскольку обе синьки фасадов, являясь копиями с подлинников, изначальных дат не сохранили.

На подписанном Прохоровым чертеже «Обвязочной балки под кладку <бетонных камней типа> «Крестьянин» со стороны двора и Казарменного пер.» и расчете колонн, который подписали инженеры Мордовин (инициалы не установлены) и Поляков, стоит дата 11 октября. Ориентированный на этот расчет «Разрез по А-Б», подписанный Муромцевым, датирован 12 октября. 25 октября был выполнен чертеж «плиты безбалочного перекрытия 1-го этажа», подписанный Кашкаровым и Поляковым. Затем последовали подписанные Кашкаровым чертежи «плиты безбалочного перекрытия 2-го этажа», капителей колонн для него и чертежи аналогичного перекрытия 3-го этажа. После того, как Поляков запроектировал «Наружные обвязочные балки со стороны Волги», Кашкаров — «Внутренние обвязочные балки со стороны двора и Казарменного пер.», тот же Поляков выполнил «Разрез стены и перекрытий» холодильника, подписанный им 15 ноября. В заключение проведенной проектной работы 24 декабря 1927 г. Прохоров выполнил расчет наиболее ответственных элементов сооружения, обеспечивающих его устойчивость, — «фундаментов в опускных колодцах» и «подпорной стенки, поддерживающей косогор» [ЦАНО, Ф. Р-1679. Оп. 1 (1927 г.). Д. 420. Л. 149–151, 153, 155, 159, 161, 164–165, 169–174, 188–191 об.].

Аннотация в архивном фотоальбоме проектов и построек «Техбетона» определяет авторов здания холодильника так: «Архитектура — проф. М.Я. Гинзбург и арх. Б.Я. Мительман, конструкции — инж. С.Л. Прохоров и инж. А.А. Поляков, расчеты — проф. Н.А. Кашкаров» [ГАРФ, Ф. А-421. Оп. 1. Д. 494. Л. 4]. Однако, в перечисленных выше чертежах подписи главного архитектора «Техбетона» Б.Я. Мительмана нет, но ряд из них подписал архитектор Муромцев, фамилия которого в альбоме не названа. Поэтому приведенный состав авторов может рассматриваться лишь как его первоначально намеченный вариант, измененный в ходе работы. Изменена была и общая

кубатура холодильника, указанная в альбоме в объеме 10 805 куб. м, возросшая в итоговых документах до 12 000 куб. м [Там же, Д. 427. Л. 31 об.]. Кроме того, чертежи и пояснительная записка к конструкции холодильника свидетельствуют, что роль Кашкарова не ограничивалась расчетом конструкций, он выполнил и конкретные чертежи. Поэтому авторство здания холодильника следует считать корректным в редакции: архитекторы М.Я. Гинзбург, С.М. Муромцев, инженеры С.Л. Прохоров, Н.А. Кашкаров, А.А. Поляков.

Приведенная в изданном буклете дата окончания строительства холодильника — 1 мая 1928 г. [Там же, Д. 412. Л. 3], скорее всего, заданная заранее, корректируется актом № 33 от 8 сентября 1928 г., подписанным от Госрыбсиндиката прорабом Н.Г. Дыньковым и заведующим материально-хозяйственной частью Д.И. Моисеевым в присутствии прораба от «Москобетона» техника А.Г. Нешумова, фиксирующим «приемку работ по постройке холодильника Госрыбсиндиката», которые «исполнены удовлетворительно» [ЦАНО, Ф. Р-410. Оп. 1 (1928 г.). Д. 203. Л. 54 и об.].

Учитывая нижегородский опыт, в 1928–1929 гг. по проектам «Техбетона» были выполнены не только «конструкции стен» для холодильника Волго-Каспийского отделения Госрыбтреста на Оранжерейном промысле близ Астрахани и холодильника Акционерного общества Мясохладобойни Наркомторга РСФСР в Омске [ГАРФ, Ф. А-421. Оп. 1. Д. 412. Л. 1 об.], но также построены холодильники Госрыбсиндиката в Воронеже и Киеве. Имея одинаковый с нижегородским холодильником объем 12000 куб. м, они могли быть не только аналогичными ему по конструкции и архитектурному решению, но и исполненными теми же авторами [Там же, Д. 427. Л. 31 об.], что требует дальнейшего исследования.

Выводы. Рассмотренный материал свидетельствует, что здание холодильника Госрыбсиндиката в Нижнем Новгороде, до сих пор не введенное в контекст архитектуры советского авангарда 1920-х гг., оказывается весьма значимым для истории этого творческого движения. Проект холодильника стал первым реализованным проектом М.Я. Гинзбурга, в котором удалось применить ленточные оконные проемы, явившиеся одним из характерных стилистических признаков конструктивистской архитектуры. Строительство этого здания с использованием новой для того времени технологии товарищества «Техбетон», ускорявшей и удешевлявшей строительство, показало принципиальную возможность перевести постройку здания в его монтаж из укрупненных элементов. Кроме того, сложные гидрогеологические условия участка строи-

тельства для обеспечения устойчивости здания потребовали применения разных видов фундаментов. В совокупности эти приемы стали «пробой пера», остро актуальной в тот момент как для Гинзбурга, так и для инженеров «Техбетона» в связи с последовавшим затем возведением экспериментального дома Наркомфина в Москве, где они оказались востребованными.

В настоящее время здание холодильника по первоначальному назначению не используется, его архитектурный облик в процессе приспособления помещений под разнородные функции (офисы, торговые выставочные помещения и пр.) искажен — глухие стены бывших холодильных камер первого и второго этажей по всему периметру пробиты рядами окон, ленточные же горизонтальные проемы частично заложены, вследствие чего черты конструктивизма утрачены. Имея в виду уникальный характер здания, необходима его постановка на учет как вновь выявленного памятника культурного наследия с последующей реставрацией, восстановлением первоначального облика и приспособлением для современного использования, обеспечивающего сохранение архитектурно-художественного облика этого уникального произведения выдающегося мастера.

Список литературы

1. Аранович Д. Выставка современной архитектуры // Строительная промышленность. — 1927. — № 6–7. — С. 450–454.
2. Багаев Д. К вопросу об организации завозных складов для рыбных товаров // Скоропортящиеся продукты и холодильное дело. — 1928. — № 16. — С. 4–5.
3. Броновицкая Н.Н. Памятники архитектуры Москвы. Архитектура Москвы 1910–1935 гг. — М.: «Искусство-XXI век», 2012. — 356 с.
4. Войтович В.Ю. Кожевенно-обувная промышленность Удмуртии в экономике России (на материалах кожевенно-обувной промышленности Сарапула). — Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2018. — 152 с.
5. Волчок Ю. Экспериментальный жилой дом на Новинском бульваре в Москве: содержание эксперимента и концепция формирования авторского коллектива // Архитектор Игнатий Милинис. От конструктивизма к модернизму. — М.: Государственный музей архитектуры им. А.В. Щусева; Кучково поле, 2019. — С. 21–29.
6. Воронцов Н.Н. Пятилетний перспективный план холодильного строительства СССР и ход его осуществления // Холодильное дело. — 1927. — № 7–8. — С. 1–10.

7. Гагарин А.В. Профессора Томского политехнического университета. Биографический справочник. В 2-х т. — Т. 1. — Томск: Изд-во научно-технической литературы, 2000. — 300 с.
8. Гинзбург А.В., Николаева Е.И., Боровикова Е.А., Старостина А.С. Как построен дом Наркомфина: мифы и практика реставрации. Строительные технологии архитектуры советского авангарда 1920-х годов // Архитектурное наследство. — Вып. 73. — М.; СПб.: Коло, 2020. — С. 267–281.
9. Гинзбург М.Я. Жилище. — М.: Госстройиздат, 1934. — 192 с.
10. Гинзбург М.Я. Итоги и перспективы // Современная архитектура. — 1927. — № 4–5. — С. 112–118.
11. Гинзбург М.Я. Конструктивизм как метод лабораторной и педагогической работы // Современная архитектура. — 1927. — № 6. — С. 160–166.
12. Гинзбург М.Я. Стиль и эпоха. Проблемы современной архитектуры. — М.: Государственное издательство, 1924. — 238 с.
13. Г.К. Вопросы холодильного строительства на I-м Всесоюзном съезде государственной рыбной промышленности // Скоропортящиеся продукты и холодильное дело. — 1929. — № 9. — С. 9–11.
14. Гурьянов Д. Рыбный холодильник Азырбтреста в Азове // Скоропортящиеся продукты и холодильное дело. — 1929. — № 15. — С. 11–14.
15. Журин Б. Конструкции из железобетона с заполнением бетонитовыми камнями // Современная архитектура. — 1927. — № 6. — С. 190–191.
16. Журин Б. Развитие бетонитового строительства. — М.: Всекопромсоюз, <1929>. — 4 с.
17. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. — 1926. — № 129 (6 июня).
18. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. — 1926. — № 262 (12 ноября).
19. Казусь И. Дом Наркомфина — манифест образа жизни человека современной эпохи // Дом Наркомфина: реставрация, 2016–2020. — М.: Департамент культурного наследия города Москвы, 2020. С. 12–31.
20. Казусь И.А. Инженер С.Л. Прохоров и архитектура советского авангарда 1920-х гг. // Хан-Магомедовские чтения. — М.; СПб.: Коло, 2015. — С. 245–252.
21. Казусь И.А. Товарищество «Техбетон» и развитие архитектуры конструктивизма на Урале // Архитектурное наследство. — Вып. 62. — М.; СПб.: Коло, 2015. — С. 287–302.
22. Кашкаров Н.А. Графические таблицы для расчета железобетонных сооружений / Изд. 2-е, доп. и перераб. — М.: Гос. техн. изд-во, 1926. — 62 с.
23. Кириков Б.М., Штиглиц М.С. Тенденции протоконструктивизма в промышленной архитектуре Петербурга (на примере комплекса Невской мельницы) // Месмахеровские чтения — 2019: сб. науч. статей. — СПб.: СПГХПА им. А.Л. Штиглица, 2019. — С. 166–172.
24. Конкурсы МАО. 1923–1926. — М.: Московское архитектурное общество, 1927. — 147 с.
25. Лахтин Н.К., Кашкаров Н.А. Железобетон. Пособие в 3-х частях для студентов, инженеров и техников по проектированию и выполнению железобетонных сооружений / Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Гос. техн. изд-во, 1926. — 117 с.
26. Майофис М.Л. «В помощь решениям высшего командования»: о рождении «оттепельной» общенности из духа 1939 года // Шаги /Steps/. — 2016. — № 1. — С. 44–81. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-pomosch-resheniyam-vysshego-komandovaniya-o-rozhdenii-ottepelnoy-obshchestvennosti-iz-duha-1939-goda/viewer> (дата обращения: 15.05.2021).
27. Малиновский В. ЛИГИ в новых исканиях // Современная архитектура. — 1926. — № 5–6. — С. 138–140.
28. Мосиенко Е.П. Зерновые элеваторы и склады Восточной Пруссии 1917–1942 гг. (совр. Калининградская область) // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2020. — № 1. — С. 210–231.
29. Николай Михайлович Романов // Нижегородский музей. — 2016. — Специальный. — С. 160.
30. Никулина Е. Дом Наркомфина на Новинском (1928 г. Архитекторы М. Гинзбург, И. Милинис). Реализованное и нереализованное // Городская ткань: архитектура и время. Статьи архитектора Елены Никулиной / Сост. И.В. Крымова. — М.: Мастерская № 20 «Моспроекта-2» им. М.В. Посохина, 2011. — С. 150–157.
31. Олейников П.П. Архитектурное наследие Сталинграда. — Волгоград: Издатель, 2012. — 560 с.
32. Павлов Д. Новый холодильник в Нью-Йорке // Холодильное дело. — 1927. — № 7–8. — С. 25–26.
33. Панкратов И.И. О расширении холодильного строительства // Скоропортящиеся продукты и холодильное дело. — 1928. — № 20. — С. 2–3.
34. Петров И.А. Холодильник в Ахтари-Приморской // Скоропортящиеся продукты и холодильное дело. — 1928. — № 3. — С. 12–13.
35. Прохоров С.Л. Дешевое бетонитовое строительство. — М.: Наука и школа, 1927. — 94 с.
36. Прохоров С.Л. Последние достижения в строительстве из бетонитовых кам-

ней // Современная архитектура. — 1928. — № 1. — С. 49–60.

37. Прохоров С.Л. Современное строительство из пустотелых бетонных камней с железобетонным каркасом. — М., 1926. — 96 с.

38. Равдин Д. Выставка в Штутгарте // Строительная промышленность. — 1927. — № 11. — С. 754–759.

39. Рубинштейн Я. Организация завозных складов для рыбных товаров // Скоропортящиеся продукты и холодильное дело. — 1928. — № 8–9. — С. 5–7.

40. Рулев В.Н. Холодильное строительство в Союзе ССР за пять лет // Скоропортящиеся продукты и холодильное дело. — 1928. — № 20. — С. 10–15.

41. Слушали: Проблемы типизации жилья РСФСР. Докладчик М.Я. Гинзбург // Современная архитектура. — 1929. — № 1. — С. 4–6, 10, 12, 18, 22, 26, 28, 30, 34, 36.

42. Тихоцкий К.П. Севастопольский экспортный холодильник // Скоропортящиеся продукты и холодильное дело. — 1929. — № 2. — С. 10–15.

43. Товарищеское соревнование ОСА на эскизный проект жилого дома трудящихся // Современная архитектура. — 1926. — № 5–6. — С. 132.

44. Успехи бетонитового строительства // Вечерняя Москва. — 1927. — № 193 (26 августа).

45. Фишзон И. Проблема рыбного питания и холодильное строительство // Скоропортящиеся продукты и холодильное дело. — 1928. — № 17. — С. 2–5.

46. Хан-Магомедов С.О. Моисей Гинзбург. — М.: «Архитектура-С», 2007. — 136 с.

47. Хан-Магомедов С.О. М.Я. Гинзбург. — М.: Стройиздат, 1972. — 184 с.

48. Хан-Магомедов С.О. Первые выпуски молодых сторонников архитектурного авангарда. МПИ-МИГИ (1920–1924 гг.). — М.: Architectura, 1997. — 196 с.

49. Хоменко В.П. Суффозия: терминология и феноменология // Опасные для строительства геологические процессы: Сб. материалов Международного семинара. — М.: Изд-во МИСИ-МГСУ, 2019. С. 6–15. — URL: https://mgsu.ru/resources/izdatelskaya-deyatelnost/izdaniya/izdaniya-otkr-dostupa/2019/opasniye-d-stroy-geol-proc-y/opasniye_d_stroy_geol_proc-y.pdf (дата обращения: 15.05.2021).

50. Чернавин В.В. Записки «вредителя» // Владимир и Татьяна Чернавины. Записки «вредителя». Побег из ГУЛАГа. — СПб.: Канон, 1999. — 328 с. — URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=600> (дата обращения: 15.05.2021).

51. Штиллер А. Холодильное строительство в Донском округе // Скоропортящиеся продукты и холодильное дело. — 1928. — № 6. — С. 16–17.

52. Щенков А.С. Серафим Александрович Щенков — человек, искренне влюбленный в свою профессию // Учет. Анализ. Аудит. — 2021. — № 1. — С. 6–9.

References

1. Aranovich D. Vystavka sovremennoj arhitektury [Exhibition of Contemporary Architecture]. *Stroitel'naja promyshlennost'*. 1927. No. 6–7. Pp. 450–454. (In Russ.).

2. Bagaev D. K voprosu ob organizacii zavoznyh skladov dlja rybnyh tovarov [On the issue of organizing imported warehouses for fish products]. *Skoroportjashhiesja produkty i holodil'noe delo*. 1928. No. 16. Pp. 4–5. (In Russ.).

3. Bronovickaja N.N. Pamjatniki arhitektury Moskvy. *Arhitektura Moskvy 1910–1935 gg.* [Architectural monuments of Moscow. Moscow architecture 1910–1935]. Moscow: «Iskusstvo-XXI vek», 2012. 356 p. (In Russ.).

4. Chernavin V.V. Zapiski «vreditelja» [Notes of «pest»]. In: Vladimir i Tat'jana Chernaviny. *Zapiski «vreditelja»*. Pobeg iz GULAGa. St. Petersburg: Kanon, 1999. 328 p. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=600> (accessed: May 15, 2021). (In Russ.).

5. Fishzon I. Problema rybnogo pitaniya i holodil'noe stroitel'stvo [The problem of fish nutrition and refrigeration construction]. *Skoroportjashhiesja produkty i holodil'noe delo*. 1928. No 17. Pp. 2–5. (In Russ.).

6. Gagarin A.V. Professora Tomskogo politehnicheskogo universiteta. *Biograficheskij spravochnik* [Professor of Tomsk Polytechnic University. Biographical handbook]. V 2-h t. Vol. 1. Tomsk: Izd-vo nauchno-tehnicheskoy literatury, 2000. 300 p. (In Russ.).

7. Ginzburg A.V., Nikolaeva E.I., Borovikova E.A., Starostina A.S. Kak postroen dom Narkomfina: mify i praktika restavracii. *Stroitel'nye tehnologii arhitektury sovetskogo avangarda 1920-h godov* [How the Narkomfin House was built: Myths and Practice of Restoration. Building technologies of the Soviet avant-garde architecture of the 1920s]. In: *Arhitekturnoe nasledstvo*. Iss. 73. Moscow; St. Petersburg: Kolo, 2020. Pp. 267–281. (In Russ.).

8. Ginzburg M.Ja. Itogi i perspektivy [Results and perspectives]. *Sovremennaja arhitektura*. 1927. No. 4–5. Pp. 112–118. (In Russ.).

9. Ginzburg M.Ja. Konstruktivizm kak metod laboratornoj i pedagogicheskoy raboty [Constructivism as a method of laboratory and pedagogical work]. *Sovremennaja*

arhitektura. 1927. No. 6. Pp. 160–166. (In Russ.).

10. Ginzburg M.Ja. Stil' i jepoha. Problemy sovremennoj arhitektury [Style and epoch. Problems of modern architecture]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1924. 238 p. (In Russ.).

11. Ginzburg M.Ja. Zhilishhe [Dwelling]. Moscow: Gosstrojizdat, 1934. 192 p. (In Russ.).

12. G.K. Voprosy holodil'nogo stroitel'stva na I-m Vsesojuznom s#ezde gosudarstvennoj rybnoj promyshlennosti [Refrigeration construction issues at the 1st All-Union Congress of the State Fish Industry]. Skoroportjash-hiesja produkty i holodil'noe delo. 1929. No. 9. Pp. 9–11. (In Russ.).

13. Gur'janov D. Rybnyj holodil'nik Azrybtresta v Azove [Atrysybtrest fish refrigerator in Azov]. Skoroportjash-hiesja produkty i holodil'noe delo. 1929. No. 15. Pp. 11–14. (In Russ.).

14. Han-Magomedov S.O. Moisej Ginzburg [Moses Ginzburg]. Moscow: «Arhitektura-S», 2007. 136 p. (In Russ.).

15. Han-Magomedov S.O. M.Ja. Ginzburg. Moscow: Strojizdat, 1972. 184 p. (In Russ.).

16. Han-Magomedov S.O. Pervye vypuski molodyh storonnikov arhitekturnogo avangarda. MPI-MIGI (1920–1924 gg.) [The first issues of young supporters of the architectural avant-garde. MPI-MIGI (1920–1924)]. Moscow: Architectura, 1997. 196 p. (In Russ.).

17. Homenko V.P. Suffozija: terminologija i fenomenologija [Suffosia: Terminology and Phenomenology]. In: Opasnye dlja stroitel'stva geologicheskie processy. Sb. materialov Mezhdunarodnogo seminar. Moscow: Izd-vo MISI-MGSU, 2019. Pp. 6–15. URL: https://mgsu.ru/resources/izdatelskaya-deyatelnost/izdaniya/izdaniya-otkr-dostupa/2019/opasniye-d-stroy-geol-proc-y/opasniye_d_stroy_geol_proc-y.pdf (accessed: May 15, 2021). (In Russ.).

18. Izvestija CIK SSSR i VCIK. 1926. No. 129. 6 ijunja. (In Russ.).

19. Izvestija CIK SSSR i VCIK. 1926. No. 262. 12 nojabrja. (In Russ.).

20. Kazus' I. Dom Narkomfina — manifest obraza zhizni cheloveka sovremennoj jepohi [The Narkomfin building as a manifesto of the modern way of life]. In: Dom Narkomfina: restavracija, 2016–2020. Moscow: Departament kul'turnogo nasledija goroda Moskvy, 2020. Pp. 12–31. (In Russ.).

21. Kazus' I.A. Inzhener S.L. Prohorov i arhitektura sovetskogo avangarda 1920-h gg. [Engineer S.L. Prokhorov and the architecture of the Soviet avant-garde of the 1920s.]. In: Han-Magomedovskie chtenija. Moscow; St. Petersburg: Kolo, 2015. Pp. 245–252. (In Russ.).

22. Kazus' I.A. Tovarishhestvo «Tehbeton» i razvitie arhitektury konstruktivizma na Urale [«Tehbeton» partnership and the development of constructivism architecture in the Urals]. In: Arhitekturnoe nasledstvo. Iss. 62. Moscow; St. Petersburg: Kolo, 2015. Pp. 287–302. (In Russ.).

23. Kashkarov N.A. Graficheskie tablicy dlja rascheta zhelezobetonnyh sooruzhenij [Graphical tables for calculating reinforced concrete structures]. Izd. 2-e, dop. i pererab. Moscow: Gos. tehn. izd-vo, 1926. 62 p. (In Russ.).

24. Kirikov B.M., Shtiglic M.S. Tendencii protokonstruktivizma v promyshlennoj arhitekture Peterburga (na primere kompleksa Nevskoj mel'nicy) [Proto-constructivist tendencies in the industrial architecture of St. Petersburg (on the example of the Neva Mill complex)]. In: Mesmaherovskie chtenija — 2019: sb. nauch. statej. St. Petersburg: SPGHPA im. A.L. Shtiglica, 2019. Pp. 166–172. (In Russ.).

25. Konkursy MAO. 1923–1926 [Competitions of the Moscow Architectural Society 1923–1926]. Moscow: Moskovskoe arhitekturnoe obshhestvo, 1927. 147 p. (In Russ.).

26. Lahtin N.K., Kashkarov N.A. Zhelezobeton. Posobie v 3-h chastjah dlja studentov, inzhenerov i tehnikov po proektirovaniju i vypolneniju zhelezobetonnyh sooruzhenij [Reinforced concrete. A manual in 3 parts for students, engineers and technicians on the design and implementation of reinforced concrete structures]. Izd. 2-e, pererab. i dop. Moscow: Gos. tehn. izd-vo, 1926. 117 p. (In Russ.).

27. Majofis M.L. «V pomoshh' reshenijam vysshego komandovaniya»: o rozhdenii «ot-tepel'noj» obshchestvennosti iz duha 1939 goda [«In assistance to decisions of the high command»: Birth of the «Thaw»-period community (obshchestvennost') from the spirit of 1939]. Shagi /Steps/. 2016. No. 1. Pp. 44–81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-pomosch-reshenijam-vysshego-komandovaniya-o-rozhdenii-ot-tepel'noj-obshchestvennosti-iz-duha-1939-goda/viewer> (accessed: May 15, 2021). (In Russ.).

28. Malinovskij V. LIGI v novyh iskanijah [Leningrad Institute of Civil Engineers in new quests]. Sovremennaja arhitektura. 1926. No. 5–6. Pp. 138–140. (In Russ.).

29. Mosienko E.P. Zernovye jelevatory i sklady Vostochnoj Prussii 1917–1942 gg. (sovr. Kaliningradskaja oblast') [Grain elevators and warehouses in East Prussia 1917–1942 (modern Kaliningrad region)]. Voprosy vseobshhej istorii arhitektury. 2020. No. 1. Pp. 210–231. (In Russ.).

30. Nikolaj Mihajlovich Romanov. Nizhegorodskij muzej. 2016. Special'nyj. P. 160. (In Russ.).

31. Nikulina E. Dom Narkomfina na Novinskom (1928 g. Arhitektory M. Ginzburg, I. Milinis). Realizovannoe i nerealizovannoe [House of Narkomfin on Novinsky (1928, architects M. Ginzburg, I. Milinis). Realized and unrealized]. In: Gorodskaja tkan': arhitektura i vremja. Stat'i arhitekora Eleny Nikulinoj. Sost. I.V. Krymova. Moscow: Masterskaja No. 20 «Mosproekta-2» im. M.V. Posohina, 2011. Pp. 150–157. (In Russ.).
32. Olejnikov P.P. Arhitekturnoe nasledie Stalingrada [The architectural heritage of Stalingrad]. Volgograd: Izdatel', 2012. 560 p. (In Russ.).
33. Pankratov I.I. O rasshirenii holodil'nogo stroitel'stva [Expansion of refrigeration construction]. Skoroportjashhiesja produkty i holodil'noe delo. 1928. No. 20. Pp. 2–3. (In Russ.).
34. Pavlov D. Novyj holodil'nik v N'ju-Jorke [New refrigerator building in New York]. Holodil'noe delo. 1927. No. 7–8. Pp. 25–26. (In Russ.).
35. Petrov I.A. Holodil'nik v Ahtari-Primorskoj [Refrigerator in Akhtari-Primorskaya]. Skoroportjashhiesja produkty i holodil'noe delo. 1928. No. 3. Pp. 12–13. (In Russ.).
36. Prohorov S.L. Deshevoe betonitovoe stroitel'stvo [Cheap concrete construction]. Moscow: Nauka i shkola, 1927. 94 p. (In Russ.).
37. Prohorov S.L. Poslednie dostizhenija v stroitel'stve iz betonitovyh kamnej [Recent advances in concrete construction]. Sovremennaja arhitektura. 1928. No. 1. Pp. 49–60. (In Russ.).
38. Prohorov S.L. Sovremennoe stroitel'stvo iz pustotelyh betonnyh kamnej s zhelezobetonnyh karkasom [Modern construction of hollow concrete stones with a reinforced concrete frame]. Moscow, 1926. 96 p. (In Russ.).
39. Ravdin D. Vystavka v Shtutgarte [Exhibition in Stuttgart]. Stroitel'naja promyshlennost'. 1927. No. 11. Pp. 754–759. (In Russ.).
40. Rubinshtejn Ja. Organizacija zavoznyh skladov dlja rybnyh tovarov [Organization of export warehouses for fish products]. Skoroportjashhiesja produkty i holodil'noe delo. 1928. No. 8–9. Pp. 5–7. (In Russ.).
41. Rulev V.N. Holodil'noe stroitel'stvo v Sojuze SSR za pjat' let [Refrigeration construction in the USSR for five years]. Skoroportjashhiesja produkty i holodil'noe delo. 1928. No. 20. Pp. 10–15. (In Russ.).
42. Shhenkov A.S. Serafim Aleksandrovich Shhenkov — chelovek, iskrenne vlyublennyj v svoju professiju [Serafim Aleksandrovich Shhenkov — a man who is sincerely in love with his profession]. Uchet. Analiz. Audit. 2021. No. 1. Pp. 6–9. (In Russ.).
43. Shtiller A. Holodil'noe stroitel'stvo v Donskom okruge [Refrigeration construction in the Donsky district]. Skoroportjashhiesja produkty i holodil'noe delo. 1928. No. 6. Pp. 16–17. (In Russ.).
44. Slushali: Problemy tipizacii zhil'ja RSFSR. Dokladchik M.Ja. Ginzburg [Heard: Problems of typification of housing in the RSFSR. Speaker M. Ya. Ginzburg]. Sovremennaja arhitektura. 1929. No. 1. Pp. 4–6, 10, 12, 18, 22, 26, 28, 30, 34, 36. (In Russ.).
45. Tihockij K.P. Sevastopol'skij jeksportnyj holodil'nik [Sevastopol export refrigerator]. Skoroportjashhiesja produkty i holodil'noe delo. 1929. No. 2. Pp. 10–15. (In Russ.).
46. Tovarishheskoe sorevnovanie OSA na jekiznyj proekt zhilogo doma trudjashhihsja [OSA friendly competition for a draft design of a workers' dwelling house]. Sovremennaja arhitektura. 1926. No. 5–6. P. 132. (In Russ.).
47. Uspehi betonitovogo stroitel'stva [Achievements in concrete construction]. Vechernjaja Moskva. 1927. No. 193. 26 avgusta. (In Russ.).
48. Vojtovich V.Ju. Kozhevenno-obuvnaja promyshlennost' Udmurtii v jekonomike Rossii (na materialah kozhevenno-obuvnoj promyshlennosti Sarapula) [Leather and footwear industry of Udmurtia in the Russian economy (based on materials from the leather and footwear industry of Sarapul)]. Izhevsk: Izdatel'skij centr «Udmurtskij universitet», 2018. 152 p. (In Russ.).
49. Volchok Ju. Jeksperimental'nyj zhiloj dom na Novinskom bul'vare v Moskve: sodержanie jeksperimenta i koncepcija formirovanija avtorskogo kollektiva [Experimental residential building on Novinsky Boulevard in Moscow: the content of the experiment and the concept of forming the team of authors]. In: Arhitektor Ignatij Milinis. Ot konstruktivizma k modernizmu. Moscow: Gosudarstvennyj muzej arhitektury im. A.V. Shhuseva; Kuchkovo pole, 2019. Pp. 21–29. (In Russ.).
50. Voroncov N.N. Pjatiletnij perspektivnyj plan holodil'nogo stroitel'stva SSSR i hod ego osushhestvlenija [Five-year long-term plan for refrigeration construction in the USSR and the course of its implementation]. Holodil'noe delo. 1927. No. 7–8. Pp. 1–10. (In Russ.).
51. Zhurin B. Konstrukcii iz zhelezobetona s zapoleniem betonitovymi kamnjami [Reinforced concrete structures with concrete stones]. Sovremennaja arhitektura. 1927. No. 6. Pp. 190–191. (In Russ.).
52. Zhurin B. Razvitie betonitovogo stroitel'stva [Development of concrete construction]. Moscow: Vsekopromsojuz, <1929>. 4 p. (In Russ.).

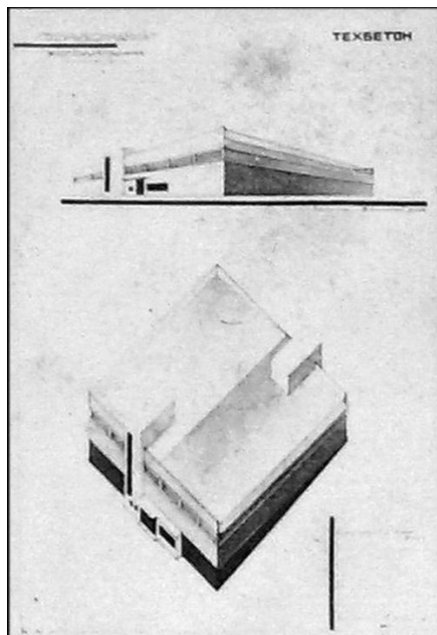
Список источников

1. ГАРФ, Ф. А-421. Оп. 1. Д. 124.
2. ГАРФ, Ф. А-421. Оп. 1. Д. 412.
3. ГАРФ, Ф. А-421. Оп. 1. Д. 427.
4. ГАРФ, Ф. А-421. Оп. 1. Д. 494.
5. ГАСО, Ф. Р-262. Оп. 2. Д. 105.
6. ЦАНО, Ф. Р-410. Оп. 1 (1928 г.). Д. 203.
7. ЦАНО, Ф. Р-1679. Оп. 1 (1927 г.). Д. 420.

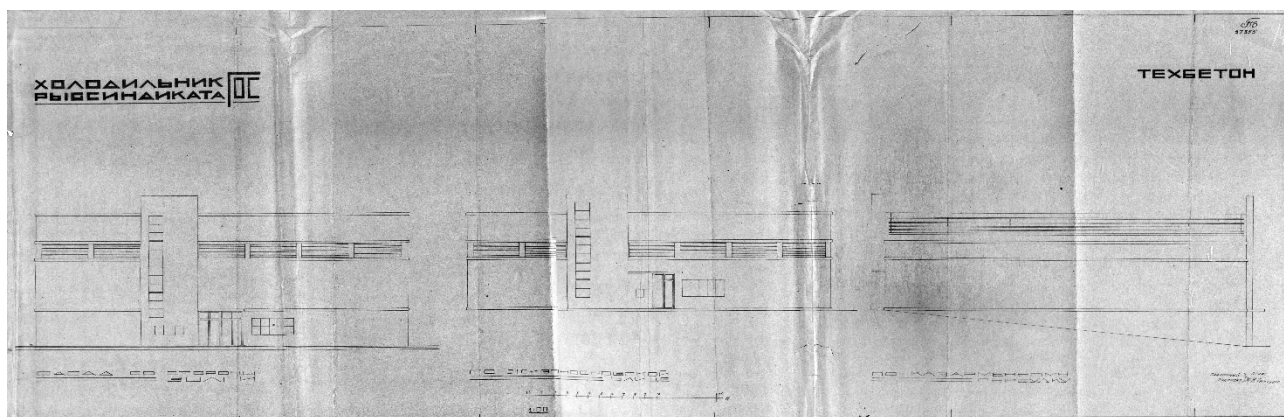
Сокращения

Веркбунд — Художественно-промышленное объединение «Германский производственный союз»
 «Волго-Каспий-лес» — Государственное объединение лесной и деревообрабатывающей промышленности Камского и Нижне-волжского района
 ВСНХ — Высший Совет Народного Хозяйства
 ВХУТЕМАС — Высшие художественно-технические мастерские
 ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
 ГАСО — Государственный архив Свердловской области
 ГЖД — Городская железная дорога
 Госмельница — государственная мельница
 Госрыбпромышленность — государственная рыбная промышленность
 Госрыбсиндикат — Государственный синдикат рыбной промышленности
 Госрыбтрест — Государственный рыбопромышленный трест
 Ж. д. — железная дорога
 ЖСК — Жилищно-строительный кооператив
 Кожтрест — Трест кожевенной промышленности
 Лыноправление 2-е — Вязниково-Муромское объединение государственных льняных фабрик
 МАО — Московское архитектурное общество
 МВТУ — Московское высшее техническое училище
 ЛИГИ — Ленинградский институт гражданских инженеров
 МИГИ — Московский институт гражданских инженеров
 «Москобетон» — Промышленно-кооперативное строительное товарищество (Москва)
 «Мосхимоснова» — Объединение государственных московских заводов основной химической промышленности
 Наркомторг — Народный комиссариат торговли

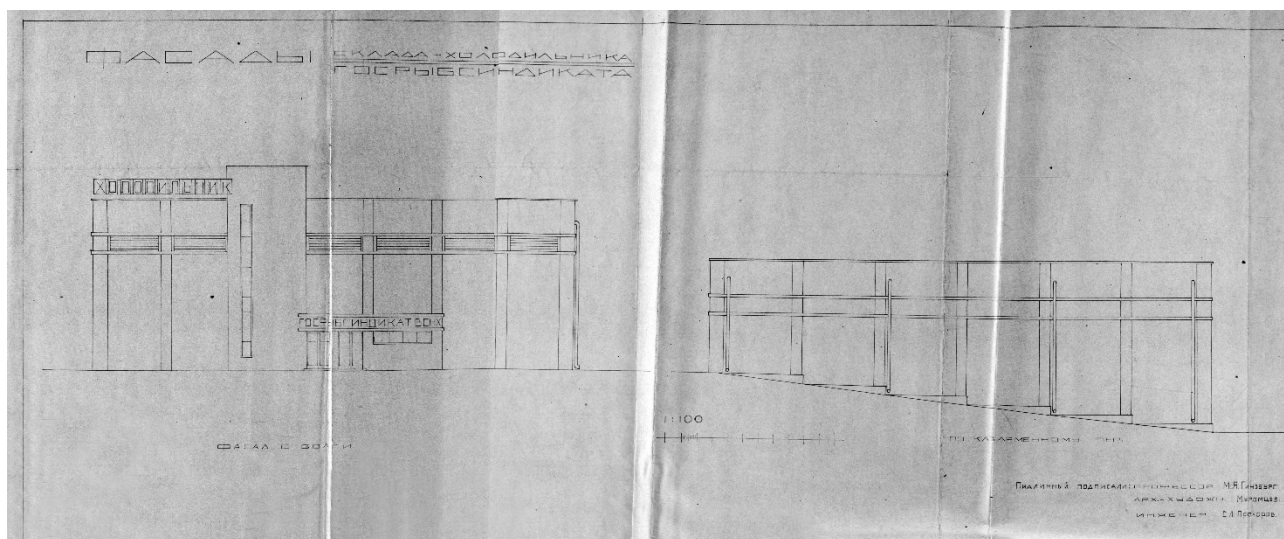
Наркомфин, НКФ — Народный комиссариат финансов
 НКПС — Народный комиссариат путей сообщения
 НК РКИ — Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции
 РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
 ОСА — Объединение современных архитекторов
 Откомхоз — Отдел коммунального хозяйства
 Промбанк — Торгово-промышленный банк СССР
 Росгосстрах — Управление государственного страхования РСФСР
 Санинспектор — санитарный инспектор
 Севгосрыбтрест — Северный государственный рыбопромышленный трест
 «Совкино» — Всероссийское фотокинематографическое акционерное общество «Советское кино»
 Совнарком — Совет народных комиссаров
 «Совпольторг» — Советско-польское акционерное торговое общество
 СССР — Союз Советских Социалистических Республик
 СТО — Совет Труда и Оборона
 Стройком — Строительная комиссия
 Таттекстилькомбинат — Государственное объединение валяльно-обувных, суконных, льняных и прядильно-ткацких фабрик Татарской автономной советской социалистической республики
 «Техбетон» — Промышленно-кооперативное строительное товарищество «Техник-бетонщик»
 Техсовещание — Техническое совещание
 УГИ — Управление губернского инженера
 «Хладоэкспорт» — Акционерное общество по постройке и эксплуатации холодильников экспортного значения
 «Хлебопродукт» — Акционерное общество торговли хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами
 ЦАНО — Центральный архив Нижегородской области
 Центробумтрест — Центральный трест целлюлозной и бумажной промышленности
 «Экспортхлеб» — Акционерное общество для продажи хлебопродуктов за границу
 Электробанк — Акционерный банк по электрификации
 «Электролес» — Лесопильный завод объединения «Волго-Каспий-лес»

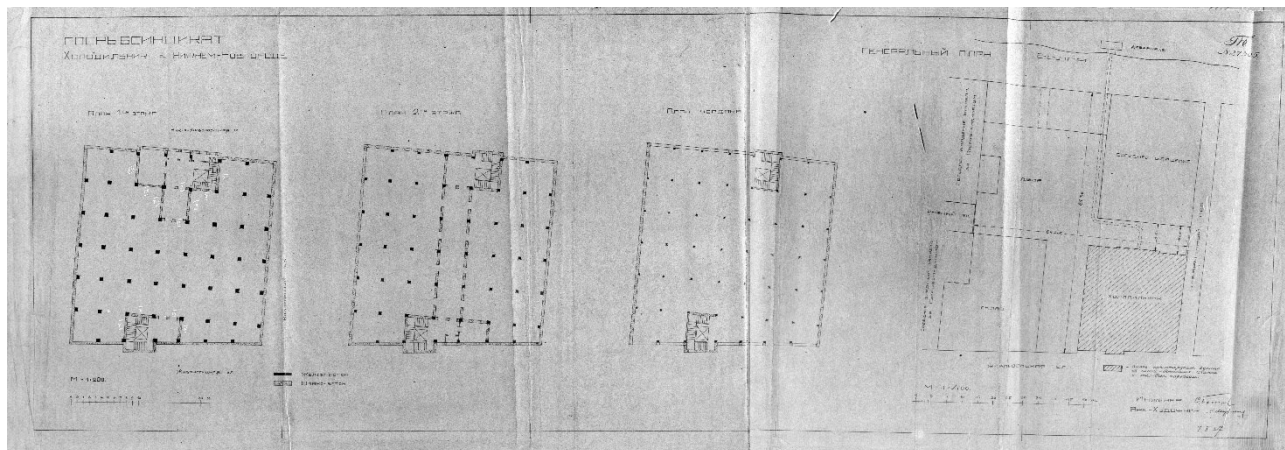
Ил. 1. Проект холодильника Госрыбсиндиката в Нижнем Новгороде. 1927. Перспектива. Аксонометрия. Архитектор М.Я. Гинзбург [ГАРФ, Ф. А-421. Оп. 1. Д. 412. Л. 4].

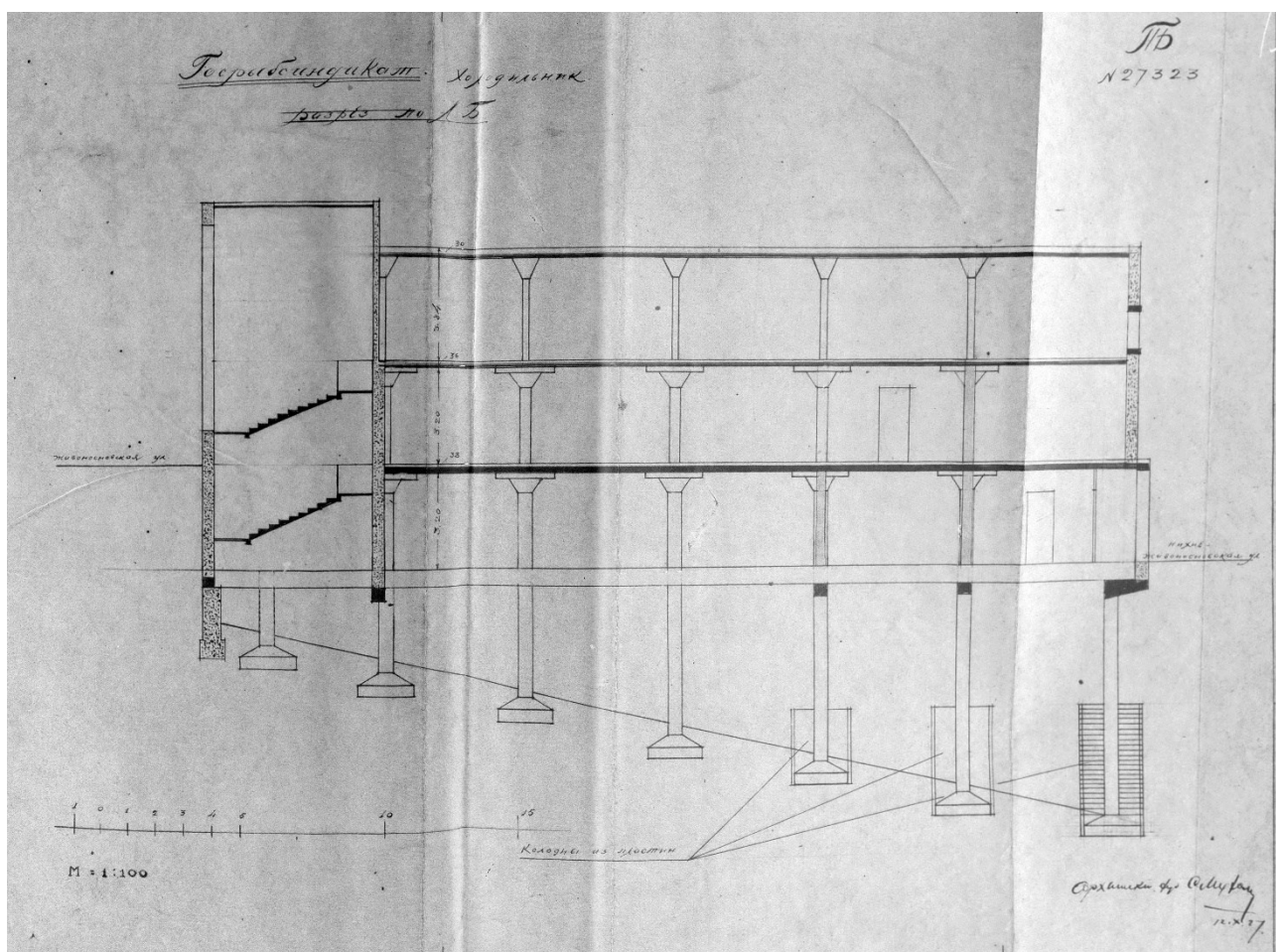
Ил. 2. Проект холодильника Госрыбсиндиката в Нижнем Новгороде. 1927. Фасады. Архитектор М.Я. Гинзбург [ЦАНО, Ф. Р-1679. Оп. 1 (1927 г.). Д. 420. Л. 149].

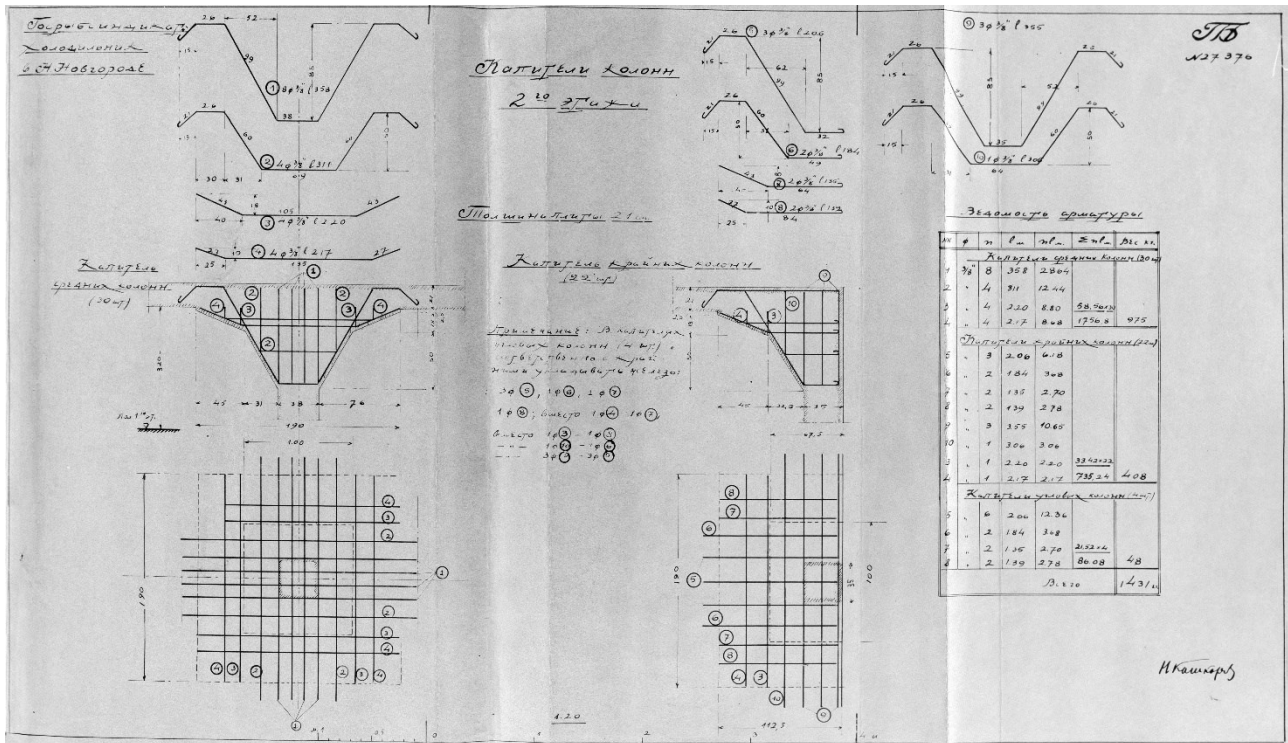
Ил. 3. Проект холодильника Госрыбсиндиката в Нижнем Новгороде. 1927. Фасады (вариант). Архитектор М.Я. Гинзбург, архитектор-художник С.М. Муромцев [ЦАНО, Ф. Р-1679. Оп. 1 (1927 г.). Д. 420. Л. 150].

Ил. 4. Проект холодильника Госрыбсиндиката в Нижнем Новгороде. 1927. Генплан. Планы этажей. Инженер С.Л. Прохоров, архитектор-художник С.М. Муромцев [ЦАНО, Ф. Р-1679. Оп. 1 (1927 г.). Д. 420. Л. 151].

Ил. 5. Проект Холодильника Госрыбсиндиката в Нижнем Новгороде. 1927. «Конструктивный разрез». Архитектор-художник С.М. Муромцев [ЦАНО, Ф. Р-1679. Оп. 1 (1927 г.). Д. 420. Л. 153].

Ил. 6. Проект Холодильника Госрыбсиндиката в Нижнем Новгороде. 1927. Проект капителей средних, крайних и угловых колонн 2-го этажа. Разрезы, планы и профиль арматуры. 1927. Инженер Н.А. Кашкаров [ЦАНО, Ф. Р-1679. Оп. 1 (1927 г.). Д. 420. Л. 159].

Ил. 7. Холодильник Госрыбсиндиката в Нижнем Новгороде. 1927–1928. Общий вид со стороны Волги. Архитекторы М.Я. Гинзбург, С.М. Муромцев, инженеры С.Л. Прохоров, Н.А. Кашкаров и А.А. Поляков. [Фото автора. 2016].

Материал передан в редакцию 26.09.2021

DOI: 10.37909/978-5-89170-287-5-2021-1020
УДК: 72.03

И.С. Келина
Бердский историко-художественный музей
Спортивная,9, г. Бердск, Новосибирская область, 633004
irra@ngs.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7504-9237>

История Бердского Дома отдыха ВЦСПС в фотографиях и документах

Аннотация

Бердск, расположенный в живописном месте, с давних пор имел славу сибирского курортного города и всегда активно использовал свой рекреационный ресурс. Становление Бердска как курортно-оздоровительной зоны происходит в советское время, когда в окрестностях города как грибы возникают санатории, дома отдыха и детские лагеря. Одной из таких здравниц — Бердскому Дому отдыха ВЦСПС, распахнувшему свои двери для отдыхающих в 1925 г., посвящена статья. В научный оборот впервые вводятся документы и фотографии по данной теме из фондов Бердского историко-художественного музея и городского архива.

Ключевые слова: Бердский Дом отдыха, история Бердска, архитектор В.А. Добролюбов

I.S. Kelina
Berdsk Historical and Art museum
Sportivnaya str.9, Berdsk, Novosibirsk region, 633004
irra@ngs.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7504-9237>

The Siberian period of the architect M.V. Reisher's career

Abstract

Berdsk is a town located in a beautiful forest place in Siberia. Long ago it had a fame as a health resort in the Soviet Union. Its resources were needed actively. The Soviet Government took great part in the resort, Holiday home and pioneer camps for children were appeared like (as) mushrooms all through the outskirts of the town. In 1925 Berdsk health resort opened its doors for its guests. Just, this article is dedicated to the health resort called Berdsk «Holiday home of ВЦСПС». Thanks to the Historical Art museum and the town archives the scientists were supplied with documents and pictures for careful study of the past period of life in that place.

Keywords: Berdsk Holiday home of ВЦСПС, the history of the Berdsk town, architect V.A. Dobrolyubov

В 1925 г. в окрестностях Бердска открыл свои двери Бердский Дом отдыха ВЦСПС, на долгое время ставший любимым у сибиряков. Надо сказать, что за Бердском давно закрепились слава места, пребывание в котором, способствовало оздоровлению. Расположенный в живописной речной долине в окружении соснового бора, он во все времена использовал свой богатый рекреационный ресурс. И несмотря на то, что с момента открытия этого учреждения прошло уже почти 100 лет и сегодня от него мало что осталось, «зона оздоровления», как называется эта территория в документах, до сих пор остается у бердчан любимым местом отдыха.

В статье предпринята попытка на основе музейных фотографий и архивных документов вернуть из небытия несуществующие ныне здания и сооружения, забытые фамилии и события, а вместе с ними и атмосферу того далекого времени, когда Бердский Дом отдыха ВЦСПС, являясь старейшим в санаторно-курортной системе Новосибирской области, представлял собой своеобразный

поселок с собственной инфраструктурой, необходимой для жизнедеятельности учреждения и людей, которые там работали и, вместе с тем, расширяя спектр и уровень предлагаемых услуг, пользовался популярностью у сибиряков.

А начиналось все в далекие 1920-ые гг., когда молодое советское государство, разрабатывая правила новой жизни, обратило свой взор на санаторно-курортную отрасль, а именно приступило к созданию совершенно нового типа курорта — советской здравницы, лишённого буржуазных излишеств, главной целью которого было восстановление сил трудящихся для скорейшего возвращения их к работе «здоровыми и бодрыми». А для этого предлагалось, прежде всего, «активно использовать природные климатические факторы: солнце, воздух и воду, безукоризненно выполнять установленный режим» и меньше обращать внимание на комфортность условий. Именно в послереволюционный период начинается бурный рост числа учреждений оздоровительного профиля для тру-

дящихся. На первых этапах советской истории санаторно-курортные организации размещались в национализированных дворцах и усадьбах, но в тех местах, где таковых не имелось, строились с нуля. Так было с Бердском. В 1923–1924 годах по решению Ново-николаевского губисполкома в окрестностях Бердска начал строиться Дом отдыха ВЦСПС. Первых отдыхающих он принял уже 15 мая 1925 года. Сегодня мы навряд ли назовем это Домом отдыха: три небольших бревенчатых корпуса с удобствами на улице, бытовые условия в которых долгое время находились на уровне коммунальных квартир, но для того далекого времени событие было знаковое — начиналась курортно-оздоровительная работа не на юге, а в сибирском крае. Для советского государства эта задача оказалась решаемой.

В 1934 г. на территории Дома отдыха ВЦСПС были построены еще два деревянных одноэтажных корпуса (№4 и №5) на кирпичном фундаменте. Отопление, водопровод и канализация в них отсутствовали.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Дом отдыха ВЦСПС продолжал работу. Имея большое подсобное хозяйство с конным двором, овощехранилищем и огородами, четко выполнял производственный план по заготовке сельскохозяйственной продукции. Весной 1945 г., несмотря на все трудности военного времени, в корпусах Дома отдыха проходил ремонт, их готовили к открытию в связи с чем, согласно приказу директора «до 15 мая 1945 г. устанавливался рабочий день с 8 утра и до 8 вечера». В городском архиве сохранился приказ №243 директора Бердского Дома отдыха ВЦСПС Казина Михаила Петровича от 9 мая 1945 г., в котором установка на большую работу в будущем, оказавшуюся, как покажет история, бердчанам по плечу «...Этот день победы для нас является великой радостью и гордостью и останется на веки в сердце каждого трудящегося. Мы должны дать еще больше энтузиазма, еще больше сил для быстрого прове-

дения посевной кампании, выполнения производственного плана по окончанию ремонта корпусов и подготовки к приему отдыхающих» [Отдел архивной службы Бердска, Ф.10. Оп.1. Д.1. Л.2]. В этот день для всех рабочих Дома отдыха и строителей был организован праздничный завтрак, после которого весь коллектив со знаменами вышел на общий городской митинг.

Большое строительство на территории Бердского Дома отдыха ВЦСПС развернулось в конце 1940-ых–первой половине 1950-ых гг. В 1948 г. началось строительство летнего спального корпуса на 100 коек. В 1949 г. корпус был сдан, что отмечено в приказе №243 по Новосибирскому Межобластному Санкуруправлению ВЦСПС от 26.12.1949 г. «за досрочное выполнение строительства спального корпуса в Бердском Доме отдыха, премировать особо отличившихся рабочих Бердского строительного участка Новосибирстротреста путевками в Бердский Дом отдыха» [Отдел архивной службы Бердска, Ф.10. Оп. 1. Д. 3. Л. 179].

К концу 1940-ых гг. территория Бердского Дома отдыха ВЦСПС представляла собой своеобразный поселок с собственной инфраструктурой, обеспечивающий себя самостоятельно всем необходимым (ил. 1). На его территории находились: столовая на 300 мест, 4 спальных корпуса на 75 мест каждый, 3 спальных корпуса на 45 мест каждый, административный корпус, клуб на 250 мест, прачечная, баня-санпропускник, водоразборная будка №1, предназначенная для поливки ягодников, водоразборная будка №2, предназначенная для обслуживания кузницы-слесарной, столярной мастерской и мелких хозяйственных нужд прилегающих объектов, два 8-ми квартирных жилых дома, автогараж на 5 машин и конюшня на 8 лошадей. С каждым годом увеличивалось количество отдыхающих. Если в 1935 г. в Доме отдыха ВЦСПС отдохнуло 1080 человек, то к концу 1940-х уже больше 2000 человек.

Ил. 1. Бердский Дом отдыха ВЦСПС. Панорамный вид. 1944 г. Из фондов Бердского историко-художественного музея.

Fg.1. Berdsk Holiday home, panoramic view, 1944. From the funds of Berdsk Historical and Art museum.

В 1949 г. КЭО ЗапсибВО Военпроект была составлена смета на строительство каменного двухэтажного здания спального корпуса на 45 человек [Отдел архивной службы города Бердска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7]. По воспоминаниям старожилов, на территории Дома отдыха было два двухэтажных кирпичных корпуса, абсолютно похожих друг на друга. Они выделялись на фоне остальных зданий и сооружений своей монументальностью и декоративностью оформления. На фотографиях, представленных в фондах музея также разные виды этих двух внешне одинаковых зданий. В городском архиве сохранился акт приема в 1951 г. корпуса под номером 2 [Отдел архивной службы города Бердска. Ф. 42. Оп.1. Д. 32. Л. 11–15].

Проект был разработан архитектором Валентином Александровичем Добролюбовым — членом Союза архитекторов СССР, автором и участником проектов многих архитектурно-градостроительных объектов в Новосибирске, в их числе, НГАТОиБ, реконструкция здания Промбанка (1948 г.), проекты ДК им. Ефремова (1952 г.), ДК им. Жданова (1953 г.), ансамбль площади Калинина (конец 1940-х — нач. 1950-х гг.) и многое другое. Проект был утвержден и в марте 1950 г. строительство началось. Случалось, что сами отдыхающие принимали в этом участие. Так в приказе №114 директора Дома отдыха ВЦСПС Анатолия Ивановича Тарабыкина от 25 мая 1951 г. выражена *«искренняя*

благодарность за участие в коммунистическом строительстве труженикам, находящимся на отдыхе в нашем Доме отдыха. Отдыхающие в количестве 12 человек приняли активное участие в следующее:

1. Переноска труб чугунных — 15 т.
2. Фасонина чугунная — 1т.
3. Железо круглое 12 мм. — 0,3 т.»

7 июля 1951 г. спальный корпус был принят государственной комиссией в эксплуатацию (ил. 2,3). Следом за ним на территории Дома отдыха появляются сразу несколько новых объектов. В октябре 1952 г. было начато строительство каменного здания бани-санпропускника на 30 человек. В 1955 г. были построены аэросолярий, эстрада с танцплощадкой, катушка и теннисный корт. Чуть позже была построена библиотека, начальная школа, отремонтированы здания магазина, пищеблока-столовой, параллельно с этим шло строительство четырехквартирного и одноквартирного жилых домов, двух скважин на питьевую воду, водопровода, насосной станции и водонапорной башни. По воспоминаниям старожила Бердска Ирины Васильевны Полинской, которая в 1953 г. отдыхала в Доме отдыха, территория его была ухоженная, с большим количеством цветов, летом на танцплощадке проходили выступления творческих коллективов, играл духовой оркестр. Множество мероприятий проводилось на открытом воздухе, как летом, так и зимой.

Ил. 2. Строители корпуса Бердского Дома отдыха ВЦСПС. 09.07.1951 г. Из фондов Бердского историко-художественного музея.

Fg 2. Builders of one of blocks in Berdsk Holiday home 09.07.1951. From the funds of Berdsk Historical and Art museum.

В то время, когда зона Дома отдыха активно застраивалась и развивалась, совершенно другие процессы происходили в находящемся недалеко Бердске — город готовился к переносу на новое место в связи со строительством Новосибирской ГЭС и затоплением территории. Несмотря на то, что большая часть зданий и строений Дома отдыха не попадала в зону затопления, кое-что он все-таки потерял. Согласно карточке, заполненной сотрудником Ленгидэпа, это была деревянная баня с сенами и уборной [Отдел архивной службы города Бердска [Ф.24. Оп.1. Д.89–90]]. Кроме того, в полосу берегообрушения попадали следующие

объекты: кирпичное здание водонасосной станции со скважиной, водонапорная башня кирпичная высотой 25 метров, подземный резервуар для чистой воды емкостью 150 кубических метров и одноэтажный спальный корпус на 70 человек [Отдел архивной службы города Бердска. Ф. 10. Оп.1. Д.40. Л.174]. В 1958 г. вышеперечисленные объекты с большими сложностями, связанными с привязкой к новой местности, для чего потребовалось бурение новой скважины, все же были перенесены и введены в эксплуатацию. С образованием Обского водохранилища к услугам отдыхающих добавились море и пляж.

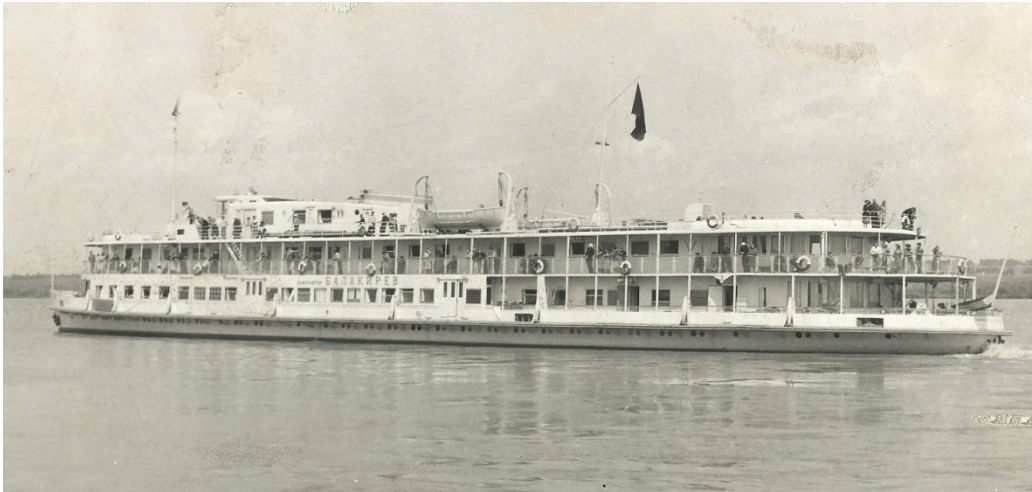

Ил. 3. Корпус №2. Бердский Дом отдыха ВЦСПС. 1950-ые гг. Из фондов Бердского историко-художественного музея.

Fg 3. Fg.3. The block №2 Berdsk Holiday home. 1950. From funds of Berdsk Historical Art museum.

В 1960 г. Бердский Дом отдыха ВЦСПС предложил своим гостям новую услугу — отдых на плавучем доме отдыха (ил. 4). В 1959 г. в Новосибирск из Чехословакии были доставлены два дизель-электрохода «Композитор Балакирев» и «Композитор Алябьев», на одном из них — «Композитор Балакирев» было принято решение организовать плавучий дом отдыха, как филиал Бердского Дома отдыха. Круиз на двухпалубном судне был достаточно комфортабельным, к услугам отдыхающих предлагались: два музыкальных салона, два ресторана, каюты, оснащенные удобной мебелью, вентиляторами, умывальниками с горячей и холодной водой (в каютах 1 и 2 класса). Кроме этого, имелись парикмахерская, механическая прачечная с гладильной машиной, амбулатория, комната матери и ребенка. По последнему слову техники был оснащен и камбуз судна, блюда из которого подавались в ресторан с помощью лифта. Всего на судне было 259 спальных

мест [<http://nsk-kraeved.ru>]. В свой первый рейс с отдыхающими «Композитор Балакирев» отправился в мае 1960 г. из Новосибирска по маршруту «Новосибирск–Камень-на-Оби–Новосибирск–Колпашево–Томск–Новосибирск». Продолжительность рейса 12 дней. 3 октября 1960 г. «Композитор Балакирев» завершил последний рейс в навигацию с рабочими Бердского радиозавода. В газете «Ленинский путь» №128 от 16 октября 1960 г. в статье «По Обскому морю» восторженные отзывы радиозаводчан-участников однодневной прогулки на плавучем Доме отдыха: «Мне 52 года. Всякое было в моей жизни, но то, что я увидела сегодня, запомнится на всю жизнь. Прекрасные купе и салон, хорошее питание, танцы под звуки эстрадного оркестра». За сезон на судне отдохнуло более 2600 человек. Неизвестно, сколько раз судно выходило в статусе плавучего Дома отдыха, по некоторым сведениям в 1965 г. оно было передано в Омск.

Ил. 4. 4. Плавающий Дом отдыха на дизель-электроходе «Композитор Балакирев». Обь. Июнь 1960 г. Из фондов Каменского краеведческого музея. Автор А. Бобровский. <http://fleetphoto.ru>

Fig 4. A floating diesel – electro fast ship «composer Belakirev» with a Holiday home on board. The river Ob. June 1960. From the funds of Kamensky Museum. Author A. Bobrovsky. <http://fleetphoto.ru>

На основании приказа №9 Новосибирского территориального совета по управлению курортами профсоюзов от 31.01.1987 г. Бердский Дом отдыха был переименован в пансионат с лечением «Бердский», который в 1989 г. был реорганизован в санаторий «Бердский» (приказ №74 Новосибирского территориального совета по управлению курортами профсоюзов от 01.01.1989 г.).

В начале 1990-ых гг. в развитии здравницы наступает новый, очень непростой этап, преодолеть который, несмотря на большой опыт решения всякого рода проблем, не удалось. Виной тому — общая экономическая и политическая обстановка в стране. Новые социально-экономические условия, в которых оказался санаторий, дали с одной стороны большую экономическую и организационную свободу, с другой — способствовали сокращению государственного финансирования, без

которого функционирование такой сложной системы жизнедеятельности учреждения, создаваемой десятилетиями, оказалось под вопросом. В конце 1990-ых гг. происходит чехарда со сменой статуса санатория, который входит в состав АОЗТ «Санаторная корпорация «Новосибирск» Новосибирского санаторно-курортного объединения профсоюзов. Все это происходит на фоне ухудшения материальной и лечебной базы, износа фондов. В конце концов, в марте 2004 г. ЗАО «Бердский Дом отдыха (таковым он стал в 2002 г.) был продан частной фирме и прекратил свое существование. Большинство зданий и сооружений, расположенных на его территории, были снесены, а на их месте появились жилые дома, развлекательный центр и отели (ил. 5). Так накануне 80-летия с момента открытия закончилась история старейшей здравницы Новосибирской области.

Ил. 5. Руины Бердского Дома отдыха. 2013 г. Из фондов Бердского историко-художественного музея

Fig. 5. Ruins of Berdsk Holiday home. 2013. From the funds of Berdsk Historical and Art museum

Очень часто, говоря о вековой истории Бердска, мы сетуем на то, что мало сохранилось в Бердске новом от Бердска старого и находим объяснение в том, что город попадал в зону затопления, строилась Новосибирская ГЭС и многие жертвы были оправданы. История с Бердским Домом отдыха говорит о другом: не тронутый водами Обского моря, его накрыло с головой волной лихолетья 1990-ых, спасение учреждения было затратным для государства и государство было уже другим.

Сегодня только музейные фотографии и архивные документы свидетельствуют о масштабе проделанной работы, о трудностях и радостях, о потерях и приобретениях Бердского Дома отдыха и людей, связавших с ним свою жизнь. А в памяти старожилов он навсегда останется местом отдыха души и тела в окружении векового соснового бора на берегу сибирской реки.

Список источников

53. Отдел архивной службы города Бердска. Ф.10. Оп.1. Д.1,3,4,5,7,40.

54. Отдел архивной службы города Бердска. Ф.42. Оп.1. Д.32.

55. Отдел архивной службы города Бердска. Ф.24. Оп.1. Д.89-90.

56. Бердский историко-художественный музей. Архив А.И. Тарабыкина.

57. Газета «Ленинский путь» №128 от 16 октября 1960 г.

58. Дизель-электроходы «Композитор Алябьев» и «Композитор Балакирев». <http://nsk-kraeved.ru>

Материал передан в редакцию 28.05.2021

DOI: 10.37909/978-5-89170-287-5-2021-1021

УДК: 72.01

А.Е. Сорокин
МАУК «Новокузнецкий краеведческий музей»
пр. Пионерский, 24, г. Новокузнецк, Кемеровская об-
ласть — Кузбасс, 654027
al.soc.sorokin@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3324-1818>

Архитектура постконструктивизма в Новокузнецке

Аннотация

Статья посвящена изучению архитектуры «переходного периода» Новокузнецка в 1930-е гг. Рассмотрены этапы формирования городского пространства в довоенный период. На основе архивных материалов и имеющихся публикаций рассмотрены первые проекты рабочего поселения при строящемся Кузнецком металлургическом комбинате и содержание градостроительных дискуссий по поводу утверждения генерального плана Новокузнецка. На примере города прослежены особенности трансформации градостроительных подходов 1930-х гг. Рассмотрены особенности реконструкций административных и общественных зданий, выстроенных в стиле конструктивизма. Освещена история постконструктивистского строительства общественных и жилых зданий, выявлены характерные черты стиля. Рассмотрены локальные особенности становления и развития архитектуры переходного периода в городе Новокузнецке.

Ключевые слова: постконструктивизм, советский город, архитектура Новокузнецка

A.E. Sorokin
MAUK "Novokuznetsk Museum of Local Lore"
Pionersky Ave., 24, Novokuznetsk, Kemerovo Region —
Kuzbass, 654027
al.soc.sorokin@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3324-1818>

Postconstructivist architecture in Novokuznetsk

Abstract

The article is devoted to the study of the architecture of the "transition period" of Novokuznetsk in the 1930s. The stages of the formation of urban space in the pre-war period are considered. On the basis of archival materials and available publications, the first projects of a working settlement at the Kuznetsk Metallurgical Combine under construction and the content of urban planning discussions regarding the approval of the general plan of Novokuznetsk are considered. On the example of the city, the features of the transformation of urban planning approaches of the 1930s are traced. The features of the reconstruction of administrative and public buildings, built in the style of constructivism, are considered. The history of the post-constructivist construction of public and residential buildings is highlighted, the characteristic features of the style are revealed. The local features of the formation and development of the architecture of the transition period in the city of Novokuznetsk are considered.

Keywords: postconstructivism, Soviet city, architecture of Novokuznetsk

Введение. Период 1920–1930-х гг. в Советском Союзе характеризуется значительными социальными, политическими, экономическими и культурными трансформациями. Все эти процессы не прошли бесследно, оказав значительное влияние на все сферы общественной жизни — от промышленности и градостроительства до художественной и повседневной жизни.

В рамках нашей темы остановимся подробнее на специфике трансформации ар-

хитектуры в 1930-е гг. — в период, ставший для города Сталинска (сегодня — Новокузнецка), решающим, когда при Кузнецком металлургическом комбинате (КМК) рос социалистический город, город нового типа. Градостроительная и жилищная политика той поры predetermined вектор развития города. Довоенные промышленные объекты, образцы архитектуры и особенности планировки и сегодня во многом predetermined специфику городского пространства.

Полученные результаты и их обсуждение. Стремительный рывок отечественной промышленности во время Первой пятилетки (1928–1932), как отмечается исследователями, повлек за собой социальный кризис — «оптимизм и подъем общества в первые послереволюционные годы, готовность мириться с лишениями и голодом во имя идеи давно сменились опустошенностью» [Селиванова, 2020, с. 20]. Именно в этот период начинается трансформация жизни советского человека с попытками построения уравновешенного, благополучного быта, с созданием комфортных условий для проживания.

Первый проект поселения при строящемся с лета 1929 г. КМК был составлен еще в 1928 г. инженерами-проектировщиками Гипромеза. Численность поселка, исходя из проектной мощности металлургического производства, оценивалась в 25 тысяч человек. Проект Гипромеза предполагал строительство поселка коттеджного типа преимущественно с одноэтажными домами и усадьбами, с обилием зеленых насаждений. На первых этапах строительства комбината (к осени 1929 г.) предложенный Гипромезом проект поселка был отвергнут. Президиум крайисполкома, согласно постановлению от 2 октября 1929 г. поручает планировку «Нового Кузнецка» самому Кузнецкстрою. К предварительной разработке проекта, используя уже имеющиеся наработки Гипромеза, приступает технический отдел Кузнецкстрою; с другой стороны, московское представительство Кузнецкстрою обращается к Государственной технической конторе по проектированию новых фабрик и заводов «Госпроект» для выполнения этой организацией работ по проектированию поселка при строящемся заводе. В это же время предлагается расширить территорию будущего поселка с увеличением населения до 100 тысяч [Лизогуб, 2020, с. 133]. Весной 1930 г. были подведены итоги объявленного «Госпроектом» конкурса, победителем которого оказался проект братьев Л.А. и А.А. Весниных. Подведение итогов конкурса совпадает с постепенным отказом от идеи полного обобществления быта советских рабочих, что сделало проект Весниных, предполагающий внедрения домов-комунн как основополагающего принципа социалистического города [Веснин, Веснин, 1930, с. 7–8], не отвечающим новым условиям. Так в 1931 г. рапортовалось о том, что «часть зданий в новом городе строится по типу обобществленного жилья – общежития и дома-коммуны. <...> Задача нового строительства — вовлечь возможно большее количество населения в производительный труд. Для этого надо прежде всего освободить от домашнего хозяйства женщину, облегчить ей уход и надзор за детьми» [Хренов, 1931, с.

37]. К середине 1930-х данная риторика сменяется отказом от подобных тенденций, как «не отвечающим современности», рассчитанным «на полное обобществление быта строительством домов-комунн» [НКМ. НФ-Д. Оп.1. Р. 6. Д. 18. Л. 191–192].

Отсутствие проекта будущего города с одной стороны и уже заявивший о себе к 1930 г. жилищный кризис на площадке Кузнецкстрою приводят к тому, что летом 1930 г. по чертежам «Госпроекта» закладываются фундаменты первых десяти четырехэтажных каменных домов (современная ул. Энтузиастов), ставших отправной точкой для формирующегося соцгорода и во многом предопределивших привязку к территории. От первых десяти капитальных зданий, выстроенных в соответствии принятого концептуального плана, были вынуждены отталкиваться градостроители в дальнейшем. Так в своих воспоминаниях Э. Май, приступивший к работе в Новокузнецке в 1931 г., отметит, что его группе при выборе места для будущего жилмассива пришлось отталкиваться от места строительства первых 10 каменных домов Госпроекта: «Мы стремились использовать эти дома, причем старались, чтобы при этом не чувствовалось, что это отдельные дома...» [Цит. по: Конышева, 2017, с. 257]. В 1931–1935 гг. на территории Новокузнецка ведется масштабное капитальное строительство жилых кварталов по маевским проектам, представленных трех- и четырехэтажными жилыми зданиями. Э. Маев был применен принцип «строчной» застройки, выразившийся в расположении домов перпендикулярно улицам, с пешеходными путями вдоль фасадов домов. Помимо жилых зданий, по проектам архитектор из группы Э. Мая в первой половине 1930-х в городе возводятся и ряд образовательных учреждений — здания школ № 8 и № 12 (арх. В. Шютте) и дошкольных учреждений — ясли и детский сад (арх. М. Шютте-Лихоцки). Таким образом, к середине 1930-х гг. капитальная жилая застройка соцгорода была представлена зданиями по проектам бригады Э. Мая, а также десятью первыми каменными домами по чертежам Госпроекта.

Наряду со строительством жилых домов, в первой половине 1930-х гг. в Новокузнецке выстраивается ряд административных и общественных зданий в стиле конструктивизма: здание заводоуправления КМК (арх. А.Д. Крячков, 1929–1931 гг.), здание ФЗУ (арх. Б.В. Данчич, 1930–1931 гг.), кинотеатр «Коммунар» (Моспроект, 1932–1933 гг.), театр металлургов (арх. Г. Коссель, 1933 г.), баня № 6 (1933), столовая для ИТР (1933), школа № 2 (1933–1934 гг.), поликлиника №

3 (1933–1934 г.), пожарная часть (арх. Горбачевский, 1934–1936 г.), здание Сибирского металлургического института (СМИ) (Госпроект, 1933–1938 г.).

Конструктивистские подходы в архитектуре в «переломный» период начала 1930-х гг. подвергаются значительному пересмотру. К 1933 г. можно говорить о следующих ключевых для истории советской архитектуры событиях: конкурс проектов на Дворец Советов, запрет деятельности творческих архитектурных группировок, дискуссия о социалистическом расселении, образование Союза советских архитекторов. Именно в этот период в идеологию советского градостроения постепенно проникают элементы монументальной патетики, оказавшие прямое влияние на модернизацию доминирующего архитектурного стиля, предопределившей концепцию «города-ансамбля». В архитектуре акцент смещается с «потребительского равенства» на идейно-художественные мотивы и ранжированный комфорт. Данный переходный этап рассматривается исследователями как постконструктивизм. Творческие поиски в этом направлении вел и И.А. Голосов, о чем он пишет в 1935 г. в журнале «Архитектура СССР»: «В данное время ищю возможности работы на основе принципов классической архитектуры, но без применения специфических классических ордеров и деталей...» [Голосов, 1935, с. 51].

Применительно к Новокузнецку отметим, что в этот период начинается активная разработка генерального плана города, подготовленного в 1934 г. Мастерской № 2 Горстройпроекта (руководитель И.С. Гуревич) и утвержденного в качестве первого генплана Сталинска 22 июня 1936 г. (над оформлением проекта планировки работали и Х. Лейстикова — бывший член группы Э. Мая). Группой столичных архитекторов (среди которых Г.М. Мапу, Г.Я. Чалтыкьян, Л.Б. Каток, Л.М. Букалова, А.С. Смолицкий и др.) были подготовлены проекты планировок и проекты отдельных жилых и общественных зданий.

Уже с начала 1933 г. на страницах советских изданий, в том числе и в городской прессе Сталинска, появляется множество критических статей по отношению к маевскому проекту. Выступления отечественных градостроителей носили на первом этапе лишь профессиональный характер, но со временем критика переходит в исключительно идеологическую плоскость. Отметим, что скептическое отношение к проектам Э. Мая высказывалось еще на этапах их обсуждения, в конце 1930 г.: «Проект [группы арх. Мая] дает слишком сухую, жесткую и однообразную трактовку плана, приобретающего от этого казарменный вид... Несмот-

ря на наличие в группе ряда талантливых проектировщиков... [их работа] выразилась все же в форме, ничем не отличающейся от города чисто капиталистического, стремящегося сконцентрировать жилье в ущерб здоровым нормам населения» [РГАЭ, Ф. 9028. Оп. 1. Д. 15. Л. 16].

На этапах обсуждения генплана города в начале 1934 г. отказ от строчной застройки носил сперва скорее рекомендательный характер: «Отказ от строчной застройки, как *правило* (*курсив наш* — А.С.), признать правильным» [ГАРФ, Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7878. Л. 65]. Со временем принимается решение (отчасти реализованное в 1930-е, отчасти — в послевоенный период) о «скрытии» строчной застройки Э. Мая. В программной статье «План Сталинска», опубликованной в 1936 г. в журнале «Архитектура СССР», Л.М. Букалова и А.С. Смолицкий отмечают, что построенные по проектам Э. Мая жилые кварталы, «составляющие довольно большой район унылой строчной застройки», нуждаются в проекте перепланировки и частичной «реконструкции выстроенных ранее кварталов строчной застройки, с целью изменения характера застройки хотя бы по внешнему периметру проездов и улиц» [Букалова, Смолицкий, 1936, с. 42–43]. В 1958 г. П.И. Отурин (на тот момент главный архитектор Сталинска) отмечал, что кварталы со строчными домами пришлось закрыть периметральной застройкой «не только с точки зрения эстетической», но также «из-за плохих условий жизни трудящихся», так как «по нашим условиям большой продуваемости есть необходимость иметь такую периметральную застройку» [Цит. по: Духанов, 2016, с. 61].

Новый монументальный подход генплана города повышал этажность городской застройки. В 1931 г. Э. Май отстаивал для Новокузнецка приоритет трехэтажного строительства над двухэтажным [РГАЭ, Ф. 4372. Оп. 29. Д. 1070. Л. 130]. Согласно генеральному плану 1936 г. «...высота застройки [устанавливается] в 4–5 этажей с допущением более повышенной этажности в отдельных узлах города и на площадях» [ГАРФ, Ф. 5446. Оп. 18. Д. 132].

В рамках набирающей обороты «борьбы с уравниловкой в архитектуре» конструктивистские и функционалистские тенденции ранней советской архитектуры окончательно отступают перед новой монументальной патетикой. Именно тогда в Сталинске намечается формирование основных улиц и проспектов города, проектирование нового общественного центра города — Центральной площади (сегодня — Театральная) на пере-

сечении пр. Metallургов и ул. Кирова. [ГАРФ, Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7878. Л. 66].

К проектированию нового административного центра Сталинска (взамен существующей площади Побед перед КМК) приступили еще в 1934 г., когда архитектурной мастерской № 4 Моссовета было поручено проектирование зданий Дома Советов и гостиницы для г. Сталинска (арх. И.А. Голосов, В.М. Кусаков, А.Т. Капустина) [Работы архитектурных мастерских, 1936, с. 22–26]. Постконструктивистский подход («простые и вместе с тем сильные выразительные формы», «спокойный ритм лоджий») и был реализован при подготовке проектов – «вынесенный на площадь центральный объем» и обработка центрального входа «пилонами, несущими на фронтоне скульптурную группу» [Кусаков, 1935, с. 35–36].

Проектированию и подготовке к строительным работам Дворца Советов в самом Сталинске, осмысляемому в качестве главного символа новой монументальной архитектуры, уделялось большое внимание. В апреле 1934 г. новокузнецкий архитектор Н.В. Фризель командирован в Москву для заключения договора с 4-й Архитектурной мастерской Моссовета по техническому составлению проекта дома Советов и его рабочих чертежей [НФ ГАКО, Р-1. Оп. 1. Д. 67. Л. 55]. Тогда же приступают к подготовке площадки под строительство Дома советов [НФ ГАКО, Р-1. Оп. 1. Д. 67. Л. 56], в рамках которой был снесен первый деревянный клуб металлургов, располагавшийся в то время на проектируемой Центральной площади, а в город прибывает архитектор В.М. Кусаков (один из авторов проекта Дома советов) [НФ ГАКО, Р-1. Оп. 1. Д. 67. Л. 122–123]. В июле 1934 г. городская газета рапортовала об утверждении проекта Дома советов. Пресса Сталинска публикует проекты будущей площади Дома советов. В конце июля 1934 г. в городе была организована дискуссия по вопросам застройки и архитектурного оформления кварталов соцгорода (Дом советов, клуб металлургов, гостиница, жилой дом для ИТР). На дискуссию приглашались не только архитекторы и строители города, но и «все интересующиеся вопросом архитектурного оформления города».

Здание Дворца Советов в Сталинске так и не было построено, но приступить к активным строительным работам планировалось вплоть до 1939 г. [Громов, 1939, с. 75–76]. Летом 1938 г. город активно включился в строительство Дворца Советов в Москве. Рельсобалочный цех КМК по заказу Главного управления металлургической промышленности прокатал 6000 тонн уголка для Дворца Советов. В 1939 г. КМК продолжил

прокат металла для строительства московского Дворца Советов. На долю КМК приходилось до 25% необходимого в 1939 г. для строительства металла.

Помимо нереализованных проектов Дома Советов и здания гостиницы на Центральной площади Сталинска, имя И.А. Голосова связано с архитектурой Новокузнецка в связи с самым большим в городе ансамблем жилых постконструктивистских зданий, построенных в 1935–1942 гг. на ул. Кирова (дома № 3, 5, 7 и 25). Стоит констатировать, что на данном этапе документальным подтверждением, указывающим на И.А. Голосова как на автора проектов этих зданий, мы не располагаем, но ряд работ 1950-х гг., посвященных истории новокузнецкой архитектуры приписывает авторство постконструктивистского ансамбля на ул. Кирова именно Голосову [Светличный, Габелко, 1954, с. 32–33; Светличный, Отурин, 1958, с. 16; НКМ. НФ-Д. Оп.1. Р. 6. Д. 173]. Пяти- и шестиэтажные в проекте здания, именуемые в 1930-е гг. как «дома-гиганты» являются яркими памятниками постконструктивизма (при строительстве дома по ул. Кирова, 5 из-за особенностей грунта решено было отказаться от постройки здания в пять этажей и оно стало четырехэтажным [Балевский, 2008, с. 2]). Масштабные симметричные фасады, смещенные относительно друг друга корпусы каждого из зданий, выделение лестниц сплошным вертикальным остеклением, ленточные балконы, два из четырех зданий поставлены на приподнятый над тротуаром стилобат, первые этажи оформлены рустом. При сохранении лаконичности оформления и строгости объемов, здания обрели уже постконструктивистскую монументальность, образовав единый ансамбль по одной из сторон ул. Кирова. Показательно и то, что первые этажи зданий сразу были заняты торговыми помещениями (ювелирный, книжный магазины, аптека, магазин Союзтекстильшвейторга).

На преимущества данных зданий в 1939 г. указывал главный архитектор Сталинска Василий Петрович Громов, в то же время отмечая и их «переходное» значение: «Это уже не дома-коробки, как у Мая. Они в известной степени архитектурно оформлены, и каждый имеет свой облик. Но это еще только первые шаги к настоящей архитектуре, к зданиям, радующим глаз, рождающим у нас эстетическое чувство прекрасного. Перед сегодняшними строителями города Сталинска стоит задача сооружения именно таких зданий, несложных в работе и совершенных по своему содержанию и форме» [Громов, 1939, с. 76].

Привлечение широких масс трудящихся к обсуждению архитектурно-планировочных проектов является одной из особенностей рассматриваемого периода. Этим, по замечанию А.Н. Селивановой, целенаправленно уничтожалась «кастовая» элитарная замкнутость «архитектурного сообщества, открывая его для руководства сверху (партией) и воздействия снизу (пролетариата)» [Селиванов, 2020, с. 58]. Так главный архитектурный журнал СССР публикует в 1934 г. мнения рабочих о качестве советской архитектуры [Рабочий счет архитектору, 1934, с. 16–17]. Применительно к Новокузнецку отметим влияние (пусть и опосредованное) широких масс трудящихся на формируемый архитектурный облик города. Обратимся к воспоминаниям архитектора Герхарда Косселя (1909–2003), изданных в 1989 г. в Берлине. Г. Коссель в 1932–1936 гг. работал на Кузнецкстрое в должности инженера строительства соцгорода. По его проекту в 1933 г. в городе было построено здание драматического театра, выполненное в конструктивистском стиле, к 1935 г. по проектам Косселя завершается строительство двух корпусов общежития металлургов с переходом-столовой и первым городским универсамом на первом этаже (близ проектируемой Центральной площади с Домом советов). По проекту архитектора Косселя заканчивается к 1939 г. строительство Дома связи (почтамт на пр. Металлургов, 21; проект 1934 г.), выполненном уже в постконструктивистском стиле. Г. Коссель принимал участие и в проектировании «на месте» дворца культуры металлургов, разработанному архитекторами Мастерской № 2 Горстройпроекта Уманским и Петровской в рамках реализации генплана Сталинска. О трансформации проекта здания клуба в Новокузнецке немецкий зодчий вспоминает: *«Новый этап «социалистического строительства» был начат в Новокузнецке со строительства Клуба металлургов... В Германии на основе этого проекта при применении высококачественных материалов и безукоризненном выполнении строительных работ было бы построено приличное здание в стиле «Баухауза». В Новокузнецке, при имеющихся в то время условиях, такой результат не мог быть достигнут. Получилось бы здание, вызывающее представление о большом сарае, а не представление о Клубе металлургов... Первые эскизы мы обсуждали с рабочими домен и сталелитейного завода. Для большинства наших собеседников было нелегко четко выразить свое мнение. Мы, однако, поняли, какое значение имело для рабочих получить собственный клуб со светлыми, теплыми помещениями для учебы, с большим читальным залом, с маленькой сценой и спортивным залом. По правилам классической архитектуры*

здание получило цоколь из каменных блоков. Фасад был расчленен пилястрами и заканчивался карнизом. Вход был отмечен пристройкой на колоннах. Несмотря на более сложное оформление фасадов, штукатурные работы были выполнены в лучшем, чем обычно, качестве» [Цит. по: Лизогуб, 2017, с. 52–53].

Ровесник и коллега Г. Косселя по проектированию клуба металлургов «на месте», новокузнецкий архитектор Г.П. Шкрядо (1908–2000), не оценивший потенциала привезенного в Новокузнецк проекта, в своих воспоминаниях отмечал: *«Дворец культуры запроектировали два московских архитектора, тогда модный стиль был, что называется «балка-палка и стекло» — по Корбюзье — никакой архитектуры — голая стена. Вот такой клуб и был запроектирован на три этажа»* [НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р. 3. Д. 72. Л. 2].

В целом, здание клуба металлургов, проектируемое изначально в связке с театром, было выстроено к 1936 г. автономно, без перехода и левого (северного) театрального объема. Здание все еще тяготеет к конструктивистскому канону: угадывается функционал представленных в простых геометрических формах дополнительных объемов — двухэтажный спортивный зал и круглый в плане двухступенчатый объем читального зала библиотеки с западного торца. На торцевом и заднем фасаде сплошное вертикальное остекление лестничных клеток, выделенных ризалитами. Наряду с этим, ленточные балконы по всему периметру второго этажа оформлены кессонированным поясом, а главный вход во Дворец со стороны площади выделен мощным открытым сверху портиком на шести четырехгранных столбах. Высокий аттик по периметру декорирован 114-ю барельефами. Таким образом, конструктивистская строгость здания дополнена включением в общую композицию неоклассических элементов. Отдельного внимания заслуживают и интерьеры клуба. Накануне открытия (в ноябре 1936 г.) городская газета сообщала: *«Заканчиваются отделочные работы в клубе металлургов. Для клуба закуплено в Москве различное оборудование... Получены 26 персидских ковров, дорожек. Прибыли большие репродукции с картин». «Читальный зал, вестибюль, лестницы отделяются искусственным мрамором... Комната отдыха, читальный зал отделяются под красное дерево. Паркетный пол готов, сейчас его отделяют. Здание фасада клуба облицовывается диким камнем... Перед зданием клуба разбивается новый сквер, цветник, устанавливается фонтан».*

Плеяда новокузнецких зодчих, по проектам которых во второй половине 1930-х гг. в

городе возводятся общественные и административные здания в русле первых попыток освоения классического наследия, была представлена молодыми специалистами. Творческий путь архитекторов города начинался во время отказа от авангардистских тенденций, в эпоху расцвета постконструктивизма. В городе не было и не могло быть своей школы. Все конструктивистские проекты первой половины 1930-х гг. приходили на строительную площадку, как правило, «из центра».

Первый главный архитектор Новокузнецка Н.В. Фризель (1893–1938) в 1930 г. окончил инженерно-строительный факультет Томского технологического института и работал заместителем заведующего строительного отдела Кузнецкстроя. Руководил проектными работами на стройплощадке КМК. Автор проекта планировок для барачного поселка Нижней колонии и проекта благоустройства и архитектурного оформления КМК. 14 февраля 1934 г. назначается главным архитектором г. Сталинска (формально с 1 сентября 1933 г.) [НФ ГАКО, Р-1. Оп. 1. Д. 66. Л. 77]. Отметим, что появление в городах должности главных архитекторов города, следя за созданием Союза советских архитекторов, и, соответственно, прекращение своего независимого существования отдельных группировок авангарда, позволяет говорить о формально-бюрократической стороне унификации градостроительных подходов. Осенью 1936 г. Н.В. Фризель переезжает в Новосибирск, где преподает в Новосибирском инженерно-строительном институте.

Автор большого неоклассического ансамбля в северной части пр. Metallургов уже второй половины 1940-х гг., новокузнецкий архитектор Н.А. Бровкин (1901–1981), приступил к активной работе в качестве архитектора в проектно-бюро при Управлении капитального строительства КМК в 1936 г., что отмечал в своих воспоминаниях: «В 1934 г. несколько техников-строителей — Симонов, Попов и я — поступили на учебу в Новосибирский инженерно-строительный институт. Как техников нас приняли на третий курс... В 1936 г. по окончании института я вернулся в Новокузнецк» [НФ ГАКО, Р-137. Оп. 1. Д. 38. Л. 2]. В довоенный период по проекту Н.А. Бровкин в Новокузнецке построено здание магазина гастронома с рестораном «Москва» (совместно с Д.Н. Симоновым и А.Р. Поповым, 1937–1938 гг.). Ресторан с гастрономом в Сталинске стал очередным примером постконструктивистской архитектуры еще с отказом от использования классических ордеров, но уже с классическим декором. Наряду с асимметричностью и простотой формирования объемов, здание украшено полуколоннами, завершенными вазона-

ми на подкарнизной части фасада. В отличие от фасада, более уверенный шаг к классическому антуражу выполнен силами скульптурной мастерской Сталинска, работавшей в 1937 г. над оформлением интерьеров для залов гастронома и ресторана.

Н.А. Бровкин фигурирует и как автор проекта Дома ударника на пр. Metallургов, 25. Изначально проект жилого здания для был разработан архитектором Мастерской № 2 Горстройпроекта Л.Б. Катком (1904–1970) в 1934 г. В 1938 г. проект в перерабатывается Н.А. Бровкиным. Изменения коснулись планировки квартир и изменения фасадных решений. Здание сдано в эксплуатацию в 1941 г. Архитектура здания является примером отхода от постконструктивизма в сторону неоклассики. Отличается от своих предшественников более четкой прорисовкой элементов фасада, хотя некоторые детали еще напоминают о приемах конструктивизма: ленточные балконы верхнего этажа, высокие парапеты, вертикальное остекление лестничных клеток. Строение представляет собой незамкнутую экспозицию из четырех объемов. Обращенный к проспекту фасад имеет повышенный центр — семь этажей, остальные объемы шестиэтажные. Центром композиции служит прямоугольный двор-сад, открытый с одной стороны, имеющий пропорции, близкие к квадрату. Дворовые фасады решены теми же средствами, что и фасады внешние. Сквер, разбитый во дворе, зелень деревьев в сочетании со светлым тоном штукатурки дворовых фасадов, на которых ритмично расположены балконы, создают приятный контраст с оживленной и шумной улицей. Открытая сторона двора обращена на тихий внутриквартальный проезд и противоположна направлению господствующих ветров, защищая здание от «выдувания».

Постконструктивистское оформление использовалось не только при строительстве зданий. В 1934 г. ведутся активные работы по благоустройству ул. Тоннельной, дороги от автомобильно-пешеходного тоннеля под КМК до Верхней колонии (поселка для ИТР и иностранных специалистов). Мощные ступенчатые парапеты Тоннельной улицы, отделанные тесаным бутовым камнем, соединили жилой массив с парадным порталом тоннеля, который к концу 1930-х гг. был решен в античном стиле. В самом тоннеле в 1934 г. производится отделка стен мраморной крошкой. Все это, по замечанию А.Н. Селивановой, действовало в общей логике: «Требовалось, чтобы цвет и фактура постконструктивистского сооружения были утрированно материальными, а значит земными и органическими. Облицовка натуральным

камнем или добавление каменной, мраморной, гранитной крошки в смеси придавали зданию вид выросшего из земли» [Селиванова, 2020, с. 261]. И действительно, многие из постконструктивистских зданий Новокузнецка отличала «натуралистичность» цвета, в отличие от выкрашенных в теплые тона неоклассических зданий 1940–1950-х гг.

Формирование городской инфраструктуры в 1930-е гг. добавляло еще один уверенный штрих к формирующейся патетике. Архитектура ощутила на себе непосредственный заказ со стороны масс трудящихся на оформление города с включением в общественные пространства скульптур и фонтанов, оформляющих скверы и сады города. Наряду с этим, можно говорить и об обращении архитекторов к «человечности» в буквальном понимании. Городская пресса с середины 1930-х гг. активно освещает работу художников и скульпторов Сталинска. Архитекторы активно обращаются к использованию барельефов (Дворец культуры металлургов, здание заводоуправления комбината). К 1936 г. заканчивается благоустройство сквера металлургов (между дворцом культуры и кинотеатром «Коммунар»). Над оформлением парковой зоны работала интернациональная бригада: Г. Коссель (автор проекта планировки, 1935 г.), скульпторы А.Г. Гамулин (фонтан «Бурильщики», 1936 г.), В. Ламмерт и А.И. Сузиков (скульптуры сталеваров перед центральным входом в парк, 1936 г.). О необходимости связи монументальных архитектурных форм и скульптуры с природой (в духе соцреализма) пишет в 1939 г. главный архитектор города В.П. Громов: «Принципы современного проекта города Сталинска — это принципы социалистического реализма. Город должен и будет выражать идею того общества, ради которого он создается. Его здания должны быть высоко художественными по своей архитектуре, эмоционально насыщенной, монументальной, связанной во всех деталях с окружающей природой» [Громов, 1939, с. 75].

Трансформацию доминирующего архитектурного стиля в середине 1930-х гг. иллюстрирует и здание гостиницы, построенное на Верхней колони. За основу принят проект гостиницы 1932 г. для Нижнего Тагила, подготовленный уже упомянутым выше Б.В. Данчиным (проектировавшим в 1930 г. для Кузнецкстроя здание ФЗУ) и архитекторами Ушаковым и Болотиным [Ежегодник общества архитекторов-художников, 1935, с. 47]. Исходный проект был доработан Сибирским отделением Стандартгорпроект в 1932 г. — этажность центральной двухэтажной части гостиницы, соединяющей два симметричных четырехэтажных корпуса, была увеличена до пяти этажей [ГАРФ, Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7878.

Л. 22]. Первая очередь гостиницы (4-этажное крыло и одноэтажный корпус) сдана в эксплуатацию в 1934 г. — 4 сентября в гостиницу заселились первые жильцы. Полностью здание достроено в 1936 г., но левое крыло (1934) оставалось «конструктивистским», а правое (1936) сразу же обрело неглубокий руст, штукатурные оконные наличники и выполненную в строгих геометрических формах балюстраду на крыше. Перед центральным и правым входом разместились железобетонные вазоны. Скульптурную отделку здания в 1935–1936 гг. проводила скульптурная мастерская г. Сталинска (при участии известного сибирского скульптора А.Г. Гамулина). Помимо гостиничных номеров в здании работали клуб, сберкасса, ресторан, магазин и парикмахерская. В конце 1930-х гг. левое крыло еще не оформленное «неоклассически», в отличие центральной и правой части, еще тяготело к конструктивистской архитектуре. Послевоенная реконструкция гостиницы унифицировала фасад, сделав здание одним из примеров неоклассического переустройства.

Продолжая, отметим, что во второй половине 1930-х гг. трансформируются конструктивистские фасады и других выстроенных в начале десятилетия зданий, которые «переодеваются» под классику. Фасад кинотеатра «Коммунар» украсили выступающие карнизы, по уровню второго этажа был проложен кессонированный пояс с прямоугольным членением. Лицевая стена объема лестничной клетки была покрыта ромбовидным декором, оформлен парадный вход. В 1936 г. часть здания фабрично-заводского училища выделяется под Театр юного зрителя. Фасад ФЗУ, заполнив новую входную группу, приобретает сдержанный неоклассический вид. К 1936 г. здание заводоуправления КМК на площади Побед дополняется пластическим оформлением — пилястры, подоконные филленки, руст, центральный прямоугольный аттик стал ступенчатым, а простеночные пилястры завершались барельефами. Таким образом, постконструктивизм становится «универсальным лекарством, способным, в отличие от авангарда и футуризма, нивелировать социальный дисбаланс на уровне массовой культуры, погрузив потребителя в комфортную среду, полную приятных глаз аллюзий с классическим или национальным наследием» [Селиванова, 2020, с. 102].

На подступах к утверждению генерального плана города намечались пути исправления и более радикальных «ошибок» начала 1930-х гг.: «При дальнейшей разработке эскизного проекта застройки 1934 г. считать необходимым проработать промежуточный вариант с тем, чтобы проверить приемлемость перенесения магистралей к югу, а

также возможность хирургического вмешательства в отношении срезки части домов и передвижки некоторых фундаментов» [ГАРФ, Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7880. Л. 1].

Нереализованной в довоенный период постконструктивистской постройкой можно считать здание универмага на ул. Кирова, 20 (Новосибирское отделение Горстройпроекта, 1935 г.). Активное строительство начинается в 1938 г. К началу Великой Отечественной войны универмаг не был достроен. К строительству возвращаются в начале 1950-х. Достройка осуществлялась по чертежам Горпроекта и проектного отдела КМК (арх. П.И. Отурин) [НФ ГАКО, Р-253. Оп. 1. Д. 101. Л. 557–559]. Простые по меркам сталинской послевоенной архитектуры постконструктивистские фасады достроенного к 1956 г. здания были усложнены большим количеством лепных украшений с использованием советской символики.

Советские города-новостройки после промышленного рывка первой пятилетки нуждались в освоении новой территории. Применительно к Сталинску (в котором по словам первого директора комбината решено было на рубеже 1920–1930-х гг. «прежде всего строить промышленные цехи и не в ущерб им — жилище» [Франкфурт, 1935, с. 158]), с начала 1930-х остро встает вопрос о расширении городской черты. Формирующий центр города был очень компактен и окружен болотами. В рамках обсуждения проекта генплана города посчитали целесообразным освоение для селитьбы территорий по берегам рек в отдалении от комбината. Развитие транспортной системы в городе также требовало организации городских магистралей и широких парадных проспектов, предусмотренных проектируемым генпланом.

Первоначально весь общественный и жилой центр тяготел к заводу и концентрировался близ площади Побед перед КМК (выстроенные рядом здания драмтеатра, ФЗУ, ВТУЗА'а, детского дома культуры, первых 10 каменных домов). К 1932 г. наблюдается отказ от производственной доминанты. «Город при заводе» с центральной площадью Побед перед заводоуправлением уступает место административного и общественного центра формирующейся Центральной площади. И.С. Гуревич (разработчик первого генплана города) ставил перед собой задачу: «дать общую схему города, выражающую во всей своей структуре идею концентрированного города и концентрированного комбината в их взаимодействии». Показательно то, что исправляя ошибки конца 1920-х гг. поселок Верхняя колония, расположенный в непосредственной близости к комбинату к 1935 г. признают аварийным, с допущением возведения здесь ка-

питальных зданий лишь после того, как будут найдены способы «улавливания заводских аэрозолей» [ГАРФ, Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7882. Л. 80].

Тогда же наблюдается постепенное угасание Верхней колонии как «элитного» района. Инженеры, партийные деятели, чиновники (что подтверждается газетными объявлениями той поры по поиску домработниц и репетиторов, утерянных дорогих вещей или продажи богатой мебельной обстановки) перебираются в новый, формируемый центр на ул. Кирова, в новые постконструктивистские дома. Здесь стоит подчеркнуть кардинальные изменения культуры потребления советских граждан, которые нашли отражение и в специфической организации интерьеров и экстерьеров возводимых зданий (с явно подчеркнутой монументальностью торговых залов, просторных помещений ресторанов и кондитерских). Визуально подтверждается это и художественным оформлением объявлений магазинов и заведений общепита, которым с середины 1930-х гг. отводится значительное место в городской газете. Визуальная сторона подобных трансформаций ярко прослеживается и в фотографиях того времени — на смену аскетизму и аккуратности начала 1930-х гг. приходят богатое убранство магазинов, кафе и театров. Новые для советского гражданина практики досуга с западными танцами и *театром джазом* легитимизируются органами печати, призывающими отказаться от «пошлости нарочитого аскетизма, еще так недавно считавшуюся хорошим советским тоном». На смену бытовым лишениям первой пятилетки приходит достаток и комфорт «сталинского неонэпа» [см.: Роговин, 1995]. Вместе с отказом от авангарда в архитектуре, советское правительство порывает и с социальными экспериментами. Поддержка института семьи находит свое отражение в многочисленных постановлениях горсовета по выплате пособий многодетным матерям, дублируя списки в городской прессе. После запрета в 1936 г. абортотворения, разворачиваются показательные процессы над «абортмахершами», организаторами «подпольных абортариев» и неплательщиками алиментов.

Публикации второй половины 1930-х гг., посвященные архитектуре и строительству в городе, акцентируют внимание на удобстве и комфорте новых жилых зданий. «В каждой квартире есть передняя, кухня, ванная, уборная, встроенные шкафы. Но это не предел удобств, комфортабельности. Во вновь строящихся жилых зданиях будет еще целый ряд улучшений. В достраиваемом доме № 9/22... оборудован, например, мусоропровод. Дом № 20 ... будет иметь лестничные клетки с подъем-

ными лифтами» [Громов, 1939, с. 76].

Спокойная и комфортная повседневность требовала и соответствующей организации городского пространства. Начинается попытка реализации, задуманного еще Э. Маем «дисперсного расселения», но с несколько иных позиций. «Нас томит жажда больших пространств» — пишет в 1934 г. М.Я. Гинзбург [Гинзбург, 1934, с. 9]. В связи с этим в рамках реализации генплана 1936 г. было решено значительно расширить селитебную территорию, осваивая новые районы, выходя к рекам: «5. Расположение Центрального парка культуры и отдыха наметить при впадении р. Кондомы в р. Томь. 6. На территории Мохового болота предусмотреть озеленение с последующей организацией на этой территории городского парка» [ГАРФ, Ф. 5446. Оп. 18. Д. 132].

Выводы. К особенностям становления и развития советской архитектуры переходного периода 1930-х гг., как отмечает ряд исследователей, стоит отнести, с одной стороны, комплексную реконструкцию устройства архитектурного сообщества путем включения в данный процесс архитектурно-партийной элиты, с другой стороны, творческие поиски архитекторов-конструктивистов, которых в классическом наследии интересовала скорее пропорциональная и ритмическая системы, нежели архетипические элементы.

Рассмотрев историю строительства Новокузнецка в 1930-е гг. отметим выявленные локальные (но во многом вписывающиеся в общий контекст) особенности становления и развития архитектуры постконструктивизма:

1. отказ от концепта Первой пятилетки «город при заводе» и реализация идеи «концентрированного города и концентрированного комбината в их взаимодействии»;

2. необходимость расширения селитебной территории, продиктованная ростом численности городского населения;

3. трансформация и конструирование нового образа жизни. «Сталинский неонэп» предопределил высокие ожидания городского населения по поводу удобства и комфорта новых зданий, формировал новую культуру потребления и практики досуга;

4. в Новокузнецке во второй половине 1930-х гг. работали исключительно молодые архитекторы, профессиональное становление которых пришлось на время отказа от авангардистских тенденций и обращения к «освоению классики»;

5. социальный заказ, как со стороны власти, так и со стороны широких масс трудящихся на высокохудожественную, эмоционально насыщенную и монументальную архитектуру.

Список литературы

1. Балеевский Б.А. «Двоечник»: Из архива архитектора Б. А. Балеевского // Кузнецкий рабочий. — 2008. — № 112. — С. 2.
2. Букалова Л.М. Смолицкий А.С. План Сталинска // Архитектура СССР. — 1936. — № 1. — С. 42–43.
3. Веснин А.А., Веснин Л.А. Проект планировки города Кузнецка // Современная архитектура. — 1930. — № 3. — С. 7–8.
4. Гинзбург М.Я. Проблема интерьера // Архитектура СССР. — 1934. — № 7. — С. 9.
5. Голосов И.А. Творческие отчеты // Архитектура СССР. — 1935. — № 4. — С. 49–51.
6. Громов В.П. Социалистический город Сталинск // Сибирские огни. — 1939. — № 4. — С. 75–76.
7. Духанов С.С. Влияние региональных условий на проекты соцгородов Западной Сибири // Архитектон: известия вузов. — 2016. — № 2(54). С. 45–68.
8. Ежегодник общества архитекторов–художников. — 1935. — Вып. 14. — 272 с.
9. Кобышева Е.В. Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток. Документы и материалы. М., 2018 М.: БУКСМАРТ, 2017. — 360 с.
10. Кусаков В. Центральная площадь, Дом Советов и гостиница в Сталинске // Архитектура СССР. — 1935. — № 3. — С. 35–36.
11. Лизогуб П.П. Формирование территории города Новокузнецка и его районирование // Кузнецкая старина. — Новокузнецк, 2008. — Вып. 10. — С. 106–144.
12. Лизогуб П.П. Немцы в городе: «немецкий след» в архитектуре Новокузнецка 1930-х годов // Наш город Новокузнецк. — 2017. — № 1. — С. 46–53.
13. Работы архитектурных мастерских Моссовета за 1934 г. Т. 2. — М., 1936. — 396 с.
14. Рабочий счет архитектору // Архитектура СССР. — 1934. — № 12. — С. 16–17.
15. Роговин В.З. Сталинский неонэп (1934–1936 годы). М., 1995.
16. Светличный Б.Е. Отурин П.И. Сталинск. — М.: Госстройиздат, 1958. — 30 с.
17. Светличный Б.Е. Габелко Н.К. Сталинск. М.: Гос. Изд-во лит. по стр-ву и архитектуре, 1954. — 80 с.
18. Селиванов А.Н. Постконструктивизм. Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР. — 2-е изд. — М.: БуксМАрт, 2020. — 320 с.
19. Франкфурт С. М. Рождение стали и человека. М.: Издательство Старый большевик, 1935. 267 с.
20. Хренов И.П. От Кузнецкстроя к Кузнецкому металлургическому гиганту. — М.; Л.: ОГИЗ; Московский рабочий, 1931. — 63 с.

References

1. Baleevskii B.A. "Dvoechnik": Iz arkhiva arkhitekтора B. Baleevskogo ["Losers": From the archive of the architect B. A. Baleevsky]. Kuznetskii rabochii. 2008. No 112. P. 2. (In Russ.).
2. Bukalova L.M., Smolitskii A.S. Plan Stalinska [City plan of Stalinsk]. Arkhitektura SSSR. 1936. No 1. Pp. 42–43. (In Russ.).
3. Dukhanov S.S. Vliyanie regional'nykh uslovii na proekty sotsgorodov Zapadnoi Sibiri [Influence of regional conditions on projects of social cities of Western Siberia]. Arkhitekton: izvestiya vuzov. 2016. No 2 (54). Pp. 45–68. (In Russ.).
4. Ezhegodnik obshchestva arkhitektorov-khudozhnikov [Yearbook of the Society of Artists Architects]. 1935. Vol. 14. 272 p. (In Russ.).
5. Frankfurt S.M. Rozhdenie stali i cheloveka [The birth of steel and man]. Moscow: Izdatel'stvo Staryi bol'shevik, 1935. 267 p. (In Russ.).
6. Ginzburg M.Y. Problema inter'era [Interior problem]. Arkhitektura SSSP. 1934. No 7. P. 9. (In Russ.).
7. Golosov I.A. Tvorcheskie otchety [Creative reports]. Arkhitektura SSSR. 1935. No 4. Pp. 49–51. (In Russ.).
8. Gromov V.P. Sotsialisticheskii gorod Stalinsk [Socialist city of Stalinsk]. Sibirskie ogni. 1939. № 4. Pp.75–76. (In Russ.).
9. Khrenov I.P. Ot Kuznetskstroya k Kuznetskomu metallurgicheskomu gigantu [From Kuznetskstroy to the Kuznetsk metallurgical giant]. Moscow; L.: OGIZ; Moskovskii rabochii, 1931. 63 p. (In Russ.).
10. Konysheva E.V. Evropeiskie arkhitektory v sovetskom gradostroitel'stve epokhi pervykh pyatiletok. Dokumenty i materialy [European architects in the Soviet urban planning of the era of the first five-year plans. Documents and materials]. Moscow: BUKSMART, 2017. 360 p. (In Russ.).
11. Kusakov V. Tsentral'naya ploshchad', Dom Sovetov i gostinitsa v Stalinske [Central Square, the House of Soviets and the hotel in Stalinsk]. Arkhitektura SSSR. 1935. No 3. Pp. 35–36. (In Russ.).
12. Lizogub P.P. Formirovanie territorii goroda Novokuznetska i ego raionirovanie [Formation of the territory of the city of Novokuznetsk and its zoning]. Kuznetskaya starina. Novokuznetsk, 2008. Vol. 10. Pp. 106–144. (In Russ.).
13. Lizogub P.P. Nemtsy v gorode: "nemetskii sled" v arkhitekture Novokuznetska 1930-kh godov [Germans in the city: "German trace" in the architecture of Novokuznetsk in the 1930s]. Nash gorod Novokuznetsk. 2017. No 1. Pp. 46–53. (In Russ.).

14. Rabochii schet arkhitekтору [Working account for the architect]. Arkhitektura SSSR. 1934. No 12. Pp. 16–17. (In Russ.).
15. Raboty arkhitekturnykh masterskikh Mossoveta za 1934 g [Works of the architectural workshops of the Moscow City Council for 1934]. Vol. 2. M., 1936. 396 p. (In Russ.).
16. Rogovin V.Z. Stalinskii neonep (1934–1936 gody) [Stalin's neonep (1934–1936)]. Moscow, 1995. (In Russ.).
17. Selivanov A.N. Postkonstruktivizm. Vlast' i arkhitektura v 1930-e gody v SSSR [Postconstructivism. Power and architecture in the 1930s in the USSR]. Moscow: BuksMArt, 2020. 320 p. (In Russ.).
18. Svetlichnyi B.E. Oturin P.I. Stalinsk [Stalinsk]. Moscow: Gosstroizdat, 1958. — 30 s. (In Russ.).
19. Svetlichny B.E. Gabelko N.K. Stalinsk [Stalinsk]. Moscow, 1954. — 80 s. (In Russ.).
20. Vesnin A.A., Vesnin L.A. Proekt planirovki goroda Kuznetska [Planning project of the city of Kuznetsk] // Sovremennaya arkhitektura. 1930. No 3. — Pp. 7–8. (In Russ.).

Список источников

1. ГАРФ, Ф. 5446. Оп. 18. Д. 132.
2. ГАРФ, Ф. 5446. Оп. 18. Д. 132.
3. ГАРФ, Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7878. Л. 22.
4. ГАРФ, Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7878. Л. 65.
5. ГАРФ, Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7878. Л. 66.
6. ГАРФ, Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7880. Л. 1.
7. ГАРФ, Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7882. Л. 80.
8. НКМ, НФ-Д. Оп. 1. Р. 3. Д. 72. Л. 2.
9. НКМ, НФ-Д. Оп.1. Р. 6. Д. 18. Л. 191–192.
10. НФ ГАКО, Р-1, Оп. 1. Д. 67. Л. 56.
11. НФ ГАКО, Р-1. Оп. 1. Д. 66. Л. 77.
12. НФ ГАКО, Р-1. Оп. 1. Д. 67. Л. 122–123.
13. НФ ГАКО, Р-1. Оп. 1. Д. 67. Л. 55.
14. НФ ГАКО, Р-253. Оп. 1. Д. 101. Л. 557–559.
15. РГАЭ, Ф. 4372. Оп. 29. Д. 1070. Л. 130.
16. РГАЭ, Ф. 9028. Оп. 1. Д. 15. Л. 16.

Список сокращений

- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
- КМК — Кузнецкий металлургический комбинат
- НФ-Д — научно-документальный фонд
- НКМ — Новокузнецкий краеведческий музей
- НФ ГАКО — Государственное казенное учреждение Кемеровской области в городе Новокузнецке (Новокузнецкий филиал «Государственного архива Кемеровской области»)
- РГАЭ — Российский государственный архив экономики
- СМИ — Сибирский металлургический институт

Материал передан в редакцию 04.06.2021

DOI: 10.37909/978-5-89170-287-5-2021-1022
УДК: УДК: 725.826.053.2/791.83

К.А. Голодяев
МАУК «Музей Новосибирска»
Ул. Чаплыгина, 27, г. Новосибирск, Россия, 630099
golod62@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9520-7845>

Цирковые сооружения и их деятельность в городе Новосибирске с начала XX века до 1970-х годов

Аннотация

В исследовании рассматриваются некоторые вопросы истории проектирования и строительства цирковых зданий — от первых базарных балаганов в начале XX века до открытия ныне действующего «зимнего» цирка. Через весь ряд этих сооружений показано развитие циркового искусства, описаны наиболее интересные номера, выдающиеся артисты цирка, дававшие представления на этих аренах. Приведены примеры патриотических и благотворительных действий цирковых артистов в период Гражданской и Великой Отечественной войн. В работе рассмотрен цирковой фрагмент биографии инженера, автора первой планировки Новосибирска Ивана Ивановича Загривко-Загреева. Отмечено, что на нашем манеже выступали ведущие артисты цирка страны. Сделан вывод, что сегодняшнее расположение цирковой арены является пятой локацией подобных сооружений, а само здание, построенное по новейшим для своего времени технологиям, является одной из архитектурных достопримечательностей Новосибирска.

Ключевые слова: Новосибирск, шапито, цирк, цирковая борьба, инженер Загривко

K.A. Golodyaev
Museum of Novosibirsk
Chapligina st., 27, Novosibirsk, Russia, 630099
golod62@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9520-7845>

Circus structures and their activities in the city of Novosibirsk from the beginning of the twentieth century to the 1970s

Abstract

The study examines some issues of the history of the design and construction of circus buildings — from the first fair booths at the beginning of the 20th century to the opening of the current "winter" circus. Through the entire series of these structures, the development of circus art is shown, the most interesting numbers and outstanding circus performers who gave performances in these arenas are described. The examples of patriotic and charitable actions of circus artists during the Civil and World War II are given. The work considers a circus fragment of the biography of the engineer, the author of the first layout of Novosibirsk, Ivan Ivanovich Zagrivko-Zagreev. It was noted that the leading circus performers of the country performed at our arena. It was concluded that the current location of the circus arena is the fifth location of such structures, and the building itself, built using the latest technologies for its time, is one of the architectural sights of Novosibirsk.

Keywords: Novosibirsk, big top, circus, circus wrestling, engineer Zagrivko

Прошедший, 50-летний юбилей Новосибирского цирка, конечно, относится к самому зданию. Ведь первые сведения о представлениях циркового балагана в Ново-Николаевске относятся к концу 1899 года. Артисты давали свои представления на больших ярмарках в незамысловатой палатке, которую ставили на Базарной площади (ныне пл. Ленина). Документального подтверждения этому факту пока не найдено,

но вот стационарные каркасно-засыпные цирки у нас начали стали строить с 1904 года [Мельников, 2004, с. 25, 27]. Их открывали ранней весной, ближе к Масленице.

Это были круглые деревянные шатры с ареной в центре, парой рядов кресел вокруг, а далее ложи, и уж потом скамейки и галерка. Причем в цирк было два входа, один к креслам и ложам, а второй, по улиц-

ной лестнице сразу на галерку. Все цирки были частными и назывались по имени хозяина — Коромыслова, Изако, Ефимова, Панкратова, Стрепетова, Злобина, Юпатова и других. Публика очень охотно посещала представления, и долгое время на Кабинетской площади (также иногда называемой конной) располагались сразу два цирковых шатра Александра Коромыслова и Михаила Злобина — на углу улиц Кузнецкой и Алтайской (ныне Ленина и Урицкого) и на углу Алтайской и Барнаульской (ныне Щетинкина). В 1914 году популярности представлениям добавило и разрешение Городской Думы открыть при цирке Коромыслова буфет пивоварни Роберта Крюгера.

Зимой 1909 года цирк Герони и Карякина показывал в городе удивительные номера — «состоится конкуренция гнуть и ломать железо». Сами хозяева также участвовали в выступлениях. Например, Герони как музыкальный эксцентрик, рыжий клоун, а Карякин как борец «вне чемпионата».

В мае 1910 года семь представлений в городе дал знаменитый позднее «цирк зверей» Владимира Дурова. Исключительный номер его назывался «Железная дорога». В нём были заняты десятки разных животных, которые в афишах упоминались как «действующие морды». На манеже размещались «вокзал» и настоящий паровозик, клубящийся паром. Бульдог выполнял роль начальника станции, козёл в кассе продавал билеты. Пассажиры всех мастей — от пуделей до поросят — по ранжиру занимали вагоны первого, второго и третьего класса, а также грузовой. Гусь носил чемоданы, обезьяна была машинистом состава и т. д. Дежурная по станции утка звонила в колокол, поезд трогался по манежу. На буфер последнего вагона ожидаемо заскакивал безбилетный заяц. Публика бушевала от восторга. При этом, комментируя трюки животных, Дуров сыпал довольно двусмысленными шутками в отношении существующих порядков. Например, когда разгружали товарный вагон, шла реплика: «Горшок земли — это крестьянам, веревка — это рабочим, рваные штаны с пустыми вывороченными карманами — это министерству финансов» [Дмитриев, 2004, с. 207–220, 307–314].

Этот аттракцион ещё вернётся в наш город, через 68 лет, когда правнучка дрессировщика, народная артистка СССР Тереза Дурова на своих гастролях с помощью местных железнодорожников восстановит знаменитую «Дуровскую железную дорогу».

Традиционные были силовые упражнения с гирями. А в феврале 1911 года в рекламе цирка Коромыслова мы видим комика-шута Яцуг-Гарри, наездника-сальтоморталиста Г. Стракай, музыкальных эксцентриков маде-

музель Августину и Лакендрюшки. И — гвоздь программы! «Смертный номер воздухоплатателя, человека-аэроплана Фредом де Цириля» — сатанинский полет в мешке вниз головой с высоты 22 аршин глубиной в 1 аршин в огненный бассейн. «Невиданно ещё в Н.-Николаевске. Всюду фурор и успех» [Обский ветник, 1911]. В антрактах бесплатное катание детей на маленьких лошадках.

В центре манежа в опилках вырывали яму до метра глубиной, которая заполнялась водой. Далее начинался страх. Артист в чёрном траурном плаще, украшенном черепами, под звуки марша торжественно выходил на арену вместе со старым отцом. В абсолютной тишине снимается плащ, происходит искреннее прощание с отцом, и смельчак по веревке поднимается на площадку под куполом. В зале тягостно висит тишина. В яму на поверхность воды выливался керосин. В зале гасится свет, старый Цириль поджигает керосин. Артист завязывает себе глаза. Барабанный стук переходит в непрерывную дробь. Публика замирает. И тут гимнаст бросается вниз, по пути делая в воздухе сальто. Разлетаются огненные брызги. Загорается свет, оркестр играет туш. Ап! Публика неистовует.

Через 4 месяца Федор Разумовский, выступавший под псевдонимом Фред де Цириль, при исполнении этого трюка в Омске разбился, упав не в яму, а спиной на её край. Он повредил себе позвоночник и через несколько дней умер в больнице. Похоронен там же. В метрической книге Никольского казачьего собора, хранящаяся в областном омском архиве значится «1 июля 1911 г. умер и 4 июля погребен крестьянин черниговской губернии Федор Харитонович Разумовский двадцати одного года от роду» [Красный путь. 2016].

Огромную популярность на арене имели «мировые чемпионаты борьбы»: французской, турецкой, американской, японской. Это захватывающее, азартное зрелище как бы исходило из глубин народа. «В цирке шапито проводились представления артистов, среди которых своей силой и фигурой выделялись борцы. Для привлечения публики они переодевались в борцовскую одежду и с наградами на груди на разукрашенных тройках ездили по улицам Новониколаевска...» [Носов, 2012, с. 35].

Псевдонимы и иностранные фамилии участников чемпионатов тоже притягивали зрителей: Черная маска, Мартынов, Кристофор, Шнейдер, Бадер. Схватки длились до 20, 40 минут, а также «бессрочно, до результата».

Практиковалась на арене и дамская борьба. «Русско-швейцарская на поясах

Билеты в цирк стоили недешево, но «днём цены уменьшены». К тому практиковались различные акции «1 ребенок безплатно или 2 ребенка на 1 билет» (иногда такой вход предполагался для дам) и розыгрыши. Например, в 1908 году тот же Э.А. Стрепетов раздавал публике массу подарков: от денежных до лошади и коровы.

Во время войны с германцами, в 1915 году в цирке Изако давалось патриотическое представление «из современной европейской войны «Подвиг Козьмы Крючкова» казака, первым награждённым Георгиевским крестом. В 1916-м на Кабинетской площади решено было построить Соборный храм в честь Святителя и Чудотворца Николая и в память Второй Отечественной войны (как у нас называли 1-ю мировую). Уже собирались средства, разрабатывался проект, но начались революции.

Теперь помещения цирков пригодились для митингов и собраний. Оратор в центре, всем прекрасно видно. Но и цирк не собирался отступать. В 1919-м, в гражданскую, в город приезжает «первоклассный русский цирк В.А. Камухина». Прима-балерина столичной сцены «Вера Кельцева (Григорас) исполнит прошедший, как на сцене, так и созданный для экрана, нашумевший своим сюжетом «Умиравший лебедь». Аккомпанирует особый симфонический оркестр» [Военные ведомости. № 126. 1919].

Кроме танцев, наездниц и клоунов в программе международный чемпионат борьбы, в котором участвовали тогдашние знаменитости ковра: сибирский богатырь Д. Мартынов, волжский богатырь И. Заикин, А. Дмитриев, Г. Бауман, А. Кельцев.

Иван Михайлович Заикин также известен как один из первых авиаторов. Правда, случай вышел курьёзный. Заразившись небом и закончив во Франции авиакурсы, в 1910 году он участвовал в показательных полётах. Однажды пригласил полететь с собою писателя Александра Куприна, с которым был знаком ранее. Но полёт оказался неудачным, хотя сами атлет и писатель не пострадали. Заикин бросил летать и снова пошёл на борцовский ковёр.

Так вот на гастролях цирка Камухина в Ново-Николаевске тоже вспомнились карнавальные шествия артистов по городу. Но теперь они несли не рекламный, а благотворительный характер. Организатор и арбитр чемпионата борьбы Алексей Сергеевич Кельцев решил на День армии устроить костюмированное шествие для сбора пожертвований на её нужды: «от имени местного комитета, обращаюсь с просьбой к членам артистических союзов и всем артистам г. Новониколаевска. Всех, кто может, прошу спешно известить меня о желании участвовать в кавалькадах, в сборах, предоставить оседланных верховых

лошадей и т. п. для устройства гражданского кортежа, изображающего „Единую Нераздельную Русь“» [Военные ведомости. № 121. 1919]. Горожане услышали призыв. В шествии приняли участие члены «Международного Союза артистов цирка, члены Русского Театрального Общества, артисты театра „Гигант“, театра Махотина, цирка В. Д. Камухина, члены благотворительного общества и вообще сочувствующие граждане» [Военные ведомости. № 122. 1919].

«Новониколаевцам удастся увидеть бесплатно небывалое народное шествие в городе. Сегодня весь народ все граждане на добрый, чистый воздух, на доброе дело».

Стройные ряды военных, сверкающие на солнце русские богатыри верхом, театральные костюмы, забавный грим. Маршрут шествия был длинным: от часовни вниз по Николаевскому проспекту, потом вверх до цирка, Андреевская площадь и обратно на Николаевский. По движению действие сопровождалось сборами, «съестными шалашами». Щедро сыплются пожертвования обывателей. «Праздничное настроение царит до позднего вечера и шумным каскадом рассыпается на концерте-кабаре в залах реального училища» [Русская речь. 1919].

После окончания Гражданской войны площадь, где располагались цирки, была отдана под спортивную площадку Крайсовпрофа. В одном из них разместили первый спортклуб. Летом 1924 года на площади прошёл большой, Сибирский праздник физкультуры, в следующем году горсовет отдал спортсменам под строительство городского стадиона территорию бывшего воинского кладбища. Тоже некий такой цирковой кулбит: тренировались спортсмены на месте храма в честь воинов, а перепрыгнули на их могилы.

Циркачи переместились в сад «Альгамбра». В 1924 году здесь ставится «буржуазно-животный» номер «Живой труп» - в саркофаг (ящик с песком) на 20 минут закапывают живого человека, у которого ноздри и рот заткнуты ватой, а голова туго перевязана, с «правильной» сатирой выступают музыкальные клоуны Виталий Лазаренко и Бим-Бом (Комарро и Кольпетти), показывают силовые номера знаменитые атлеты «Четыре Бахмана». Здесь же проходят соревнования борцов. Самым популярным был, конечно, Ян Цыган. Был и еще один безусловный фаворит сибиряков Франк Гуд. «Чернокожий борец - особое событие для жителей сибирского города. Многие ходили в цирк специально для того, чтобы посмотреть на «настоящего» негра» [Мельников, 2004, с. 20].

В 1926 году на бывшей площади, по линии диагонально запроектированной улицы началось строительство Дворца Труда для краевого Совета профсоюзов. В середине октября

того же года Сибкрайсовпроф уже праздновал новоселье. Сегодня о цирковом прошлом здесь не напоминает ничего. Не осталось ни одной фотографии, разве что газетные объявления.

Но циркачи не сдавались. И хотя государственный цирковой трест (ЦУГЦ) был организован в стране ещё в 1923-м, в Сибири цирки по-прежнему были частными. В 1927 году Владислав Константинович Янушевский (атлет и акробат Кадыр-Гулям) строит новое здание цирка на Андреевской площади (ныне им. Кондратюка), где ранее проходили конные торги. Официально строительство курировала Сибкрайдеткомиссия, уже содержащая такие заведения как производственные мастерские, лото и казино. Цирк, рассчитанный на 2 000 зрителей, построенный по проекту художника-архитектора Носкова, называют амбициозно – «Паллас».

Здание было сдано «в аренду одной из трупп, находящейся сейчас в Златоусте. Эта труппа будет работать в Новосибирске в течение шести месяцев, начиная с 1-го мая» [Советская Сибирь. № 89. 1927]. Администратором был приглашён К. Кашинцев. 17 апреля стройка началась, а уже 10 мая цирк открылся. Через два дня газета «Советская Сибирь» даёт красочный отчёт об этом событии, после которого хочется стремглав бежать в цирк.

Представление начиналось полдевятого вечера, на практически началось гораздо ранее, ещё на площади. «Шпалерами выстроились мороженщики, папиросники, торговки семечками и прочими съестными припасами. Все это скучилось, сгрудилось, создавая впечатление тесноты, переполнения. Люди с воодушевлением терлись в этом импровизированном торговом ряду с полудня. <...> Кричали милиционеры. Хрипел контроль, надрывался администратор, <...> люди непрерывной лентой начали наполнять круглое деревянное здание. Загремел оркестр...» [Советская Сибирь. № 106. 1927]. Известно, что в первой программе были атлеты Андрошур, жонглер Базиль, джигитовка Туганова и полеты без сетки гимнастки Морозовой. Номера критику Гр. понравились, а вот работа клоуна Вилли — нет.

В этом же репортаже приводится замечательный тезис, который хочется вынести в эпиграф: «Цирк без толпы — не цирк. Толпа — это, так сказать, декорация цирка. Театр может быть наполовину пустым. Когда в театре тушат огни, каждый зритель уходит в себя. Каждый начинает переживать по-своему. В цирке должен гореть яркий свет. В цирке должно быть полно». Эта толпа перед входом в цирк кое-кого ударила по карманам. А у одного командира умельцы даже ухитрились срезать кобур вместе с наганом [Советская Сибирь. № 106. 1927].

Да и не все попадали в цирк чинно-благородно, через двери. Для мальчишек это вообще было не по-пацански.

Борис Петрович Вяткин, народный артист РСФСР: «... летом 1926 года мы перебрались в Новосибирск. Первый город в моей жизни. Все в нем было новое и необыкновенно интересное. Но самым интересным показалась мне наклеенная на тумбе огромная цирковая афиша. Увидев ее, я со всех ног пустился на поиски цирка. В центре города стояло круглое деревянное сооружение с высоким куполом. Рядом сбитые из фанеры, почти игрушечные будочки. Я быстро попытался заглянуть в главную дверь цирка, но усатый дядька в толстовке прогнал меня. Выход оставался только один забраться на крышу и в маленькое окошечко посмотреть: что же все-таки там внутри. Я сторал от любопытства, и оно оказалось сильнее страха сорваться с крыши. Через несколько минут я был в цирке. Точнее, не я целиком, а только моя голова с кепкой. Окно было маленьким, предназначалось для вентиляции, и плечи в него не пролезли. <...> Прошло с того дня сорок семь лет, а я до сих пор помню почти всю программу. Мне понравились очень смешные буффонадные клоуны (Жак и Мориц (Д.П. Демаш и Г.З. Мозель) — К.Г.). Удивил меня чревовещатель Бавицкий, который разговаривал со своим «партнером» куклой Андрюшей. Каждое слово их комического диалога вызывало раскаты смеха. Восхитили дрессированные лошади замечательного русского артиста Ивана Абрамовича Лерри, воздушные гимнасты Мария и Александр Ширай, работавшие на жестких качелях <...> Я решил, что непременно стану акробатом!...» [Вяткин, 1975, с. 9, 10].

Вадим Петрович Черкасов, охотовед, директор зоокомбината: «Мы проникали в цирк либо по пожарной лестнице, либо выпрашивали контрамарки. Артисты цирка иногда сами давали нам контрамарки. Хочешь работать — приходишь в цирк просишь у артистов работу. В основном за лошадьми ухаживали, потом они расплачивались контрамарки. Артисты цирка по приезду в Новосибирск снимали квартиры на улице Нерчинской. Запомнил первого русского укротителя тигров — Гладильщиков, его фамилия, у него был тигр Тимур. Все ребяташки сбегались посмотреть на этого тигра» [МН. Личный архив В.П. Черкасова].

Любовь Доминьяновна Малюшко, старший научный сотрудник института геологии: «Туда с нашего двора женщина пропускала — билетерша. И вот когда все усядутся: она нам значит приоткрывала, и мы как мышки туда пробирались и сидели, смотрели выступления. Мы все спектакли знали, знали все представления, как зовут по именам. Это у нас было наслаждение. <...> Самое интересное были борцы, такие большие дяди, которых можно было на войне использовать, а они только борьбой занимались» [МН. Личный архив Л.Д. Малюшко].

Гелий Михайлович Бастратов: «Ходили

бесплатно: пролазили под покрытие, поднимались по стойкам, вылезали на последней. Как правило, мы ходили на борьбу. Тогда борьба была в моде. Там, конечно, проигрывали и выигрывали по заданию, но мы верили, потому что все было сделано очень искусно. Интерес был очень большой. Там были и другие интересные представления. Был очень хороший клоун, приезжал постоянно, но помню, что его посадили... За что? Потому что он такую шутку сказал: «Весь Новосибирск сидит на одной картошке!» Якобы его за это посадили» [МН. Личный архив Г.М. Бастракова].

Также практиковали проникать в цирк в конце представления, после ухода билетёрши: «к этому времени все номера заканчивались и оставался только заключительный номер дрессированные животные, но мы и этому были страшно рады» [МН. Личный архив Г.М. Бастракова].

СовСибирь анонсировала скорый приезд чемпионата борцов, известных шутов народной сатиры, клоунов Тома и Сержа, Пата и Паташона, гастроли дрессировщика зверей Анатолия Дурова с 6 вагонами зверей и 25 лошадьми. Удивительно, но программа в цирке менялась чуть не ли каждый день. В Новосибирск устремились все - велофигуристы Каминские, жонглер Стефани, полеты «Красных дьяволят» (бр. Головины, номер «4 чёрта»), музыкальные сатирики Рим и Ром (Райский и Ковальский), морские капитаны, акробаты «Бено 7» и т. д. Кино пришлось подвинуться.

Но дела в «Палласе» не задалась. Уже 5 июля краевой отдел союза работников искусства санкционировал забастовку сотрудников «Палласа», которая продолжалась больше недели. «Он старый, прожженный антрепре-

нер. В последнее время Янишевский задолжался нескольким цирковым труппам» - писала Советская Сибирь [Советская Сибирь. № 152. 1927]. Дело получило резонанс по стране. Всесоюзный журнал «Рабис» сообщил: «Директор цирка антрепренер Янишевский не имеет возможности расплатиться со служащими. К организации дела Янишевский приступил без копейки денег, с большими долгами по зарплате в других городах. Всего Янишевский должен около 5 000 рублей. <...> За нарушение договора и невыплату зарплаты Янишевский союзом привлекается к судебной ответственности, дело, нужно полагать будет разобрано в самом срочном порядке». Это было уже второе уголовное дело на директора цирка. До этого он также привлекался «за нарушение договора» [Рабис. 1927].

11 июля В.К. Янишевский был арестован. В обвинение было поставлено то, что директор «принимал на службу не членов союза и не подчинялся требованиям месткома, который настаивал, что бы не члены союза были сняты с работы. Особая трудовая сессия приговорила Янишевского к лишению свободы на один месяц» [Советская Сибирь. № 174. 1927]. Великая сила профсоюза! Особая трудовая сессия...

Но цирк продолжать жить. Его филигранно «отжала» Сибдеткомиссия, и теперь он назывался «1-й Сибирский Госцирк» (ил. 3). А 26 июля в Госцирке во время исполнения номера «Обрыв», «рассчитанного на щекотание нервов <...> сорвался с трапеции полетчик Дмитрий Семенов. Он упал с 4-саженной высоты спиной на барьер. К счастью, по заключению врачей, Семенов отделался только растяжением спинных связок» [Советская Сибирь. № 170. 1927].

Ил. 3. 1-й Сибирский Госцирк [Музей Новосибирска].
Fig. 3. 1st Siberian State Circus [Novosibirsk Museum].

5 октября Госцирк закрыл сезон, а 1 февраля 1928 года здание цирка продали Сибгостеатру. Теперь цирковые программы стали разножанровыми – они включали и выступления артистов театра, балетной студии, эстрады, в здании стали проводиться и кинопоказы, вечера духовой музыки, постановки оперетты.

Журналисты бойко писали об ущербности тогдашнего циркового искусства, приравнивая его «к средневековым площадным комедиантам». Не нравилось влияние на советский цирк «заграницы», костюмы гимнастов с изображением черепа со скрещенными костями. «Не пугайте, товарищи, зрителя. Он приходит в цирк смеяться и радоваться. Меньше дешевых ужасов, больше жизнерадостности» [Вечерний Новосибирск. 2007].

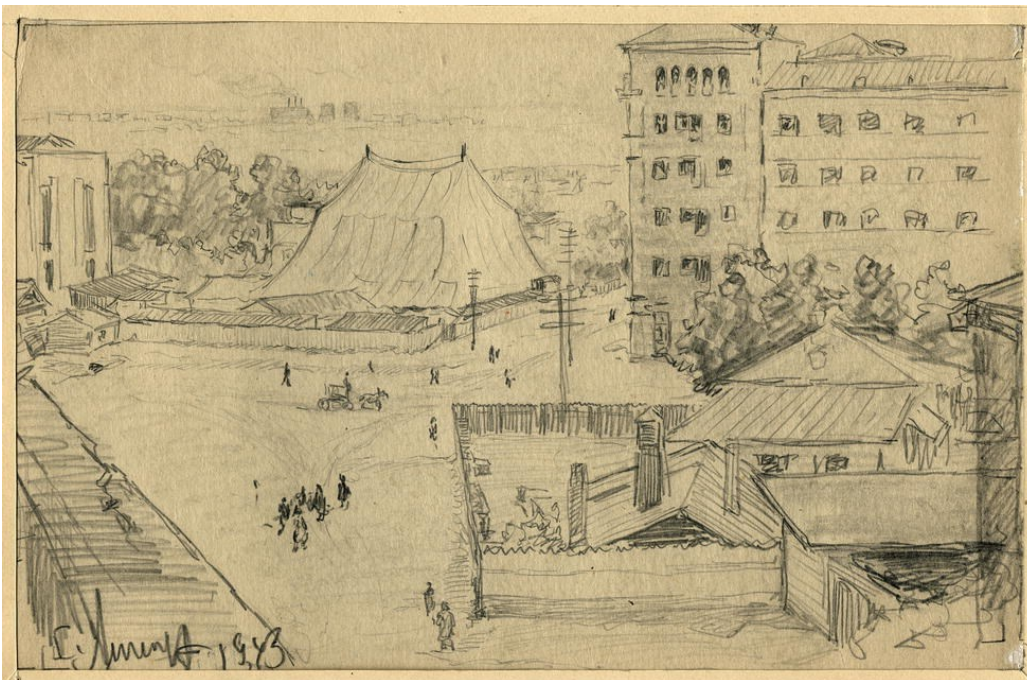
Но всё равно он оставался цирком — на манеже настроением заведовали клоуны, в антракте ребяташки по-прежнему могли прокатиться на цирковых лошадаках.

Раиса Александровна Бриллиантова, школьный учитель: «А на площади Кондратюка (тогда Андреевской) стоял деревянный цирк, построенный в 1927 году. Там горели яркие огни, гремела музыка, там было весело и интересно. Мы знали некоторых работников и артистов цирка, выступавших неизменно под звучными иностранными именами, потому что хозяева нашей усадьбы нередко сдавали им комнаты» [Бриллиантова, 1999, с. 94].

Зоя Фёдоровна Булгакова, актриса, заслуженная артистка РСФСР: «Сначала у меня была мечта стать цирковой артисткой. Я очень любила лошадей, считаю, что это самое лучшее животное – благородное, умное. Наверное, потому что папа содержал лошадь, а у лошади был жеребенок, с которым я играла. Когда я пришла в цирк и увидела наездницу, то у меня сразу возникла мысль: «О, я тоже хочу быть наездницей». <...> Все лето с циркачами я ездила по деревням, занималась гимнастикой и жонглировала тремя шарами. Это был 1932 год» [МН. Личный архив З.Ф. Булгаковой].

В 1931-м новая реорганизация. Совнарком республики ликвидирует хозрасчётный ЦУГЦ (управление госцирков) и учреждает ГОМЭЦ (гособъединение музыки, эстрады и цирка). Рядом, на Фрунзе, 10 находилась и контора Госцирка. 30 сентября 1936 года цирк закрыл сезон. Р. А. Бриллиантова пишет, что его деревянное здание просто сгорело.

Но цирк должен жить, и на смену деревянному приходит шاپито. Его установили за клубом Сталина (ныне ДК Революции) на месте засыпаемого Михайловского лога, по которому сегодня проходит проспект Димитрова. На площадке диаметром в 32 метра было собрано здание высотой в 18 метров, состоящее из деревянных и брезентовых конструкций, изготовленных на заводах Кинешмы (ил. 4).

Ил. 4. Цирк-шاپито на месте Михайловского лога [рис. Г. Ликмана].
Fig. 4. Circus tent at the site of the Mikhailovsky ravine [fig. G. Lickman].

1 июня новый цирк, рассчитанный на 1800 зрителей, был открыт большим представлением на 3 отделения. Дети до 15 лет

на вечерние сеансы не допускались. Уже 8 июня состоялись гастроли китайского народного аттракциона Сун-ю-сан. Потом были

канатоходцы под куполом Тарасовы, акробаты Альди (Пчельников и Серебряков), турнисты Круффи, воздушная гимнастка Пашина, жонглер Махлин, комик и дрессировщик Золло и мн. др.

Новый цирк критике нравился — «молодые кадры советских артистов цирка создают новые прекрасные жанры». Особенно был выделен номер с собаками-футболистами дрессировщика Карро. Они участвовали в сценах популярного кинофильма «Цирк» и восторженно узнавались новосибирской публикой. Также запомнилась труппа с названием «25 океанос», все артисты которой выступали одновременно в разных жанрах. Номер на подкидных досках вёлся «одновременно на пяти двусторонних трамплинах. С математической точностью рассчитаны все движения. В воздухе непрерывно мелькают гибкие тела, и кажется, что у людей этих, чувствующих себя в воздухе, как же твердо, как и на земле, за спиной невидимые крылья» [Советская Сибирь. 1937].

Цирк-шапито работал до 30 сентября и вновь открылся 22 мая 1938-го. В первой программе «Привет зрителю» принимали участие не только артисты, большой джаз-оркестр п/у А. В. Зурова, но и студенты недавно созданного техникума физкультуры.

Работал Госцирк и все военные годы. 22 июня 1941-го заканчивалась программа: два представления, матчи французской борьбы, со следующего дня планировалась её «полная перемена». На 13 июля планировался 1 тур всесоюзного смотра цирковой художественной самодеятельности. Вечером цирк двери не открыл. Но уже через день афиша цирка с продолжением матчей французской борьбы вновь появляется в газете. 1 июля под купол новосибирского цирка взлетели гимнасты Судаковы, начались цирковые представления. Правительство понимало, что населению необходима эмоциональная отдушина, снятие нервного напряжения. Поэтому все театры, кино, цирк продолжили свою работу, хотя, конечно, кардинально изменили репертуар на патриотический.

«Сегодня клоун должен выполнять миссию своеобразного циркового агитатора. Таким агитатором был в свое время Виталий Лазаренко. Это был талантливый и притом образованный человек. Он видел, что делалось в его стране в тот день, когда он выходил на арену цирка» [Советская Сибирь. 1942].

Артисты не только работали на манеже, но и были частыми гостями в госпиталях, воинских частях, проводили специальный представления с отчислением выручки в Фонд обороны, выступали во фронтовых бригадах Директор цирка Г. Бунин «внес на строительство боевых машин 1 900 рублей

наличными и 4 000 рублей облигациями госзаимов, вызвав последовать его примеру всех директоров зрелищных предприятий» [Советская Сибирь. 1943].

В 1943-м специально была написана пролог-интермедия «Сибирь боевая», включающая и дрессированных леопардов Александра, и коврового комика Боровикова и соревнования снайперов-виртуозов - Ринглера и Александрова, которые «покажут приемы мастерской стрельбы в цель». 22 июля, 16 и 23 сентября 1944-го госцирк провел «большое представление-концерт в фонд помощи семьям фронтовиков».

Мельников Евгений Иванович, журналист: «Тогда, по старой цирковой традиции, представление состояло из трех отделений, разделенных двумя антрактами. Шпрыхсталмейстером — сейчас их именуют инспекторами манежа — был представительный, чернофрачный Сим Ильич Розенталь. А клоуном моего детства был Георгий Карантонис. <...> Когда заканчивался первый антракт, третий звонок собирал зрителей, луч прожектора высвечивал оркестр и тогдашний дирижер оркестра Георгий Габескерия (нынешний руководитель эстрадного оркестра Грузии, народный артист Грузии) с непривычным акцентом, единым, бесконечным, щемящим речитативом не пел, а как бы проговаривал: Сердцевоинахраняемая, Скоро ночь кончается. Засыпай, моя любимая. Пусть мечты сбываются!» [Мельников, 2004, с. 17].

Труппы, потерявшие свои базовые цирки на оккупированных территориях, активно работали в Сибири. Гастроли длились по нескольку месяцев. В Новосибирске работали мастера советского цирка — орденоносцы дрессировщик Владимир и Тереза Дуровы, дрессировщики Александр», Эмиль Кио с «Иллюзионным ревю», иллюзионистка Софья Марчесс, старейший клоун Лео Танти. «Интересен музыкальный фельетон «Живоглоттеатр» — о гитлеровских вралях и их незадачливых союзниках — румынах. Задорно поет Таити сатирические антифашистские куплеты на мотив известной песенки д'Артаньяна из кинофильма «Три мушкетера».

Тереза Васильевна Дурова: «После фронтовых бригад мы добирались на каких-то машинах до Новосибирска. Дядя Вова и папа с животными уже были здесь. Мы появились в Новосибирске. В этом шапито. Все жили мы на частных квартирах, никаких гостиниц не было. В это время здесь был в эвакуации Ленинградский театр драмы. Выступали они в нашем театре «Красный факел». И мы со всеми артистами встречались в столовой. Каждый ходил с баночками, с судочками, каштюрелечками. Вот я сейчас вспоминаю эту очередь. Кто в ней был! Я впервые увидела Черкасова, Симонова... Золотая очередь! Это

такие стояли актеры! Можно было с ума сойти! В то же время такие же знаменитые цирковые актеры стояли. И драматические. Это был цвет искусства. Голодали страшно, тяжело было ужасно, жутко было тяжело. <...>. Тяжело было, но прекрасно. Дружная семья была. Не давали друг другу умереть, делились куском хлеба. Сидели до поздна в цирке, не уходили. Кто-то что-то готовит. Можно поесть. Наварим картошки — такое целое ведро. Это было так вкусно. Я очень часто вспоминаю это время, Новосибирск, оно мне безумно нравится» [Мельников, 2004, с. 15, 17].

В 1944-м новосибирский цирк возглавил Даниил Кириллович Бабин. Вернувшийся после ранения, он не только до 1976 года стал «папой» для действующего цирка, но и добивался строительства нового, зимнего здания цирка, строил гостиницу работников цирка (Сибирская, 58).

В годы войны в Новосибирске выступал музыкально-эксцентрический ансамбль лилипутов под руководством М.С. Качуринер, в летнем театре сада Сталина и в здании театра «Красный факел» Ленинградский цирк на сцене (называемый также фронтовым). Более того, новосибирский цирк стал выходить за пределы города. В 1943-м у нас стали формироваться колхозно-совхозные цирковые бригады, куда приглашали молодых артистов всех жанров.

Это направление в 1950-м переродилось в дирекцию «Цирк на сцене», специально предназначенную для обслуживания сельского населения. Руководство организации в Новосибирске размещалось в дореволюционном доме на улице Советской, 11. Но не только сельскому зрителю посвящали свои выступления артисты. Они работали и на заводах, на строительных площадках. Например, сохранилась видеозапись, как летом 1956 года цирк давал представление на строительстве Новосибирской гидроэлектростанции. Воздушная гимнастка без страховки выступала на стреле подъемного крана.

В 1950-х шатры шапито устанавливались и в других районах города, например на базарной площади левобережья (ныне там дом по Котовского, 41). Популярен был и знаменитый аттракцион «Гонки по вертикальной стене». Для него тоже строился деревянный цилиндр с небольшим куполом. Зрители по внешней лестнице поднимались на верхний балкон-кольцо, а под ними по внутренней стороне этого цилиндра исполнял различные трюки один или несколько мотоциклистов с ассистентами-акробатами. Для мальчишек это опять же было чрезвычайно интересно.

Наверное, не будет большим преувеличением заявление, что в Новосибирске отметились все ведущие артисты цирка страны. К тому же наш манеж был одним из послед-

них практикующих популярные чемпионаты французской борьбы.

В 1949-м закрытие сезона было 21 сентября. В то время у нас гастролировал московский цирк и комик КАРАНД'АШ (Михаил Румянцев). Это было нечто и для зрителей и для артистов. Малоизвестный Никулин был только в начале своего артистического пути.

Юрий Владимирович Никулин: «С Дальнего Востока опять на транспортном самолете мы вылетели в Новосибирск. Летели долго и с приключениями. Сначала не выпускалось шасси у самолета. Мы сделали десять кругов над аэродромом, и только тогда шасси сработало. А тут выяснилось, что на аэродроме авария - нет света, и нас в темноте посадить не могут. Мы все заволновались. Через несколько часов премьеры (Михаил Николаевич вылетел на день раньше и провел полную репетицию с осветителями, униформистами, оркестром), а мы в воздухе. Из безвыходного положения нас выручил Карандаш, приехавший на аэродром встречать самолет. После консультации с начальником аэродрома он собрал все такси и автомашины, стоявшие около аэропорта, и выстроил их с включенными фарами вдоль посадочной полосы. После дополнительных шести кругов над аэродромом нашему самолету разрешили совершить посадку. Никто из шоферов денег от Михаила Николаевича не взял, но все они получили право приобрести вне очереди билеты в цирк. Премьера в Новосибирске началась без опоздания. Как и во всех городах, здесь нам сопутствовал успех» [Никулин, 1987, с. 261, 262].

Заключительное новосибирское представление под снегом стало уже хрестоматийным.

Ю.В. Никулин: «Закончили мы гастролы необычно. Накануне последнего дня работы ночью разразилась страшнейшая буря. Шквальный ветер разнес купол шапито в клочья. Приходим утром в цирк и видим - н без крыши. Слоем снега покрыты манеж, скамейки для зрителей. Утром дирекция объявила по городскому радио, что заключительный спектакль с участием Карандаша отменяется и билеты подлежат возврату. Мы только начали упаковывать багаж, как к Михаилу Николаевичу прибежал директор. Он умолял его выступить, потому что публика, требуя представления, отказывается сдавать билеты, купленные месяц назад. Карандаш согласился. Цирк без крыши. Шел хлопьями снег. Публика сидела в полушубках и валенках. В паузах выходил Карандаш... В этих условиях каждый номер встречался на "ура". Когда выступала М. Шадрина — "Человек — счетная машина" (она стояла посредине манежа в открытом платье), с первого ряда поднялась старушка, перелезла через барьер манежа, подошла к артистке и набросила на

ее плечи пуховый платок. Публика зааплодировала. Спектакль мы (с Михаилом Шуйдиным — К.Г.) должны были заканчивать клоунадой "Лейка". (В этой клоунаде мы обливаемся водой.) В антракте как бы в пространство я сказал с тоской: — А может быть, не будем давать "Лейку"? — Не надо обижать зрителя, — ответил Карандаш. — Будем работать как всегда. И мы обливались водой. Правда, перед началом клоунады по настоянию Карандаша мы выпили по сто граммов водки, чтобы не простудиться» [Никулин, 1987, с. 261, 262].

Выйдя на манеж под падающий снег, великий Карандаш своим неповторимым голосом мечтательно произнёс: Снежная фантазия!

Сергей Вахрушев, журналист: «Тогда пасть на представление оказалось нелегко. В кассах билеты были распроданы далеко наперед. После недолгих размышлений отправился в цирковую гостиницу и там узнал номер телефона, по которому можно связаться с клоунами. Звоню. Трубку поднял Юрий Никулин. Я представился, в ходе разговора упомянул: "Юрий Владимирович, у меня собрана серия анекдотов о вас. Хотелось бы подарить". В ответ услышал шуточное приглашение: "Немедленно следуйте ко мне в гостиницу со своими анекдотами. Жду". Я так и поступил. Через полчаса был в гостинице цирка. Вручил блокнот с записями и сказал: "Это вам от новосибирского военного журналиста" [Арсеньев. Все новости Новосибирской области].

Но это будет позже, спустя 30 лет. Также остался в памяти зрителей аттракцион армянского дрессировщика Степана Исаакяна «Храбрый Назар», проходивший летом 1959 года. Сибиряки увидели сказочных экзотичных животных: бегемотов, зебр, крокодилов, павлинов.

Простите за последующие длинные, сладосно-тягущие цитаты о нашем городе: «Вечерняя прохлада спускается на город. Цветочный аромат течет от садов и скверов. Но толпе людей, стоящей на углу проспекта Сталина и улицы Ленина, не до красот вечера. Попробуйте пройти мимо, и вас тотчас атакует: Лишнего билета нет? У всех одно желание: попасть на представление армянского циркового коллектива. У окошечка кассы табличка: "На сегодня все билеты проданы". Администраторскую осаждают, как крепость. А ведь все лето в городе играл театр оперетты! И Новосибирский драматический театр "Красный факел" закрыл сезон только в середине августа! И все-таки цирк каждый день переполнен! Невольно вспомнилась ставшая уже стереотипной фраза, с которой начинается почти каждая статья о цирке: "Цирковое искусство любимо народом". В статьях фраза эта выглядит привычно. А в

сутолке у входа в Новосибирский цирк ее глубокий правдивый смысл вдруг вновь стал зримо ощутим. Предоставим другим решать спорный вопрос о том, права ли дирекция Новосибирского цирка, продающая билеты за полмесяца вперед. Вряд ли стоит посвящать читателя и в наши "хождения по мукам" в поисках билета» [Советский цирк. 1959].

«Гаснет свет, лучи юпитеров играют на синем шелке кругового занавеса, скрывающего манеж от зрительного зала. С первыми тактами музыкального вступления синий занавес начинает медленно подниматься, открывая вид на манеж сквозь дымку тюля, на котором нарисован тропический пейзаж. Этот пейзаж как бы продолжает оазис на манеже. Бассейн с водой, пальмы, живые попугаи на их ветвях; оранжевая земля, имитирующая горячий песок; расхаживающие по этой земле венценосные журавли и длинноногие аисты — все это создает заманчивый фон будущего зрелища, настраивает на хороший лад. В тени камней — "храбрый" Назар, герой народных сказок Армении. Согретый лучами солнца, Назар (эту роль исполняет С. Исаакян) просыпается, потягивается, готовит завтрак, но его воруют журавли. Он садится удить рыбу — на крючок попадает крокодил. Хочет закурить, но подбегает антилопа и выхватывает папиросу у него изо рта. Назар хочет сесть на холм, но холм... уплывает из-под него. Еще одна попытка — холм земли (позже выясняется, что это бегемот) снова удаляется в сторону. Скажу сразу, что этот момент в аттракционе — высший класс дрессировки, лучшее достижение в аттракционе Исаакяна. Бегемот, накрытый попоной, не видя дрессировщика, великолепно выполняет заданную ему задачу» [Советский цирк. 1961].

«Исаакян ласков и мягок в обращении с четвероногими артистами; он как будто представляет зрителям своих друзей. И зрители запоминают каждое животное, делаются поклонником его "тантов"» [Советский цирк. 1959]. Журналисту газеты «Советская Сибирь» дрессировщик говорит: «Вот мои друзья. Видите, какие послушные, смиренные, а сколько пришло повозиться, чтобы подчинить зверей и птиц воле человека» [Советская Сибирь. 1959]

Тогда же у нас впервые с сольным выступлением появился на манеже 24-летний «грустный клоун», будущий народный артист Армянской ССР, легендарный Леонид Енгибаров.

Неоднократно приезжали к нам в шапито и зарубежные гастролеры, в частности китайские друзья. Особенно в «искусстве братского народа» сибиряков восхищали разнообразные номера акробатов и гимнастов. Автору удалось в детстве успеть посетить наш шапито и увидеть в нём знаменитого

комика Олега Попова. Помнится реальное ощущение циркового запаха, которым было пропитано всё: брезентовый шатер, деревянный скамьи, сам окружающий воздух. Это было ощущение сказки, зазеркалье.

Вопрос о необходимости строительства в городе большого каменного циркового здания встал на заседании Новосибирского городского совета ещё в июле 1930 года. «Опрос, проведённый на предприятиях, показал, что большинство рабочих Новосибирска считает наиболее целесообразным строить цирк за домом быв. Промбанка, на центральном базаре (ныне двор за мерией Новосибирска — К.Г.). Так проектировало и управление зрелищными предприятиями» (ил. 5).

Ил. 5. Проект цирка [Советская Сибирь. 1930].

Fig. 5. Circus project [Soviet Siberia. 1930]

Но из-за начавшегося рядом строительства ДНИК (театра оперы и балета) было предложено место существующего цирка на Андреевской площади, но там уже запланирована школьная площадка. Тогда место городского стадиона — тоже не принято. И вновь остановились на Андреевской площади — «места для детской площадки цирк не отнимет» [Советская Сибирь. 1930].

В 1937-м вопрос постройки «зимнего» здания снова ставился перед отделом по делам искусств. Далее, после окончания войны, в 1945-м объявлен, что «цирк «Шапито» работает последний сезон. Осенью на его месте начнется постройка постоянного цирка. Будет возведен деревянный купол высотой в 17 метров, оборудованы добавочные кольцевые фойе и подсобные помещения» [Советская Сибирь. 1945]. Наконец, в 1958 году был утвержден новый проект стационарного цирка — и вновь на Андреевской площади, на месте цирка «Паллас». Проект архитектора Г.П. Зильбермана был похож на здание нашего оперного театра и предусматривал зрительный зал на 2000 мест с безопорным куполом, широкое предманежное пространство для текущего реквизита и разминки артистов и т. д. (ил. 6). За зданием была запроектирована четырёхэтажная цирковая гостиница на 118 мест со сквером, цветниками, беседками и фонтаном. «Пройдёт не так много времени, и горожане полу-

чат ещё одно место отдыха — круглогодично работающий цирк» [Вечерний Новосибирск. 1958].

И гостиницу действительно построили, но к строительству самого цирка приступили лишь спустя семь лет и в другом месте. Помимо Андреевской варианты расположения было несколько: на площади Маркса в Кировском районе, на месте нынешнего ДК «Строитель» в Берёзовой роще, на месте Дома быта по Красному проспекту [Мельников, 2004, с. 36]. Но, в конце-концов, остановились на краю Туруханской рощи, на пересечении улиц Нарымской и Челюскинцев. В сентябре 1964-го было принято решение включить «в план 1965 года строительство зимнего цирка в г. Новосибирске на 2094 места сметной стоимостью 1 332 тыс. рубл.» [НГА. Ф. 33. Оп.1. Д. 1822. Л. 16]. Завершить строительство планировалось в 1967 году, потом срок перенесли на декабрь 1969-го [НГА. Ф. 131. Оп.1. Д. 498. Л. 60].

Это должно было быть здание с самым большим в городе зрительным залом. Первый в стране цирк такого рода. «Сложное по объёмно-планировочному и конструктивному решению здание» было спроектировано в Московском институте «Гипротейтр» архитекторами С.М. Гельфер, Г.В. Напреенко и конструктором В. Корниловым. Проект предусматривал возможность многофункционального использования: «как цирка, киноконцертного зала, зала массовых собраний, спортивных демонстраций, устройства выставок» [Баландин, 1986, с. 91]. Это было здание совершенно нового типа. Так, в начале 1930-х, по этому же принципу задумывался ДНИК (Дом науки и культуры), в результате ставший знаменитым оперным театром.

Ил. 6. Проект цирка [Вечерний Новосибирск. 1958].

Fig. 6. Circus project [Evening Novosibirsk. 1958].

Но главное, в цирке не было вершины — купола! Вместо него крыша здания венчалась не имеющим центра симметрии гиперболичес-

ским параболоидом. Технический прогресс шёл вперед, стали внедряться абсолютно новые технологии. Их здесь была масса. Это и вспарушенный свод, и нетрадиционная планировка зала, смещение манежа в сторону выхода артистов, сплошное стеклоограждение. Строительство вёл стройтрест № 30. При возведении круглого задания цирка впервые применялся уникальный башенный кран БТК 5/8, который передвигался вокруг стройки по циркульному подкрановому пути. Одна опора передвигалась по внутреннему рельсу, а две по внешнему.

Понижающийся к Ельцовке рельеф заставил поднять уровень на два метра. При строительстве и благоустройстве были снесены десятки домов частной постройки, расселены 146 семей [Мельников, 2004, с. 36]. Рядом был разбит большой сквер – Нарымский, который и сегодня является одним из любимых мест тихого отдыха горожан.

С самого начала строительства в нём символически отметились и «цирковые». В частности, директор цирка Бабин, его заместитель Шурупов и Народный артист Узбекской ССР Акрам Юсупов принимали участие в закладке первого бетонного блока в фундамент здания, под который по старинному обычаю была брошена горсть монет. Весь коллектив по завершению строительства участвовал в благоустройстве территории.

К сожалению, здание цирка (как в своё время и ДНЦ) не удалось сделать многофункциональным, но опыт работы был передан другим организациям, и вскоре (даже раньше нашего) такие же цирки были построены во многих городах СССР: Уфе, Куйбышеве, Донецке, Кривом Роге, Перми, Воронеже, Ворошиловграде, Харькове, Брянске, Череповце.

Государственная комиссия приняла здание с оценкой «отлично» [Вечерний Новосибирск. 1971] Первое представление 11 февраля 1971 года было посвящено строителям цирка, на котором коллективу был торжественно вручён символический ключ и большое деревянное панно, изображающее льва — царя зверей и любимца публики.

В первой программе приняли участие «Звездные канатоходцы» п/р Народного артиста СССР, Лауреата Государственной премии В. Волжанского, группа Тувинских артистов п/р Народного артиста СССР Оскал-Оол, джигиты «Иристон» п/р Народной артистки Северо-Осетинской АССР Дзерассы Тугановой, акробаты Канагины, комические жокеи Ю. Тамарин и А. Калугин, воздушные гимнасты п/р Николая Тарасова, клоун Валерий Мусин и др [Мельников, 2004, с. 37].

А на месте старого, доброго шапито в ноябре 1970-го был организован большой радиофицированный и освещённый каток «для

массового катания трудящихся и детей района». 15 июня 1975-го здесь открылся чехословацкий комплекс аттракционов «Луна-Парк» с необычными для того времени конкурсами и импортными призами (американские горки, жвачка «Pedro»), которые до сих пор отзываются в душах новосибирцев ностальгическими воспоминаниями.

Результатом исследования является констатация факта, что цирковая история Новосибирска, насчитывающая более 120 лет, исключительно богата легендарными представлениями русского и советского цирка, выступлениями почти всех отечественных мастеров данного искусства. Сегодняшнее расположение цирковой арены является пятой локацией подобных сооружений, а само здание, построенное по новейшим для своего времени технологиям, остается одним из любимых мест посещения жителей области и является одной из архитектурных достопримечательностей Новосибирска.

Список литературы:

1. Баландин С. Н. Новосибирск: История градостроительства 1945–1985 гг. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство. 1986. — 160 с.
2. Бриллиантова Р. А. Два тополя на Советской // Мой Новосибирск. Книга воспоминаний / Автор-составитель Т. Иванова. — Новосибирск: СО Детская литература, 1999. — С. 90–110
3. Вяткин Б.П. Жизнь клоуна. — Л.: Искусство, 1975. — 135 с.
4. Дмитриев Ю. А. Цирк в России: От истоков до 2000 года. — М.: РОССПЭН, 2004. — 653 с.
5. Мельников Е. И. А в цирке широкие двери... — Новосибирск: Сиб. горница. 2004. — 80 с.
6. Никулин Ю. В. Почти серьезно... 3-е изд., испр. и доп. — М.: Искусство. 1987. — 576 с.
7. Носов И. А. Физическая культура и спорт в Западной Сибири. Т. 1. (XVII в. По 1945 г.). — Новосибирск: [б. и.]. 2012. — 280 с.

References:

1. Balandin S.N. Novosibirsk: Istorija gradostroitel'stva 1945—1985 gg. [Novosibirsk: The History of Urban Development 1945-1985] Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 1986. 160 p. (in Russ.)
2. Brilliantova R.A. Dva topolja na Sovetskoy // Moj Novosibirsk. Kniga vospominanij / Avtor-sostavitel' T. Ivanova. [Two poplars on Sovetskaya] Novosibirsk: SO Detskaja literatura, 1999. pp. 90-110 (in Russ.)

3. Vjatkin B.P. Zhizn' klouna. [Clown life] L.: Iskusstvo, 1975. 135 p. (in Russ.)
4. Dmitriev Ju. A. Cirk v Rossii: Ot istokov do 2000 goda. [Circus in Russia: From the Beginnings to 2000]. M.: ROSSPJeN, 2004. 653 p. (in Russ.)
5. Mel'nikov E.I. A v cirke shirokie dveri... [And the circus has wide doors ...]. Novosibirsk: Sib. gornica. 2004. 80 p. (in Russ.)
6. Nikulin Ju.V. Pochti ser'ezno... [Almost seriously ...] 3-e izd., ispr. i dop. M.: Iskusstvo. 1987. 576 p. (in Russ.)
7. Nosov I.A. Fizicheskaja kul'tura i sport v Zapadnoj Sibiri. [Physical culture and sports in Western Siberia.] T. 1.(XVII v. Po 1945 g.). 2012. 280 p. (in Russ.)

Список источников:

1. Арсеньев. А. Новосибирскому цирку 50 лет: как согревали водкой Юрия Никулина. // Все новости Новосибирской области. Электронный ресурс. URL: <https://vn.ru/news-novosibirskomu-tsirku-50-let-kak-sogrevalysya-yuriy-nikulin> (дата обращения: 15.02.2021).
2. Биографический фонд Музея Новосибирска.
3. Вечерний Новосибирск. № 100. 27 июня 1958. С. 4.
4. Вечерний Новосибирск. № 12. 15 января 1971. С. 1.
5. Вечерний Новосибирск. № 82. 5 мая 2007. С. 7.
6. Военные ведомости. № 121. 3 мая 1919. С. 3.
7. Военные ведомости. № 122. 4 мая 1919. С. 4.
8. Военные ведомости. № 126. 9 мая 1919. С. 2.
9. Красное знамя (Томск). № 193. 20 августа 1970. С. 4.
10. Красный путь. (Омск). № 6. 17 февраля 2016. С. 17.
11. НГА. Ф. 33. Оп.1. Д. 1822. Л. 16.
12. НГА. Ф. 131. Оп. 1 Д. 498. Л. 60.

13. Обская жизнь. № 36. 14 февраля 1910. С. 1.
14. Обский вестник. № 111. 18 февраля 1911. С. 1.
15. Рабис. № 29. 2 августа 1927. С. 12.
16. Русская речь. № 91. 06 мая 1919. С. 3.
17. Сибирская жизнь. № 26. 02 февраля 1910. С. 1.
18. Советская Сибирь. № 154. 03 июля 1942. С. 4.
19. Советская Сибирь. № 26. 02 февраля 1943. С. 1.
20. Советская Сибирь. № 179 05 августа 1937. С. 4.
21. Советская Сибирь. № 193. 16 августа 1959. С. 4.
22. Советская Сибирь. № 102. 26 мая 1945. С. 1.
23. Советская Сибирь. № 106. 12 мая 1927. С. 4.
24. Советская Сибирь. № 106. 12 мая 1927. С. 4.
25. Советская Сибирь. № 152. 07 июля 1927. С. 4.
26. Советская Сибирь. № 169. 24 июля 1930. С. 4.
27. Советская Сибирь. № 170. 28 июля 1927. С. 4.
28. Советская Сибирь. № 174. 02 августа 1927. С. 4.
29. Советская Сибирь. № 89. 19 апреля 1927. С. 4.
30. Советский цирк. № 06. 1961 С. 15, 17.
31. Советский цирк. № 11. 1959. С. 10.

Список сокращений:

- ГАНО — Государственный архив Новосибирской области.
- НГА — Новосибирский городской архив
- МАУК — Муниципальное автономное учреждение культуры
- МН — Музей Новосибирска

Материал передан в редакцию 22.05.2021 г.

Сведения об авторах

Арбатский Валерий Петрович, кандидат архитектуры, профессор кафедры дизайна архитектурной среды Новосибирского государственного университета архитектуры дизайна искусств имени А.Д. Крячкова, Новосибирск

Аршакян Мариам Ашотовна, преподаватель кафедры теории архитектуры, реставрации и реконструкции историко-архитектурного наследия, изящных искусств и истории Национального университета архитектуры и строительства Армении, аспирант, Ереван, Армения.

Асалханова Екатерина Владимировна, кандидат искусствоведения, зав. отделением художественного отделения Усть-Ордынской детской школы искусств, п. Усть-Ордынский, Иркутская область, Россия

Атапин Иван Ильич, студент магистратуры Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Ведмидь Григорий Павлович, методист по научно-просветительской деятельности музея Мультимедийного исторического парка «Моя история», г. Сургут, Россия

Власова Вера Юрьевна, студент кафедры дизайна архитектурной среды Новосибирского государственного университета архитектуры дизайна искусств имени А.Д. Крячкова, Новосибирск

Гаспарян Мариетта Арташесовна, доктор архитектуры, профессор кафедры теории архитектуры, реставрации и реконструкции историко-архитектурного наследия, изящных искусств и истории Национального университета архитектуры и строительства Армении, Ереван

Груздева Евгения Александровна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры архитектуры Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, Новосибирск, Россия

Данилова Ксения Борисовна, магистрант кафедры архитектуры Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, Новосибирск, Россия

Заварзин Илья Александрович, магистрант кафедры градостроительства и ландшафтной архитектуры Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, Новосибирск, Россия

Загваздин Евгений Петрович, младший научный сотрудник группы этноархеологических исследований Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения РАН, Тобольск, Россия

Казусь Игорь Александрович, кандидат архитектуры, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства, Москва, Россия

Келина Ирина Сергеевна, заведующая отделом учета фондов музея Бердского историко-художественного музея, Бердск, Россия

Кертмеджян Давид Григорьевич, доктор архитектуры, профессор кафедры теории архитектуры, реставрации и реконструкции историко-архитектурного наследия, изящных искусств и истории Национального университета архитектуры и строительства Армении, Ереван

Киракосян Люба Владимировна, доктор архитектуры, профессор кафедры теории архитектуры, реставрации и реконструкции историко-архитектурного наследия, изящных искусств и истории Национального университета архитектуры и строительства Армении, Ереван

Люцидарская Анна Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела этнографии Института археологии, этнографии, антропологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Майничева Анна Юрьевна, доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

Наволоцкая Анна Валерьевна, кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектуры и реконструкции городской среды Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета (Сибстрин), Новосибирск, Россия.

Рублев Матвей Анатольевич, ассистент кафедры архитектурного проектирования зданий и сооружений Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета (Сибстрин), Новосибирск, Россия

Слободчиков Сергей Юрьевич, архитектор ООО «АКБ Гражданское проектирование», Красноярск, Россия.

Соколовский Иван Ростиславович, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора истории второй половины XVI — начала XX в. Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия

Сорокин Алексей Евгеньевич, старший научный сотрудник Новокузнецкого краеведческого музея, Новокузнецк, Россия

Харитонов Наиля Галимжановна, старший преподаватель кафедры базовых дисциплин Лесосибирского педагогического института — филиала Сибирского федерального университета, Лесосибирск, Россия.

Целищева Марина Александровна, историк Алтайской региональной краеведческой общественной организации «Наследие Алтая», Барнаул, Россия

Шабатовская Александра Владимировна, заведующая специализированным кабинетом социальных и гуманитарных наук Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Научное издание

Баландинские чтения:
сборник статей научных чтений памяти
Сергея Николаевича Баландина

Том XVI

Корректор А.Е. Гашенко
Вёрстка А.В. Любовниковой
Фото на обложке И.А. Бойченко